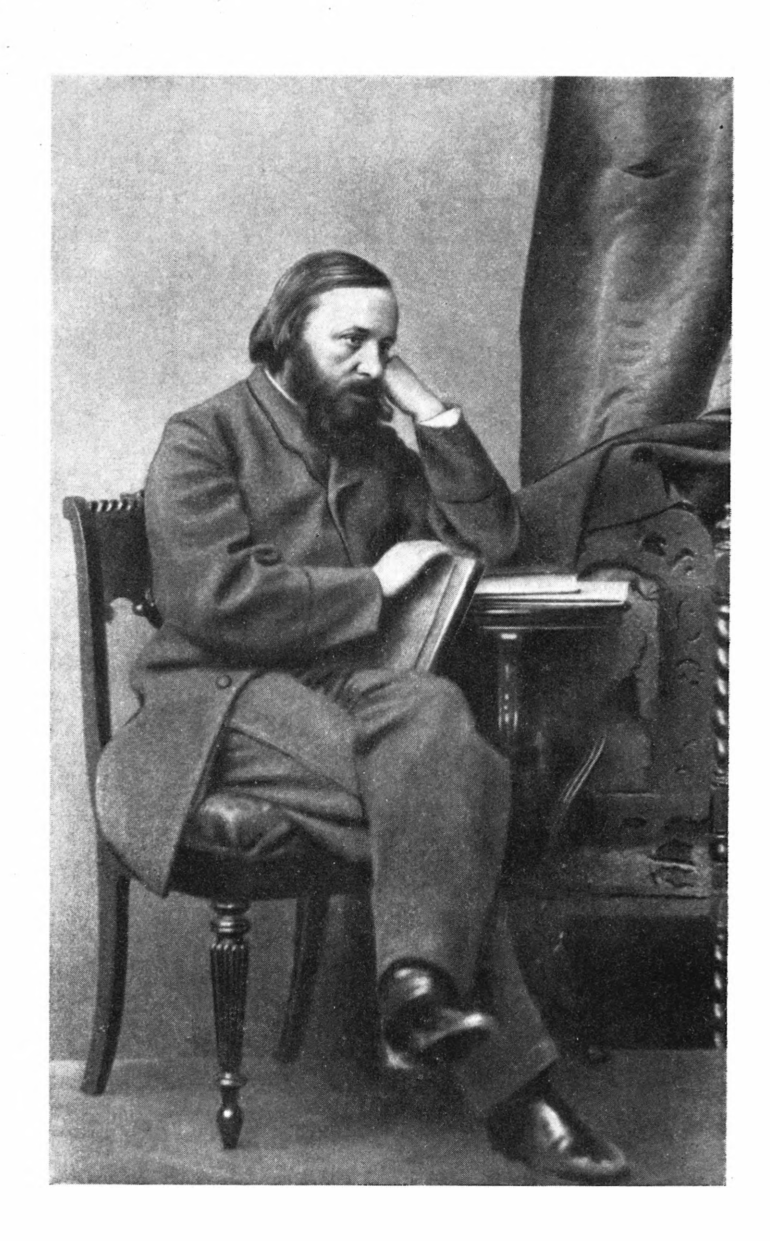

ВАСИЛИЙ
КУРОЧКИН
ВАСИЛИЙ
КУРОЧКИН

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ
СТАТЬИ
ФЕЛЬЕТОНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Подготовка текста,
вступительная статья и примечания

И. ЯМПОЛЬСКОГО

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

Облик Василия Курочкина как человека, поэта и журналиста теснейшим образом связан с 60-ми годами прошлого века. Крупный поэт, замечательный переводчик, редактор знаменитой «Искры», он играл весьма заметную роль в литературном и общественном движении этого времени.

В русской поэзии 60-х годов было два основных течения: так называемая «чистая поэзия» и противостоящее ей по своим политическим и эстетическим установкам некрасовское направление. Курочкин был одним из видных представителей возглавлявшегося Некрасовым поэтического направления.

1

Отец поэта был дворовым кн. В. А. Шаховской. Отпущенный «на волю» в 1813 году, когда ему уже шел тридцать второй год, С. И. Курочкин переехал из Нижегородской губернии в Петербург и поступил на государственную службу. Через девять лет, постепенно продвигаясь, он получил чин коллежского асессора, который давал тогда потомственное дворянство.

Василий Степанович Курочкин родился 28 июля 1831 года. Еще ребенком он лишился отца и воспитывался в доме своего отчима полковника Е. Т. Готовцова. Десяти лет Курочкина отдали в кадетский корпус, затем он перешел в другое военно-учебное заведение — Дворянский полк, и в 1849 году, по окончании курса, был выпущен прапорщиком в один из гренадерских полков.

Не чувствуя никакого влечения к военной карьере, Курочкин все же прослужил офицером гренадерского полка около четырех лет.

В 1853 году он вышел в отставку и определился канцелярским чиновником в Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Года два он получал по четырнадцать рублей в месяц, потом был переведен на должность помощника контролера, но в 1857 году навсегда бросил службу и занялся исключительно литературной работой.

Интерес к литературе возник у Курочкина еще в детстве: целые дни он проводил за чтением, а с десяти лет начал сочинять. В кадетском корпусе и Дворянском полку русскую словесность преподавал известный переводчик Иринарх Введенский — человек, близкий передовым общественным кругам 40-х годов. Он заметил у своего ученика литературные способности и помогал ему советами. Еще в годы учения в Дворянском полку Курочкин начал переводить Беранже. В эти же годы обнаружилась у него и склонность к сатире.

Первые выступления Курочкина в печати относятся к 1850—1851 годам. В журнале «Сын отечества» появились две его повести — «Незваное чувство» и «Жильцы маленького домика», стихотворение «Русская езда», перевод комедии Мюссе «Каприз», сделанный совместно со старшим братом Николаем — тоже поэтом. Затем Курочкин сотрудничал в журнале «Пантеон», переводя рассказы для отдела «Смесь». Испытывая острую нужду, он принужден был писать по заказу рыночных издателей. Курочкин писал также для театра. Некоторые его водевили («Сюрприз», «Между нами, господа!») шли на сцене. Водевиль «Вертящиеся столы», в котором была высмеяна начинавшая распространяться в русском обществе страсть к спиритизму, на сцену не попал.

Курочкин долго не мог найти свое настоящее призвание. Так, в начале 50-х годов он писал большой роман «Увлечение», который ему нигде не удалось пристроить. Как и бо́льшая часть первых опытов Курочкина, рукопись романа до нас не дошла.

В эти же годы Курочкин много работал над переводом «Мизантропа» Мольера, возлагая на него большие надежды, но он был напечатан лишь много лет спустя. Курочкин послал первый акт комедии в «Современник», присоединив несколько оригинальных стихотворений. В июне 1854 года три из этих стихотворений появились в «Литературном ералаше» «Современника» с несколькими сопроводительными словами о приславшем стихи молодом, подающем надежды поэте «г-не К—не».

В 1855 году по совету друзей Курочкин снова взялся за переводы из Беранже. С этих пор в его писательской судьбе насту-

пил явный перелом. Курочкин постепенно приобретал все более широкие литературные связи и стал систематически печататься в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества» А. В. Старчевского, «Отечественных записках», «Русском вестнике» и других периодических изданиях, выступая и как оригинальный поэт и — преимущественно — как переводчик. Один его перевод (из Мюссе) был помещен в «Современнике». В «Библиотеке для чтения» и «Сыне отечества» Курочкин печатал не только стихотворения, но и обзоры журналов, хронику иностранной литературы и жизни и пр. Избавиться от литературной поденщины он все еще не мог и выполнял самые разнообразные редакционные поручения. Так, однажды Старчевский поручил Курочкину написать статью в печатный лист о кокетстве.

В середине 50-х годов Курочкин выступает уже как вполне сложившийся и своеобразный поэт. «Несколько переводов его из Беранже, — читаем в воспоминаниях П. И. Пашино, — разом обратили на него внимание всего общества: они были до того рельефны и звучали таким естественным юмором, что сейчас же клались на ноты и распродавались в бесчисленном количестве экземпляров. Конечно, выгоды от продажи оставались в карманах спекуляторов и приносили самую ничтожную пользу переводчику». [1] В 1858 году Курочкин издал свои переводы из Беранже отдельной книгой, и с этих пор его имя приобрело широкую известность. Курочкин переводил своего любимого поэта в течение всей жизни и, неоднократно переиздавая книгу, каждый раз дополнял ее все новыми вещами.

Уже раннее творчество Курочкина характеризуется антикрепостническими настроениями и демократическими симпатиями. Достаточно указать, например, на резко антикрепостническое стихотворение «Рассказ няни», стихотворение «Ни в мать, ни в отца», где с большой теплотой говорится о стремлениях «молодого поколения», восстающего против традиций «отцов». В духе «натуральной школы» написана повесть Курочкина «Жильцы маленького домика»; она свидетельствует не только о наблюдательности, но и о гуманистических тенденциях ее автора, его заинтересованности судьбой маленьких, забитых людей. К середине 50-х годов относится стихотворение «Двуглавый орел», направленное против самодержавия как основного источника всех зол русской жизни. Оно не могло

---

[1] «Мои старые знакомые». — «С.-Петербургские ведомости», 1881, № 305.

быть, разумеется, напечатано в России и появилось в 1857 году в «Голосах из России» Герцена.

С конца 50-х годов жизнь и поэтическая деятельность Курочкина неразрывно связана с журналом «Искра», в котором его талант поэта-сатирика проявился с наибольшей силой и глубиной.

2

В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия возникает и получает политическое значение в России еженедельный журнал с карикатурами — плод тесного сотрудничества писателя и художника. Наиболее ярким и значительным из сатирических журналов этого периода и была «Искра».

Мысль об издании сатирического журнала возникла у Курочкина и художника-карикатуриста Н. А. Степанова еще в 1857 году. Они получили разрешение, но по причинам материального характера «Искра» начала выходить лишь с 1859 года. Потребность в хорошем сатирическом журнале была в те годы очень велика. Весьма показательно, что одновременно с «Искрой» начал свое существование и знаменитый «Свисток» — сатирическое приложение к «Современнику».

Человек молодой, веселый, общительный, Курочкин стал душою «Искры». Многие сотрудники с благодарностью вспоминали о нем впоследствии. Так, Л. И. Пальмин говорил одному своему знакомому, что «если его дарование... не заглохло смолоду в бесшабашной столичной богеме, а стало на твердый и прямой путь, которому и сумело остаться непоколебимо верным, — причиною тому литературно-гражданские уроки, полученные им от редактора «Искры», его, так сказать, завещание как публициста и поэта».[1]

Курочкин обладал незаурядными организаторскими способностями. Он «топил свой талант» в журнальной работе, — писал Н. К. Михайловский, — «здесь давал мысль, предоставляя выработку формы другим, там брал на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы определить, что именно принадлежало в «Искре» Курочкину и что другим. Он и создавал, и вербовал солдат, и сам исполнял невидную солдатскую работу... Он вполне отвечал своему собственному идеалу газетного человека... Газетным человеком он называл такого, который может схватить на лету какой-

---

[1] «Забытый смех». Сост. А. Амфитеатров. Сб. 1, М., ⟨1914⟩, стр. 68.

нибудь даже мелкий факт текущей жизни и придать ему известное общее, типическое освещение».[1]

Курочкину удалось привлечь к сотрудничеству в журнале целый ряд молодых талантливых поэтов, беллетристов и публицистов — преимущественно из лагеря революционной демократии или близких в то время к этому лагерю. В «Искре» принимали участие поэты Д. Д. Минаев, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, П. И. Вейнберг, Г. Н. Жулев, Н. Л. Ломан, Л. И. Пальмин, прозаики Ник. и Гл. Успенские, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, П. И. Якушкин, Н. Н. Златовратский, Н. И. Наумов, С. Н. Федоров, публицисты Г. З. Елисеев, М. М. Стопановский, Н. А. Демерт, И. И. Дмитриев и многие другие. По одному-два произведения напечатали в «Искре» Герцен, Добролюбов, Щедрин и Некрасов.

Следует, однако, подчеркнуть, что журнал держался не только профессиональными писателями. У него была целая сеть корреспондентов. В каждом городе были друзья-читатели, которые нередко становились сотрудниками и начинали информировать журнал о всевозможных злоупотреблениях и безобразиях. В те годы провинциальная печать была еще очень слабо развита, да к тому же имела почти исключительно официозный характер. Поэтому обильный провинциальный материал, печатавшийся в «Искре», имел большое общественное значение.

«Искра» сразу обратила на себя внимание читающей публики и вскоре приобрела огромную популярность. «В настоящее время нельзя себе представить, — писал через сорок лет П. И. Вейнберг, — как жадно набрасывалась публика на каждый номер «Искры», какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах».[2] Можно было бы привести ряд аналогичных свидетельств. Напомним лишь об одном колоритном эпизоде. В 1864 году известный московский артист С. В. Шумский гастролировал в Петербурге; шел между прочим и «Отрывок» Гоголя, в котором Шумский играл роль Собачкина. Собачкин, говоря с Марией Александровной о некоем Ермолае Ивановиче, сообщает ей, что жена Ермолая Ивановича лет пять тому назад «попала в историю». Шумский, желая произвести эффект, сказал вместо «попала в историю» — «попала в „Искру“».[3]

---

[1] «Записки профана». — «Отечественные записки», 1875, № 9, «Современное обозрение», стр. 90—91.

[2] «Безобразный поступок „Века“». — «Исторический вестник», 1900, № 5, стр. 476.

[3] М. ⟨Н. В. Михно⟩. Драматическая сцена. — «Русская сцена», 1864, № 8, стр. 150.

Не входя в оценку, насколько уместна была эта острота, отметим, что она могла быть произнесена только в расчете на широкую популярность «Искры». «Искру» читали буквально всюду. Так, одесский журналист М. Фрейденберг сообщает: «Здесь появление каждого нумера составляло крупное общественное событие. Содержание «Искры» комментировалось на разные лады и часто возбуждало нескончаемые споры». [1]

«Искра» принадлежала к числу тех немногих периодических изданий, которые боролись с основами самодержавно-бюрократического государства, эксплуататорского строя и отстаивали интересы широких народных масс. Из журналов того времени ей был наиболее близок «Современник» (и друзья и враги считали «Искру» своеобразным филиалом, спутником «Современника»), а затем, после прекращения «Современника», — «Отечественные записки», перешедшие в руки Некрасова.

Главным оружием «Искры» был смех. Этот смех внушал страх и трепет как людям, уже попавшим на ее страницы, так и тем, кто имел основание бояться этого. «„Искра“ сделалась грозой для всех, у кого была не чиста совесть, — вспоминал А. М. Скабичевский, — и попасть в «Искру», упечь в «Искру» — были самыми обыденными выражениями в жизни шестидесятых годов. Не было ни одного крупного или мелкого безобразия общественной или литературной жизни, которое не имело бы места на страницах «Искры», в игривых, полных необузданного остроумия куплетах, пародиях или в прозе, исполненной убийственных сарказмов». [2] «Попасть в «Искру», — писал он в другом месте, — было так же страшно, как и в „Колокол“». [3] О «Колоколе» упоминает в связи с «Искрой» и П. Д. Боборыкин. По его словам, она «играла в Петербурге как бы роль „Колокола“». [4] А Н. К. Михайловский назвал Курочкина — редактора «Искры» «председателем суда общественного мнения». [5] И действительно, обличения «Искры» затрагивали все области русской жизни, всю бюрократическую лестницу вплоть до правительственных верхов.

---

[1] О с а. Судьба юмористических журналов в Одессе. — «Южнорусский альманах», Одесса, 1900, стр. 69.

[2] «История новейшей русской литературы», СПб., 1891, стр. 492.

[3] «Литературные воспоминания», М. — Л., 1928, стр. 276.

[4] «За полвека», М. — Л., 1929, стр. 137.

[5] «Литературные воспоминания и современная смута», т. 1, 2-е изд., СПб., 1905, стр. 34.

Не мудрено, что многочисленные враги были у «Искры» среди министров, начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, действительных статских и тайных советников, крупных капиталистов, членов правления акционерных обществ, откупщиков и т. п., то есть в тех слоях, которые были объектом ее обличительных выступлений. Враждебные «Искре» газеты и журналы постоянно травили ее, причем некоторые статьи и заметки немногим отличались от доносов. Наконец, с первого же дня Курочкину приходилось работать в обстановке непрекращавшихся цензурных преследований, и сами искровцы поневоле должны были принуждать себя к сдержанности. «Иногда, — читаем в одном фельетоне, — когда мне хочется довести мое соображение до его последних (а по-моему и логических) результатов, я обмакиваю перо... но останавливаюсь; над ухом моим как будто слышится: э! братец! как ты хватил! А в сущности я очень хорошо знаю, что не только не перехватил, а весьма значительно недохватил, а все-таки остановишься и не напишешь».[1]

Сначала В. Курочкин редактировал «Искру» совместно со Степановым, а с 1865 года, когда Степанов начал издавать «Будильник», — один. Курочкин был не только редактором, но и одним из самых активных сотрудников журнала. В течение пятнадцати лет он печатал в нем все свои стихотворения, переводы, фельетоны, статьи, лишь изредка отдавая их в другие журналы демократического лагеря: «Век», «Современник», «Неделю» и — чаще — в «Отечественные записки» Некрасова.

В 1866 году Курочкин предпринял издание своих стихотворений, но выпустил лишь первый том, где были собраны его переводы. Кроме песен Беранже и «Мизантропа» Мольера, Курочкин перевел также ряд произведений Вольтера, Грессе, Виньи, Мюссе, Барбье, Надо, Гюго, Шиллера, Бернса и др. Однако многие из этих переводов относятся к более поздним годам и не попали поэтому ни в издание 1866 года, ни в двухтомное собрание стихотворений Курочкина, вышедшее в 1869 году. В него вошли также далеко не все оригинальные стихотворения Курочкина.

С самого начала 60-х годов Курочкин был тесно связан с революционными кругами и революционным движением.

В мае 1861 года Курочкин отправился за границу. Подробности этой поездки нам не известны, но кое о чем можно все же

---

[1] Пр. Преображенский ⟨Н. С. Курочкин⟩. Житейские выводы и измышления. — «Искра», 1864, № 6, стр. 96.

догадываться. Через несколько лет на вопрос следственной комиссии по делу Каракозова Курочкин ответил, что в 1861 году в течение трех месяцев жил в Германии, Франции, Англии и Швейцарии. Артур Бенни на допросе в III Отделении в 1863 году показал между прочим, что он познакомился с Курочкиным до своего возвращения в Россию — еще в Лондоне. Бенни вернулся в Россию летом 1861 года; незадолго до этого он и был как раз в Лондоне; тогда, следовательно, и состоялось их знакомство.

Отвечая следственной комиссии, Курочкин, разумеется, хотел убедить ее, что, находясь за границей, он никаких предосудительных знакомств не заводил и ни с кем в переписке не был. Однако, трудно себе представить, чтобы такой человек, как Курочкин, не использовал своего пребывания в Лондоне для того, чтобы повидать Герцена и Огарева. Это тем более невероятно, что он был как-то связан с «Колоколом» еще в конце 50-х годов. В пользу такого предположения говорит и самое знакомство с Бенни, близким к герценовскому окружению; естественнее всего предположить, что они познакомились именно у Герцена.

Следует отметить еще один существенный факт. В конце июня 1861 года в «Искре», под псевдонимом «Н. Огурчиков», появился фельетон Герцена «Из воспоминаний об Англии». Повидимому, Курочкин получил его непосредственно у Герцена во время своего пребывания в Лондоне.

Этим, конечно, не решается вопрос о цели и характере поездки Курочкина в Лондон, но возможно, что он поехал туда специально для того, чтобы повидаться с Герценом и Огаревым и поговорить с ними о путях и задачах революционного движения в России. 1 июля 1861 года в «Колоколе» появилась статья Огарева «Что нужно народу?». Она была написана при участии Н. Н. Обручева — впоследствии одного из руководителей «Земли и воли» — и рассматривалась как программа будущего тайного общества. В это именно время был в Лондоне Курочкин. Есть основания думать, что он был участником разговоров, связанных с этим кругом вопросов, — ведь очень скоро после этого, осенью 1861 года, Курочкин вступил в члены «Земли и воли», а уже весной 1862 года был одним из пяти членов (Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев и он) ее центрального комитета.

«Земля и воля» была самой крупной революционной организацией 60-х годов. Исходя из твердой уверенности в неизбежности всероссийского крестьянского восстания, она стремилась объединить все революционные силы, чтобы в нужный момент стать во главе

движения и привести его к победе. «Земля и воля» была связана как с Герценом и Огаревым, так и с Чернышевским; ее руководители не раз обращались к ним за советами и указаниями и держали их в курсе всех дел. «Земля и воля» вела большую революционную работу — притом не только в столицах, но и в провинции; в ряде провинциальных городов она имела отделения. Члены организации занимались пропагандой в деревне, в войсках и на фабриках. Наконец, «Земля и воля» выпустила ряд прокламаций. Курочкин, как член центрального комитета, не мог, разумеется, не принимать ближайшего участия во всей этой работе.

Уже в 1862 году Курочкиным начинают интересоваться полицейские органы. В марте этого года у него был произведен обыск в связи с напечатанием и распространением портрета поэта и революционера М. Л. Михайлова, заковываемого в кандалы в Петропавловской крепости. За несколько дней до ареста Чернышевского агент III Отделения пишет о Курочкине как об его «большом приятеле».[1] В следующем, 1863 году у Курочкина снова сделали обыск. Петербургский обер-полицмейстер Анненков в своем отношении по этому поводу к управляющему III Отделением Потапову, перечисляя лиц, которые в последнее время «наиболее обращали на себя внимание вредным направлением», первым называет «редактора-издателя газеты «Искра» Курочкина». Непосредственной причиной обыска были полученные Анненковым сведения, что выпущенная «Землей и волей» прокламация «Свобода» (№ 2) «положительно исходит из кружка Благосветлова и Василия Курочкина». В типографии Благосветлова, книжном магазине Гайдебурова и редакции «Искры», по его предположению, «должна была сосредоточиться главная деятельность тайных обществ».[2] В отобранных у Курочкина бумагах не оказалось ничего особенно предосудительного, и обыск не имел для него последствий.

С октября 1865 года Курочкин, как и ряд других писателей революционного лагеря и представителей демократической интеллигенции, «по поводу заявления учения своего о нигилизме» был отдан под постоянный и «бдительный» негласный надзор полиции.[3]

---

[1] «Н. Г. Чернышевский и III Отделение». — «Красный архив», 1928, т. 4 (29), стр. 178.

[2] Центр. гос. историч. архив СССР в Москве. Дело 1-й экспедиции III Отделения, 1863, № 97, ч. 11, л. 91, 95; «Литературное наследство», № 25—26, М., 1936, стр. 608—609.

[3] Центр. гос. историч. архив СССР в Ленинграде. Дело департамента полиции исполнительной... о лицах, состоявших под надзором за 1867 год, 1868, № 838, ч. 10, л. 658.

Разумеется, Курочкин возбуждал особый интерес властей и как редактор вызывавшей их злобу и негодование «Искры» и своими связями с революционными кругами. После каракозовского выстрела Курочкин был арестован и просидел в Петропавловской крепости свыше двух месяцев. Один из сподвижников назначенного председателем Следственной комиссии Муравьева-Вешателя П. Черевин, вспоминая о 1866 годе, писал, что Муравьев «в лице Чернышевского, Некрасова, Курочкиных и др. объявил войну литературе, ставшей на ложном пути».[1] Весьма показательно, что братья Курочкины названы рядом с Некрасовым и Чернышевским как наиболее заметные и опасные для самодержавия революционные писатели и журналисты. Один из добровольных доносчиков, не назвавший своего имени, писал в Следственную комиссию после покушения Каракозова: «Кроме магазина Яковлева, отличаются красным направлением библиотеки Сеньковского, Печаткина и сатирические журналы «Искра» и «Будильник», избравшие неизменным правилом: обращать в смешное и в карикатуру все истинно патриотическое и нравственное».[2] В 1868 году полиция следующим образом аттестует Курочкина: «нигилист и мало дает надежды к исправлению».[3]

Работа под постоянной угрозой предостережений и судебных преследований, при твердом решении не сдавать революционных позиций, подтачивала силы. Вспоминая о своей встрече с Курочкиным в 1871 году, после шестилетнего перерыва, П. Д. Боборыкин писал: «Я помнил его еще очень свежим, с мягкими блестящими глазами и благообразной бородой, с некоторым изяществом в туалете и с той особенной бойкой посадкой, какую тогда, т. е. в начале шестидесятых годов, имели люди, веровавшие в свою прогрессивную звезду. А тут мне пожимал руку человек уже далеко не свежий, с сильной проседью, с тревожным взглядом, с несколько осунувшимся лицом и слабым голосом, довольно небрежно одетый».[4]

В 1873 году «Искра» была закрыта правительством. Для Курочкина это был тяжелый удар. После прекращения журнала, по-

---

[1] П. Черевин. Записки (Новые материалы по делу каракозовцев), Кострома, 1918, стр. 41.

[2] Центр. гос. историч. архив СССР в Москве. Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. 1866, № 172, л. 103 об.

[3] Дело департамента полиции исполнительной, 1868, № 838, ч. 10, л. 658.

[4] «Из воспоминаний о пишущей братии». — «Биржевые ведомости», 1878, № 113.

следние два года своей жизни, он «выглядел совсем надломленным человеком. В нем оставалась лишь тень того, что жило в нем во дни оны... В речах Курочкина и в его сухом отрывистом смехе звучала угрюмая, нехорошая нота. Он был рассеян, желчен и недоволен».[1] Он не имел постоянного литературного пристанища и принужден был из-за куска хлеба печататься в разных, иногда чуждых ему, периодических изданиях.

В последние годы жизни, несмотря на тяжелые условия существования, Курочкин создал несколько острых сатирических пьес «на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы».[2] К сожалению, до нас дошла лишь одна из них — «Принц Лутоня», но и она была напечатана уже после смерти поэта с большими цензурными искажениями.

Умер Курочкин еще молодым человеком, на сорок пятом году жизни, 15 августа 1875 года от слишком большой дозы морфия, впрыснутой ему врачом. До конца своих дней он жил интересами литературы, не мог забыть блестящей поры «Искры» и продолжал мечтать о новом сатирическом журнале.

3

Курочкин безоговорочно отвергал антидемократическую теорию «искусства для искусства».

Ну да, мы на́ смех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоборцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат «искусства для искусства»
Из расписной тармаламы, —

писал он в стихотворении «Возрожденный Панглосс».

Поэт для него — не жрец, владеющий некоей тайной, не романтический «безумец», творящий в состоянии экстаза, не житель Олимпа, равнодушный к житейским тревогам, а гражданин — человек, тесно связанный со своим временем, со своим народом, болеющий

[1] П. Засодимский. Из воспоминаний, М., 1908, стр. 305—306.

[2] В. В. Чуйко. Современная русская поэзия в ее представителях, СПб., 1885, стр. 182.

его страданиями, прославляющий «блеск его великих дел», борющийся за лучшее будущее оружием своего слова. Такому поэту чуждо представление о народе как о «грубой толпе, неспособной к возвышенным, благородным и нежным ощущениям» (слова Беранже из предисловия к сборнику 1837 года); [1] в таком поэте народ видит своего «учителя» и потерю его переживает как великое горе: «Угас поэт — народ осиротел» (стихотворение Курочкина на смерть Беранже «18 июля 1857 года»).

Резко оценивая литературную деятельность П. А. Вяземского, Курочкин упрекает его в том, что он «не знал поэзии в свободе» и «не понимал ее в борьбе» («Стансы на будущий юбилей Бавия»), тем самым подчеркивая признаки подлинного поэта. В одном из своих «реальных сонетов» Курочкин дает такой портрет поэта-сатирика:

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва —
И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром...

Социальная активность, глубокая заинтересованность наиболее острыми вопросами и противоречиями современности — главная особенность творчества самого Курочкина. Ему, как и другим поэтам некрасовского направления, было чуждо противопоставление искусства и жизни, свободного мира поэтической мечты и скучного мира реальной действительности, которое характеризует эстетические воззрения и литературную практику представителей «чистой поэзии». Поэтому для него не существовало большой категории «низких» предметов и целых сфер жизни, недостойных якобы отражения в искусстве.

Тематическая узость «чистой поэзии» (по преимуществу лирика любви и природы) и игнорирование больших социальных проблем, волновавших передовые круги русского общества, были, естественно, враждебны Курочкину. Вместе с Некрасовым он считал несвоевременным «красу долин, небес и моря и ласку милой воспевать» («Поэт и гражданин»). Не то чтобы эти темы были изгнаны из его поэзии — они присутствуют в ней, но не занимают преобладающего места и наполнены иным содержанием. В лирических стихотворениях Курочкина совсем не те настроения и переживания, что у представителей «чистой поэзии» 50—60-х годов, иной общий

---

[1] См. П.-Ж. Беранже. Избранные песни, М., 1950, стр. 497.

колорит, иной лирический герой; они написаны как бы от лица измученного жизнью разночинца-демократа. При этом личное, интимное неразрывно связано в них с общественным.

Поэзия Курочкина, так же как его редакторская деятельность, проникнута последовательным и непримиримым демократизмом. Обличение социального неравенства; противопоставление бедности одних и роскоши, в которой живут другие; величайшее уважение к труду, сознание, что труд — главный критерий ценности человека и что тем не менее люди, живущие трудом, подвержены всем превратностям судьбы, терпят нужду, голод и холод, — красной нитью проходят через все творчество Курочкина.

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое все счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.

(«Завещание»)

Повседневные заботы труженика; его право на любовь, отдых; его неверные мечты о счастье и, несмотря на это, жизненный оптимизм, плебейская гордость, ирония по адресу «хозяев жизни» — вот мотивы целого ряда стихотворений Курочкина («Только!», «Весенняя сказка», «Погребальные дроги», «Морозные стихотворения»).

Курочкин ненавидел фразу. В стихотворении «Раздумье» он с пафосом говорит о «злобе святой, возвышающей нас», которая «смело прямо из сердца срывается в дело». Речь идет о той злобе на социальную несправедливость, социальные условия, калечащие человека, о которой так ярко писал Некрасов Льву Толстому: «Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, — т. е. больше будем любить — любить не себя, а родину». [1] Курочкин называет эту «святую злобу» «ненавистницей фраз».

«Святая злоба» и развенчание фразы лежат в основе всей поэзии Курочкина.

Поэт знал настоящую цену реформаторской деятельности Александра II, в том числе крестьянской реформы. Он видел, что крестьянству ничуть не стало лучше, что оно попрежнему обречено на бесправие и нищету.

---

[1] Полное собрание сочинений и писем, т. 10, М., 1952, стр. 284.

В стихотворениях Курочкина зло высмеяны и лицемерное, чисто словесное сочувствие «мужичкам» со стороны усвоившего модную либеральную фразеологию общества («Тик-так! Тик-так!», «Семейная встреча 1862 года»),

> Сближенье общества с народом —
> В банкетных спичах и речах
>
> *(«Предвещания на 1865 год»),*

и крепостники, очень скоро после 1861 года поднявшие голову («Мирмидоны-Куролесовы», «Затишье»). В интереснейших примечаниях к стихотворению «Письмо об России Фукидзи Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию»· Курочкин, под видом характеристики религиозных верований русских, писал о крепостническом укладе и о грабительском характере крестьянской реформы: «Переселение душ понимается здесь довольно своеобразно: фякшо-сшто ⟨крестьяне⟩ полагают, что каждая душа в сем свете имеет право свободно переходить от владельца к другому, с земли на землю; землевладельцы до последнего указа 19 февраля 1861 г. совершенно отрицали переселение душ; некоторые и теперь ограничивают это понятие переселением фякшо-сшто с земель, удобных для хлебопашества, на неудобные». Наиболее ярко показано положение ограбленного реформой обезземеленного крестьянства и его бунтарский дух в блестящей сатире Курочкина на царскую Россию «Принц Лутоня».

Уже самое имя заключает в себе социальную характеристику главного персонажа. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «Лутоха, лутошка — липка, с которой снята кожа, содрано лыко... Гол как лутошка, бос как гусь. Была липка, а стала лутоха». Лутоня противопоставлен в пьесе всем силам полицейского государства: и верховной власти (принц Слоняй), и духовенству (Первый старец, в одном месте названный «патриархом»), и высшей бюрократии, придворной знати (Ясам), и военщине (Отец-командир, которому подчинены все войска), и представителям официозной, рептильной печати, «подпольных смут разведчикам», основным видом деятельности которых является донос (Публицисты). Все они обрисованы сочными сатирическими красками. Всех их как тунеядцев, кормящихся на счет изнемогающего от непосильного труда мужика, презирает Лутоня.

Отец-командир, который, по словам одного из публицистов, в мирное время еще более страшен, чем в дни войны, «пятнадцать тысяч душ крестьян Положил костьми, своей рукою» (явный намек

на крестьянские восстания). Он заявляет, что с народом нужно быть беспощадным:

Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть ревут сироты, старцы, вдовы —
Были б только спасены основы, —

то есть основы самодержавного строя. В ответ на это Лутоня язвительно говорит, что Отец-командир не понимает, что́ является подлинной основой жизни:

Командир, неверен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,
А как всех заколешь да зарубишь —
Так основу, значит, и загубишь.

Последний монолог принца Слоняя, после того как, поменявшись с Лутоней местами, он сразу начал стремиться обратно во дворец и врывается туда с бандой сообщников, хорошо характеризует самодержавие:

Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь все обаянье трона.
Нет, уж в лес вперед не побегу.
Захочу — все города сожгу.
Захочу — так с нынешним прогрессом
Сделаю все царство темным лесом.
Лес ко мне — не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду —
Сделаю из царства ад кромешный...

Это было написано в годы начавшихся контр-реформ. Но еще за десять лет до «Принца Лутони», тотчас же после реформы, когда с исключительной жестокостью подавлялись крестьянские восстания, Курочкин писал, что «русский властелин сам не чужд кровавых пятен» («Над цензурою, друзья...»).

Разоблачая крепостников и все основы полицейско-бюрократического государства, произвол и взяточничество, цензурный гнет и тайную полицию, дворянскую спесь, чинопочитание, лакейство и т. д., Курочкин был не менее беспощаден к рыцарям наживы, капиталистическим хищникам, биржевикам, спекулянтам («Во всех ты, душенька, нарядах хороша!», ряд стихотворений об акционерных обществах).

Врагами трудящегося люда Курочкин считал либералов, которые «так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *пол-*

ном свержении этой власти» (Ленин).[1] Скептическое отношение поэта ко всему внешнему, показному, фальшивому особенно ярко проявилось именно в развенчании либерализма. Пустая либеральная фразеология; пышные речи о гласности и «великих реформах»; расхождение между словом и делом; «умеренность», которую либералы неизменно противопоставляли «крайностям» революционных течений, «поспешности юного племени»; склонность к компромиссам и угодливости, — неоднократно служили объектами сатиры Курочкина («Сон на Новый год», «Благоразумная точка зрения» и др.). Он язвительно высмеивал боязнь подлинной гласности и либеральной фразе — «слову-звуку» противопоставлял «слово-мысль, предшественницу дела» («Явление гласности»). В нескольких стихотворениях («Слово примирения», «Ты помнишь ли, читатель благосклонный...» и др.) Курочкин говорил об эволюции русского либерализма конца 50-х — начала 60-х годов и его переходе на путь открытого сотрудничества с самодержавием.

Всякого рода примиренческое отношение к самодержавию, к современной ему социальной действительности, всякого рода идиллические настроения в обстановке наступившей реакции вызывают у Курочкина резкий отпор.

Что же порочить весь свет?
Что волноваться напрасно?
Прожили тысячу лет —
Ну и прекрасно! —

иронически восклицает поэт в стихотворении «Тысячелетие России». Когда журнал Достоевского «Эпоха» в полемике с «Современником» стал настойчиво отстаивать свой необоснованный оптимизм, Курочкин выступил против него в стихотворении «Предвещания на 1865 год». Он писал:

Не нынче — с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж все идет на новый лад...
Уж на «Эпоху» есть подписка —
Стрижи летают и звенят.

Поэт по заслугам оценивал и тех представителей радикальных кругов, которые под влиянием общественной реакции переходили на либеральные позиции. Интересно в этом отношении стихотворение

[1] «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция». — Сочинения, 4-е изд., т. 17, стр. 96.

1868 года, иронически озаглавленное «Нового счастья читателю и новых богатств!» Оно является откликом на программу журнала «Современное обозрение», в составлении которой принимали участие порвавшие с идеями «Современника» А. Н. Пыпин и Ю. Г. Жуковский. Это был резкий отход от революционных и социалистических устремлений «Современника» в сторону приспособления к существующему строю. «Общим политическим вопросам» противопоставлялись в качестве основных задач журнала «распространение серьезных положительных знаний и самовоспитание человека, как индивидуальное, так и общественное», а идее перераспределения старых богатств — накопление новых. Это, по выражению Г. З. Елисеева, «salto mortale от распределения к накоплению»,[1] знаменовавшее собой отказ от былых идеалов, и вызвало сатиру Курочкина.

Одним из существенных объектов ряда сатир Курочкина является пошлость, обывательщина. В одних стихотворениях («Счастливец», «Человек с душой») они характеризуют интеллектуальный уровень господствующих классов, в других («Приглашение к танцам») поэт подчеркивает, что пошлость, искусственно прививаемая обществу, является опорой реакции. Последний мотив нашел яркое воплощение в стихотворении «Дама приятная во всех отношениях». Эта дама, олицетворение пошлости, обращается к собравшейся встречать новый год либеральной компании, беседующей о «благе людей» и запивающей эти речи изысканными винами, со следующими словами:

В юношах пылких, для битвы со злом
Смело готовых идти напролом,
Кровь охлаждаю я видами
Близкой карьеры и дальних степей
Или волную гораздо сильней
Минами, Бертами, Идами.

Смотришь: из мальчиков, преданных мне,
Мужи солидные выйдут вполне,
С знаньем, с апломбом, с патентами;
Ну, а мужей, и особенно жен,
Я утешаю с различных сторон —
Бантами, кантами, лентами,

Шляпками, взятками... черт знает чем
Тешу, пока успокою совсем
Старцев, покрытых сединами...

Курочкин откликался иногда и на события западноевропейской жизни. Он с ненавистью отзывался о милитаризме и военщине.

---

[1] «Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания», М.— Л., 1933, стр. 357.

В стихотворении на новый 1871 год, в связи с франко-прусской войной, поэт говорит о культе насилия и солдатчины, о «союзе штыков» в Германии «единой» (речь идет о объединении Германии вокруг юнкерской Пруссии, осуществлявшемся Бисмарком). Курочкин поднимает бокал за равенство, свет которого впервые блеснул «во Франции восьмнадцатого века»; он провозглашает лозунг «мира в мире целом» и прославляет борющийся за свою независимость французский народ, преданный своим собственным правительством:

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.

(«За которую из двух?»)

Курочкин был по преимуществу сатириком. Но за его сатирическим отрицанием стояли положительные идеалы. Для него не было ничего более отвратительного, чем самодержавие, но и господствовавшие на Западе формы буржуазного парламентаризма тоже не могли его удовлетворить. Они неоднократно развенчивались в «Искре». Положительным идеалом Курочкина была последовательная демократия — «правительство, свободно вышедшее из народа и возвращающееся в него же по миновании своих полномочий, правительство, чуждое бюрократизма и узких кастовых целей». Это — цитата из статьи «Журнальные заметки»,[1] за которую, как за заключающую в себе «превратные и совершенно неуместные суждения о правительственной власти»,[2] «Искра» была закрыта.

В революции, в свержении самодержавия Курочкин видел самый надежный путь к торжеству социальной справедливости и своей литературной деятельностью стремился подготовить и ускорить это торжество. Уверенность в обреченности старого мира и вера в лучшее будущее отчетливо звучат в ряде его стихотворений:

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

(«Тик-так! Тик-так!»)

---

[1] «Искра», 1873, № 38, стр. 7.
[2] «Правительственный вестник», 1873, № 152.

Значительная часть поэтического наследия Курочкина представляет собою отклики на события текущей социально-политической и литературной жизни. Оперативность, быстрота отклика — одна из самых характерных черт его сатиры. Только назначили слывшего либералом А. В. Головнина министром народного просвещения (декабрь 1861 г.), а в стихотворении «Над цензурою, друзья...» уже фигурирует его имя и говорится о тщетности надежд на какой-либо поворот в цензурном ведомстве: «Не пропустит Головнин То, что вычеркнул Путятин». Сразу же после празднования юбилея Вяземского, вызвавшего острую полемику (март 1861 г.), появляются «Стансы на будущий юбилей Бавия»; после злобной статьи Скарятина (апрель 1862 г.) — стихотворение «Конский дифирамб» и т. д. При этом политическое чутье редко изменяло Курочкину; он верно избирал объекты своих сатир и без промаха попадал в цель.

Без учета этой злободневности многое останется непонятным в творчестве Курочкина. Для понимания исторического значения его поэзии и его художественного метода необходимо знать иногда очень мелкие, но характерные факты, вспомнить давно забытых людей, вообще воспроизвести ту социальную атмосферу, в которой воспринимали его стихотворения современники.

Подлинная злободневность не есть злободневность однодневок, теряющих всякое значение тотчас же после своего возникновения. Подлинная злободневность, связанная с большими и актуальными проблемами современности, сквозь внешнюю оболочку явлений проникающая в их сущность, всегда переживает свою эпоху. Именно таковы в своем большинстве злободневные стихотворения Курочкина: их содержание не ограничивается насмешками над отдельными фактами и конкретными личностями, но имеет и более широкий смысл. Так, в основе стихотворения «Явление гласности» лежат некоторые факты биографии публициста С. С. Громеки, но в нем вместе с тем разоблачается типичная эволюция либерала, прельстившегося всякого рода «соблазнами». В «Бедовом критике» Курочкин имел в виду Кс. Полевого и дал ему уничтожающую характеристику, но это в то же время обобщенный портрет мракобеса, преследующего все великое и передовое в культуре человечества.

Чаще всего Курочкин высказывал свои взгляды, выражал свое отношение к окружающей действительности в полемике с враждебными ему журналами и газетами. Естественно желание показать

читателям подлинное лицо своих идейных врагов, но самое обилие полемики в его стихах определялось еще одним обстоятельством. Возможность откровенно говорить непосредственно о явлениях действительности и о способах ее изменения была обратно пропорциональна значительности этих явлений. Литературно-журнальная борьба была в глазах властей предержащих все же менее опасной и предосудительной. В 1862 году Курочкин жаловался, что цензура запрещает решительно все — и в «Искре» «приходится скрепя сердце попрежнему ограничиваться областью журналистики». [1]

Курочкин был мастером такой журнальной полемики. Аскоченский и Юркевич, Катков и Скарятин, Н. Ф. Павлов и Чичерин, Краевский и Громека, Соллогуб, Вяземский и многие другие либеральные и реакционные публицисты и писатели являлись постоянными персонажами его сатир. Он высмеивал их социально-политические, философские и литературные взгляды, показывал их враждебность народным интересам, давал решительный отпор их нападкам на революционную мысль и революционное движение, материалистическую философию и науку, на вождей революционной демократии.

Быстрота реакции, злободневность, полемический характер поэзии Курочкина сближают ее с сатирой Добролюбова. «Искра» и «Свисток», Курочкин и Добролюбов нередко касались одних и тех же общественных и литературных явлений. Отдельные темы поэзии Курочкина, ряд его стихотворений напрашиваются на сопоставление с сатирическими произведениями Добролюбова. Так, «Опыты гласного самовосхваления» близки к «Русским в доблестях своих», «Турнир в Пассаже» — к «Любопытному пассажу в истории русской словесности», «Дилетантизм в науке» — к «Призванию», конец «1861 года» — к «Нашему демону» и т. д.

Жестокий цензурный режим, непрерывные преследования свободной мысли способствовали выработке у многих революционных и оппозиционных писателей, преимущественно у сатириков, особых методов изображения действительности и выражения своего отношения к ней. Постоянно пользовался приемами эзопова языка и Курочкин. Он должен был зашифровывать и свои взгляды и — сплошь и рядом — объекты своих нападок. Разумеется, нужно было делать

---

[1] Письмо к цензору Ф. Ф. Веселаго. — «Поэты „Искры"», Л., 1933, стр. 42.

это так, чтобы цензор не догадался или во всяком случае не имел оснований для придирок, а читатели-друзья понимали, в чем дело.

Но многое из того, что было понятно людям 60-х годов, пропадало для читателей последующих поколений. Скользя взглядом по тому или иному стихотворению, они зачастую даже не подозревали, что в совершенно невинных на первый взгляд словах заключено что-либо кроме того, о чем прямо говорится. Да и мы без соответствующих разъяснений нередко не видим скрытого, иногда очень острого политического смысла.

В стихотворении «Сон на Новый год» есть иронические строки: «Единодушно: взятки гадки! На всю Россию прокричим». Читатель не вполне поймет эту иронию, если не знает, что в них содержится намек на героя либерально-обличительной комедии В. А. Соллогуба «Чиновник», весьма благонамеренной по своей идейной тенденции (см. о ней на стр. 672).

Другой пример. Курочкин перевел стихотворение Беранже «Навуходоносор». В переводе упоминается, между прочим, «Северная пчела» Булгарина, которой нет, конечно, в оригинале. Этой деталью действие сразу же переносится в Россию. Но еще более примечательны строки «Был съеден *незабвенный* царь» и «Как в бозе сгнил последний царь», тоже якобы переведенные из Беранже. «Незабвенным нашим родителем» был назван Николай I в манифесте Александра II по поводу его смерти. Это выражение не раз служило объектом насмешек. Иронически называли Николая «незабвенным» Герцен и Огарев, и по их почину насмешливое словечко, содержащее оценку всего николаевского царствования, вошло в обиход — мы встречаем его, например, в дневнике В. Ф. Одоевского, в письмах М. Н. Лонгинова к А. М. Жемчужникову и Б. Н. Чичерина к К. Д. Кавелину, в воспоминаниях Л. М. Жемчужникова, стихотворении П. Л. Лаврова, статьях-памфлетах П. В. Долгорукова и пр.; в дневнике Шевченко Николай несколько раз назван «неудобозабываемым». «В бозе сгнил» — пародия на слова о смерти особы царствующего дома: «в бозе почил». Таким образом, Навуходоносор в переводе Курочкина сливается с Николаем I, подобно тому как и сам Беранже имел в виду в своем стихотворении нравы и порядки двора Людовика XVIII.

Курочкин не сомневался в том, что его современники без труда отгадают тех лиц, те факты и явления, намеками на которые полны его стихи. Зашифрованность, рассчитанная на читательскую расшифровку, была одной из существенных черт его поэзии. Нередко на соседних страницах «Искры» статьи, заметки, карикатуры, сти-

хотворения других поэтов на ту же тему помогали читателям раскрыть эти намеки.

Курочкин прибегал к разным приемам обличения враждебных ему явлений: иногда нападал на них, так сказать, «в лоб», в других случаях применял обходной маневр, выражая свое отношение к действительности при помощи иронического рассказа от имени благонамеренного человека. Маска благонамеренного человека имеет весьма давнюю литературную историю, но в русской сатире середины прошлого века она получила особенно широкое распространение. Ею пользовались создатели Козьмы Пруткова, Некрасов, Добролюбов, Щедрин. Она широко применялась и искровцами. Рассказ от имени благонамеренного человека представляет собою как бы саморазоблачение героя. Общий смысл такого построения, кроме чисто комического эффекта, заключается в том, чтобы довести враждебный образ мыслей до логического конца и вместе с тем до предельной уродливости и тем самым скомпрометировать его в глазах читателей.

У Курочкина мы сталкиваемся с этим приемом буквально на каждом шагу. Здесь и чиновник-взяточник («Жалоба чиновника», «Старичок в отставке»), и либерал в его разных обличиях («Сон на Новый год», «Явление гласности», «Чистосердечное признание одного из многих»), и мракобес-ханжа («Полезное чтение»), и славянофил («Дилетантизм в благотворительности»), и один из заправил акционерного общества, пренебрегающий интересами рядовых акционеров («Годовщина общего собрания акционеров Главного общества железных дорог»), и т. п.

Создавая такую маску, Курочкин пользовался нередко писаниями и фактами биографии своих идейных врагов, конечно по-особому, в зависимости от общего замысла стихотворения (или фельетона) препарируя их. В подобной сатире встречаются также элементы пародии. В монологе, вложенном в уста противника, поэт имитирует подчас его литературную манеру, фразеологию, использует отдельные его выражения. Таково, например, стихотворение «Ворчун Дорофей» — сатира на Башуцкого.

В большинстве случаев маска была способом разоблачения враждебного образа мыслей, но иногда она просто облегчала возможность говорить на запретные темы. В качестве примера можно назвать стихотворение «Письмо об России Фукидзи Жен-Ициро...»

Следует отметить еще один интересный и выразительный прием сатиры Курочкина. В нескольких его произведениях мы встречаемся с героями русской литературы предшествующих десятилетий; пер-

сонажи Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, С. Т. Аксакова, Сухово-Кобылина продолжают свою жизнь на их страницах. Так, например, в «Семейной встрече 1862 года» действуют Простакова, Митрофан и Скотинин, Ноздрев, Чичиков, Манилов и Хлестаков, Фамусов, Молчалин, Скалозуб, Загорецкий и многие другие. Все они, оказывается, еще живут и попрежнему прекрасно себя чувствуют. В сценах «Цепочка и грязная шея» высмеяны реакционные и либеральные публицисты, травившие Чернышевского, выступавшие против передового общественного движения и передовой мысли 60-х годов. И самые эти публицисты и их идеологическая среда персонифицированы Курочкиным в образах героев «Горя от ума». Удачно использованы им также сюжетные ситуации и отдельные выражения комедии Грибоедова. При помощи этого сатирического приема, получившего впоследствии широкое применение в творчестве Щедрина, поэт опять-таки достигает не только яркого комического эффекта. Полемизируя с разглагольствованиями о «великих реформах», якобы покончивших со всеми основами крепостнического строя, Курочкин показывает живучесть этих основ и то, что, несколько изменив свою форму, приспособившись к новым условиям, они продолжают благополучно существовать. Поэтому и порожденные крепостнической действительностью Скотинины и Скалозубы благоденствуют в обстановке пореформенной России.

5

С общим характером поэзии Курочкина, с его пониманием поэтического творчества и социальной роли искусства связаны особенности его поэтического языка. Б. Н. Алмазов, в прошлом член «молодой редакции» «Москвитянина», писал о Курочкине: «Стих Курочкина хотя не вышел из школы Пушкина и не имеет ничего общего со стихом гг. Мея, Полонского, Майкова и Щербины, но по-своему очень хорош. Это стих рукописных комических стихотворений, стих г. Некрасова, стих лучших пародий Нового поэта ⟨И. И. Панаева⟩ — бесцеремонный, но сильный, бойкий и отличающийся затейливыми и звучными рифмами. На Руси существует целая школа такого рода поэзии; отличительная черта поэтов этой школы — уменье укладывать в стих обыкновенную разговорную речь».[1] Разумеется, представление Алмазова о «школе Пушкина»

[1] «Взгляд на русскую литературу в 1858 году». — Сб. «Утро», М., 1859, стр. 69.

антиисторично. Но в этом полупохвальном, полуснисходительном отзыве отмечены некоторые существенные черты поэзии Курочкина.

Курочкину — и в этом он шел вслед за Некрасовым — была чужда условная поэтическая речь, культивировавшаяся поэтами «чистого искусства». Для него было неприемлемо резкое отделение языка поэзии, «языка богов», как якобы совершенно иной по своим основам, самостоятельной системы языка, — от разговорной речи, языка науки, публицистики и т. п. В середине XIX века преодоление этого разрыва являлось одним из важнейших признаков реалистической поэзии. Оно характеризует и общее отношение Курочкина к слову, и лексику, и — в известной степени — образную и интонационную ткань его произведений. Курочкин не избегал «прозаизмов», выражений, заимствованных из современной публицистики, простонародных слов и т. п. (при этом — что весьма важно — не только в сатире, но и в лирике). Самое понятие прозаизма для него собственно не существовало; оно возникло на основе совершенно иных эстетических воззрений. Напротив, сугубо «поэтические» слова и словосочетания, в значительной степени стершиеся и превратившиеся в штампы у второстепенных представителей и эпигонов «чистой поэзии», слова и словосочетания, при помощи которых черты реальной действительности опосредствуются традиционными литературными представлениями и ассоциациями, — Курочкин употреблял лишь в пародийном и ироническом контексте. Изысканным метафорам и их прихотливому сочетанию, преобладанию субъективной эмоциональной окраски слова над его логическим смыслом Курочкин противопоставлял предметность слова. Он искал такие слова, которые помогали раскрыть и обнажить сущность изображаемых явлений жизни, показать эти явления читателю с новой стороны. «Музыкальности», нередко заглушавшей смысловое наполнение стиха, равно как и «гладкому», а у многих к тому времени уже окаменевшему, застывшему стиху, — он противопоставлял, с одной стороны, разговорные интонации сатирического фельетона, а с другой — пафос и эмоциональную насыщенность публицистической лирики.

Курочкин стоял за предельную простоту формы. Однако свое стремление к простоте и доходчивости поэт резко отделял от намеренного упрощения и примитивности. Та простота, та заостренность и целенаправленность стиха, которых он добивался, являлись итогом серьезной работы над словом, серьезных исканий в области поэтической формы.

Курочкин очень часто и охотно пользовался куплетами и довел технику куплетов с рефреном до большого мастерства. Куплеты по самой своей природе являются очень доходчивой и выразительной формой, и не мудрено, что поэт, ориентировавшийся не на кружок «посвященных», а на широкие круги демократических читателей, обратился к ней.

При этом Курочкин не мог не учесть поэтического опыта французских песенников, в первую очередь Беранже, Дюпона и др., которые были и идейно близки ему. В процессе выработки своей поэтической техники он использовал и некоторые особенности русского водевильного куплета 30—40-х годов. Стихотворения, написанные от имени разоблачаемого поэтом лица, иногда напоминают монолог, как бы извлеченный из водевиля. За это сходство с водевилем Курочкина и других искровцев, как, впрочем, и Некрасова, не раз упрекали представители враждебной критики. Давний враг революционной демократии и демократического искусства Н. Н. Страхов писал о Некрасове в 1870 году: «Стихи его по тону и манере очень часто сбиваются на водевильные куплеты того особого рода, который некогда процветал в нашей „Александринке“».[1] Как и другие критики либерального и реакционного лагеря, Страхов совершенно искажал существо дела. Заимствуя из водевиля легкость, бойкость, доходчивость стиха, технику каламбура и т. п., Некрасов, Курочкин и ряд других сатириков поставили их на службу передовым идеям своего времени. Но об этом, конечно, предпочитали умалчивать их политические и литературные враги, представляя дело таким образом, что революционные поэты механически возрождают давно уже потерявшие всякое значение пустые, водевильные куплеты.

В поэзии Курочкина пародия не занимает такого большого места, как у Добролюбова или Минаева. Не следует принимать за пародию обычное в сатирах Курочкина и очень характерное для его поэтики использование отдельных строк, строения строфы, сюжетной схемы, персонажей из произведений многих поэтов предшествующих десятилетий. Иначе стихотворение Курочкина «Явление гласности» — сатиру на либерального публициста Громеку — пришлось бы признать пародией на «Истину» Баратынского, эпиграмму на Чичерина «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи...» — пародией на двустишие Пушкина «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...», «Цепочку и грязную шею» —

---

[1] «Заря», 1870, № 9, стр. 133.

пародией на «Горе от ума» Грибоедова и т. д. Между тем ни о какой пародии здесь не может быть и речи. Пародия всегда связана с дискредитацией идейного смысла произведения или поэтической системы писателя, а в перечисленных и многих других случаях этого нет. В отличие от пародий это явление можно назвать «перепевом», разумеется, не в обычном смысле, то есть не в смысле подражания. Таких «перепевов» у Курочкина очень много, и они имеют весьма разнообразный характер: одни охватывают все стихотворение, другие одну или несколько строк; в одних случаях поэт использует строение строфы, в других — сюжетную ситуацию и т. д. В «перепевах» могут быть иногда элементы пародии, но основная их направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения, разрушающая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является, как указано выше, широкая известность используемого источника. Но смех направлен не против этого литературного источника «перепева», а против объекта сатиры.

6

Существенное место в литературном наследии Курочкина занимают переводы. Наибольшей популярностью у современников пользовались его переводы из Беранже, отличавшиеся незаурядными художественными достоинствами и содействовавшие революционизированию общественного сознания.

Беранже знали в России еще в 20—30-е годы XIX века. Тогда же появились и первые переводы его стихотворений на русский язык. Но в ту эпоху и на Западе и в России Беранже считали, по выражению Чернышевского, преимущественно «поэтом гризеток»;[1] фривольные мотивы, изъятые из всего контекста его поэзии, получали вследствие этого совсем иное звучание. Такое отношение к Беранже не исчезло, впрочем, и в следующие десятилетия. А. В. Дружинин, например, писал о нем как о «певце анакреонтических предметов, достойных самой ветреной юности».[2]

Вопреки подобному взгляду, уже в 30-е годы в среде революционно настроенного студенчества Московского университета, из

---

[1] Полное собрание сочинений, т. 3, М., 1947, стр. 213.
[2] Собрание сочинений, т. 7, СПб., 1865, стр. 346.

которого вышли Герцен и Огарев, Белинский и Бакунин, с большим увлечением распевались политические песенки Беранже. Немало глубоко сочувственных упоминаний о Беранже встречаем на страницах статей, воспоминаний и писем Герцена. Белинский в одной из статей о Пушкине назвал Беранже «народным поэтом» Франции; [1] в 1841 году он писал В. П. Боткину, что «боготворит» Беранже: это «апостол разума», «бич предания», «пророк свободы гражданской и свободы мысли». [2] Так же воспринимали Беранже и петрашевцы, в том числе Спешнев, Дуров, молодой Достоевский; он был одним из их любимых поэтов. В известном словаре иностранных слов Кирилова к статье об оде приделана непосредственно не относящаяся к теме концовка, где дана высокая оценка поэзии Беранже. Говоря о любви французов к своему поэту, автор статьи (по всей вероятности, М. В. Петрашевский) подчеркивает, что в их глазах Беранже не «простой народный весельчак», а политический поэт, песни которого, «несмотря на легкую, шутливую форму», имеют «глубокий смысл». [3]

И все же только в 50—60-е годы Беранже приобрел в России широкую читательскую аудиторию. Разумеется, и тогда не было единого взгляда на его творчество. Высоко оценивали его передовые круги русского общества. Так, Добролюбов, разделяя точку зрения Белинского, подчеркивал глубоко народный характер поэзии Беранже. Беранже, — писал он в 1858 году, — «был... одним из немногих людей, обладающих... высшим, гуманным взглядом. Очень может быть, что он и не выработал своих воззрений с последовательностью и строгостью теоретика, но он ясно сознавал и сильно чувствовал их инстинктом своей благородной натуры. Инстинкт этот далеко возвышался над мелкими интересами враждебных партий; он всею силою своей направлялся в одну сторону — к достижению блага народного. Кто более делал или даже только желал, обещал сделать для народа, кто приобретал народную любовь, к тому стремились и симпатии поэта». [4] Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» назвал Беранже в ряду крупнейших писателей, произведения которых «внушены идеями гуманности и улучшения человеческой участи». [5] Большую революцион-

[1] Полное собрание сочинений, т. 7, М., 1953, стр. 332.

[2] «Письма», т. 2, СПб., 1914, стр. 250.

[3] «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изд. Н. Кирилова, вып. 2, СПб., 1846, стр. 269.

[4] Полное собрание сочинений, т. 1, 1934, стр. 464.

[5] Полное собрание сочинений, т. 3, М., 1947, стр. 302.

ную роль поэзии Беранже отметил он в статье «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Вообще на протяжении всей своей жизни Чернышевский с глубокой симпатией относился к французскому поэту.

В то время как Добролюбов, Чернышевский и другие идейно близкие к ним люди 50—60-х годов настойчиво подчеркивали революционную сущность песен Беранже, органы русского либерализма всячески стремились затушевать и выхолостить ее. Они преимущественно выделяли примирительные нотки его поэзии, утверждая, что цель произведений Беранже, изображающих бедность и злосчастие, — «не раздражать страждущего против судьбы, а лить целебный бальзам на душевные раны».[1] В либеральной и реакционной прессе можно найти также немало откровенно неприязненных отзывов о творчестве и личности Беранже. Со своей стороны цензура включала французские издания песен Беранже в число запретных для русского читателя книг и нередко препятствовала появлению переводов, то вовсе запрещая, то грубо искажая их.

Борьба вокруг Беранже в русской критике 50—60-х годов не являлась отвлеченным академическим спором, а была непосредственно связана с острыми литературно-общественными вопросами тех лет. Скомпрометировать французского поэта значило, по мнению враждебно к нему настроенных критиков, в известной степени ослабить аналогичные русские литературные явления.

Появление небольшого сборника песен Беранже в переводах Курочкина стало крупным литературным событием. С. В. Максимов, характеризуя в своих воспоминаниях о П. И. Якушкине конец 50-х годов, писал: «Литература в это время заручилась уже «Губернскими очерками». Песни Беранже в прелестных переводах и счастливых переделках В. С. Курочкина входили во вкус и сильно увлекали».[2]

Беранже по всему своему складу был внутренне близок ему. Даря свою книгу одному знакомому, Курочкин сопроводил ее стихотворением, в котором искренне и тепло писал:

Здесь я, переводчик-поэт,
Стою за великою тенью,
Лучом его славы согрет.

Курочкин дал русскому читателю подлинно демократического поэта, «певца любви, свободы и равенства» («18 июля 1857 года»).

[1] «Библиотека для чтения», 1858, № 4, «Литературная летопись», стр. 13.

[2] Сочинения П. И. Якушкина, СПб., 1884, стр. 1.

Не случайно в предисловии к шестому изданию «Песен Беранже» (1874) он так высоко оценил рецензию Добролюбова и перепечатал часть ее в качестве вступительной статьи к книге. Но еще до появления рецензии Добролюбова, в примечании к переводу «Моей веселости» Курочкин с большим подъемом писал о «благородной деятельности» Беранже, «в которой ни одно слово, ни один намек не оскорбят и не разочаруют самых восторженных почитателей его гения», о том, что поэт «до конца жизни оставался верен своим убеждениям» и что его песни «неотразимо действовали на массу».[1]

Сначала к переводам сочувственно отнеслись и некоторые представители умеренного лагеря. Но проходит три-четыре года, классовые противоречия в стране все больше обостряются, все более определяется политическая физиономия Курочкина как редактора «Искры» и поэта, — и «Отечественные записки», где появилось несколько его переводов, печатают «разгромную» статью по поводу четвертого издания «Песен Беранже», Щербина сочиняет грубую эпиграмму и т. д.

Каковы же те принципы, которые характеризуют Курочкина — переводчика Беранже?

В переводах Курочкина есть немало пропусков и изменений, вызванных цензурными условиями того времени. Так, он систематически исключал нелестные и «кощунственные» упоминания о монархах, скипетре, короне, боге и пр. («Падающие звезды», «Старый капрал», «Кукольная комедия» и др.). Отмечая в целом ряде вещей такого рода «смягчения» оригинала, отсутствие в них присущей Беранже «силы и свободы выражения», Добролюбов недвусмысленно писал: «В большей части подобных случаев мы не обвиняем г. Курочкина: его перевод назначался для русской публики и потому, кроме личного искусства переводчика, требовал еще соблюдения некоторых других условий, не существовавших для французского поэта».

Но рядом с этими вынужденными «смягчениями» оригинала Курочкин нередко вносил в песни Беранже отдельные изменения и совершенно независимо от цензуры. В предисловии к первому и шестому изданиям своих переводов сам он охарактеризовал их как отчасти переводы, отчасти «переделки», в которых он, впрочем, тоже стремился «не изменять духу подлинника».

Характеры, бытовые черты, общественно-политические отношения, обрисованные в переводных произведениях, русские читатели

---

[1] «Отечественные записки», 1858, № 4, стр. 282.

издавна привыкли применять к аналогичным явлениям окружавшей их социальной действительности. Подобным образом воспринимались, конечно, и песни Беранже. Одной из существенных особенностей переводов Курочкина было то, что он активно содействовал такому восприятию.

Курочкин прибегал при этом к разнообразным приемам. Французские имена он часто заменял русскими или во всяком случае более привычными для русского уха, либо вовсе опускал их. В ряде переводов не воспроизведены географические названия, что создавало возможность расширительно толковать сюжет и отдельные мотивы стихотворений и облегчало читателям перенесение места действия в Россию. Так, в «Соловьях» речь идет не о Париже, как у Беранже, а вообще о «столице веселья и слез», благодаря чему все, о чем говорится в стихотворении, могло быть в равной степени применено и к русской столице.

Лексика переводов Курочкина действовала на восприятие читателей в том же направлении. Поэт вводил иногда такие слова, которые придавали содержанию песен Беранже русский колорит. Он сознательно употреблял кое-где разговорные и идиоматические выражения, диалектизмы и пр. Таковы «готов» (в смысле «пьян») в «Весне и осени», «налей-ка мне по рубчик» в «Расчете с Лизой», «детина» в «Будущности Франции», «стоит двух, кто не был бит» в «Уроке», «служивые» в «Песни труда», «парни» (вместо «sujets» — подданные) в «Царе Додоне» и пр.

В ряде переводов специфически французские бытовые явления и понятия опять-таки заменены русскими. Вместо «petits jesuits bilieux» (маленьких желчных иезуитов) у Курочкина: «Мелки шпиончики, но чутки; В крючках чиновнички ловки» («Будущность Франции»). В стихотворении «Кукольная комедия» («Les nègres et les marionnettes») говорится об английском капитане, который вез негров «из Африки далекой» в Америку; негры мрут, как мухи; капитан, чтобы поднять их настроение, показывает им театр марионеток и т. д. И вот Курочкин заменил полишинеля Петрушкой, а «monsieur le commissaire» (комиссара) будочником, то есть натолкнул читателя на то, чтобы видеть в неграх не только негров, но и русских крепостных, а в работорговце, везущем их на невольничий рынок, — отечественное «благородное сословие». Недаром этот перевод, как особенно вредный с точки зрения цензурного ведомства, был в 1866 году вырезан из «Собрания стихотворений» Курочкина. В «Господине Искариотове» прекрасно переданы общий замысел и построение «Monsieur Judas», но отдельные детали тоже почти все

приближены к русской обстановке 60-х годов. У Беранже нет строк о «гласности», о «всеобщем зле от взяток» и т. д. В «Сне бедняка» исчезло решительно все, что прикрепляет действие к Франции. В рефрене вместо «Voici venir l'huissier du roi» (вот идет судебный исполнитель) все время повторяется «Подать в селе собирают с утра», а вместо имени крестьянина «Жак» — «кормилец»; заглавие тоже вместо «Жак» — «Сон бедняка». Таким образом, этот разоряемый непосильными налогами крестьянин в переводе Курочкина столько же русский, сколько француз, и, пожалуй, даже скорее русский, поскольку в стихотворении несколько раз повторяется специфически русское слово «кормилец», а в одном месте даже «вечóр» («Боже! недаром стонал он вечóр»).

Но дело не ограничивалось подобными заменами. Иногда поэт вводил в текст Беранже прямые указания на факты русской политической и общественной жизни. Один из ярких примеров («Навуходòносор») был в иной связи приведен выше. В стихотворении «Над цензурою, друзья...» это сказалось еще более резко. Курочкин перевел только рефрен из «La censure» Беранже, а остальные два четверостишия — о министрах Головнине и Путятине, о реформах, о Герцене — полностью принадлежат, разумеется, ему самому.

Эта черта переводов Курочкина особенно беспокоила правительственные круги. Самый выбор песен Беранже для переводов был во многих случаях тесно связан с политической обстановкой. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел граф П. Капнист писал о Курочкине: «Обладая легким, гибким и звучным стихом, г. Курочкин посвятил себя преимущественно не переводам, а переделке на русский лад песен Беранже. Сохраняя часто дух подлинника, он очень ловко умеет применять разные куплеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что в сущности Беранже является только слепым орудием, и под прикрытием его имени г. Курочкин преследует свои цели, например: известно, как в последнее время пристрастно смотрит периодическая литература наша на отношения нашего дворянского сословия к народу; г. Курочкин, принадлежа к гонителям высших слоев нашего общества, переводит известную пиесу Беранже „Маркиз де Караба“». [1]

Нечто аналогичное можно сказать о возникновении ряда других переводов. Когда в связи с ростом революционного движения

---

[1] «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.», СПб., 1865, стр. 104.

шпион, агент тайной полиции становится бытовым явлением русской жизни, Курочкин переводит «Господина Искариотова». В связи с революционной ситуацией начала 60-х годов и надеждами демократических кругов на то, что в ближайшее время в России произойдет переворот, Курочкин переводит стихотворение «Птицы». Беранже написал его на прощание своему другу поэту Арно, изгнанному из Франции в 1816 году. Курочкин же, по свидетельству современников, переводя «Птиц», имел в виду Герцена и Огарева. Это к ним относятся прочувствованные строки рефрена:

Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Историческое значение и идейное содержание переводов Курочкина, их большая роль в политической борьбе своего времени метко охарактеризованы в стихотворении Демьяна Бедного «Знаменательные поминки». Демьян Бедный говорит здесь:

Как трогательны были усилия
Курочкина Василия,
Прикрывая усмешкой язвительность,
Балансируя на цензурном ноже,
Разъедать крепостную действительность
Мотивами Беранже. [1]

Разумеется, не все переводы Курочкина равноценны; в некоторых из них есть невыразительные места, слишком закругленные фразы, более «высокая» лексика, чем у Беранже, не переданы существенные детали оригинала. Курочкин не всегда сохранял неизменным количество строк в строфе, ее ритмический рисунок, расположение рифм, менял, как мы видели, отдельные мотивы. Вообще он не стремился к буквальной точности перевода, но в большинстве случаев великолепно передал и идейный смысл и общие художественные принципы оригинала и в то же время «сделал Беранже, — по выражению одного критика, — как бы русским народным поэтом». [2] Нередко в переводах Курочкина хорошо передана интона-

---

[1] «Литературная газета», 1932, № 32. Те же принципы лежат в основе ряда других переводов и переделок, в первую очередь — «Принца Лутони». Недаром в предисловии к «Принцу Лутоне» Курочкин называет себя «автором-переводчиком». Но есть у него и переводы иного типа — например, переводы стихотворений Барбье, Мюссе и др.

[2] А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы, СПб., 1891, стр. 491.

ционная основа стиха Беранже. По словам К. И. Чуковского, «отчетливость синтаксиса, выразительность и блеск интонаций» являлись главным достоинством и Василия Курочкина и второго замечательного переводчика этой эпохи — М. Л. Михайлова.[1] Очень удавались Курочкину рефрены песен Беранже, бывшие камнем преткновения для целого ряда переводчиков. Многие он перевел совершенно точно («Весна и осень», «Старушка» и др.), другие близко к оригиналу («Как яблочко, румян», «Старый капрал»), а некоторые просто заменил своими, для которых оригинал послужил лишь исходным пунктом. Так, например, не Беранже, а Курочкину принадлежат широко известные и близкие по своему духу к поэзии Беранже рефрены «Слава святому труду...» из «Песни труда» («Les gueux») и «Какое счастье! Честь какая! Ведь я червяк в сравненье с ним!» и т. д. из «Знатного приятеля» («Le sénateur»).

Переводы Курочкина из Беранже — одно из значительных явлений литературы 60-х годов. Они принадлежат к числу тех творческих переводов, вернее пересозданий, которые органически входят в русскую литературу и воспринимаются как оригинальные произведения.

7

По словам брата поэта, едва ли не в каждом из семисот с лишним номеров «Искры» «найдется или передовая, или обличительная статья, или стихотворение В. С. Курочкина».[2] Но если стихотворные произведения Курочкина, относящиеся к годам существования «Искры», в основном выявлены (хотя и здесь возможны некоторые находки — вещи, опубликованные под неизвестными нам псевдонимами или анонимно), то этого нельзя сказать об его публицистике. Однако и те несколько десятков статей и фельетонов, которые бесспорно принадлежат или с большой долей вероятности могут быть приписаны Курочкину, представляют большой интерес.

Публицистика Курочкина тесно связана с его поэзией. Эта связь выражается не в том только внешнем факте, что многие

---

[1] «Искусство перевода», М. — Л., 1936, стр. 153.

[2] В. С. Курочкин. Собрание стихотворений. М. — Л., 1934, стр. 526, биографический очерк, написанный Н. С. Курочкиным для антологии «Русские поэты в биографиях и образцах», составленной Н. В. Гербелем. Ср. «Русские поэты...», 2-е изд., СПб., 1880, стр. 650.

стихотворения являлись первоначально частью фельетонов и статей, входили в прозаический контекст. Это факт существенный, но не решающий. Гораздо важнее, что тематика и идейные тенденции статей и стихотворений — как входивших в публицистические произведения, так и тех, которые с самого начала печатались отдельно, — были общие. Разумеется, стихи не являются простым *изложением* тех же идей. Но одни и те же идейные стимулы определяли творчество и Курочкина-поэта и Курочкина-публициста. Следует отметить, кроме того, сходство некоторых художественных приемов в сатирических стихах и публицистике Курочкина.

В статьях и фельетонах Курочкина затрагиваются важнейшие вопросы русской жизни и литературы.

В статье «Шалости мирмидонов» говорится о пережитках и уродливых проявлениях крепостничества после крестьянской реформы. О крепостничестве речь идет и в «Хронике прогресса», напечатанной осенью 1861 года. [1] Курочкин подчеркивает здесь, как и в своих стихах, что крепостничество еще не ушло в прошлое. Рассказывая об отдельных эпизодах, относящихся как к дореформенному, так и к пореформенному времени, он замечает: «Мы живем, однакож, в такое время, когда мир отношений крепостного владения, хотя и прошедшего, уже не может быть раскрыт не только вполне, но даже в достаточной ясности. Интересы лиц живущих еще так близки к нему... так животрепещущи» (1861, № 40, стр. 570).

Через девять лет после крестьянской реформы, когда ее последствия стали еще более ощутимы, Курочкин вкладывает в уста Н. И. Новикова предупреждение, обращенное к людям пореформенной эпохи, — не обольщаться правительственными преобразованиями. «Ведь и мы полагали в наше время не без основания, что «мысли и умы, долго быв угнетены под тяжестью тайны, вдруг, яко плотина от сильной водополи, прорвались»... ведь и мы о тогдашних судах говаривали: «Отверзаются врата фемидина храма, вступают в него минервины други, корыстолюбивый и незнающий судья трепещет, а достойный готовится к новому торжеству своих подвигов»; и у нас, даже после закрепления малороссийских крестьян, в 1786 году, то есть за восемьдесят лет до освобождения крестьян нынешним монархом, Капнист возвещал в своей оде на истребление в России звания раба: «Россия! Ты свободна ныне!» Ныне уж

---

[1] Эта статья опубликована без подписи, но характер упоминания о ней в «Шалостях мирмидонов» говорит за то, что автором ее, по всей вероятности, является Курочкин.

у вас дети смеются над нашими одами и эклогами». И непосредственно после этих слов следует восклицание: «Эй! чтобы и над вами не посмеялись потомки», содержащее оценку «великих реформ» 60-х годов.

Ненависть «людей хорошего тона» ко всякой мысли о социальном переустройстве и социальном равенстве («В гостях и дома»), тунеядство господствующего класса («Эмансипированная чиновница»), «герои кулачного права и произвола» («Материалы для новейшей теории полемики»), страх перед гласностью («Теория полемики»), мракобесие в вопросах воспитания («Педагогическое нововведение») и в отношении к женщине («Опыт об „Иллюстрации"»), темные дела заправил акционерных обществ и обирание рядовых акционеров («Главное общество российских железных дорог», «Осьмнадцать миллионов») — вот некоторые темы других статей и фельетонов Курочкина.

Есть у него и блестящие статьи о литературе. Одна из них, остроумная и язвительная, посвящена восторженному отзыву Ап. Григорьева о тогда еще только вступавшем на литературный путь поэте К. К. Случевском («Критик, романтик и лирик»). Эта статья в известном отношении программная; она направлена против критики и поэзии, оторванных от общественной жизни и игнорирующих актуальные социальные проблемы. Замечательным по своей силе памфлетом является статья, иронически озаглавленная «Проницательные читатели», — о критиках «Что делать?» Чернышевского. Ростислав (псевдоним Ф. М. Толстого), злобную статью которого уничтожающе высмеивает Курочкин, вырастает в сатирический образ аристократа-мракобеса, с презрением относящегося к «простонародью» и демократической трудовой интеллигенции. Вместе с тем Курочкин открыто высказывает свои симпатии к автору «Что делать?», томившемуся в это время в Петропавловской крепости. Обращаясь к другу-читателю, Курочкин, насколько это было возможно в подцензурной печати, разъясняет ему смысл романа: «Разумеется, ты уж прочел этот роман, и я не буду рассказывать тебе его содержание. Ты знаешь, что здесь идет речь о том, как должны бы жить люди, по-человечески, как они уже могут жить, как даже некоторые уже живут, как они сходятся друг с другом, как любят, не надоедая один другому и не насилуя страстей и привязанностей, как трудятся, сохраняя уважение к чужому труду, как из этого общего труда вытекает, как необходимое последствие, общее благоденствие, счастие. Читая этот роман, ты, не без умственного наслаждения, задумывался над некоторыми его страницами

и — конец концов — ты прочел роман не без пользы для себя, следовательно, и для других, а это уже много значит».

Аристократическая, светская литература и критика получают решительный отпор и в статье «Еще кой-что по поводу юбилея князя Вяземского».[1] Полемизируя с М. Н. Лонгиновым, Курочкин допускает, правда, некоторые преувеличения и недооценивает литературу конца XVIII — начала XIX века, поскольку именно за нее цеплялись «староверы», нападая на передовую литературу 60-х годов. Защищая эту литературу, проникнутую демократическими симпатиями и общественными интересами, Курочкин, вслед за Белинским и Чернышевским, справедливо считает ее родоначальником Гоголя.

Большой интерес представляет передовая статья «„Искра" 1870 года». Современной политической обстановке Курочкин противопоставляет годы подъема революционной мысли, годы революционной ситуации, когда начала свое существование «Искра». Это были «светлые прекрасные дни», «пора самых светлых надежд и упований». Литературу, пишет он, одушевляло стремление к «общему добру и счастью»; все лучшее, живое и плодотворное насаждено ее трудами, и, обращаясь мыслью к этому недавнему времени, с благодарностью вспоминаешь «дорогие тени». Эти слова звучали очень злободневно, и каждый без труда припоминал имена «добрых спутников, которые исчезли в прекрасные часы, обманутые счастьем». Теперь, продолжает Курочкин, наступила другая полоса; донос, инсинуация стали обыкновенными явлениями в литературе и журналистике; они стали оружием в руках претендентов на «добычу».

Публицистика Курочкина не однотипна по своим жанровым особенностям; это и статьи разного объема, и фельетоны, и статьи с явными элементами фельетона («Газета «День» и Иван Яковлевич Корейша»), и пр. Во многих из них, как было отмечено, имеются стихотворные вставки. Причем одни из этих вставок представляют собою законченные стихотворения, другие — фрагменты, которые подчас трудно изъять из прозаического текста. Курочкин прибегал к драматической форме, занимающей в отдельных фельетонах преобладающее место («Русский разговор петербургских дам»). Он об-

---

[1] Статья напечатана без подписи (1861, № 20), но принадлежит, по всей вероятности, не Г. З. Елисееву, как полагали раньше, а Курочкину. В пользу этого говорят рассуждения автора статьи по поводу стихотворной сатиры Курочкина на Вяземского, появившейся в «Искре» незадолго до этого.

ращался и к эпистолярной форме («Письма доброжелателей „Искры“»).

Вообще построение, композиция фельетонов Курочкина весьма разнообразны. Введение к сатире на Вяземского «В гостях и дома» написано в прозе. Первая часть — «В гостях» — пародийные стихи с небольшими прозаическими переходами и заключением. Вторая часть — «Дома» — несколько драматических сценок; эти сценки объединены тем, что герой каждой из них — И. С. Аксаков, Катков, Соллогуб, Аскоченский, П. А. Каратыгин и другие враги демократического лагеря — произносит строки из разных стихотворений Вяземского.

Совсем иначе построен, например, фельетон «Педагогическое нововведение» — сатира на реакционного педагога Миллера-Красовского. Он состоит из трех частей: письмо «старовера» Бориса Фаддеева к редактору «Искры», отрывок из книги Миллера-Красовского («быль» об одном педагоге) и стихотворная пародия на эту «быль». Интересно, что концовка пародии, ее, так сказать, «мораль», не согласуется с образом Фаддеева; здесь вторгается, как это часто бывает в сатирах Щедрина, ее подлинный автор — Курочкин.

Статьи и фельетоны Курочкина, как и его стихотворения, нередко написаны от имени благонамеренного человека. Это не только Борис Фаддеев, но и фельетонист Тарах Толерансов, и мнимый автор фельетона «Нечто о честности», который восхищается «передовыми» чиновниками, публично заявляющими о собственном бескорыстии, и «поэт-примиритель», от имени которого написаны фельетоны об акционерных обществах. Последняя маска — та же, что и в стихотворении «Сон на Новый год». В фельетоне «Осьмнадцать миллионов», написанном по поводу убытков, которые потерпели акционеры многих акционерных обществ, Курочкин вкладывает в уста «поэта-примирителя» иронические и двусмысленные слова: «Можно ли *благонамеренно умерить* жалобы разоряющихся и разоренных; можно ли примирить возвышенные чувства с опорожненными бумажниками?» Однако «поэт-примиритель» преодолевает это сомнение соображениями о том, что нужно «смириться и молчать», что сама природа установила, чтобы немногие были богаты, а «все прочие бедны», что не следует упрекать «господ директоров» и лучше схоронить потерянные деньги «без стонов и без слез». В фельетоне «Главное общество российских железных дорог» также упоминается «дребезжащая примирительными сочувствиями лира» (1861, № 31, стр. 439).

В статьях и фельетонах имеются и прямые пародии (как стихотворные, так и прозаические) и обильные пародийные элементы. Выше уже упоминалась пародия на Миллера-Красовского и первая часть «В гостях и дома» — синтетическая пародия на первую половину сборника Вяземского «В дороге и дома». Во второй части того же фельетона находим пародии на французское стихотворение Соллогуба и на стихотворение Вяземского «Поручение в Ревель». Фельетон «Эмансипированная чиновница» — пародия на французский водевиль Соллогуба «Une preuve d'amitié» и его комедию «Чиновник». Интересно, что в 4-й главе этого беллетризованного фельетона есть пародийная насмешка над самим жанром выродившегося водевиля: «великое множество дверей» в комнате, неожиданно (это слово напечатано курсивом) появляющиеся персонажи, которых прячут за этими дверьми, и пр.

Не менее интересно, что и некоторые статьи Курочкина насыщены пародийными элементами. Так, статья «Критик, романтик и лирик» — это в значительной мере пародийный пересказ статьи Ап. Григорьева. Пародией является отчасти статья «Проницательные читатели».

В публицистике Курочкина обнаружился его яркий полемический талант. Здесь полемика имеет, естественно, несколько иной, более развернутый характер, чем в стихотворениях. В качестве образцов его полемического мастерства можно указать помещенную в трех номерах «Искры» статью «Корреспонденты и рецензенты», где нанесен сокрушительный удар нападавшему на обличительную литературу справа А. П. Пятковскому, и статью о журнале В. Р. Зотова — «Опыт об „Иллюстрации“». В статье «Газета «День» и Иван Яковлевич Корейша» Курочкин развенчивает реакционную политическую позицию славянофила И. С. Аксакова, его неприязненное отношение ко «всяким увлечениям», то есть к передовой мысли, его национализм и идеализацию отсталости русской жизни. Можно назвать еще ряд статей против того же славянофильства, против Каткова («Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни»), «Библиотеки для чтения» («Полемические приемы и нравственные принципы г-на Охочекомонного») и др.

Курочкин как редактор «Искры», поэт и публицист был сторонником сатиры «на лица» (хотя и не ограничивался ею в своем творчестве), считая такую сатиру действенным оружием в борьбе с враждебным народу общественным строем и реакционной идеологией. Весьма интересно в этом отношении «Письмо с того света», написанное от имени Н. И. Новикова; им начинается фельетон

Курочкина «Письма доброжелателей „Искры“». «Критика на лицо больше подействует, нежели как бы она писана на общие пороки», — цитирует Новиков, в поучение «Искре», свой «Трутень». Он напоминает о споре по поводу характера и задач сатиры в сатирических журналах XVIII века. Его «Трутень» неизменно стоял за сатиру «на лица», на виновников тех или иных злоупотреблений и решительно отвергал незлобивую, безобидную, не задевающую личностей сатиру «на общий порок», которую пропагандировала «Всякая всячина» Екатерины II. Все это тем более существенно, что устами Новикова Курочкин называет «Трутень» «прародителем» «Искры».

Сатира «на лица» занимает в поэзии и публицистике Курочкина немалое место. Разоблачая зло и неправду, он очень часто писал об их конкретных носителях, прямо называя или только намекая и помогая читателям разгадать их имена. Но неприглядные факты и поступки, связанные с этими лицами, интересовали Курочкина не сами по себе, а как выражение тех или иных тенденций эпохи, ее политической атмосферы, как типичные черты, характеризующие политическое поведение и человеческий облик господствующих классов. Недаром одной из особенностей «Искры» цензура считала «генерализацию отдельных случаев каких бы то ни было злоупотреблений».[1]

Курочкина, как и других искровцев, неоднократно обвиняли в том, что они порочат личную жизнь несимпатичных им писателей. Но подобно тому, как помпадуры всех рангов, о которых они писали, интересовали их не как частные лица, а как представители определенного порядка вещей, определенного социального строя, точно так же и публицисты, с которыми приходилось бороться Курочкину, были для него проводниками «известного порядка идей»,[2] — того порядка идей, который стремился в той или иной мере оправдать и сохранить отжившие общественные устои.

В творчестве Курочкина, как и других сатириков демократического лагеря середины XIX века, сатира «на лица» и сатира «на порок» по существу объединились. «Пороки» — не абстрактные, общечеловеческие слабости и пороки, а пороки данного времени, данного социального организма, данного класса — были очень часто тесно связаны в их сатире с «лицами», а «лица» являлись не просто

---

[1] Центр. гос. историч. архив СССР в Ленинграде. Дело Совета министра внутр. дел по делам книгопечатания, 1864, № 12, л. 82 об.

[2] Слова из анонимной статьи «Литературные размышления». — «Искра», 1868, № 29, стр. 348.

порочными людьми, а представителями власти, проводниками воли правящего класса, его идейными защитниками и т. д. Устранение этих пороков, стремились они (в том числе Курочкин) показать в своих произведениях, возможно только с ликвидацией самодержавия и эксплуататорского строя.

8

Н. К. Михайловский, сетуя на равнодушие русского интеллигентного общества 70-х годов, писал в некрологе Курочкина: «Тридцать — сорок человек шло за гробом человека, который каких-нибудь пятнадцать лет тому назад был одним из самых популярных людей в России, журнала которого боялись, стихи которого выдержали не одно издание».[1] Слова о популярности Курочкина не являются обычным некрологическим преувеличением. Каждому, кто изучал журналистику 60-х годов, известно, как часто по разным поводам — то сочувственно, то с неприязнью — упоминается в ней имя Курочкина и его «Искра».

Буржуазно-дворянская критика конца XIX — начала XX века в борьбе с идейным наследием 60-х годов стремилась затушевать в сознании современников имена революционных писателей. И если она не в силах была сделать это по отношению к Чернышевскому и Добролюбову, Некрасову и Щедрину, то это в известной степени удалось ей по отношению к менее крупным писателям. Курочкин и другие поэты некрасовского направления почти не изучались, подчас вовсе игнорировались; среди буржуазной интеллигенции культивировалось пренебрежительное отношение к ним.

Зато в демократических и революционных кругах русского общества как 60-х годов, так и последующих десятилетий имя Курочкина пользовалось большой симпатией и популярностью. Из воспоминаний современника мы знаем, что «крупным талантом» считал его Некрасов.[2] Многократно и с большой теплотой писал о Курочкине и «Искре» М. Горький. Еще в детстве он читал «Искру», а также хорошо знал и на всю жизнь запомнил переводы Курочкина из Беранже. В статье «О том, как я учился писать» имя Курочкина названо рядом с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова: «Стихи писал я легко, но... презирал себя за неуменье, за

---

[1] «Записки профана». — «Отечественные записки», 1875, № 9, «Современное обозрение», стр. 88—89.

[2] П. Безобразов ⟨П. В. Григорьев⟩. Воспоминания о Некрасове. — «Правда» (Женева), 1883, № 19, стр. 8.

бездарность. Я читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, переводы Курочкина из Беранже и очень хорошо видел, что ни на одного из этих поэтов я ничем не похож».[1] В уста Актера из «На дне» Горький вложил строки из перевода «Безумцев» Беранже: «Господа, если к правде святой Мир дорогу найти не умеет» и т. д. и способствовал тем самым их широкой известности. Высоко оценил он историческую роль «Искры» в своем курсе истории русской литературы. К Курочкину и «Искре» Горький обращался и в своих письмах и статьях советских лет.

Н. К. Крупская не раз вспоминала о том, какой популярностью пользовались поэты «Искры» у людей ее поколения, в семье Ульяновых, как много стихотворений искровцев знал наизусть В. И. Ленин. В своей статье по поводу сборника «Поэты „Искры“» она писала: «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, авторов не знали, а стихи знали... Поэты «Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты „Искры“».[2]

Творчество Курочкина пережило свою эпоху, сохранив свою ценность до наших дней. Протест против деспотизма, произвола и социального неравенства, злой смех над угнетателями трудящихся масс, над журналистами и писателями антидемократического лагеря, над барством, оппортунизмом, фразерством, пошлостью и обывательщиной — все это близко и современному читателю. Политически острая и отточенная, поэзия Курочкина в своей значительной части не утратила и эстетической действенности. Поэтический опыт Курочкина, его политическое чутье, методы сатирического разоблачения, его сарказм и ирония, его гибкий, выразительный стих представляют несомненный интерес и для советских поэтов.

И. Ямпольский.

---

[1] Собрание сочинений, т. 24, М., 1953, стр. 488.

[2] «Литературная газета», 1934, № 101. См. также статьи Н. К. Крупской: «Детство и ранняя юность Ильича». — «Большевик», 1938, № 12, стр. 69; «Ленин о коммунистической морали». — «Молодая гвардия», 1938, № 3, стр. 27.

СТИХОТВОРЕНИЯ

НИ В МАТЬ, НИ В ОТЦА

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом;
Облачась в дорогой кашемир,
Твоя мать презирает весь мир;
Как же ты — это трудно понять —
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать — охотница девок посечь,
А отец — подчиненных распечь;
Ты — со всеми на свете равна,
С молодежью блестящей скучна,
Не умеешь прельщать, занимать.
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;
Мать в Париж уезжает весной;
А тебя от туманных небес
Манит в горы, да в степи, да в лес...
Целый день ты готова блуждать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу —
Чтоб крестов было больше да лент;
А с тобою — какой-то студент...
Душу рада ему ты отдать...
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец
Шумной жизни, какую отец
За любовь твоей матери дал.
Разобьется и твой идеал...
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,
Уродиться в отца или в мать!

1853

РАССКАЗ НЯНИ

— Няня, любила ли ты?
— Я, что ли, барышня? Что вам?
— Как что?.. Страданья... мечты...
— Не оскорбить бы вас словом.
Нашей сестры разговор
Всё из простых, значит, слов...
Нам и любовь не в любовь,
Нам и позор не в позор!

Друг нужен пó сердцу вам;
Нам и друзей-то не надо:
Барин обделает сам —
Мы ведь послушное стадо.
Наш был на это здоров...
Тут был и мне приговор...
Нам и любовь не в любовь,
Нам и позор не в позор!

После... племянник ли... сын...
Это уж дело не наше, —
Только прямой господин —
Верите ль: солнышка краше.
Тоже господская кровь...
Лют был до наших сестер...
Нам и любовь не в любовь,
Нам и позор не в позор!

Раньше... да что вспоминать!
Было как будто похоже,
Вот как в романах читать
Сами изволите тоже.
Только уж много годов
Парень в солдатах с тех пор...
  Нам и любовь не в любовь,
  Нам и позор не в позор!

Там и пошла, и пошла...
Всё и со мной, как с другими...
Ноне спасаюсь от зла
Только летами своими,
Что у старухи и кровь
Похолодела и взор...
  Нам и любовь не в любовь,
  Нам и позор не в позор!

Барышня, скучен рассказ?
Вот и теперь подрастает
Девушка... девка для вас...
А уж господ соблазняет...
Черные косы да бровь
Сгубят красавицу скоро...
  Господи! Дай ей любовь
  И огради от позора!

1855

Как в наши лучшие года
Мы пролетаем без участья
Помимо истинного счастья!
Мы молоды, душа горда...
Как в нас заносчивости много!
Пред нами светлая дорога...
Проходят лучшие года!

Проходят лучшие года —
Мы всё идем дорогой ложной,
Вслед за мечтою невозможной,
Идем неведомо куда...
Но вот овраг — вот мы споткнулись...
Кругом стемнело... Оглянулись —
Нигде ни звука, ни следа!

Нигде ни звука, ни следа,
Ни светлых дней, ни сожаленья,
На сердце тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нет силы... Подкосились ноги...
Погасла дальная звезда!

Погасла дальная звезда!
Пора, пора душой смириться!
Над жизнью нечего глумиться,

Вкусив от горького плода, —
Или с бессильем старой девы
Твердить упорно: где вы, где вы,
Вотще минувшие года!

Вотще минувшие года
Не лучше ль справить честной тризной?
Не оскверним же укоризной
Господень мир — и никогда
С бессильной злобой оскорбленных
Не осмеем четы влюбленных,
Влюбленных в лучшие года!

⟨1856⟩

ОБЩИЙ ЗНАКОМЫЙ

Не высок, ни толст, ни тонок,
Холост, средних лет,
Взгляд приятен, голос звонок,
Хорошо одет;
Без запинки, где придется,
Всюду порет дичь —
И поэтому зовется:
Милый Петр Ильич!

Молодое поколенье
С жаром говорит,
Что брать взятки — преступленье,
Совесть не велит;
Он сейчас: «Уж как угодно,
Взятки — сущий бич!»
Ах! какой он благородный,
Милый Петр Ильич!

Старичков остаток злобный,
Чуя зло везде,
Образ мыслей неподобный
Видит в бороде;
Он сейчас: «На барабане
Всех бы их остричь!»
Старички-то и в тумане...
Милый Петр Ильич!

С дамами глядит амуром
    В цветнике из роз;
Допотопным каламбуром
    Насмешит до слез;
Губки сжав, в альбомы пишет
    Сладенькую дичь —
И из уст прелестных слышит:
    Милый Петр Ильич!

Там старушки о болонках
    Мелют, о дровах,
Приживалках, компаньонках,
    Крепостных людя́х...
Он и к этим разговорам
    Приплетает дичь;
А старушки дружным хором:
    Милый Петр Ильич!

С сановитыми тузами
    Мастер говорить
И умильными глазами
    Случай уловить.
Своему призванью верный,
    Ведь сумел достичь
Аттестации: примерный,
    Милый Петр Ильич!

Польки пляшет до упада,
    В картах черту брат;
И хозяйка очень рада,
    И хозяин рад.
Уж его не разбирают,
    Не хотят постичь,
А до гроба величают:
    Милый Петр Ильич!

⟨1856⟩

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА.

Грав. П. Куренковъ.

Подчиненный. — Позвольте узнать, за что вы меня лишили мѣста?

Начальникъ. — За то, что вы не умѣете служить, какъ эти господа.

Мчит меня в твои объятья
Страстная тревога, —
И хочу тебе сказать я
Много, много, много.

Но возлюбленной сердечко
На ответы скупо.
И глядит моя овечка
Глупо, глупо, глупо.

На душе мороз трескучий,
А на щечках розы —
И в глазах, на всякий случай,
Слезы, слезы, слезы.

⟨1856⟩

В РАЗЛУКЕ

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
    Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек... но если бы с тобою
    Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
    Не знаю: сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня... но если бы с тобою
    Я встретиться могла!

⟨1856⟩

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да никак ты о двух головах!»

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью

Заклеймен двуголовым орлом.
Наш брат русский — уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется —
Оттого что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят
На обоих бортах вицмундира
По шести двуголовых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зерцалом, внушающим страх, —
А уж грабит, так грабит здорово
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего;
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый

Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

⟨*1857*⟩

18 ИЮЛЯ 1857 ГОДА

Зачем Париж в смятении опять?
На площадях и улицах солдаты,
Народных волн не может взор обнять...
Кому спешат последний долг воздать?
Чей это гроб и катафалк богатый?
Тревожный слух в Париже пролетел:
　　Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилася звезда,
Светившая полвека кротким светом
Над алтарем страданья и труда;
Простой народ простился навсегда
С своим родным учителем-поэтом,
Воспевшим блеск его великих дел.
　　Угас поэт — народ осиротел.

Зачем пальба и колокольный звон,
Мундиры войск и ризы духовенства,
Торжественность тщеславных похорон
Тому, кто жил так искренно, как он,
Певцом *любви, свободы* и *равенства,*
Несчастным льстил, но с сильными был смел?
　　Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певцу напрасный фимиам,
Дым пороха в невыносимом громе —

Дым, дорогой тщеславным богачам, —
Зачем ему? Когда *бог добрых* сам,
Благословив младенца на соломе,
Не быть ничем поэту повелел?
Угас поэт — народ осиротел.

Народ всех стран — страдание и труд,
И сладких слез над песнями отрада
Громчей пальбы к бессмертию зовут!
И в них, поэт, тебе верховный суд —
Великому великая награда,
Когда поэт песнь лебедя пропел —
И, внемля ей, народ осиротел. [1]

1857

[1] Слова, напечатанные курсивом, — перевод собственных выражений Беранже из разных песен.

СЧАСТЛИВЕЦ

Розовый, свежий, дородный,
Юный, веселый всегда,
Разума даже следа
Нет в голове благородной,
Ходит там ветер сквозной...
Экой счастливец какой!

Долго не думая, смело,
В доброе время и час,
Вздумал — и сделал как раз
Самое скверное дело,
Не возмутившись душой...
Экой счастливец какой!

С голоду гибнут крестьяне...
Пусть погибает весь свет!
Вот он на званый обед
Выехал: сани не сани!
Конь, что за конь вороной!
Экой счастливец какой!

Женщину встретит — под шляпку
Взглянет, тряхнет кошельком
И, насладившись цветком,
Бросит, как старую тряпку, —
И уж подъехал к другой...
Экой счастливец какой!

Рыщет себе беззаботно,
Не о чем, благо, тужить...
В службу предложат вступить —
Вступит и в службу охотно.
Будет сановник большой...
    Экой счастливец какой!

Розовый, свежий, дородный,
Труд и несчастный расчет
Подлым мещанством зовет...
Враг всякой мысли свободной,
Чувства и речи родной...
    Экой счастливец какой!

⟨1857⟩

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Годы пройдут, словно день, словно час;
Много людей промелькнет мимо нас.
Дети займут положение в свете,
И старики поглупеют, как дети.
Мы поглупеем, как все, в свой черед,
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

В зрелых умом, скудных чувствами летах
Тьму новостей прочитаем в газетах:
Про наводненья, пожары, войну,
Про отнятую у горцев страну,
Скотский падеж и осушку болот —
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Будем, как все люди добрые, жить;
Будем влюбляться, не будем любить —
Ты продашь сердце для партии громкой,
С горя и я заведусь экономкой...
Та старика под венец поведет...
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Первой любви не сотрется печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать;

Общие сны будут сниться обоим;
Разум обманем и сердце закроем —
Но о прошедшем тоска не умрет,
И уж любовь не придет, не придет —
Нет, уж любовь не придет!

⟨1857⟩

НАПУТСТВИЕ

(Н. С. К⟨урочки⟩ну)

Покоряясь пред судьбою,
Поезжай — господь с тобою! —
К чуждым берегам.
Если счастье навернется —
Оставайся; не найдется —
Возвращайся к нам.

Разъезжай себе покорно
До Марсели, до Ливорно
И иной страны;
Покоряться воле неба
Ради крова, ради хлеба
Мы уж, брат, должны.

Полны гордого сознанья,
Скажем просто: до свиданья! —
Как придется там...
Обессмысленные звуки
Час торжественной разлуки
Не опошлят нам.

Мы словами жизнь не мерим,
Мы уж многому не верим,
Как в былые дни;
Но, исполнившись смиренья,
Помним светлые мгновенья —
Были же они!

Если были — будут снова;
Было б сердце к ним готово
Да свободен ум.
А тебе — и с полугоря —
Их навеет воздух с моря,
Моря вечный шум,

Солнце, бури, климат знойный,
Жизни трепет беспокойный,
Неумолчный гам...
Так чего ж? Махнув рукою,
Поезжай — господь с тобою! —
К чуждым берегам.

1858

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Песни, что ли, вы хотите?
Песня будет не нова...
Но для музыки возьмите:
В ней слова, слова, слова.
Обвинять ли наше племя,
Иль обычай так силен,
Что поем мы в наше время
Песню дедовских времен?

Жил чиновник небогатый.
Просто жил, как бог велел —
И, посты хранивши свято,
Тысяч сто нажить умел.
Но *по злобному навету*
Вдруг от места отрешен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Мой сосед в своем именье
Вздумал школы заводить;
Сам вмешался в управленье,
Думал бедных облегчить...
И пошла молва по свету,
Что приятель *поврежден.*
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Сам не знаю — петь ли дальше...
Я красавицу знавал:
Захотелось в генеральши —
И нашелся генерал.
В этом смысла даже нету,
Был другой в нее влюблен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Песню старую от века,
Как языческий кумир —
Где превыше человека
Ставят шпоры и мундир,
Где уму простора нету,
Где бессмысленный силен...
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Да когда ж споем другую?
Разве нету голосов?
И не стыдно ль дрянь такую
Петь уж несколько веков?
Или спать, сложивши руки,
При движении племен,
Богатырским сном под звуки
Песни дедовских времен?

⟨1858⟩

⟨Н. В. МАКСИМОВУ⟩

Что? стихов ты хочешь, что ли?
Услужить бы я готов;
Написал бы я для Коли,
Только вот беда: нет воли,
А без воли нет стихов.

В наши будущие годы
Высоко для вас взойдет
Солнце красное свободы;
А про наши про невзгоды,
Про цензурные походы
Даже память пропадет.

Мы упали в рабской роли.
Коля! вспомни наши дни
В годы равенства и воли
И хоть добрым словом, что ли,
Старых братьев помяни.

1858(?)

Я не поэт — и, не связанный узами
С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.
Родине предан любовью безвестною,
Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,
Я положил свое чувство сыновнее
Все в нее.

Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастия
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.

Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтенья народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».
Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,
Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными,
Праздными
Добрые люди внимания стоящей —
Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
Сделаю,
Кроме того, впечатленье известное,
Честное, —
В нем и поэзия будет обильная,
Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
Узами.

⟨1859⟩

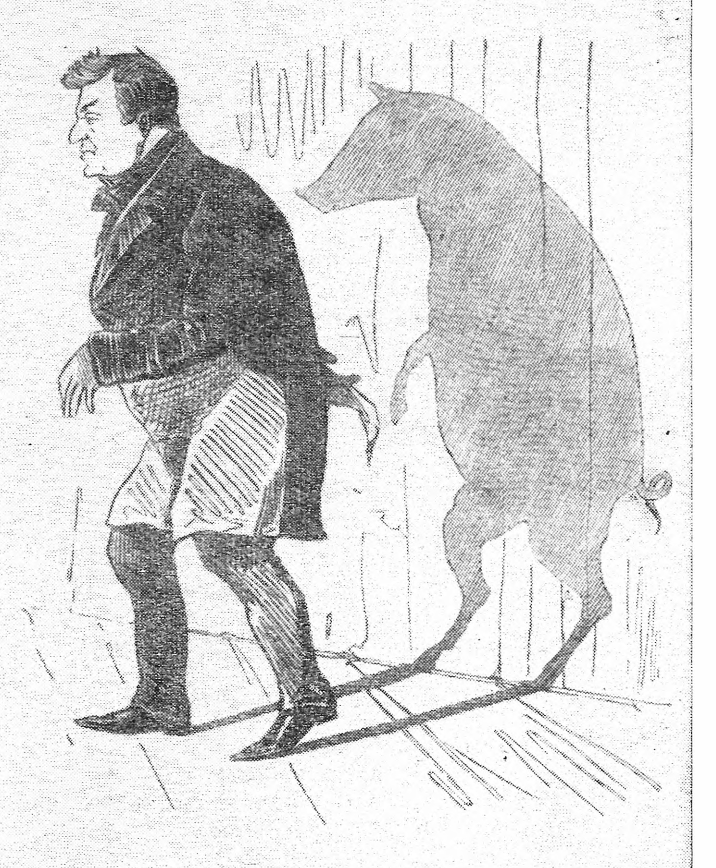
ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Старый хапуга, отъявленный плут
Отдан под суд;
Дело его, по решении строгом,
Пахнет острогом...
Но у хапуги, во-первых, жена
Очень умна;
А во-вторых — еще несколько дочек
. . . .
(Несколько точек.)

Дочек наставила, как поступать,
Умная мать.
(Как говорят языком и глазами —
Знаете сами.)
Плачет и молится каждую ночь
Каждая дочь...
Ну, и нашелся заступник сиятельный
!
(Знак восклицательный.)

Старый хапуга оправдан судом,
Правда, с трудом;
Но уж уселся он в полной надежде,
Крепче, чем прежде.
Свет, говорят, не без добрых людей —
Правда, ей-ей!
Так и покончим, махнув сокрушительный
?
(Знак вопросительный.)

⟨1859⟩

Прекрасный человѣкъ и его тѣнь.

ЖАЛОБА ЧИНОВНИКА

Человек я хорошего нрава —
Право!
Но нельзя же служить, как известно,
Честно.
Я вполне соглашаюсь, что взятки
Гадки;
Но семейство, большое к тому же,
Хуже.
Точно: можно ходить и в веригах —
В книгах...
А чтоб эдак-то бегать по свету —
Нету!
Рассуждают, награбивши много,
Строго:
Капитал-де от предков имели!
Все ли?
И меня ведь господь не обидел:
Видел,
Как и те, что статейки писали, —
Брали.
Так за что ж распекать-то сверх штата
Брата?
Одного ведь отца мы на свете
Дети!

⟨1859⟩

ТОЛЬКО!..

Нет на свете зла!
Жить — легка наука;
Зло изобрела
Авторская скука.
Вот весна, весна!
Вся природа рада...
Только — холодна...
Согреваться надо.

Нам от стужи дан
Нектар ароматный;
Вина южных стран
Теплотой приятной
Чувства усладят...
Только — снова вздохи:
Вина, говорят,
Дороги и плохи.

Нет — так все равно!
Что нам пить чужое?
Есть у нас вино,
Русскому родное:
Чарка водки — в зной
И в мороз — находка!
Только — грех какой! —
Дорога и водка.

Пить взамен вина
Просто воду будем;
Трезвость нам нужна,
Как рабочим людям:
В ней — успех труда...
Только — я не скрою —
Чистая вода
Дорога весною.

А весна идет
И, дразня свободой,
Негой обдает...
Поживем с природой
Хоть один денек!
Только — вот забота:
Двери на замок
Заперла работа.

Так трудом живи,
В светлые мгновенья
Находя в любви
От труда забвенье.
С нею, в царстве грез,
Бедных нет на свете!
Только — вот вопрос:
Ну, как будут дети?..

Так одним трудом,
Без мечты нескромной,
Как-нибудь дойдем
До могилы темной.
Труд — надежный друг
Всех несчастных... только —
Сколько в свете рук,
Нет работы столько!

Жить ли без труда
С голодом да с жаждой!
Только... как тогда
Дорог угол каждый!

А весна светла
И поет лукаво:
«Нет в природе зла!
Счастье — ваше право».

⟨1859⟩

БЕДОВЫЙ КРИТИК

Уж он ослаб рассудком бедным,
Уж он старик, сухой как жердь,
Своим дыханием зловредным
Небесную коптящий твердь.
Уже, со старческою палкой,
В приюте нравственных калек,
В какой-нибудь газете жалкой
Он жалкий доживает век.
Вдруг, вспомнив прежнюю отвагу,
Рукой дрожащею скорей
Берется в корчах за бумагу —
Чернит бумагу и людей.
Старинный червь сосет и точит;
Но уж в глазах темнеет свет:
Портрет врага писать он хочет —
И выставляет свой портрет.
«Нахальство... мальчик...» — злость диктует;
Но изменившая рука
Строками черными рисует
Нахальство злого старика.
Досада пуще в грудь теснится,
Бессилье сердце жмет тоской —
И, с пеной у рта, старец злится,
Покуда сам не отравится
Своею бешеной слюной.

1859

ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

(Идиллия)

Надо мною мракобесия
Тяготела суета,
И блуждал, как в темном лесе, я
До успенского поста;
Но во дни поста успенского
Я внимательно читал
Господина Аскоченского
Назидательный журнал.

Чудо вочью совершилося:
Стал я духом юн и смел;
Пелена с очей свалилася —
И внезапно я прозрел.
Я провидел все опасности,
Что грозят родной стране
С водворением в ней гласности —
Столь враждебной тишине.

Погибает наша нация,
Думал я, с тех пор, как в ней
Поднялась цивилизация
И брожение идей,
И стремление гуманное —
Это все придумал бес —
Наважденье окаянное!
Окаянский ваш прогресс!

За свое спасенье ратуя,
    В Летний сад я поспешил:
Там, смотрю: нагая статуя!
    Камнем я в нее пустил.
Вдруг хожалый очень явственно
    «Ты мазурик!» закричал.
И за этот подвиг нравственный
    Потащил меня в квартал.

И в квартале размышлениям
    Предавался я один.
Думал: вот каким гонениям
    Здесь подвержен гражданин
За боязнь соблазна женского!
    Ах, зачем же я читал
Господина Аскоченского
    Назидательный журнал!

1859

ОПЫТЫ ГЛАСНОГО САМОВОСХВАЛЕНИЯ[1]

Привело меня в смущенье
    Это объявленье.
Неужели только в Вятке
    Не берутся взятки?
Нет! В столице есть подобный
    Некий муж незлобный;
О себе он также внятно
    Возвестил печатно.
Правда держится меж нами
    Оными мужами:
Господином Вышнеградским
    С прокурором вятским.
Мужи правды и совета!
    Вам зачтется это.
Перед честностию вашей,
    Всплывшей солнца краше, —
При хвалебном общем клике
    Ныне все язы́ки
Благодарныя России
    Преклоняют выи.

1859

---

[1] По поводу заявления вятского прокурора и предшествовавшего ему заявления г. Вышнеградского.

ВОЗЗВАНИЕ[1]

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный.

Приди — не знающий
Любостяжания,
Приди — не чающий
С истцов даяния,
Виновных женами
Не соблазнившийся
И лишь законами
Руководившийся,
Злом не торгующий,
Добра не да́вящий,
Споспешествующий
И правоправящий!
Придите, сильные,
Придите, слабые,
Правдообильные!
Придите — дабы я
Деянья честности,
Душевной ясности
Обрек известности
Посредством гласности!

1859

[1] Можно петь это воззвание на голос известной арии «La donna e mobile».

ТУРНИР В ПАССАЖЕ

I

ОЖИДАНИЕ

Какое торжество Пассаж готовит нам?
Почто текут народа шумны волны
В его концертный зал, сияющий как храм,
И все места в том зале полны?
Почто в полдневный час пред зданьем проходным,
С его туннелем позабытым,
Движенье странное по стогнам городским,
Водопроводами изрытым?
Почто в движении Пассажа вовсе нет
Обычного праздношатанья
И нет сих барышень, неуловимых лет
И неразгаданного званья?
Почто стекаются и воин, и купец,
Фельетонист-импровизатор,
Моряк, и инвалид, и акций продавец,
И начинающий оратор,
Акционеров друг с внимательным лицом,
Изобразившим страх, чтоб ближних не надули,
И рисовальщик наш с своим карандашом
Из крепкого свинца, идущего на пули?
Что значит этот шум, как вопль одной души,
Весь совместившийся в неразделимом звуке,
От зала до кафе, где, чуя барыши,
Буфетчик потирает руки?

Какое торжество Пассаж готовит нам?
Ужели выступит Матрешка

И запоет под лад восторженным сердцам,
Как на бревно ступила ножка;
Ужель «Крамбамбули», «Антипка» и «Туман»
Нам душу освежат преданьями былого?
Ужели выступит на сцену хор цыган
Под управлением Григорья Соколова?
О! Если б этот хор! Увы! К чему мечты!
Цыганки в Любеке[1] влачат свой век унылый —
И в норы на зиму, как некие кроты,
Попрятались цыганофилы.
Науки ль чудеса раскроются для нас
Ее публичными жрецами?
Но нет! В Пассаже есть всему урочный час,
Час, предначертанный в программе.
Какое ж торжество Пассаж готовит нам?
Почто текут народа шумны волны?
Какими чувствами, подобными волнам,
Сердца и головы их полны?
Толпа спешит в Пассаж, имея цель одну:
Упиться зрелищем ей новым —
На рыцарский турнир, бескровную войну
Господ Перозио с Смирновым...
. . . .

II

ПРИГОВОР

Прочь от нас Катон, Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктет!
Пирогов, Щедрин, Громека —
Обличительного века
Беспокойный факультет!

Господа, *«мы не созрели!..»*
Вот какой принес нам плод
За стремленье к доброй цели —
В две последние недели
Пятьдесят девятый год!

---

[1] Любек — не город Любек, а бывший на Петровском острове трактир.

Как мальчишкам нужны сказки,
Так нам всем, в родном краю,
Нужны помочи, указки.
Так уснем, закрывши глазки,
Баю-баюшки-баю!

Обличительных погромов
Уничтожив самый след,
Будем спать, как спал Обломов
В продолжение двух томов, —
В продолжение ста лет.

Бросив гласности химеры,
Неприличные детям,
Да пребудут полны веры
Господа акционеры
К господам директорам.

И так далее... и выше,
И в судах, и в остальном,
С каждым днем всё тише, тише,
Благодатный мир под крыши
Заберется в каждый дом.

И неведеньем хранима,
Злом невидимым сильна,
В крепком сне непобедима,
Безглагольна, недвижима
Будет Русская страна!

1859

СОН НА НОВЫЙ ГОД

В чертогах, взысканных богами,
В сиянье солнечных лучей,
Разлитых Кумберга шарами,
По оживленной панораме
Дерев тропических, дверей,
Тяжелым бархатом висящих,
Ковров, статуй, лакеев, зал,
Картин, портретов, рам блестящих
И на три улицы глядящих,
Атласом убранных зеркал;

В волнах невнятных разговоров,
Алмазов, лент, живых цветов,
Тончайших кружев, ясных взоров,
Почтенных лысин, важных споров,
Мирозиждительных голов,
Прелестных дев, хранимых свято,
Старушек, чуждых суеты,
Умов, талантов чище злата —
В слиянье света, аромата,
Тепла, простора, красоты, —

Как нуль, примкнутый к единицам
Для округленья единиц,
Внимая скромно важным лицам
И удивляясь львам и львицам,

Я всей душой склонялся ниц,
Как вдруг — раздался туш громовый,
Холодный подан мне бокал,
И бой часов густой, суровый
Провозвестил, что ныне новый,
Шестидесятый год настал.

Отдавшись весь теплу и свету,
В волненьях авторской тоски,
Я встал, как следует поэту,
Скользя по светлому паркету
Ногой, обутой щегольски.
По оживленной панораме
Пронесся гул, как ропот вод:
«Mesdames! M-r Знаменский... стихами...
Messieurs!.. желает перед нами
Сказать стихи на Новый год».

Игра и вальс остановились;
С участьем детским предо мной
Головки нежные склонились,
И все очки в меня вперились...
Лакею сдав бокал пустой,
Подкуплен ужином грядущим
И белизной открытых плеч,
Я возгорелся жаром пущим
И с вдохновеньем, мне присущим,
Провозгласил такую речь:

Я говорил: «В наш век прогресса
Девиз и знамя наших дней
Не есть анархия идей,
А *примиренье интереса*
С святыми чувствами людей.

Исполнясь гордого сознанья,
Что мы кладем основы зданья,
Неразрушимого в веках,
Призванья нашего достойны,
Пребудем мудры и спокойны,
Как боги древних в небесах.

Согласно требованьям века,
Возвысим личность человека,
Свободный труд его почтим
И, поражая зла остатки,
Единодушно: взятки гадки!
На всю Россию прокричим.

Вослед за криком обличенья,
Без лихорадки увлеченья,
Мы станем действовать в тиши;
И так как гласности мы верим,
Благонамеренно умерим
Порывы страстные души.

Друзья мои, поэта лира
Одни святые звуки мира
На вещих струнах издает;
И счастья всем — в убогих хатах
И в раззолоченных палатах —
Певец желает в Новый год.

Тебе, Сорокин, — чтобы мог ты
От Бугорков до Малой Охты
Скупить дома до одного;
И чтоб от звуков сладкой лиры
Надбавка платы на квартиры
Не тяготила никого.

Чтоб чарка водки в воскресенье —
Труда тяжелого забвенье —
Была у бедных мужичков;
И вместе с тем, чтоб паки, паки
Разбогател Тармаламаки,
Снимая пенки с откупов.

Чтоб сметка русских не дремала
И чтоб торговля оживляла
Все города родной земли,
И чтобы немцы и французы
Из Петербурга денег грузы
В отчизну также увезли.

Либералъ-эквилибристъ, ловко колеблющійся во всѣ стороны и отыскивающій благоразумную средину.

Чтоб каждый думал с новым годом
Соразмерять приход с расходом,
Свой личный труд и труд чужой;
И чтобы дамские наряды,
Как здесь, пленяли наши взгляды
Неравномерно с красотой.

Чтобы везде, в углу, в подвале,
В тюрьме, в нетопленной избе,
Все также Новый год встречали,
Как мы, в роскошной этой зале,
Позабывая о себе!»

Рукоплесканья заглушили
Мой безыскусственный привет;
Старушки тихо слезы лили,
А старцы громко говорили,
Что я — единственный поэт,
Что Русь талантами богата!..
Все львы сошлись со мной на ты,
В моем лице целуя брата, —
В слиянье света, аромата,
Тепла, простора, красоты.

1859

НА ПОГРЕБЕНИЕ БЕДОВОГО КРИТИКА

Не бил барабан перед смутным полком,
Как рек он прощальное слово;
И нас только двое — я плакал о нем
Да Гейне, поэт из Тамбова.
На нем не усопших покров гробовой,
Он жив, но скрывается где-то,
Обернут своею последней статьей,
Отживший, с отжившей газетой.
Погрязла среди злоуханных болот
Дружина его удалая
И разве в подземных журналах гниет,
Неслышно рыкая и лая.
Прости же, о критик! Уж ты не тово...
Уж ты перестал быть забавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоей непотребною славой.

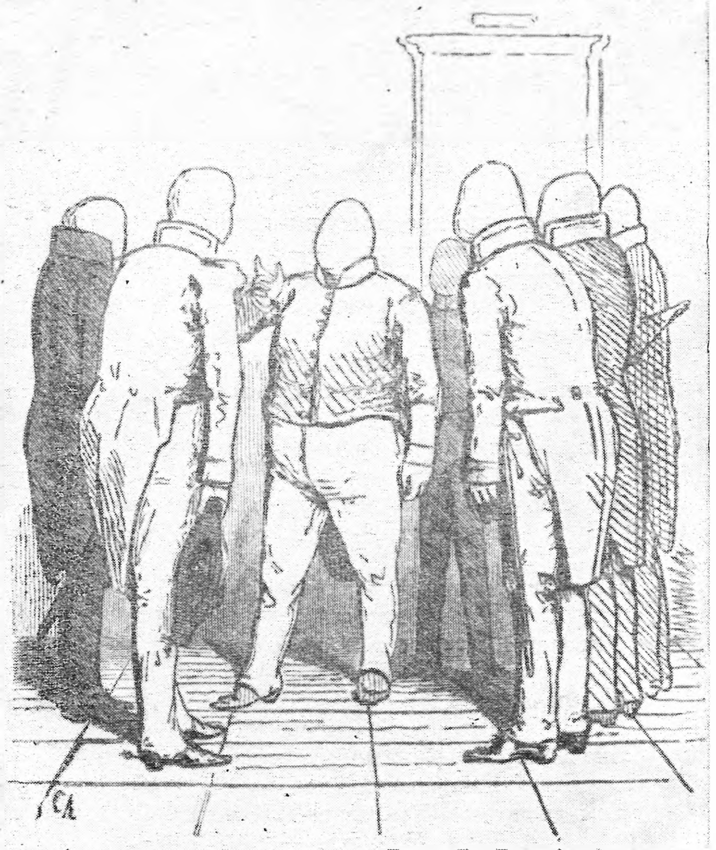
1860

ЯВЛЕНИЕ ГЛАСНОСТИ

О гласности болея и тоскуя
Почти пять лет,
К прискорбию, ее не нахожу я
В столбцах газет;
Не нахожу в полемике журнальной,
Хоть предо мной
И обличен в печати Н. квартальный,
М. становой.
Я гласности, я гласности желаю
В столбцах газет, —
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
Икс, Игрек, Зет.

Так думал я назад тому полгода
(Пожалуй, год),
Но уж во мне свершала мать-природа
Переворот.
Десяток фраз, печатных и словесных,
Пустив умно
Об истинах забытых, но известных
Давным-давно,
Я в обществе наделал шуму, крику
И вот — за них
Увенчанный, как раз причислен к лику
Передовых.

БЕЗОПАСНЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАТЬ КАРРИКАТУРЫ, НЕ КАСАЯСЬ НИ ЧЬИХЪ ЛИЧНОСТЕЙ.
(И. Ѳ. Шестакова).

Грав. Е. Гогенфельденъ.

Подписей къ подобнымъ каррикатурамъ не полагается.

Уж я теперь не обличитель праздный!
Уж для меня
Открылась жизнь и все ее соблазны —
И нету дня,
Отбою нет от лестных приглашений.
Как лен, как шелк,
Я мягок, добр, но чувствую, что — гений!
А гений — долг.
И голос мой звучит по светлым залам:
«Добро! Закон!»
И падает в беседе с генералом
На полутон.

Я говорю, что предрассудки стары —
Исчадья лжи, —
И чувствую, как хороши омары,
Когда свежи.
Я познаю, топча ковры гостиных,
Вкус старых вин
И цену их — друзей добра старинных,
Врагов рутин.
Я слушал их, порок громивших смело,
И понял вдруг,
Где слово — мысль, предшественница дела,
Где слово — звук.

Не знаю, как я стал акционером
И как потом
Сошелся я на ты с миллионером,
Былым врагом.
Но было так всесильно искушенье,
Что в светлом сне
Значенье слов — *уступки, увлеченье* —
Раскрылось мне.
Сам деспотизм пришелся мне по нраву
В улыбках дам —
И продал я некупленную славу
Златым тельцам.

Мы купчую безмолвную свершили,
И хитрый спич

Я произнес, когда клико мы пили,
Как магарыч.
Но все еще за милое мне слово
Стоя горой,
Я гласности *умеренной, здоровой*
Желал душой.
И голосил в словесности банкетной,
Что гласность — свет,
Хоть на меня глядели уж приветно —
Икс, Игрек, Зет.

Но пробил час — и образ исполинский,
Мой идеал,
Как Истину когда-то Баратынский,
Я увидал.
В глухую ночь она ко мне явилась
В сияньи дня —
И кровь во мне с двух слов остановилась:
«Ты звал меня!..»
«Ты звал меня» — вонзилось в грудь, как жало,
И в тот же миг
Я в ужасе набросил покрывало
На светлый лик.

Почудилось неведомое что-то:
Какой-то враг
Из всех речей, из каждого отчета,
Из всех бумаг
Меня дразнил — и, как металл звенящий,
Как трубный звук,
Нестройный хор, *о гласности болящий,*
Терзал мой слух.
Я полетел со стула вверх ногами,
Вниз головой,
И завопил, ударясь в пол руками:
«Нет! я не твой!

Нет, я не твой! Я звал тебя с задором,
Но этот зов
Был, как десерт обеденный, набором
Красивых слов.

Оставь меня! Мы оба не созрели...
Нет! Дай мне срок.
Дай доползти к благополучной цели,
Дай, чтоб я мог,
Обзаведясь влияньем и мильоном,
Не трепетать —
Когда придешь, со свистом и трезвоном,
Меня карать».

1860

ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ

(Идиллия)

Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!
Носил он галстук голубой
И клетчатый жилет.

Он уважал отчизну, дом,
Преданья старины;
Сюртук просторный был на нем
И узкие штаны.

Не ведал он во все житье,
Что значит праздность, лень;
Менял он через день белье,
Рубашки каждый день.

Он слишком предан был добру,
Чтоб думать о дурном;
Пил рюмку водки поутру
И рюмку перед сном.

Он не искал таких друзей,
Чтоб льстили, как рабы;
Любил в сметане карасей
И белые грибы.

В душе не помнил он обид;
Был честный семьянин —

И хоть женой был часто бит,
Но спать не мог один.

До поздней старости своей
Был кроткий человек
И провинившихся детей
Он со слезами сек.

Когда же час его настал —
Положенный на стол,
Он в белом галстуке лежал,
Как будто в гости шел.

В день похорон был дан большой
Кухмистерский обед.
Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!

⟨1860⟩

ИДЕАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

— Дороги у вас в околотке!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуйста, рюмочку водки;
Пожалуйста, свежей икры.
— Выходит, что вы не по чину...
За это достанется вам...
— Пожалуйста, кюммелю, джину;
Пожалуйста, рижский бальзам.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуйста, честер, швейцарский;
Пожалуйста, стильтону, бри.
— Дороги, положим, безделки;
Но был я в остроге у вас...
— Пожалуйста, старой горелки,
Галушек, грибочков, колбас.
— Положим, что час адмиральский;
Да вот и купцы говорят...
— Угодно-с ветчинки вестфальской?
Стерлядка-с, дичинка, салат...
— Положим, что в вашу защиту
Вы факт не один привели...
— Угодно-с икемцу, лафиту?
Угодно-с рейнвейну, шабли?
— Положим, что вы увлекались...
Сходило предместнику с рук...

— Сигарочку вам-с: имперьялис,
Регалия, упман, трабук.
— Положим, я строг через меру,
И как-нибудь дело сойдет...
— Пожалуйста... Эй! Редереру!
Поставить две дюжины в лед!

⟨1860⟩

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Здоровый ум дал бог ему,
    Горячую дал кровь,
Да бедность гордую к уму,
    А к бедности любовь.

А ей — подобью своему —
    Придав земную плоть,
Любовь дал, так же как ему,
    И бедность дал господь.

Обманом тайного сродства
    И лет увлечены,
Хоть и бедны до воровства,
    Но были влюблены.

Он видел в ней любви венец
    И ей сиял лучом,
И — наших дней концов конец —
    Стояли под венцом.

Он не согнулся от трудов,
    Но так упорно шел,
Что стал, как истина, суров,
    Как добродетель, зол.

Она — в мороз из теплых стран
    Заброшенный цветок —

Осталась милой — как обман
И доброй — как порок.

Что сталось с ним, что с ней могло б
Случиться в добрый час —
Благополучно ранний гроб
Закрыл навек от нас.

⟨1860⟩

ДИЛЕТАНТИЗМ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Не о едином хлебе жив будет человек.

Хоть одной юмористической,
Но любитель я словесности —
И талант мой пиитический
Должен гибнуть в неизвестности.

Нет! Зачем пустая мнительность?
Вдохновенья полный ясного,
Воспою благотворительность —
Отвернувшись от несчастного.

Тщетны все благодеяния
Без высокого смирения —
Лотереи и гуляния,
Сборы, лекции и чтения,

Малонравственные повести,
Пляски вовсе неприличные...
Ах! Добро творят без совести
Благодетели столичные!

Где тщеславие неистово,
Там добра не будет прочного,
Медный грош от сердца чистого
Больше ста рублей порочного.

Что в ней, в помощи существенной,
В хлебе братье голодающей,
Если правдой невещественной
Не украшен помогающий?

Не пойду в концерты бурные,
Не пойду в спектакли модные —
Будь они литературные
Или просто «благородные».

Хоть сестру мою, жену мою
Нищета постигнет в бедствиях,
Я и тут сперва подумаю
О причинах и последствиях.

Где помочь нельзя по строгому
Завещанию народному, —
Ни гроша не дам убогому,
Ни крохи не дам голодному;

Помогу словами звучными,
Наставленьями житейскими
И речами ультраскучными,
И стихами лжебиблейскими;

Дам понятия полезные
О предметах невещественных.
Ах! Не всё же реки слезные
Лить о бедствиях существенных.

1860

ДИЛЕТАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

Монологи

1

Вольное преложение ответа председателя Общества любителей российской словесности на вступительное слово г-на Селиванова

Привет мой вам, сочлен новоизбранный!
Любители словесности российской
Высокой честью, сделанной вам ныне —
Принятьем в члены, признают *законность*
Той отрасли словесности, которой
Вы представителем являетесь меж нами.

Да, в обличительной словесности я вижу
Явление *законное*, сказал я,
Необходимое, скажу, усугубляя,
И, так сказать, *отрадное* явленье.
Она не есть пустое раздраженье
Отдельных лиц, но, я заметить смею:
Скорбящее она самопознанье,
Глубокий стон из сердца и — осмелюсь
Произнести — народной подоплеки!

Но, к сожаленью, должен я заметить,
Что в обличительной словесности я вижу
Еще одно печальное явленье,
Хотя оно естественное тоже. [1]
Таков закон, начертанный природой!

---

[1] Четыре следующие строки мною прибавлены в видах согласования с правилами пиитики, как антитеза.

Мы, например, всё зло от самохвальства
Официального здесь признаем открыто
И... продолжаем в наших заседаньях.
Она — едва возделанная отрасль
Словесности — выходит из границы
И очень часто дерзость беззаконья
Свободою законною считает!

(Обращаясь к г-ну Селиванову.)

Я *вам* упрек *высказываю* смело,
Затем... что *вы* ему не *подлежите.* [1]
Да, клеветы в журналах и газетах
(Я говорю о «петербургских» только)
Мы, государь мой, видим беспрестанно.
Я привести пример себе позволю.
Один весьма младой повествователь
Изобразил в своем повествованье
Судебное и подлинное дело.
Он романист — не следователь просто, —
И в повести выводятся не только
Откупщики, чиновники и судьи,
Но жены их, и дети, и внучата.
Какое он имел на это право,
Писатель-клеветник, писатель-сплетник? [2]

Пусть в повести имен нет настоящих,
Пусть даже всей губернии известно,
Что откупщик бездетен, что чиновник —
Положим, N — женат ни разу не был,
И что судья — вдовец уже три года;
Пусть будет так. Но *все ли* это знают?
Но *сказано,* [3] что все они женаты,
Что все они детей имеют — *ergo:*
В губерниях Иркутской, Енисейской,
В Шпицбергене, на Ледовитом море,
У полюса — за правду это примут!

---

[1] В подлиннике: «смело высказываю упрек *именно потому,* что вы ему не подлежите» — преложение почти буквальное.

[2] В подлиннике: «писатель-сплетник, *по всей вероятности* писатель-клеветник».

[3] *В повести* — не улеглось в стих.

По-моему — нет клеветы гнуснее
И отвратительней, — сказать себе позволю.

И что ж? Почет и знаки одобренья
Писателя младого увенчали!
Я сам читал — обед публичный в клубе
Ему был дан торжественно — за оный
Поступок, сто́ящий иного награжденья:
Позорного столба общественного мненья!

По чести, я судил поступок строго,
Но пощажу хвалителей романа
И автора к столбу не поведу...
Хотя в душе мне и прискорбно очень:
Так молод он и так уже порочен!

Ах! нет у нас литературных нравов,
Затем что мы весьма недавно пишем [1]
И вместо дела споры только слышим
О том, чей город краше и милее
И чей язык пригоднее для фразы.
Ах! нет у нас литературных нравов!
А то б на все подобные явленья
Я отвечал улыбкою презренья.

Я указал, сочлен новоизбранный,
На терния и вредные растенья,
Которые недавно засорили
Словесности российской вертоград, —
Вам, государь мой, смело указал я —
Вы чужды их: вы деятель достойный...
Они для вас как бы не существуют.

Я остаюсь затем при убежденье,
Что только гласность может все исправить.
Помолимся Перуну и Даж-богу [2]
И всем иным славянским божествам,

---

[1] Прибавлено для согласования с правилами пиитики.
[2] См. предыдущее примечание.

Дабы они писателям внушили
Порочных типов только *очертанья*,
Без всякого прикосновенья к жизни,
И я тогда, и все довольны будут,
Не скажут нам, что меч словесный правды
Мы в клеветы кинжал преобразили —
И в отрасли словесности, которой
Вы представителем являетесь меж нами,
Мы добрые узрим плоды, конечно,
Которые в руках достойных ваших
Должны созреть, конечно, и созреют. [1]

1860

---

[1] «Тогда только та отрасль словесности, которая вами избрана вследствие благородного стремления к добру, *принесет те добрые плоды*, которые *она, конечно, принесет в ваших руках*». Какие плоды принесла эта отрасль словесности в руках г-на Селиванова для «Общества любителей», знает только грудь да подоплека некоторых любителей.

ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ

Он был бравый молодец.

«Гамлет»,
перевод Н. Полевого.

Знали ль вы норманнов друга?
Он был славен и учен:
Тени Шлецера и Круга
Из могилы вызвал он.
Знаменитым словопреньем
Целый город оживил...
Ну, так знайте: убежденьем
Он шутил, ведь он шутил!

Знали ль вы норманнов друга?
Он был славен и учен.
От сомнения недуга
Исцелил весь город он:
Он сказал нам: «Вы созрели!» —
И восторгом встречен был...
Ну, так знайте же: на деле
Он шутил, ведь он шутил!

Как профессор и «любитель»,
Он хотел, чтоб целый зал,
Как словесности обитель,
Речи слушал и молчал.
И чтоб он прилежным детям

Слово правды возвестил...
Ну, так знайте, что и этим
Он шутил, ведь он шутил!

Ты — ученый без призванья,
Ты — любитель-журналист.
Ты — поэт без дарованья,
Ты — без мнений публицист.
Ты — ходящий по канату, —
Пусть бы каждый затвердил
Эту дивную кантату:
Он шутил, ведь он шутил!

Поучайте нас, пишите
И смелей! вперед, назад —
Вплоть до старости пляшите,
Если держит вас канат;
Покачнется — и мгновенно
Шест держать не хватит сил, —
Пойте песню откровенно:
Я шутил, ведь я шутил!

1860

ВОРЧУН ДОРОФЕЙ

(Легенда)

«По нерушимому условию жизни, этого мудрого Дорофея (я называю так совесть, как воистину дар божий, — с греческого: дорос — дар, феу — божий) нет возможности ни выгнать из дому, ни заставить молчать».

А. Башуцкий.

Письмо с Спас⟨ской⟩ площ⟨ади⟩ в Акад⟨емический⟩ пер⟨еулок⟩
«Дом⟨ашняя⟩ бес⟨еда⟩», 1860 г., № 29-й.

Наживая грехом
Капитал,
Иногда я тайком
Размышлял:
«Все бы ладно: житье!
Гладкий путь...
Только совесть... ее
Как надуть?»

Мне Башуцкий помог.
Млад и стар,
Веселись! — *Фео* — бог,
Дорос — дар;
Значит: совесть людей —
Имя рек —
Божий дар — Дорофей —
Человек.

Я сошелся с таким
И верчу
Дорофеем своим,
Как хочу.
Усмирил я врага
Злых людей:
В моем доме слуга —
Дорофей.

Совесть редко молчит,
Господа,
Дорофей мой ворчит;
Но когда
Дерзость сделает он
(Мой лакей!) —
Я сейчас: «Пошел вон,
Дорофей!»

Я украл адамант.
«Стыдно вам! —
Заворчал мой педант. —
Это срам!
Бог и кара людей
Впереди...»
— «Дорофей, Дорофей!
Уходи!»

Я для бедных сбирал...
В свой карман;
Зашумел, замычал
Мой грубьян:
«Жить нельзя!.. Ты злодей!
Это сви...»
— «Дорофей, Дорофей!
Не живи».

Умножая доход,
Я пускать
Стал книжонки в народ;
Он опять:
«Ты морочишь людей,

Старый черт!»
— «Дорофей, Дорофей!
Вот паспо́рт».

Местом он дорожит:
Я плачу́.
Он же выпить сердит —
Закачу
Ерофеичу штоф
Похмельней,
И — что хочешь — *готов*
Дорофей!

Будь покорен судьбе,
Маловер,
И бери — вот тебе —
Мой пример!
Станет стыдно подчас,
Не робей!
Знай, что совесть у нас —
Дорофей.

1860

ДРУЗЬЯМ МАРТЫНОВА

Кружась бог знает для чего
И для какой потехи,
Мы все смешны до одного
В своих слезах и смехе.
Друзья мои, когда вам мил
Смех, вызванный слезами,
Почтим того, кто нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Блуждая ощупью, впотьмах,
От водевилей к драмам,
Смешные в искренних слезах,
Мы жалки в смехе са́мом.
Средь мертвых душ, живых могил,
Полуживые сами,
Почтим того, кто нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Когда друг друга мы смешим,
Актеры против воли,
И монологи говорим
Пустые в жалкой роли, —
Он откровенным смехом был
Всесилен над сердцами.
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Сердечный смех,
  Веселость без предела
Дарили жизнью даже тех,
  В ком сердце оскудело.
Тот смех, как милостыня, был
  Сбираем богачами...
Почтим его: он нас смешил,
  Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Одним лицом,
  Менявшим очертанья,
Он вызывал над сильным злом
  Смех честного страданья, —
И смех на время уносил
  Нужду с ее бедами...
Почтим его: он нас смешил,
  Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Припомним зал,
  Где, от райка до кресел,
Мужик последний хохотал,
  Последний фат был весел!..
Взрыв смеха общего дружил
  Ливреи с армяками...
Почтим его: он нас смешил,
  Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Нам много слез
  Оставлено судьбою,
Но уж Мартынов в гроб унес
  Могучий смех с собою,
Которым он один смешил,
  Смеясь над нами — с нами,
Который с жизнью нас мирил
  И вызван был слезами.

1860

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ПАНГЛОСС

(Анонимному рецензенту-оптимисту «Библиотеки для чтения»)

> Откуда ты, эфира житель?
>
> *Жуковский.*

Откуда ты, с твоей статьею,
Вступивший с временем в борьбу,
Панглосс, обиженный судьбою,
Но слепо верящий в судьбу?
Как ты сберег свои сужденья?
Как ты не умер, о Панглосс!
И в «Библиотеку для чтенья»
Какой Вольтер тебя занес?

Ну да, мы на́ смех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоборцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат «искусства для искусства»
Из расписной тармаламы.

Ну да! мы пишем на́ смех людям;
Смешим, по милости небес,
И до тех пор смешить их будем,
Пока задерживать прогресс
Стремятся мрака ассистенты,
Глупцов озлобленная рать, —
И на́ смех критики писать
Дерзают горе-рецензенты.

1860

Мы всё смешное косим, косим
И каждый день и каждый час...
И вот добычи новой просим
У «Иллюстрации» и вас.

Две параллельные дороги
Пройти нам в жизни суждено:
Мы снисходительны — вы строги;
Вы пьете квас — мы пьем вино.

Мы смехом грудь друзей колышем;
Вы желчью льетесь на врагов.
Мы с вами под диктовку пишем
Несходных нравами богов;

Мы — под диктовку доброй феи;
Вы — гнома злобы и вражды;
Для нас — евреи суть евреи;
Для вас — евреи суть *жиды*.

Мы к сердцу женскому, робея,
С цветами, с песнями идем;
Вам — их учить пришла идея
Посредством плетки с букварем.

Для нас — забавны ваши вздохи;
Для вас — чувствителен наш смех.
Увы! Мы с вами две эпохи
Обозначаем вместо вех.

Что ж спорить нам? Простимся кротко
И станем по своим местам,
Вы — с букварем своим и плеткой,
А мы с запасом эпиграмм.

1860

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

(Посвящается рецензенту, который примет эту шутку на свой счет)

Друг мой, вот тебе совет:
Если хочешь жить на свете
Сколь возможно больше лет
В мире, здравье и совете, —
Свежим воздухом дыши,
Без особенных претензий;
Если глуп — так не пиши,
А особенно — рецензий.

1860

1861 ГОД

(Элегия)

Семь тысяч триста шестьдесят
Девятый год,
Как человек ползет назад,
Бежит вперед;
Семь тысяч триста с лишком лет
Тому назад
Изображал весь белый свет
Фруктовый сад.
Мы, господа, ведем свой счет
С того числа,
Когда Адам отведал плод
Добра и зла.

Семь тысяч лет пошли ко дну
С того утра,
Как человек нашел жену,
Лишась ребра;
С тех пор счет ребрам у друзей
Мужья ведут,
Когда в наивности своей
Их жены лгут.
И всё обман и всё любовь —
Добро и зло!
Хоть время семьдесят веков
Земле сочло.

Потом мудрец на свете жил, —
Гласит молва —

За суп он брату уступил
Свои права.
Потом заспорил род людской,
Забыв урок,
За призрак власти, за дрянной
Земли клочок;
За око око, зуб за зуб
Ведет войну —
За тот же чечевичный суп,
Как в старину.

Прошли века; воюет мир,
И льется кровь —
Сегодня рухнулся кумир,
А завтра вновь
Встают неправда и порок
Еще сильней, —
И служат порох и станок
Страстям людей.
И спорят гордые умы
Родной земли:
«Что нужно нам? Откуда мы?
Куда пришли?

Должны ли мы на общий суд
Тащить всё зло
Иль чтоб, по-старому, под спуд
Оно легло?
Крестьянам грамотность — вредна
Или добро?
В семействе женщина — жена
Или ребро?
Созрел ли к пище каждый рот?
Бить или нет?»
Так вопрошают Новый год
Семь тысяч лет.

1860—1861

МОРОЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I [1]

Ночь холодная мутно глядит
В комфортабельный мой кабинет;
По бумаге перо неустанно скрипит,
А с пера сладкозвучная рифма бежит,
И не дремлет... и дремлет поэт.

Пусть Полонскому снится: *на волке верхом*
Едет он по тропинкам волшебной страны
Воевать с чародеем-царем,
В чудный край, *где царевна сидит под замком*...
Мне иные мерещатся сны.

Мне все чудится: семьдесят девять домов...
В двух конурках семейство живет,
Платит тридцать рублей, без воды и без дров...
И я слышу, как хор недовольных жильцов
Про Сорокина песни поет.

И мне видится площадь — на ней кучерá,
Согреваясь, друг друга теснят
Перед пламенем красным костра,
Да на окна глазеют, а там до утра
Очень скучно идет маскарад.

---

[1] Следующие не замедлят появиться, если морозы не перестанут свирепствовать.

И я вижу и слышу мороз на дворе:
У ворот заливаются псы,
В департамент шинельки бегут на заре,
А у дам развивается tic douloureux,[1]
У извозчиков мерзнут носы.

И все чудится мне, как рабочий идет
В Эльдорадо полунощных стран,
Полушубок последний несет,
Просит водки... а Ицка ему подает
Вместо водки тяжелый дурман.

А холодная ночь так же мутно глядит
В комфортабельный мой кабинет,
По бумаге перо неустанно скрипит
И поэту весьма справедливо велит
Этим кончить последний куплет.

1861

---

[1] Мучительный тик (*франц.*).

СКАНДАЛ

Они сейчас: Разбой! Пожар!
И прослывешь у них мечтателем опасным!

(Чацкий. «Горе от ума»).

«На что, скажите, нет стихов?» —
Во время óно Мерзляков
В старинной песне, всем знакомой,
Себя торжественно спросил
И добродушно угостил
Своих читателей *соломой.*

В былые дни для Мерзлякова
Воспеть солому было ново...
Для нас ни в чем новинки нет,
Когда уже австрийский лагерь
Воспел Конрад Лилиеншвагер,
«Свистком» владеющий поэт.

У нас *жуки сшибались лбами,*
Перейра был воспет стихами,
С березой нежничает дуб,
И, наконец, король сардинский
В стих Розенгейма исполинский
Попался, как ворона в суп.

Друзья мои, господь свидетель:
Одну любовь и добродетель,

Одни высокие мечты,
Из лучших в наилучшем мире,
Я б воспевал на скромной лире,
Не тронув праха суеты;

«Лизета чудо в белом свете!» [1] —
Всю жизнь я пел бы в триолете;
«Когда же злость ее узнал»
(Не Лизы злость, а жизни злобу), —
Прищелкнул языком по нёбу,
Друзья мои, пою *Скандал!*

Скандал, пугающий людей!
Скандал, отрада наших дней!
Скандал! «Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..
Как много лиц отозвалось» [2]
В искусстве, в жизни и в науке!

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что ты перепугал
Дремавших долго сном блаженным, —
И тех, кто на руку нечист,
И тех, кому полезен свист,
Особам якобы почтенным.

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что на тебя восстал
Люд по преимуществу скандальный:
Восстал поборник откупов,
Восстал владелец ста домов,
Восстал Аскóченский печальный;

Восстали мрачные умы,
Восстали грозно духи тьмы,
Надев личины либералов,
Страшась, что справедливый суд
Над ними скоро изрекут
«Литературою скандалов».

---

[1] Стихи между вносными знаками в этой строфе принадлежат Карамзину (триолет «Лизета»).

[2] Известные стихи Пушкина из «Евгения Онегина».

Хвала, хвала тебе, Скандал!
С тех пор, как ты в печать попал,
    С чутьем добра, с змеиным жалом,
Ты стал общественной грозой,
Волной морской, мирской молвой
    И перестал уж быть Скандалом.

Скандал остался по углам:
Скандал гнездится здесь и там,
    Скандал с закрытыми дверями,
Немой Скандал с платком во рту,
Дурная сплетня на лету
    И клевета с ее друзьями.

Хвала, хвала тебе, Скандал!
Твоя волна — девятый вал —
    Пусть хлынет в мир литературы!
Пусть суждено увидеть нам
Скандал свободных эпиграмм
    И ясной всем карикатуры!

1861

Г-Н АСКОЧЕНСКИЙ и Г-Н ЛЕОТАР

(Масленичная параллель)

> О каком ваша речь Асконе́нском?
> Вам Аско́ченский речь задает.
>
> *Голос из «Домашней беседы».*
> *«Искра», 1861 г., № 1.*

В начале сырныя недели
Я звал к Аско́ченскому так:
«О ты, мой Ментор в каждом деле,
Тебя зовет твой Телемак!
О муж Аскоченский, поведай,
Как веселиться должно мне».
И сел «Домашнею беседой»
Питать свой дух наедине.

К занятью этому привычный,
Что нужно — тотчас я нашел:
Прочел «Словарь иноязычный»
И «Блестки с изгарью» прочел;
Нашел статеечку «За чаем»,
Прочел внимательно сейчас
И порешил: теперь мы знаем,
Что позволительно для нас.

«Не загрязнюсь в житейском море! —
За чаем провещал сей муж. —
И не пойду смотреть Ристори
(Она уехала к тому ж).
Она беснуется в Медее...

А Майерони-Олоферн
И остальные лицедеи
Суть скверна хуже всяких скверн.

Васильев, Щепкин и Садовский!
Вас избегаю, как огня...
Ваш этот Гоголь, ваш Островский
Страшнее язвы для меня.
Пусть весь театр в веселье диком
Кричит и воет: Тамберли-и-к! —
При встрече с вашим Тамберликом
Стыдом зардеется мой лик.

А эти нимфы... эти... эти...
Розатти, Кошева... Но нет!
Нет! Ни полслова о балете...
Стыжусь... я сам люблю балет!»
Артистов всех одним ударом
При мне Аскоченский сразил;
Но пред красавцем Леотаром
Свою нагайку опустил.

Как бы в одном театре-цирке
Найдя свой высший идеал,
Для Леотара ни придирки,
Ни резких слов он не сыскал.
И понял я, что боги дали
Обоим одинакий дар,
И что Аскоченский в морали —
То, что в искусстве Леотар.

Как Леотар, спокойно-важен,
Сперва качается, плывет...
И сразу в два десятка сажен
Отмерит в воздухе полет;
Так и Аскоченский смиренный
Поет природу, свод небес
И вдруг накинется, надменный,
На человечность и прогресс.

Как Леотар, в трико прозрачном,
Один, свободней всех одет;

Так наш Вельо, в изданье мрачном,
У нас один анахорет.
Умея падать без увечья,
Витают оба высоко:
Тот в хитрых хриях красноречья —
А этот в розовом трико.

Кто б ни был ты, читатель, ведай,
Что Леотар один — артист
И что с «Домашнею беседой»
Тебе не страшен общий свист.
В дни девятнадцатого века —
Разврат сердец, страстей пожар —
Лишь два осталось человека:
Аскоченский и Леотар!

1861

СТАНСЫ
НА БУДУЩИЙ ЮБИЛЕЙ БАВИЯ

(самим юбиляром сочиненные)

Друзья, в мой праздник юбилейный,
С погребщиком сведя итог,
Я вас позвал на пир семейный —
На рюмку водки и пирог.
Но чтоб наш пир был пир на диво,
На всю российскую семью,
Стихами сладкими, игриво,
Я оду сам себе спою.

Без вдохновенного волненья,
Без жажды правды и добра
Полвека я стихотворенья
На землю лил, как из ведра.
За то Россия уж полвека —
С Большой Морской до Шемахи —
Во мне признала человека...
Производящего стихи.

Литературным принят кругом
За муки авторских потуг,
И я бы Пушкина был другом,
Когда бы Пушкин был мне друг.
Но в этот век гуманных бредней
На эту гласность, на прогресс
Смотрю я *тучею последней*
Средь прояснившихся небес.

Я — воплощенное преданье,
Пиита, выслуживший срок,
Поэтам юным — назиданье,
Поэтам в старчестве — упрек.
Я протащил свой век печальный,
Как сон, как глупую мечту,
За то, что тканью идеальной
Порочил правды красоту.

За то, что путь я выбрал узкий
И, убоясь народных уз,
Писал, как русский, по-французски,
Писал по-русски, как француз.
Не знал поэзии в свободе,
Не понимал ее в борьбе,
Притворно чтил ее в природе
И страшно чтил в самом себе.

За то, что в диком заблужденье,
За идеал приняв застой,
Все современное движенье
Я назвал праздной суетой.
За то, что думал, что поэты
Суть выше остальных людей,
Слагая праздные куплеты
Для услаждения друзей.

О старички, любимцы Феба!
Увы! рассеялся туман,
Которым мы мрачили небо;
Стряхнем же с лиц позор румян,
Язык богов навек забудем
И, в слове истину ценя,
Сойдем с небес на землю, к людям,
Хоть в память нынешнего дня.

1861

Розги — ветви с древа знания!
Наказанья идеал!
В силу предков завещания
Родовой наш капитал!

Мы до школы и учителей,
Чуть ходя на помочах,
Из честной руки родителей
Познавали божий страх.

И с весною нашей розовой
Из начальнических рук
Гибкой, свежею, березовой
Нам привили плод наук.

И потом, чтоб просвещением
Мы не сделались горды,
В жизни отческим сечением
Нас спасали от беды.

В нас развились мышцы крепкие,
К нравам праотцев любовь,
Ум железный, руки цепкие
И чуть тепленькая кровь,

Так по телу разведенная,
Что от сердца никогда
Не бросалась возмущенная
В наши щеки от стыда.

Розги! ветви с древа знания,
Вам хвала превыше хвал.
Верный компас воспитания,
Наказанья идеал!

1861

Видеть, как зло торжествует державно,
Видеть, как гибнет что свято и славно,
И ничего уж не видеть затем —
Лучше не видеть совсем!

Слышать с младенчества те же напевы:
Слышать, как плачут и старцы и девы,
Как неприютно и тягостно всем, —
Лучше не слышать совсем!

Жаждать любви и любить беспокойно,
Чтоб испытать за горячкою знойной
На́ сердце холод и холод в крови, —
Лучше не ведать любви!

Знать и молитвы и слез наслажденье,
Да и молиться и плакать с рожденья —
Так, чтобы опыт навеки унес
Сладость молитвы и слез!

Каждое утро вверяться надежде,
Каждую ночь сокрушаться, как прежде,
И возвращаться к надежде опять —
Лучше надежды не знать!

Знать, что грозит нам конец неизбежный,
Знать все земное, но в бездне безбрежной

Спутать конец и начало всего —
Лучше не знать ничего!

Мудрый лишь счастлив; он смотрит спокойно,
И над его головою достойной
Свыше нисходит торжественный свет...
Да мудрецов таких нет!

⟨1861⟩

ГОДОВЩИНА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКЦИОНЕРОВ ГЛАВНОГО ОБЩЕСТВА РОССИЙСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

(Легенда)

В великий день поверки сумм,
Отчетов, смет и изысканий
Мы говорили: «Был же шум
В начале наших заседаний!
Ведь оппозиция была
И сколько совершила зла!
Но наш совет остался твердым,
Умолк противников задор,
И мы молчаньем нашим гордым
Неравный выравняли спор.

И что ж? Недавний свой урон
Они кичливо позабыли,
Забыли все, как Стасов, Крон
Поражены советом были.
И снова каждый сует нос
В известный *денежный вопрос.* [1]
Но мы никак своим вниманьем
Не удостоим их ни в чем
И так же гордо, как молчаньем,
Их одолеем большинством.

Кричите ж, не жалея сил,
Кричите все, но знайте это:

---

[1] Редакция просит гг. членов совета не смешивать этот вопрос с известным «Question d'argent» Дюма-фиса.

КУРЬЕРЪ.

— Проскакалъ, сломя голову, 6 т. верстъ въ 12 дней, чтобы доставить очень нужную бумагу, на которой тотчасъ же было написано рукою Его Пр-ва: *«принять къ свѣдѣнію»*.

Уже Перозио вступил
Во стан защитников совета!»
Сбылось — и в день поверки сумм
Опять поднялся гвалт и шум,
Восстали снова Крон и Стасов —
Но смолк задорный вой врагов
Пред большинством всех лет, всех классов,
Двух тысяч с лишком голосов.

В боренье падший невредим:
Врагов мы в прахе не давили,
Когда все счеты, в пику им,
Акционеры утвердили.
У нас верней на вещи взгляд;
Мы знали раньше: утвердят!
Хоть нет у нас, во всем комплекте,
На помощь нам поморных лир,
И на французском диалекте
Писать не станем мы сатир.

Но вы, сотрудники газет,
Вы — демагоги-журналисты,
Вы, про парижский комитет
Писавшие фельетонисты,
Что взяли вы? Еще ли он
Не страшен вам, наш Колиньон?
Еще ли нам грозит опасность?
Уж мы ль не знаем нашу роль...
Скажите — скоро ль ваша гласность
Над нами учредит контроль?

Куда запишем наш расход?
Ваш просветитель иностранец
Ужель на ваш не смеет счет
Перевозить своих племянниц? [1]
Уж не свои ли должно нам
Платить прогоны ямщикам?
Все деньги эдак мы просвищем!

[1] По счету линии от Вильно к прусской границе значится между прочим: «за путешествие из Парижа в Ковно свояченицы и племянницы г-на Легетра 255 р.», «Русский инвалид», № 169.

Вас одолел корысти бес:
Шести рублей вам жалко нищим, [1]
Пяти на лимонад-газес!

Расчет подробный невозможен.
Каких расписок нужно вам?
Каких квитанций от таможен?
Что вам до частных телеграмм?
До канцелярий, до припасов?
Пусть Воскобойников и Стасов
Змеиный испускают свист,
А для французских инженеров,
При большинстве акционеров,
Не страшен русский журналист.

1861

---

[1] В статье шестой двадцать пятой главы XXVI таблицы значится между прочим:

«Умершему г-ну Фишеру, кроме расходов на лечение, одежду, похороны и пр., отчислено 6 р. сер. на бедных.

Г-ну Труше выдали на garde-malade 19 р., лимонад 4 р. и лекарство 2 р.», «Русский инвалид», № 168. ⟨Garde-malade — сиделка (*франц.*).⟩

ЭПИТАФИЯ БАВИЮ

Судьба весь юмор свой явить желала в нем,
Забавно совместив ничтожество с чинами,
Морщины старика с младенческим умом
И спесь боярскую с холопскими стихами.

1861

СЛОВО ПРИМИРЕНИЯ

(Материалы для истории русского просвещения с элегиями и пляскою)

Ах! Было время золотое,
Когда, недвижного застоя
И мрака разгоняя тень, —
Прогресса нашего ровесник,
Взошел, как солнце, «Русский вестник»,
Как в наши дни газета «День».

Ах! Были светлые года!
Ах! Было времячко, когда
У нас оракул был московский...
В те дни, когда Старчевский стал
Свободный издавать журнал
И в нем посвистывал Сенковский...

То были времена чудес:
Носился в воздухе прогресс,
Упал «Чиновник» и «Тамарин»,
И уж под бременем годов
Вкушал плоды своих трудов
В смиренном Карлове Булгарин.

И как Москва в свои концы
Чертоги, храмы и дворцы
Победоносно совместила,
Так в «Русском вестнике» одном
Себе нашла и кров и дом
Литературы русской сила.

Сверкала мудрость в каждой строчке;
Все книжки были, как веночки
    Из ярких пальмовых листов
И лепестков душистой розы —
Из Павлова изящной прозы
    И нежных Павловой стихов.

Вдруг журналистики Юпитер,
Во ужас повергая Питер,
    Посредством букв X., У., Z., —
Как шар, попавший прямо в лузу,
Вооруженную Медузу,
    Малютку-гласность вывел в свет.

Вдруг, всю Россию ужасая,
Пронесся воплем в край из края
    До самых отдаленных мест
Литературно-дружным хором —
И грянул смертным приговором
    Противу Зотова протест.

Писавший спроста, без расчетов,
Склонил главу Владимир Зотов;
    Да как же не склонить главы:
Чуть *список лиц* явился первый,
У Зотова расстроив нервы,
    Вдруг — *дополненье* из Москвы!

Кто не участвовал в протесте?
Сошлись негаданно все вместе:
    «Гудок» с «Журналом для девиц»,
Известный критик Чернышевский,
И рядом с ним Андрей Краевский...
    Какая смесь одежд и лиц!

Все литераторы в печали
Протест сердитый подписали,
    Не подписал один «Свисток»,
За что и предан был проклятьям
Как непокорный старшим братьям —
    Высоконравственный урок!

Так «Русский вестник» в дни движенья
Кружился в вихре увлеченья,
Отменно в спорах голосист,
В журнальных иксах видел дело,
Как самый юный и незрелый
Санктпетербургский прогрессист.

Иное выступило племя.
«День», «Русский вестник», «Наше время»
Струю кастальскую нашли:
И князя Вяземского гений
Из них каскадом песнопений
Разлился по лицу земли.

Расставшись с милой и единой
Англо-московскою доктриной,
Забыв весь юношеский вздор,
Поэзии отведав неги,
Журналом жалостных элегий
Стал «Русский вестник» с этих пор.

ЭЛЕГИЯ

«„Печально век свой доживая,
С днем каждым сами умирая,
Мы в новом прошлогодний цвет.
Сыны другого поколенья,
Живых нам чужды впечатленья“, —
Как древле говорил поэт.

Всё как-то дико нам и ново,
Звучит *бессовестное слово* —
Уж мы не рвемся в жизнь, как в бой.
А всё у моря бы сидели
Да песни слушали и пели,
На целый мир махнув рукой.

Зачем для них свобода мнений?
Где raison d'être [1] таких явлений?

---

[1] Смысл существования (*франц.*).

Все это гниль и фальшь кружков.
Мы, как начальники-поэты,
Ответим им: вы пустоцветы!
Вы прогрессисты без голов!

Явленье жалкое минуты!
Ведь вы одеты и обуты?
А вам, чтоб каждый был одет?
Так это *зависть пешехода,*
Вражда того, кто без дохода,
Как древле говорил поэт.

Нам нужны формулы для дела;
Чтоб жизнь созрела, перезрела,
Как с древа падшие плоды;
Хоть бы пожар случился дома,
Вы, без ньютонова бинома,
Не смейте требовать воды.

Не вы, а внуков ваших внуки
Должны вкусить плоды науки
И фрукты жизни, — а пока
Пляшите прозой и стихами!..»
И «Русский вестник» с свистунами
Плясать пустился трепака.

1861.

СТАРИЧОК В ОТСТАВКЕ

Литературой обличительной
Я заклеймен:
Я слышу говор, смех язвительный
Со всех сторон.
Еще добро б порода барская,
А то ведь зря
Смеется челядь канцелярская
И писаря!

А мне всего был дан родителем
Один тулуп,
И с ним совет — чтобы с просителем
Я не был глуп,
Что «благо всякое даяние»,
Да «спину гни» —
Вот было наше воспитание
В былые дни.

В уездный суд судьбой заброшенный
В шестнадцать лет,
Я вицмундир купил поношенный —
И белый свет
С его соблазнами, приманками
Мне не светил
Между обложками и бланками,
В струях чернил.

Я не забыл отцовы правила,
Был верен им:
Меня всегда начальство ставило
В пример другим.
Сносив щелчки его почтительно,
Как благодать,
Я даже мысли возмутительной
Не смел питать.

Я в каждом старшем видел гения,
Всю суть наук, —
И взял жену без рассуждения
Из старших рук.
А как супруга с ребятишками
Пилить пойдут,
Так я ученого бы с книжками
Поставил тут!

Я им опорой был единою.
Все нужно в дом:
И зашибешься — где полтиною,
А где рублем.
Дорога торная, известная:
Брал — все равно,
Как птичка божия, небесная
Клюет зерно.

Клюют пернатые, от сокола
До голубков,
Клюют, клюют кругом и около:
На то дан клёв.
За что ж, когда так умилительно
Мир сотворен,
Литературой обличительной
Я заклеймен?

⟨1861⟩

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти,
Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись,
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо, —
Стричь да брить нас надо.
Про царей попы твердили миру
Спьяна или с жиру —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин, до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Все не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малыим начальством.

Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слыхал о 25-м годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело,
И сложили головы за братий
Пестель да Кондратий.
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

⟨1861⟩

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Если русский властелин
Сам не чужд кровавых пятен, —
Не пропустит Головнин
То, что вычеркнул Путятин.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:

Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

1861—1862

СЕМЕЙНАЯ ВСТРЕЧА 1862 ГОДА

Читатели, являясь перед вами
В четвертый раз,
Чтоб в Новый год и прозой и стихами
Поздравить вас,
Хотел бы вам торжественно воспеть я,
Да и пора б,
Российского весь блеск тысячелетья —
Но голос слаб...
Читатели, серьезной русской прессе
Оставим мы
Все важное, все толки о прогрессе
И «царстве тьмы».
Довольствуясь лишь неизбежно сущим
И близким нам,
Поклонимся во здравии живущим
Родным отцам.
Пусть юноши к преданиям спесивы,
Не чтут родных, —
Но бабушки и дедушки все живы,
Назло для них.
Не изменив себе ни на полслова,
Как соль земли,
Все фазисы развитья векового
Они прошли.
Понятья их живучи и упруги,
И Новый год

Попрежнему в семейном тесном круге
Их застает.
Привет мой вам, старушка Простакова!
Вы всех добрей.
Зачем же вы глядите так сурово
На сыновей?
Порадуйтесь — здесь много Митрофанов, —
Их бог хранит;
Их никаким составом химик Жданов
Не истребит.
Их детский сон и крепок и невинен
По старине.
Поклон тебе, мой друг Тарас Скотинин,
Дай руку мне!
Свинюшник твой далек, брат, до упадка;
В нем тьма свиней.
Почтенный друг! В них нету недостатка
Для наших дней.
Попрежнему породисты и крупны,
А как едят!
Нажрутся так, что, братец, недоступны
Для поросят.
От поросят переходя к Ноздреву,
Мы узнаем,
Что подобру живет он, поздорову
В селе своем.
Все так же он, как был, наездник ражий
Киргизских орд,
И чубуки его опасны даже
Для держиморд.
Берет в обмен щенков и рукоделья,
И жрет и врет,
Но уж кричит, особенно с похмелья:
«Прогресс! Вперед!»
— Прогресс! Прогресс! Ты всем нам задал дело!
Никто не спит.
Коробочка заметно отупела,
Но все скрипит.
Уж Чичиков с тобой запанибрата.
На вечерах
Он говорит гуманно, кудревато

Об *мужичках*,
Про грамотность во всех посадах, селах,
По деревням,
И, наконец, — детей в воскресных школах
Он учит сам.
Замыслил он с отвагою бывалой,
Трудясь как вол,
Народный банк, газету, два журнала
И общий стол.
Об нем кричит публично Репетилов;
Его вознес
До облаков чувствительный Манилов
В потоках слез:
Мол, Чичиков гуманен! Идеален!
Ведет вперед!
С Петрушкою знакомится Молчалин,
На чай дает.
Все бегают, все веселы, здоровы,
Движенье, шум —
Особенно заметны Хлестаковы,
Где нужен ум.
На раутах, на чтениях, по клубам
Свои стихи
Тряпичкины читают Скалозубам
За их грехи.
Абдулины усердно бьют поклоны
Своим властям.
Пошлепкины и слесарские жены —
Все по местам.
Как человек вполне великосветский,
Мильоном глаз
Везде Антон Антоныч Загорецкий
Глядит на нас.
От Шпекиных усердьем в службе пышет
И болтовней, —
И Фамусов, как прежде, все подпишет
И с плеч долой!

1861—1862

ЛЕГЕНДЫ О КУКЕЛЬВАНЕ

I

На Малабарских берегах,
На островах Архипелага
И на Молуккских островах,
В ущельях гор, на дне оврага,

Ползет таинственно, как змей,
Прельщая красоты обманом,
Растенье, злое для людей;
Оно зовется кукельваном.

Природа теплых южных стран
Его в день гнева породила
И все растенье кукельван
Пикротоксином напоила.

К нему и птица не порхнет,
И тигр нейдет, и, верно, ты бы,
Читатель мой, сей гнусный плод
Не бросил в озеро для рыбы.

И если б вздумал человек
Взять кукельван во врачеванье,
Спросить обязанность аптек
Чин, имя, отчество и званье.

Но пивовару пивовар
Умел внушить, что лучше хмеля
Растенья этого отвар
Для пива, портера и эля.

И пивовар, как говорят,
Разбогатеть в стремленье пылком,
Пустил в продажу этот яд,
Разлив, как пиво, по бутылкам.

II

ДЕЙСТВИЕ КУКЕЛЬВАНА

(Драматическая сцена)

Леонид

(в забытьи)

Аллах ли там среди пустыни
Воздвиг какие-то твердыни,
Громады неприступных скал.
Ужасный вид! Сюда от века
Не проникал протест Камбека.
Один Аскóченский искал,
Скрипя зубами, как шакал,
Своей Лурлеи меж скалами,
Одни жуки сшибались лбами,
И ветер, подпершись руками,
С Случевским под руку летал.

Любовь

(жена его)

Вот так-то все с утра он бредит.
То говорит, что будто едет
Верхом на волке воевать
С царем каким-то чародеем,
С Полонским рядом или с Меем, —
Наверно не могу сказать.
Что делать, доктор?

Доктор

Надо знать,
Чем болен он?

Жена

Здоров он, право!

Леонид

Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?

Доктор

Он, значит, духом нездоров.
Вина он не пил?

Жена

Нет, ни капли.

Доктор

Так от занятий не ослаб ли?

Любовь

О нет! Он завтракал со мной,
Такой веселый был, живой,
Смеялся так непринужденно...

Леонид

Прочь буйна чернь, непросвещенна!

Доктор

Он водки не пил?

Любовь

Никогда!
Немножко пива...

Доктор
(с ужасом)

Пива?!

Любовь

(спокойно)

Да...

Доктор

(мрачно)

Там кукельван был.

Любовь

(падая в обморок)

Га!

III

РАЗМЫШЛЕНИЯ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА КРОНА НАД ВЕТКОЮ КУКЕЛЬВАНА

Скажи мне, ветка кукельвана,
Где ты росла, где ты цвела
И на какой конец дурмана
В себя так много забрала?

Поведай: грешною рукою
Кто в этот край тебя занес?
С хорошей целью иль с дурною?
Кому запродал — вот вопрос.

Скажи, зачем: для рыбной ловли,
Для пивоварен, для аптек?
Иль для иной какой торговли:
На все способен человек.

Но равнодушно-ядовито
Ты на слова мои молчишь.
Все неизвестно, шито-крыто.
С тобою пива не сваришь.

1861—1862

КАЗАЦКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Отуманилась «Основа»,
Омрачается «Сион»,
«Наше время» в бой готово,
«Русский вестник» оскорблен.

Доктринеров слышны крики
С берегов Москвы-реки,
И в ответ им держат пики
Наготове казаки.

II

На «Наше время» упованья
Я возложил: в нем мысль ясна.
Читай его. Его сказанья
Суть слаще мирра и вина.
Его прогресс не скор, но верен.
В нем наложил на каждый лист
Свою печать Борис Чичерин,
Медоточивый публицист.
Склонись к нему душою нежной,
И ты почиешь безмятежно,
И не разгонит даже «День»
В твоем уме ночную тень.

III

Если «День» тебя обманет,
Не печалься, не сердись.
С «Днем» ненастным примирись,
«День» хороший, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Только в тех днях будь уверен,
На которые Чичерин
Или Павлов восстает.

IV

Отцы московские, опекуны журналов,
Витая в области доктрин и идеалов,
Великосветских снов, англо-московских дум,
В которой уличной, базарной жизни шум
Не может отравить их олимпийской неги,
Сложили множество внушительных элегий
Про петербургские артели *свистунов*,
Иррегулярные станицы *казаков*,
Пустоголовые фаланги *пустоцветов*
И юбилеями не взысканных поэтов.

Их удержал мой слух, твердят мои уста,
Но всех приятней мне и всех милее та,
Что в «Русском вестнике» является и слишком
Определенный цвет дает зеленым книжкам:
«Бог журналистики! не дай душе моей
Дух озлобления, змеи сокрытой сей,
Дух отрицания неправды, *нигилизма*,
Но вознеси меня во области лиризма,
Где жизнь прелестною является для глаз
Всеобщей формулой, потоком громких фраз,
Неприменимою к отечеству доктриной,
В соединении с любезной нам рутиной».

V

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи,
Старца Булгарина тень чую смущенной душой.

1862

Юмористическим чутьем
Под вашей докторскою тогой,
Под вашим мудрым париком,
В изгибах речи вашей строгой
Нагайку чуем казака,
Хоть видим в выпушках, петличках
И в полемических привычках,
Что вы не нашего полка.

1862

— Кто больше всех благонамерен?
— Аскóченский, я в том уверен.
— А более его?
                    — Ну, Павлов, — отвечаю.
— А более его?
                    — Чичерин.
— А более его?
                    — Не знаю.

1862

БЛАГОРАЗУМНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

(Руководство для несозревших старцев и юношей)

Я уверен в прогрессе отечества,
В просвещенных стремленьях дворян
Дать богатство наук для купечества
И духовно насытить крестьян,
Но в поспешности юного племени,
Беспристрастно когда я взгляну
С точки зрения «Нашего времени», —
Неурядицу вижу одну.

Убежденный глубоко, что родина
Обновилась и минул ей срок,
По словам господина Погодина,
Дать народам Европы урок;
Ибо к правде дорога затеряна
В исторической фальши веков, —
С точки зренья Бориса Чичерина,
Я ко всяким реформам готов.

Ни малейшей не вижу опасности
И статейку бы мог написать
В пользу так называемой гласности.
Уж наверно прошла бы в печать!
Изумила бы все человечество
Верность взгляда в творенье моем, —
С точки зрения «Сына отечества»
И Ципринусов, пишущих в нем.

Пусть все мнения прямо, сознательно
Возникают с различных сторон,
Ибо Павлов сказал основательно:
«Невозможно-де петь в унисон».
Я согласен, чтоб с мыслию правою
Дан простор был и мысли кривой, —
С точки зренья, покрывшею славою
Льва Камбека с его ерундой.

Появилась везде юмористика.
Все кричат как о чем-то дурном.
Но на днях с наслажденьем три листика
Я прочел в фельетоне одном.
Было столько в нем юмора милого,
Что я понял всю пользу сатир, —
С точки зренья Никиты Безрылова,
Удивившей читающий мир.

Уважая свободные мнения,
Быт, обычай, преданья и род,
Я читаю газет рассуждения
Как философ, юрист, патриот.
Но, конечно, с достоинством барина
Я смотрю беспристрастно на них, —
С точки зрения Бланка, Самарина,
Безобразова Н. и других.

Для меня равноправны все нации,
Ненавистен мне неграми торг,
На сиамцев взглянув в «Иллюстрации»,
Прихожу я в невольный восторг;
Но еврея, греховно упадшего,
Мне «Основа» и разум велит, —
С точки зрения Зотова младшего,
Звать позорною кличкою: жид.

Я на женщин гляжу снисходительно,
С точки зренья ученых врачей,
И с Юркевичем в розге внушительный
Замечаю *мотив* для детей.
Новый взгляд доктринера московского

В сладкий трепет приводит мой дух, —
С точки зрения Миллер-Красовского,
Разгадавшего смысл оплеух.

Формулируя жизни явления
С соблюдением *мер и границ,*
Я на все приобрел точку зрения
Из журналов обеих столиц.
Эта точка достойна известности,
Ибо нежным растеньем цветет
В вертограде российской словесности,
Чтобы вкусный дать обществу плод.

1862

ЮМОРИСТАМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Поморная муза резва:
В стихах, понимаете, надо
Уметь, как расставить слова,
Чтоб свистнуло с первого взгляда.

Умеючи надо шутить
С богиней веселых мелодий;
Как вам нужно кушать и пить,
Так нужен размер для пародий.

Богине мелодий верны,
Поморные — все староверы
И скромно, как все свистуны,
Свистят, соблюдая размеры.

За то им богинею дан,
Надежнее стали звенящей,
Для битвы с врагом талисман:
Стих, мягко и нежно свистящий,

Одним услаждающий слух,
Других повергающий в холод,
И главное: легкий, как пух,
Но пошлость дробящий, как молот.

1862

ЦЕПОЧКА И ГРЯЗНАЯ ШЕЯ

(Сцены из современной комедии) [1]

ЛИЦА:

Графиня Хрюмина — 113 лет.
Графиня, ее внучка — 68 лет.
Хлестова — 99 лет.
1, 2, 3, 4, 5, 6 — Княжны Тугоуховские (младшей — 61 год, старшей — 66).

Действие, по соображениям автора, перенесено из Москвы в Петербург.

Гостиная графини Хрюминой. Величавая запущенность: полинялые, но великолепные портьеры и занавесы. Графиня Хрюмина, одетая как на бал, сидит в больших креслах, неподвижно во все время действия. Графиня-внучка сидит у стола с книжкою стихотворений Милонова. Входит г-жа Хлестова.

I

Хлестова

(входя)

Уф! Дайте отдохнуть... Как высоко, мой свет,
Живете в Питере... Одышка... ноют ноги...
Хоть были б лестницы отлоги!

---

[1] «Г. Чернышевский, явившись перед избранною публикою, вел себя в высшей степени неприлично. Он то ложился на кафедру, и боком и животом, то полусадился на нее (?), то делал разные телодвижения, нетерпимые в мало-мальски порядочном обществе, то *вертел часовой цепочкой, — у меня, дескать, часы есть!* (!!) Одним

Легко ли в девяносто лет
Взбираться чуть ли не на крышу...

Графиня-бабушка

Не слышу, матушка, не слышу.

Хлестова

Из силы выбилась... расстроена притом...
Арапка утром нагрубила:

словом, при двух или трех тысячах образованных людей Чернышевский вел себя как Ноздрев на губернаторском бале». (Как Ноздрев на губернаторском бале, т. е. был мертвецки пьян и, по окончании чтения, сел на пол и хватал за ноги выходивших из зала дам и мужчин.) («Сев⟨ерная⟩ пчела», № 70).

Я был на литературном вечере 2-го марта, но так как, подобно всей публике, слушал, что в этот вечер читалось, то и не заметил, каким боком ложился г. Чернышевский на кафедру — правым или левым, даже не знаю, ложился ли. Цепочкою же он играл — это точно. Такое преступление г-на Чернышевского меня возмутило, возмутило тем более, что повествование об нем напечатано не в какой-нибудь гиероглифической газетке, а в «Северной пчеле»; следовательно, цитированные выше строки проведены «сквозь горнило вдохновения и претворены в перл создания» г-ном Усовым, если только почтенная газета не возвратилась опять под редакцию г-д Греча и Булгарина.

В «Библиотеке для чтения», в фельетоне, подписанном чрезвычайно остроумным псевдонимом *Петр не скажусь*, автор очень ловко шутит над совершенно неуместным присутствием дам на публичных чтениях. Вот один грациозный эпизод из этого вообще благовоспитанного и благонравного фельетона, в котором, разумеется, и Чернышевскому достается.

«Уж *студент* женского пола не будет вам носить ни косы, ни сетки, а непременно обстрижется по-мужски и шапку наденет и какую-нибудь невозможную мантилью...

При мне произошла такая сцена в Александровской зале Думы...

Стояла кучка молодых людей у выхода.

Поодаль от них, облокотясь о скамейку, помещалась какая-то *фигура*, именно *фигура*, потому что, говоря совершенно серьезно, нельзя было различить, что *это такое* — мужчина или женщина, мальчик или девочка.

Трудно даже описать внешность этой особы. Стриженная почти под гребенку голова, мужской *(подозрительной белизны)* стоячий воротничок, *грязная шея*, затем какое-то коричневое одеяние, состоящее из кофты и узенькой юбки, и в руках мужская шапка.

— Это католический ксендз, — сказал один из молодых людей.

— Нет, это аптекарский ученик, — заметил другой.

Они подошли поближе к фигуре, постояли, и наконец у одного из юношей вырвалось:

Разбила блюдечко собачье с молоком —
А в церковь уж звонят... Мерзавку-то прибила,
Да в церковь, знаете, в горячке... agitée...[1]
Ну так вот и теснит под ложечкой и в груди...
Не простудиться бы... Ох, право, нынче люди —
Скот на скоте!

(Заметив графиню-внучку.)

А, здравствуй, ангел мой.

Графиня-внучка

Bonjour, ma chère,[2] ну что вы?
Здоровы?

— Если она женщина, так это *цинизм* — являться в таком виде...
Существо неизвестного рода, сошедши вниз, *надело салоп*».

Грязная шея дамы взволновала меня не менее цепочки Чернышевского. Мне хотелось узнать подробности как о даме, так и о г. Чернышевском, чтобы с своей стороны предать их общественному позору посредством гласности. Для этого мне нужно было имя нечистоплотной дамы и настоящие имена обоих фельетонистов. Я был убежден, что ни один из современных русских литераторов, не исключая даже Аскоченского, придя на публичные лекции, посещаемые женщинами, по большей части небогатыми и за модами не следящими, не станет инспектировать их наряды и осматривать, у всех ли вымыты шеи и нет ли у которой-нибудь траура под ногтями. Русские литераторы, думал я, так малодушны и до такой степени трусы, что не осмелятся заявлять публично свои фешенебельные наблюдения над женщинами, желающими учиться, если бы даже были способны и подготовлены светским воспитанием к таким наблюдениям. Русский литератор, полагал я, заметив, что собрат вертит часовую цепочку, непременно как-нибудь покривит душою, а не скажет своим читателям с геройскою откровенностью, что, мол, это бахвальство вертеть цепочкою, часов-то, может, и нет у голубчика. Очевидно, оба фельетона написаны не литератором, решил я и направил свои поиски в иную сторону. Поиски увенчались успехом. Оказалось, что на вечере 2-го марта и на одной из публичных лекций в числе прочих были г-жа Хлестова и шесть княжон Тугоуховских, помните, которые в 1821 году так дружно провозгласили Чацкого сумасшедшим. Княжны всё еще в девушках, они заметно состарились (младшей уже шестьдесят лет с хвостиком), но всё еще так же милы, веселы и умны. Я узнал достоверно, что именно шесть княжон, г-жа Хлестова и графиня Хрюмина-внучка (тоже девушка, уже лет десять как отпраздновавшая свой пятидесятилетний юбилей) написали оба эти фельетона. Слог поправлял Молчалин, а в редакции сообщил фельетоны Загорецкий. Как все это происходило, я потщился изобразить в предлагаемых сценах.

[1] Взволнованная *(франц.)*.

[2] Здравствуйте, моя дорогая *(франц.)*.

Хлестова

(отдает ей ридикюль)

На, возьми. Бог милости прислал.
Какое, матушка, здоровы!
Последний час пришел, последний век настал!
Нет страха божьего... обрезаны доходы...
Дороговизна — страсть... весь свет пошел вверх дном,
Всё новые пошли, вишь, моды!
Недавно... Голова, мой друг, идет кругом...
Графиня, матушка, послушайте-ка тоже...
Недавно... Господи! Ни на́ что не похоже!
Молчалин, видите, привез ко мне билет
На чтенье... Как его?.. Ну вот, что нынче в моде...
Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня-бабушка

Вы ездили в балет?

Графиня-внучка

Grand'mère,[1] совсем не то.

Хлестова

Совсем не то, мой свет.
Нет, это зрелище совсем в особом роде,
И говорить-то даже грех!
Тут... я вам расскажу... выходят вольнодумцы,
Читают — кто про что... один кричал: *безумцы!*
Ей-богу! Обозвал безумцами нас всех.
Другой... другого-то и слушать я не стала...
Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась зала...
Другой расписывал какой-то *мертвый дом,*
Про каторжников всё... ну просто стыд-стыдом!
Я с Пашей Хворовой насилу усидела...

Графиня-бабушка

В Палате скоро вы обделаете дело?
Ну... поздравляю вас.

Графиня-внучка

Совсем не то, grand'mère.

[1] Бабушка *(франц.)*.

Хлестова

Мой свет, совсем не то. Представьте, например,
Что вы бы, взяв билет, сидели в креслах сами,
И вдруг бы выскочил какой-то шематон...

Графиня-бабушка

Там все был *моветон?*

Хлестова

Напротив, весь beau monde[1]... мужчины со звездами...
И перед ними-то... и вдруг передо мной —
Афронт какой!
На сцену выскочил какой-то вольтерьянец
И грубо начал так... Афронт, совсем афронт!

Графиня-бабушка

Как?! Губернатору корнет не сделал фронт!
Тесак ему и ранец!

Хлестова

Да нет, вы слушайте... Вдруг выскочил и сел,
Зовут... позвольте... Чернышевский...
Да как пошел... пошел...

Графиня-бабушка

Зовут: Андрей Краевский?
А! Знаю... слышала. Так долго жить велел?
Жаль... Это, говорят, был умный сочинитель...
Стихи он, помнится, писал
В «Московский зритель».
В альбуме у меня его есть мадригал.

Хлестова

Да нет...

(Обращаясь к графине-внучке.)

Вот видишь ли, читал он про кого-то,
Должно быть, умника такого же, как сам,
Пьянчужку, ветреника, мота...
Вдруг... Я не верила глазам!

---

[1] Высший свет *(франц.)*.

Забылся до того... ты рассуди, ведь дочку
На эти зрелища смотреть приводит мать —
Цепочку в руки взял и начал с ней играть!!

Графиня-внучка

(с ужасом)

Играл цепочкою!!

Графиня-бабушка

(с испугом)

Как?! он украл цепочку?!

Хлестова

(торжественно)

На стол облокотясь, цепочкою играл!

II

Входят шесть княжон и, не снимая шляпок, не здороваясь, начинают говорить, перебивая одна другую, чрезвычайно оживленно, громко, несколько в нос и размахивая руками.

1-я княжна

Mon ange,[1] вы слышали?

2-я княжна

Ma chère, какой скандал!

Графиня-внучка

Про Чернышевского?

3-я княжна

Да нет!

4-я княжна

Вы не слыхали?

5-я княжна

Сейчас на лекции...

[1] Мой ангел *(франц.)*.

6-я княжна

На Невском...

2-я княжна

В Думе...

4-я княжна

В зале...

1-я княжна

Да подожди, Мими!

6-я княжна

Зизи, дай мне сказать.
Явилась женщина...

1-я княжна

Не женщина — *фигура!*

5-я княжна

С мужчиною никак нельзя бы распознать!

2-я княжна

Ну просто польский ксендз...

3-я княжна

Кухарка!

4-я княжна

Повар!

5-я княжна

Дура!

3-я княжна

В какой-то кофточке...

2-я княжна

С мужским воротничком...

4-я княжна

Немытым...

1-я княжна

Грязный весь...

5-я княжна

Как есть чернее сажи!

1-я княжна

С мужскою шапкою...

4-я княжна

Закутана платком...

6-я княжна

В кружок обстрижена...

1-я княжна

Без кринолина даже!

2-я княжна

Да нет...

4-я княжна

А главное...

3-я княжна

А главное... Ха-ха!

5-я княжна

Хи-хи!

1-я княжна

Ученая!

3-я княжна

Профессорша!

2-я княжна

Студентка!

Все шесть княжон

С немытой шеею!!!

Общий ужас.

5-я княжна

Ну точно наша Ленка!

Общий хохот.

1-я княжна

И всё с студентами!

Графиня-внучка

Ну долго ль до греха!

3-я княжна

Читают...

6-я княжна

Руки жмут...

5-я княжна

Передают записки...[1]

Хлестова

Ах! Дни последние, должно быть, очень близки!

1-я княжна

Mesdames, я думаю, нам следует подать...

4-я княжна

Я тоже думаю...

5-я княжна

В набат я приударю!

1-я княжна

В Сенат прошение...

6-я княжна

К министрам...

---

[1] «...в антрактах и при выходе являются специалисты по части женского пола. Есть такие юноши, которые знакомы со всеми почти дилетантками и студентшами, перепархивают от одной кучки к другой, меняются лекциями, жмут руки, надевают салопы и вообще ведут себя очень мило и галантерейно, хоть бы и не в аудитории, а в любом приятном обществе» (*«Библиотека для чтения»*).

5-я княжна

К государю!

Графиня-внучка

А я так думаю: Молчалина позвать.
Напишим... un article... un feuilleton...[1] Теперь я
На Чернышевского и на студентку зла.

(Звонит.)

Бумаги нам! Чернил! Mesdames, скорей за перья.
Пишите: «Лекция такого-то числа...»
«Неуважение ко всем приличьям светским...»

(Звонит.)

Скорей Молчалина! Скорей за Загорецким!
Они помогут нам... Они...
Как?! С грязной шеей в наши дни!

Графиня-бабушка

(заснувшая было под шумок, от сильного звонка просыпается)

Зачем Молчалина? Заняться, нешто, вистом?

Хлестова

Молчалин, матушка, придет поправить слог.

Графиня-бабушка

Не слышу, матушка... В постель Молчалин слег?

Графиня-внучка

Нет, сделался фельетонистом.

Входят Молчалин и Загорецкий, выходят 70 № «Северной пчелы» и февральская книжка «Библиотеки для чтения».

1862

---

[1] Статью... фельетон *(франц.)*.

КОНСКИЙ ДИФИРАМБ

Сколь славен господин Скарятин,
Изобразить двуногий слаб;
Людской язык лицеприятен.
Зато правдив табунный храп.

Чего не выразит словами
Российских звуков алфавит,
Мы нежно выскажем хвостами
И звучным топотом копыт.

Подобно господину Бланку,
О коем слух проник и к нам, —
Людскую показав изнанку,
Он дорог сделался скотам.

Освободясь от взглядов узких,
Нечеловечьим языком,
Как добрый конь, все сходки русских
Он назвал смело табуном.

Он человек *без чувства стада,*
Царю зверей дал карачун, —
Его принять за это надо
Почетным членом в наш табун.

Дадим ему овса и сена
За то, что он, по мере сил,

Разоблачил Ледрю-Роллена
И Чернышевского убил.

И пусть журналы с завываньем
Начнут глумления над ним;
Табунным топотом и ржаньем
Мы свист журнальный заглушим.

1862

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГ СМЯГЧИЛСЯ

(Архитектурная фантазия «Отечественных записок») [1]

Молитвой нашей бог смягчился:
Роман Тургенев сочинил, —
И шар земной остановился,
Нарушив стройный ход светил.

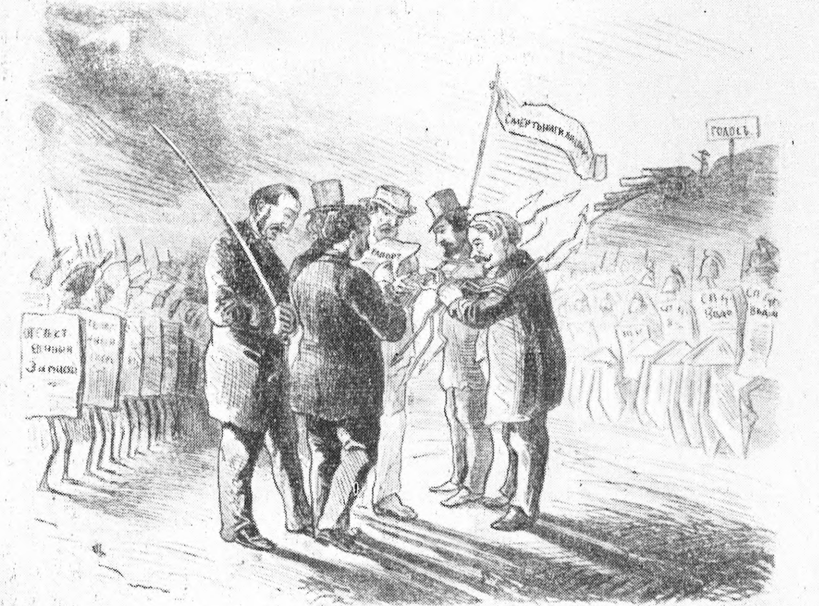
Под гнетом силы исполинской
Уже хрустит земная ось...
И Чернышевский, как Кречинский,
В испуге крикнул: «Сорвалось!»

---

[1] «Отечественные записки» увлеклись новым романом г-на Тургенева «Отцы и дети», как ни одна барышня былого времени не увлекалась романами Жанлис, Коттень и Радклиф. Рецензенты, хроникеры, публицисты, свистуны и фельетонисты этого почтенного журнала только и говорят, что об «Отцах и детях». Рецензент, к сожалению, не подписавший своего имени под статьею «Принципы и ощущения», до того любезен и благосклонен к нам, своим *младшим братьям* в литературе, что, снисходя к нашей неразвитости, берется объяснить нам, что именно хотел сказать своим романом г-н Тургенев, — точь-в-точь, как, бывало, барышня прочтет сентиментальный роман и пойдет рассказывать его содержание своим крепостным девушкам. «Мы хотели бы сделать вот что, — говорит рецензент, — сначала объяснить значение романа г-на Тургенева *для литературы*» («О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩», март, «Принципы и ощущения»). Покорно вас благодарим, г-н рецензент; мы уверены, что и г-н Тургенев останется *вам благодарен*.

Рецензенты, хроникеры, публицисты, свистуны и фельетонисты «Отечественных записок» все единодушно порешили, что с появлением романа г-на Тургенева время отрицания и обличения прошло

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Скарятинъ встаетъ на тревогу
И дубленъ пишетъ рапортъ,
Что ладно здѣсь все, слава Богу.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Съ оружьемъ Гоневичъ выходитъ,
Встаютъ шиповники — и вотъ
Покинувъ редакторъ и ходитъ. —

И ходитъ онъ между вождей —
Громы раздаетъ публицистамъ.
Пароль имъ «*Редакторъ Андреевъ*,»
А лозунгъ имъ «*Смерть нигилистамъ!*»

И нигилист за нигилистом,
Как вихри снежные с горы,
Казнимы хохотом и свистом,
Летят стремглав в тартарары.

Агенты «Времени», все лупы
Направив париям вослед,
Смешали черные их трупы
С тенями «жителей планет».

И публицисты Ер и Ерик,
Узрев бегущих со стыдом,
Кричат отважно: «Берег, берег!
Созиждем здесь обширный дом!

Вы, Синеус и Прогрессистов,
Из остроумных ваших строк
На пепелище нигилистов
Везите щебень и песок.

Чтоб заложить фундамент прочный, —
Своих рецензий вкус и такт
Пускай везет сюда Заочный
Через большой почтовый тракт.

Размерит здания на части
Борис Чичерин, — а кирпич
Для нас заменит полный страсти
Громеки пламенного спич.

безвозвратно. Пришла пора строить, — декламируют они на все тоны, — отрицать более нечего, обличать некого. «Речь идет теперь о создании приятного и удобного, — говорит г-н Громека, — сердцем и умом домохозяина (т. е. г-на Краевского) овладевает строительное искусство: архитекторы новых идеалов получают предпочтение пред разрушителями старых — идеалисты сменяют нигилистов» («Соврем‹енная› хроника России», апрель). «Теперь нужно долото и топор, — говорит г-н Скарятин, — а лаки, подпилки, столярная работа придут после, когда заложим фундамент и возведем стены здания («Отеч‹ественные› записки», апрель, «Об изменении ценз‹урного› устава»). Для нашей архитектурной фантазии мы избрали именно момент этих предварительных работ гг. инженеров «Отечественных записок».

Дружней! Труд легок и приятен:
Нам для работы дан топор,
Которым сокрушил Скарятин
Всей юной Франции задор».

Чего робеть? Дружней, ребята!
Работай с богом, в добрый час,
По плану, данному когда-то
В стихах Воейкова для вас.

Воздвигнуть зданье суждено вам
Неизглаголанных чудес:
Глухие в зданье этом новом
Расслышат явственно: «Прогресс!»

У лысых дыбом станет волос,
Слепой увидит вальс калек,
Издаст Андрей Краевский «Голос»,
И золотой наступит век.

1862

НИГИЛИСТ-СТАРИЧОК

«В молодом поколении может так же не быть пути, *как не было его и в старом. Ясность глаз, свежесть щек*, длинный ряд годов впереди — это еще не права на общественное внимание».

(«Наше время», № 107).

Молодежь легковерна,
Молодежь весела, —
В нигилизме, примерно,
Недалеко ушла.
Нигилизм ядовитый,
Отрицания сок
Выжал только маститый
Нигилист-старичок.

Вот Базаров освистан —
Ну какой он герой?
Ну какой нигилист он?
Просто — *прынцип* такой!
Нет-с! У нас по *принсипу*
За землишки клочок
Обдерет вас, как липу,
Нигилист-старичок.

Нигилист, если молод,
Носит в сердце любовь...
Но когда в сердце холод,
Но когда стынет кровь, —

Как шалит под секретом
  У хорошеньких ног
Подогретый балетом
  Нигилист-старичок!

Нигилист в молодежи,
  Если молод и сам,
Замечает не рожи,
  А стремленье к трудам.
Только рожи — не боле,
  Ясность глаз, свежесть щек
Видит опытный в роли
  Нигилист-старичок.

Нигилист самый юный
  В зрелой мысли отцов
Слышит вещие струны,
  К делу честному зов.
С отрицанием мутным
  Мысли братьев итог
Называет *беспутным*
  Нигилист-старичок.

Отравясь не от знанья,
  Затаив без любви
Тонкий яд отрицанья
  Не в уме, а в крови, —
Головы не повесил,
  Нажил землю, домок, —
Совесть к черту! — и весел
  Нигилист-старичок.

Черт ли в том, что уж кости
  Ждут последнего дня, —
Он, где требуют злости,
  Жарче летнего дня.
Голос мягкий и плавный,
  И что слово — урок!
У! какой он забавный,
  Нигилист-старичок!

1862

ПИСЬМО ОБ РОССИИ ФУКИДЗИ ЖЕН-ИЦИРО К ДРУГУ ЕГО ФУКУТЕ ЧАО-ЦЕЕ-ЦИЮ

(Перевод с японского и примечания Таци-Ио-Саки)

Милый друг, Фукута Чао-Цее-Цию,
Мы благополучно прибыли в Россию,

Через порт Кронштадтский к Петербургу прямо.[1]
Будь благословенно имя Тентосама![2]

Всё нам здесь по нраву: уци, хадомадо,
Данмио, но-ками — лучше быть не надо.[3]

Хоть теплей в Европе, например в Париже,
Здесь суровый климат, к полюсу поближе,

Но всей грудью дышишь и вольней и шире,
Точно на Нипоне или Кунашире,

Ибо под суровым петербургским солнцем
В русском очень много общего с японцем,

Даже утверждают здешние витии —
Сходство это резче в глубине России.

Потому что, видишь, милый друг Фукута,
Строить государство начал очень круто

Кумбо Петр Великий, славный в целом мире,
Как наш Кумбо Первый, свергнувший Даири.[4]

Обучать народ свой он велел голландцам
Всяким европейским фокусам и танцам,

Как ногами шаркать, лить из меди пушки,
Из науки пули и из глины кружки,

Чтобы в оных кружках, Азии на диво,
Пить под страхом казни в ассамблеях пиво.

Бороды всем выбрил... Не приспело время
Брить, как у японцев, маковку и темя,

Ибо перед нами русские, как дети,
Только на границе двух тысячелетий, [5] —

Даже не созрели в доблести гражданской,
Как сказал в Пассаже баниос Ламанский. [6]

Так лились в Россию волны просвещенья,
Силясь переспорить волны наводненья,

Ибо, поглощенный думами о флоте,
Кумбо им построил город на болоте.

В этом-то болоте, в Петербурге то есть,
Я насчет России сочиняю повесть.

Минуло столетье. Там, где были топи,
Выросли громады западных утопий.

. . . .

На проспекте Невском появились франты,
Из печати вышли первые куранты.

Кумбо сам в то время корректуры правил [7]
И для сочинений образцы оставил, —

Нынче ж заправляют этими делами
Заиджю Арсеньев и Катков но-ками. [8]

В десять раз, конечно, менее, чем Едо, [9]
Чуждая для русских, страшная для шведа,

Стала украшаться невская столица.
Земно поклонилась ей Москва-вдовица, [10]

Продолжая, впрочем, жить по Домострою
(Книга вроде *Дзинов*, чтимая Москвою),

Чад и домочадцев плеткой обучая,
До седьмого пота напиваясь чая,

Каждую субботу в жарких банях прея,
Фраками гнушаясь и бород не брея.

Да и петербуржец зоркий глаз японца
Не надует фраком тонкого суконца.

Здесь для виду носят, как в Европе, фраки,
А живут, как наши деды в Нагасаки.

Люди всех сословий, звания и сорту,
Как домой приходят — фраки тотчас к черту

И уж не снимают целый день халатов,
Лежа на перинах вроде наших матов. [11]

Так прошел бесследно славный век Петровский...
Впрочем... есть проспект здесь—Каменноостровский,

На проспекте зданье — тех времен затея, —
И на оном зданье надпись: «Ассамблея». [12]

В зданье этом ночью множество народу,
Данмио, но-ками пьют саки́, как воду,

Как пивали древле предки их славяне;
Там басят тирольки, там ревут цыгане,

Там старик стоягу, сделавшись ребенком,
Шепчет по-французски нежности чухонкам, [13]

Там бушуют немцы, там народ толпами,
Как за диким зверем, следует за нами;

Барства и холопства там видны остатки:
Там все сохранилось в дивном беспорядке,

Европейски-модным, азиатски-диком,
Как при Кумбо Первом, при Петре Великом!

Примечания к письму об России

[1] Дабы судить о столице Российской империи, недостаточно прочесть «Описание Петербурга» Пушкарева. Еще менее может удовлетворить сочинение о том же предмете Башуцкого, ныне юродствующего в «Домашней беседе». Любознательному японцу рекомендую, впрочем, прочесть сочинение «Дружеская переписка Петербурга с Москвою», помещенное прежде в «Свистке», а ныне вошедшее в полное собрание сочинений Добролюбова. Автор с одинаковым беспристрастием относится к обеим столицам; озлобленный ум его как в той, так и в другой находит для себя обильную жатву. Есть предание, что по выходе в свет оной поэмы более ста человек, из числа самых зажиточных обывателей города, почитая себя обиженными автором, подали на него жалобы начальству. Это совершенно в здешних нравах — даже самые знатные ученые книжники и газетчики оным средством удовлетворения не пренебрегают.

Добролюбова считают также основателем зловредной секты нигилистов, злокозненно подкапывающейся под самые чистые верования россиян, как, напр., — в достоинство «Русского вестника» и т. п. Обо всем этом будет ниже. Люди благонамеренные сожалеют, что бесспорно талантливый Добролюбов пошел по ложной дороге.

Можно читать также «Петербургский вестник» с приложениями «Ерунды», дабы судить, на какой еще низкой степени просвещения стоят россияне даже в столичном городе Петербурге.

[2] Слову *тентосама* соответствует русское слово бог. Об религиозных верованиях россиян издам в свет особое сочинение. Здесь замечу только, что в Петербурге находятся последователи всех известных у нас исповеданий. Почти все баниосы суть поклонники звезд. Многочисленную, ныне, впрочем, исчезающую, секту поклонников луны называют поэтами, влюбленными, сумасшедшими, кабалистами и пр. Переселение душ понимается здесь довольно своеобразно: фякшо-сшто полагают, что каждая душа в сем свете имеет право свободно переходить от владельца к другому, с земли на землю; землевладельцы до последнего указа 19 февраля 1861 г. совершенно отрицали переселение душ; некоторые и теперь ограничивают это понятие переселением фякшо-сшто с земель, удобных для хлебопашества, на неудобные. Как те, так и другие, хадомадо и фякшосшто, охотно переселяют в себя души животных, неумеренно напиваясь сотчио и саки, особенно на так называемой масляной неделе,

исключительно посвящаемой пьянству. По поводу сего всеобщего переселения обычай воспрещает даже на оной неделе употреблять в пищу мясо животных.

[3] Слова *уци*, *хадомадо*, *данмио*, *но-ками* не исчерпывают всего содержания, заключающегося в русских словах: князья, графы, дворяне, бояре, бары, благородные, высокоблагородные, высокородные, сиятельные и пр. Для полнейшего ознакомления с оным предметом следует читать Павлова, Чичерина и др. специалистов.

[4] Петр Великий первый из русских царей принял титул императора, подобно тому как наш Кумбо Первый назвался Кумбо-сама, ограничив власть духовного императора Даири.

[5] Подобно тому как японцы спорят о своем происхождении, и русские не могут с достоверностью определить, от кого они происходят — от норманнов или от литвы. Некоторый ученый Духинский полагает даже, что от китайцев. Положение это не заслуживает вероятия. Во времена младенчества истории в Японии (а в России это младенчество еще продолжается) наши даже знаменитые ученые утверждали, что и мы и курильцы происходим от китайцев, ныне каждый мальчик презрительно улыбнется, если ему скажут, что доблестные японцы одного происхождения с псами-китайцами.

[6] Пассажами в Европе называют крытые галереи, построенные для удобства при переходах из улицы в улицу. Сколько мне случалось видеть, пассажи эти постоянно заняты магазинами и наполнены толпами проходящего народа; в Петербурге Пассаж неизвестно для чего построен, и магазины в нем по большей части стоят пустые.

[7] Здесь автор грешит против исторической истины, перенеся царствование Петра Великого чрез сто лет после основания Петербурга. Подобные промахи в русской поэзии, впрочем, допускаются и носят название поэтических вольностей.

[8] *Заиджю* собственно переводится русским, введенным в язык Петром Великим, словом *секретарь*, так что в администрации «Северной почты» скорее секретаря редакции Лебедкина следовало бы назвать *заиджю*. Очевидно, почтенный Фукидзи Жен-Ициро употребил это слово в применении к Арсеньеву по малому знакомству с русским языком и совершенному незнанию канцелярских штатов.

[9] В С.-Петербурге, по официальным сведениям, считается 520 131 жителей. В Едо на главных больших улицах 280 000 домов; полагая, по малой мере, по 30 жителей на дом, получим 8 400 000 — цифру народонаселения, не считая императорской гвардии, свиты, стражи князей и обывателей хижин, разбросанных в разных закоулках. В Едо по крайней мере 10 000 000 жителей. Одних слепых в Едо считается 36 000. Неверующие русские могут прочесть об этом предмете в книге «Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах».

[10] И перед новою столицей
Главой склонилася Москва,
Как перед юною царицей
Порфироносная вдова,

говорит Пушкин, как все русские поклонники луны, склонный к метафорам.

[11] Наши маты стелются на полу; у русских перины кладут на деревянные доски. Чем богаче и знатнее русский, тем мягче у него перины и тем больше их кладут одна на другую.

Поморные говорят, что в Москве в богатых купеческих семействах муж с женою спят на десяти и более перинах, восходящих почти до потолка, наравне с висящею под образами лампадою. Здесь нельзя не заметить разнообразия в нравах, очень понятного, впрочем, в такой обширной стране, как Россия. Члены зловредной секты нигилистов (по большей части пролетарии — вроде фякшо-сшто) не только не имеют по нескольку перин, но даже отрицают вовсе перины, простыни, подушки, халаты, а спят как придется, часто даже во фраках.

[12] Почтенный Фукидзи Жен-Ициро, говоря об ассамблее, разумеет вообще петербургские загородные гулянья. Сколько мне известно, в ассамблее он не был, а был в саду графа Кушелева-Безбородко и г-на Излера. Ему, очевидно, хотелось блеснуть своими сведениями об эпохе Петра Великого.

[13] Загородные гулянья преимущественно посещаются чухонками, составляющими обширное сословие камелий, над которыми автор, как слышно, ныне производит исследование.

17 августа 1862 года.

МОСКОВСКИЙ ФИГЛЯР

Всякий пляшет, да не так,
как скоморох.

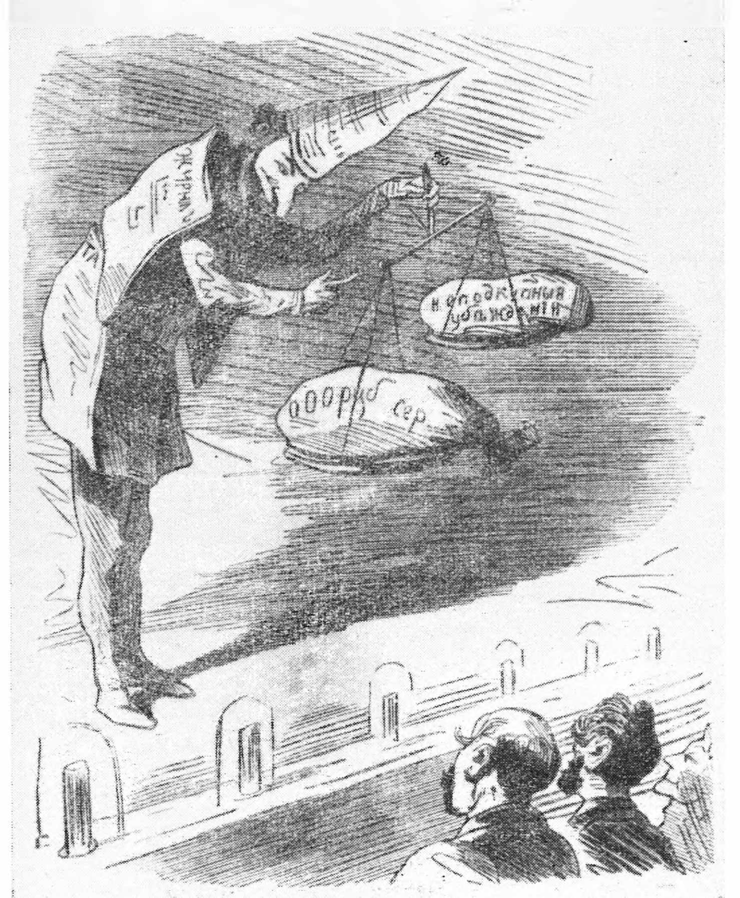
(Пословица).

Лицо намазав сажей,
Как английский фигляр,
Московский парень ражий
Выходит на базар.
Кричит, народ сзывая:
«Вот фокус! — Раз! Два! Три! —
Вот штука! Вот другая!
Честной народ, смотри!»

Оделся он — умора!
На голове колпак,
Из тряпок коленкора
На нем двуцветный фрак;
Одна нога людская,
Другая... Раз! Два! Три!
Копытом бьет другая, —
Честной народ, смотри!

Смотри мою отвагу:
«Вот шпага. Видишь? Ну,
Я проглочу всю шпагу
И глазом не сморгну».

ЖУРНАЛЬНЫЕ ФОКУСЫ.

Грав. П. Куренковъ.

— ... Теперь, г-да, позвольте доказать вамъ нагляднымъ образомъ, что убѣжденія наши стоятъ всегда выше подкупа.

Шпажонка, исчезая,
    Блеснула... Раз! Два! Три!
Он смотрит не мигая, —
    Честной народ, смотри!

За несколько копеек
    Пересвистать готов
Заморских канареек
    И курских соловьев.
На все он мастер, словом!
    Вот свищет... Раз! Два! Три!
Вот рожу сделал клёвом, —
    Честной народ, смотри!

Награды — грош да гривна!
    За бесполезный труд...
Как жалко, как противно,
    Когда такой же шут
Проглотит шпагу разом
    В журнале... Раз! Два! Три!
Да не сморгнет и глазом, —
    Честной народ, смотри!

⟨1862⟩

ПЕРЛЫ, ТЩАТЕЛЬНО[1] ВЫБРАННЫЕ ИЗ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА г. БЕРГА «ПАНА ТАДЕУША» МИЦКЕВИЧА И НАНИЗАННЫЕ СТИХОТВОРНО ЖЕ НИКЧЕМНЫМ ПИИТОЙ БРЕХАЛЬСКИМ

О, Берга перевод! Читаешь: просто любо!
Словечком каждым ты *хватаешь аж до чуба!*
Сполáгорь всё тебе: законы языка,
И подлинника смысл, и музыка стиха.
И исполать тебе: в российских виршах ты
«Тадеуша» сумел явить нам красоты
И оными воспеть *курчента, бигос, зразы,*
Шпараги, холодец, панов, ксендзов проказы,
Покрой затейливый *чамарок, тарататок,*
И польский наложить на стих свой отпечаток.
Эмалью яркою покрыл ты небеса:
Позáди у *брегов* там *кляштор* и леса,
«Здесь яркий папушой вытягивает стан»
«И ходит в воздухе златой его салтан»,
А вот убит медведь *и задан ему жар,*
Украдывался где *пехура за анбар,*

[1] Все слова, напечатанные курсивом, взяты из перевода г. Берга, помещенного в «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩» за 1862 г., гармония же стиха, обороты речи и обрезания слов — только слабая и бледная копия этого классического творения. Стихи между кавычками целиком принадлежат г. Бергу. Вот что говорит г. Краевский в объявлении об издании «Отечественных записок» в 1863 году: «...мы могли бы похвалиться таким произведением, как перевод поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш» Н. В. Берга, — перевод, который мы считаем *капитальным* (!) приобретением нашей литературы, говорим это *смело*». Действительно смело!

И *драматично* где *допрежь,* средь грязи жидкой,
«Дрожоли лопухи, задеты ножкой прыткой».
Окроме этого, *паненки русокосы,*
Невиданно отколь спорхнули Кахты, Зоси,
С плебании попы собрáлись и ксенжины
И вшисци дьябли и гурьбой *подкоморины.*
Смотрите, как *мо панку мой паниско*
Приблизился до них и что-то очень близко;
Как, *сбегав по ксендза, на пире* пьяны гости
Здоровье лихо пьют его *крулевской мости;*
«Как повскакали с мест, не в силах усидеть»
И ну давай тузить друг друга и переть
«Столами, стульями, старинными скамьями»,
«Что втиснулись туда обильными семьями»,
И под *застрехою* баталия велика
(*«Досталось, говорит пословица, на лыка»*).
Но вот, как *лис,* один, за ним другой за кружку
(*«Великие вожди не сходны друг на дружку»*).
А тут *басетли* звук, *тромпеты,* да к тому
И глазки, *«торопко глядящие во тьму»,*
Бросают ярый бой и, *узирая* Стешку,
Чтобы поймать ее, *мопанки* ищут *стежку,*
Но *пóзыв* и *позыв* восчувствовав к погоне,
Вскарабкаться вдруг все стараются *на кони,*
«А старых бунчуков на древки бородаты»
«Кухаркам отдают насаживать ухваты».
Но цыц, перо: в ушах уж скверно стало;
«Вот я тебе брехать, заткну твое брехало!»

1862

ГЛАСНОСТЬ 1859 ГОДА И ГЛАСНОСТЬ 1862 ГОДА

(На голос «Малютка, шлем нося, просил»)

Наконец-то мы дождались настоящей, не алгебраической гласности!

(«Рус⟨ский⟩ вест⟨ник⟩» 1859 г. по делу г. Якушкина).

За шум, бывало, так и знают,
Народ на *съезжую* ведут.
Теперь в *журнальную* сажают:
Там им расправа, там и суд.

Князь Вяземский.

Малютка-гласность как-то раз,
Не оскорбив цензурных правил,
Рассказом поразила нас,
Как был пленен Якушкин Павел.
Малютка милая свой нрав
Не скрыла от суда мирского,
Как должно, *Гемпелем* назвав
Полицийместера псковского.

Три года минуло с тех пор:
Уж перешли в века два «Века»,
Промчался «Светоч»-метеор
За ерундою Льва Камбека.
Якушкин издал свой дневник, —
Вдруг о расправе допетровской
Вновь повествует *Доминик*
(Не ресторатор, а *Тарновский)*.

Судьба обрушилась над ним
За то, что, в простодушье грубом,
Сказать решился он, что «дым

Вверх, а не вниз идет по трубам».
Таких обид нельзя снести:
Его связать сейчас велели,
Держали десять дней в части,
В тюремном замке две недели.[1]

Малютка милая! Тебе
Якушкин Павел был обязан
Рассказом о своей судьбе,
Хоть и ничем он не был связан.
В части он много вынес мук,
Но хоть и был в простой поддевке,
Ему не связывали рук
Неблагородные веревки.

Тогда, не тратя лишних слов,
Ты вышла в свет без покрывала,
Назвала прямо древний Псков
И прямо Гемпеля назвала.
Теперь ты скромницей глядишь
И, позабыв о прежнем форсе,
— *«В одной столице...»* — говоришь...
(В Варшаве или в Гельсингфорсе?)

Полковник N... столица Z...
Все недосказано, все глухо...
О гласность, гласность! В цвете лет
Ты стала шамкать, как старуха!
Останься ж при своих складах,
Но за былые заблужденья
Надень вериги — и в слезах
Моли у *Гемпеля* прощенья!

1862

---

[1] Пришло в голову стряпчему, — говорит г. Тарновский, — протестовать против незаконности акта и его определения (об аресте), но в доказательство несостоятельности протеста меня сейчас же отправили в тюремный замок, а акт представили уже высшему полицейскому управлению, которое, соглашаясь с мнением стряпчего, предписало освободить меня немедленно; но слово немедленно осуществилось едва только через две недели» («История моего ареста», «С.-П⟨етер⟩б⟨ургские⟩ вед⟨омости⟩», 1862 г., № 227).

ЛОРД И МАРКИЗ, ИЛИ ЖЕРТВА КАЗЕННЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ [1]

(Трагическая сцена — подражание французским комедиям: «Tartuffe» и «Les effrontés»)

ЛИЦА:

Лорд Катков
Маркиз Павлов

Театр представляет роскошный кабинет лорда Каткова, убранный à la reaction. [2]

Лорд Катков.

How do you do, marquis? [3]

Маркиз Павлов.

Mylord, je vous salue. [4]

Лорд Катков.

Садитесь.

(В сторону.)

Ну постой!

---

[1] Материалом для предлагаемой трагической сцены автору послужила полемика по поводу казенных объявлений между М. Н. Катковым и Н. Ф. Павловым (см. «Наше время», № 231, и «Современную летопись», № 44). Автор от себя ничего не прибавил; скорее его можно упрекнуть в излишней деликатности выражений. В изложении сцены автор нарочно избрал александрийские стихи, как самые тяжелые и, следовательно, ближе всего подходящие к предмету сцены.

[2] В стиле реакции *(франц.)*.

[3] Как вы поживаете, маркиз? *(англ.)*.

[4] Приветствую вас, милорд *(франц.)*.

Маркиз Павлов

Merci.

(В сторону.)

Уж насолю!

(Вслух.)

Я рад, милорд, что вам досталася газета.

Лорд Катков

(встает и кланяется)

Маркиз, позвольте вас благодарить за это.

Маркиз Павлов

Милорд, не я один, весь свет вас оценил.

Лорд Катков

Маркиз, мы трудимся по мере наших сил.

Маркиз Павлов

Милорд, вы трудитесь, поистине, как нужно.

Лорд Катков

Маркиз, мы действовать привыкли с вами дружно.

Маркиз Павлов

Нам врозь нельзя идти.

Лорд Катков

Нам легче труд вдвоем.

Оба вместе

(не без оттенка иронии)

Теперь горячую работу мы начнем.

Маркиз Павлов

Милорд, я лести враг, — но ваше объявленье
Прочел я — и душа поверглась в умиленье!
Какая точность в нем, какой изящный слог!

Лорд Катков

Благодарю, маркиз, я написал как мог.

Маркиз Павлов

Скромны, как девушка; но я скажу вам гордо:
В Москве и за морем известен слог милорда.

Лорд Катков

И я отвечу вам, хоть скромность ваш девиз,
Что вы — единственный во всей Москве маркиз.

Маркиз Павлов

Когда уж так, милорд...

(В сторону.)

Начать с размаху, что ли?

(Едко.)

Милорд, вы были враг когда-то монополий?

Лорд Катков

Враг монополий — да.

(Строго.)

Но я не утаю,

Что я, как собственник, за собственность стою,

(еще строже)

И полагаю я, что вы б не захотели...

Маркиз Павлов

(растерявшись)

Я?!. Нет!.. У нас, милорд, одни и те же цели.

Лорд Катков

Благодарю, маркиз. Я вижу, в наши дни
На поле гласности остались не одни
Ломаки...

Маркиз Павлов

Свистуны...

Лорд Катков

Горланы...

Маркиз Павлов

Нигилисты...

Оба вместе

Но есть подобные $\frac{\text{милорду}}{\text{маркизу}}$ журналисты.

Жмут руки друг другу. Продолжительное молчание.

Маркиз Павлов

Милорд...

(В сторону.)

Ей-богу, я... не знаю, как начать...

Лорд Катков

Маркиз, я слушаю.

(В сторону.)

Попробуй-ка опять.

Маркиз Павлов

(в очевидном замешательстве)

Милорд, наш век... есть век... реформ...

Лорд Катков

Маркиз, вы правы:
Эманципация смягчила наши нравы.

Маркиз Павлов

Нет больше откупов... но... привилегий след
Еще мы видим, сэр, в столбцах *иных газет.*

Лорд Катков

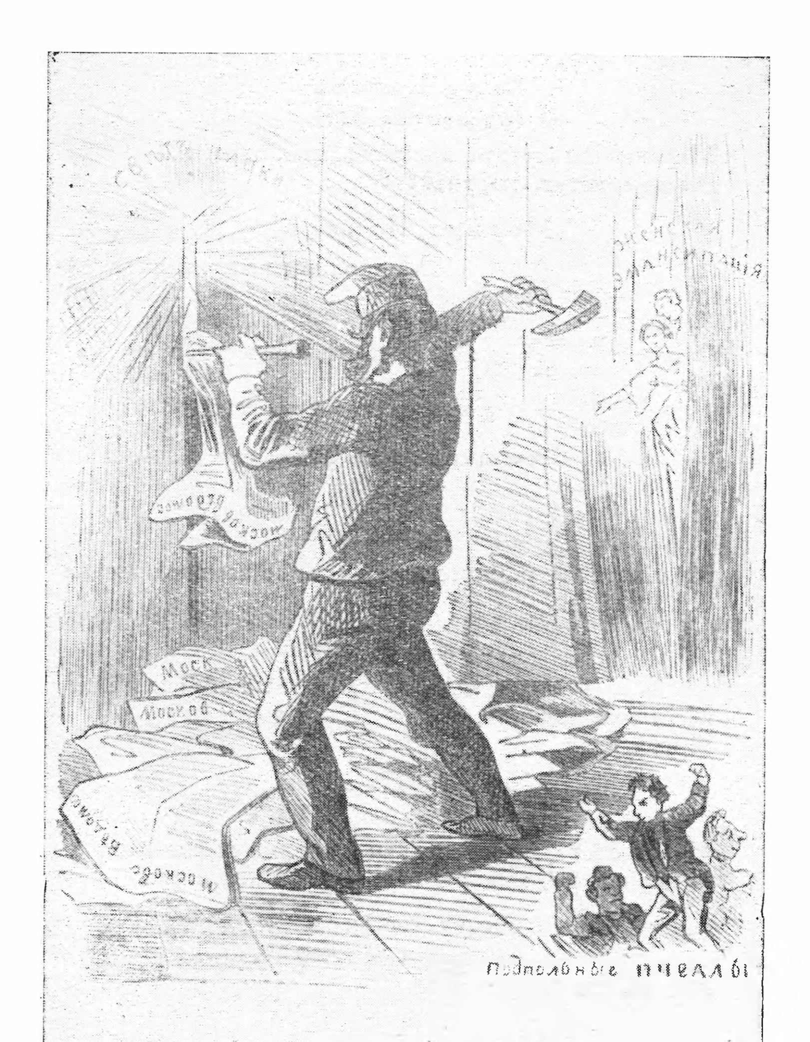
(иронически)

Маркиз хотел сказать, что след их не затерян
В статьях, что пишет он и господин Чичерин?

Маркиз Павлов

(гордо)

Милорд! Умерьте ваш несвойственный вам тон!
Я не Марат, и вы, надеюсь, не Прудон.

У страха глаза велики.

— Вздоръ! *этой тишинѣ довѣряться нельзя:* изъ всѣхъ щелей пахнетъ *враждебнымъ*. Чортъ возьми какой скверный духъ! Надо скорѣй законопатить всѣ *входы* и *выходы*.

Лорд Катков

(скрывая смущение)

Маркиз! Вы шутите, надеюсь... но... однако...
Вы не свистун, маркиз!

Маркиз Павлов

Милорд, вы не кривляка!

Оба вместе

О нет, милорд/маркиз, о нет! Я против свистунов
С милордом/маркизом под руку всегда идти готов.

Рукопожатия и молчание.

Маркиз Павлов

Милорд! Мы, помнится, сходились с вами в мненьях
Об... об... я...

Лорд Катков

Да, маркиз, об *частных* объявленьях?
Мы бурю подняли, статей писали тьмы
И выиграли...

Маркиз Павлов

Да-с... и выиграли мы.
Но... в обстоятельствах, как я, весьма стесненных,
Я поднял бы, милорд, вопрос и об *казенных*.

Лорд Катков

(разражаясь хохотом)

Ха, ха, ха, ха, маркиз!

Маркиз Павлов

(подсмеиваясь)

Хи, хи, хи, хи, милорд!

Лорд Катков

(в сторону)

Еще смеется, бес!

Маркиз Павлов
(в сторону)
Еще хохочет, черт!
(Вслух.)
Мне в петлю лезть, милорд, а вам, милорд, забава!
(С язвительным упреком.)
Зачем же *вам одним* досталось это право?

Лорд Катков
(продолжая хохотать)
На объявленья?

Маркиз Павлов
(робко)
Н... да...

Лорд Катков
(хохочет)
Ка-зен-ные?

Маркиз Павлов
Ну да-с...
При нашей бедности недурно б и для нас.

Лорд Катков
(покатываясь со смеху)
Да право-то, маркиз, — про бедность слова нету, —
Принадлежит не мне, а университету.

Маркиз Павлов
(значительно)
В законе нет, милорд.

Лорд Катков
(еще значительнее)
Маркиз, в законе есть;
Я вам советую законы перечесть.

Маркиз Павлов
Поверьте мне, милорд, когда б в законе было,
Я начал бы...
(Выпрямляя стан и закидывая голову.)

Милорд! во мне осталась сила,
Я стал бы *сетовать, роптать, негодовать,* [1]
Писать протест!..

Лорд Катков
(очень строго)

Маркиз, советую молчать!
Мальчишки в наши дни молчат перед законом, [2]
А вы... опять-таки, вы смотрите Прудоном!

Маркиз Павлов
(оробев)

Не досказал, милорд... позвольте... Ропот мой
Я б задушил в себе пословицей святой,
Сказал бы набожно: *солома ломит силу.* [3]
В Москве прилично лишь роптать славянофилу.
Я западный маркиз.

Лорд Катков

Я западнейший лорд.

Оба вместе

Я рад, $\frac{\text{маркиз}}{\text{милорд}}$, что мы поем в один аккорд.

Усиленные рукопожатия и продолжительное молчание.

Маркиз Павлов

Милорд, скажите мне... скажите мне: во храме
Прилично ли жрецам дрожать над барышами?
Ученый может ли стоять за лишний грош?

Лорд Катков

Я нахожу, маркиз, что лишний грош хорош.

Маркиз Павлов

Так, сэр. Но видите: цель университета
Не деньги наживать, а лить потоки света.
Не может же идти его святая цель

---

[1] Подлинное.
[2] Подлинное.
[3] Подлинное.

С сбиранием грошей, pour ainsi dire, pêle-mêle,[1]
Возможно ли, милорд, чтоб ваш высокий гений
Спустился до грошей казенных объявлений?
Ужели вы — пророк, оратор и мудрец —
На стойку променять готовы свой венец?
Скрижаль истории нам подает примеры...

(Со вздохом.)

Ах, сэр! Лишь в бедности рождаются Гомеры!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

(воодушевляясь)

Кореньями питался Цицерон!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

В темнице был свободен Кальдерон!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

В нужде окреп талант Лопе де Веги!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

Клод Сен-Симон не ведал привилегий!

Лорд Катков

Маркиз...

Маркиз Павлов

А Диоген доволен бочкой был!
Так пусть все граждане, как стройный хор светил,
Все равноправные, свершают путь согласный...

---

[1] Так сказать, вперемежку *(франц.)*.

Лорд Катков

(с ужасом)

Маркиз, опомнитесь! Вы—коммунист! Вы—*красный!*

Маркиз Павлов

Я — *красный?*

Лорд Катков

Вы, маркиз! Вы — к вашему стыду!

Маркиз Павлов

(оробев окончательно)

Я — красный?!. Я не то, милорд, имел в виду...

Лорд Катков

(грозно)

И где набрались вы таких превратных мнений?..

Маркиз Павлов

(скромно)

Я только, сэр... насчет казенных объявлений...

(Встает.)

Я друг порядка... но... я человек... я слаб...

Лорд Катков

Маркиз, я верю вам. Садитесь.

Маркиз Павлов садится.

Но когда б
Для личной выгоды вы стали коммунистом, —
Я не свистун, но вас — я оглушил бы свистом!
Но... вы раскаялись, маркиз, я очень рад.

(Протягивает ему руку.)

Оба вместе

Идем, $\frac{\text{маркиз}}{\text{милорд}}$, идем на Запад и назад!

Новые рукопожатия и молчание.

Маркиз Павлов

Ноябрь уж на дворе, милорд, и дело близко
К подписке...

Лорд Катков

Да, маркиз.

Маркиз Павлов

Я, собственно, подпиской
Не озабочен, сэр... «Times», «Siècle», «Débats»
и «Presse»
Не от подписчиков имеют интерес...[1]
Подписчик! фи, милорд!.. как тривиально это!
Без них обходится хорошая газета.
И лучший журналист, по-моему, есть тот,
Кто не для чтения газету издает,
А больше для других, возвышенных стремлений...

Лорд Катков

Маркиз, но в «Таймсе» нет *казенных объявлений.*

Маркиз Павлов

Не все же, сэр, идти за Англиею вслед.

Лорд Катков

Маркиз, пример ее полезен для газет.

Маркиз Павлов

Но в данном случае, милорд, скажу вам смело:
До английских газет Россия не созрела.

Молчание.

Лорд Катков
(зевая)

Маркиз, но как внушить присутственным местам,
Чтоб с объявленьями все обращались к вам?

Маркиз Павлов

Милорд... известен я как журналист невздорный...

Лорд Катков

Маркиз, не ведает об этом *суд надворный.*

Маркиз Павлов

Милорд, отечеству я посвятил труды...

---

[1] Подлинное.

Лорд Катков

Маркиз, не знают их *уездные суды.*

Маркиз Павлов

Милорд, статьи мои язвительны и сжаты...

Лорд Катков

Маркиз, их не прочли *гражданские палаты.*

Маркиз Павлов

Милорд, я думаю, моей газеты взгляд...

Лорд Катков

Маркиз, не думает об нем *комиссарьят.*

Маркиз Павлов

Милорд, но, наконец, газеты направленье...

Лорд Катков

Маркиз, об нем молчит *губернское правленье.*

Маркиз Павлов

(нетерпеливо)

Но я печатаю *казенные...* [1]

Лорд Катков

(торжественно)

Закон

Вам запрещает их печатать.

(Берет со стола Свод законов, т. I.)

Вот вам он!

(Читает.)

«Частные лица могут, если желают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам; *(громко и внушительно) но объявления от правительства в частных изданиях не допускаются»* (Св⟨од⟩ зак⟨онов⟩, т. I, ч. I, кн. III, приложение к статье 472, § 21. «Соврем⟨енная⟩ летопись», № 44).

---

[1] Подлинное.

Маркиз Павлов

(падая в обморок)

Милорд! Что слышу я? Дрожат во мне все нервы...

Лорд Катков

(спокойно подает ему Свод законов)

Маркиз, вот вам статья: параграф двадцать первый.

Маркиз Павлов

(в бреду)

Как? Без подписчиков и без казенных мест?!

(Хныкая.)

Милорд! Подумайте, как мне тяжел мой крест!

(Рыдает.)

Лорд Катков

(снисходительно)

Утешьтесь, о маркиз! При нынешнем прогрессе
Для стонов места нет в отечественной прессе.
Маркиз, вы — опытный, солидный журналист
(Хоть в отношении к подписке нигилист), —
В России, где цветут кунсткамеры, музеи,
Наук, искусств, ремесл различные затеи,
Где ценится талант и признается труд, —
И ваши доблести, маркиз, не пропадут!

Жмет руку маркизу Павлову; маркиз улыбается, засыпая.
Картина.

1862

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦАМ

Весь Петербург затанцевал,
Как девочка, как мальчик;
Здесь что ни улица, то бал;
Здесь что ни бал — скандальчик.
Все веселятся от души,
Все ладно в нашем быте.
Пляши, о! град Петра, пляши!
Друзья мои, пляшите!

Пляши, веселенький старик,
Нафабрившись как надо;
Ведь ты давно плясать привык
От мины, жеста, взгляда,
От приглашений красоты
На старческие шутки.
Пляши, старик! Здесь все, как ты,
По женской пляшут дудке.

Пляши, о! муж — на склоне лет
Обиженный судьбою,
Пусть скользкий, как твой путь, паркет
Мирит тебя с бедою.
Смирись, сравнив публичный суд
С публичными балами, —
Где спин перед тобой не гнут,
Хоть шаркают ногами.

Ты, что на службе, говорят,
Лежал среди дороги, —
Лети на бал. В канкане, брат,
Спеши расправить ноги!
Хоть службой тяжкий дан урок,
Но на публичном бале —
Представь себе — один скачок:
И ты всех выше в зале!

Пляши и ты, водевилист,
Островского учитель,
И ты, Обломов-журналист,
Сфер идеальных житель.
Вы — публицистов стройный хор —
Вы сладко голосите;
Вы песни пели до сих пор, —
Подите ж попляшите!

Пляшите все, хотя б в тоске
Скребли на сердце кошки.
Вся мудрость наших дней — в носке
Поднятой кверху ножки.
Отдайте пляске каждый час,
И господин Ефремов
Наверно выпишет для вас
Красавиц из гаремов.

Пусть уравняет наконец
Все возрасты, все званья
Единый наших дней мудрец —
Учитель танцеванья!
Вина и пляски резвый бог
Да будет вечно с нами,
И наш прогресс, как сбитый с ног,
Запляшет вверх ногами.

⟨1862⟩

Ты помнишь ли, читатель благосклонный,
Те дни, когда мы пели в унисон,
Когда Зарин и Охочекомонный
Еще тебя не погружали в сон,
Когда тебя не оскорблял Безрылов,
И «Парусом», разорванным судьбой,
Ты связан был с судьбой славянофилов,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли период русской прессы,
Когда Катков на мнимой высоте
Из кололац [1] российские прогрессы
Выделывал в сердечной простоте,
Какие он отмачивал коленцы,
Как он ходил на Зотова войной,
И как к нему стекались ополченцы,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, какой был строгий тон дан
С Олимпа, где верховодил Катков,
Как им в Москве основан был Нью-Лондон
Недалеко от Пресненских прудов,

[1] Колоацы — известное выражение московского пророка Ивана Яковлевича Корейши, усвоенное после его смерти М. Н. Катковым, выражение, вероятно, заключающее в себе глубокий смысл, к сожалению, непонятный поморным сочинителям.

Как он сразил профессора Крылова,
Как он был горд своим Байбородой,
Все подвиги, все шалости Каткова
    Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как он, попеременно,
То строг, как Зевс, то нежен, как Амур,
Нас забавлял своею несравненной
Полемикой с Евгениею Тур;
Как Николай Филиппыч был с ним дружен,
Как Соллогуб был жертвой дружбы той,
И как Дюма был Павловым сконфужен,
    Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже
Сказали нам, что не созрели мы,
Ты помнишь ли, как все восстали, даже
Действительно незрелые умы.
И как потом, в варяго-русском деле,
Муж, вспоенный московскою водой,
Погодин сам сказал, что мы созрели...
    Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли... Ах! помнить это надо!
Тогда еще Скарятин не решил,
Что общество российское есть стадо.
Прошли года. Корейша путь свершил;
Московского юродивого братцы
Пошли за ним дорогою прямой,
Нью-Лондон пал — и только *кололацы*
    Остались нам, читатель добрый мой.

1862

ТИК-ТАК! ТИК-ТАК!

Тик-так! Тик-так! Спокойно, ровно
Свершает маятник свой круг.
Тоска томит меня, и словно
Меня пугает этот стук.
Как будто с явною насмешкой,
Связав мне ноги, лютый враг
Мне говорит: «Иди! Не мешкай!»
Тик-так! Тик-так!

Увы! попрежнему исправно
Кружась, как белки в колесе,
Вдруг слышать явственно недавно
Тик-так, тик-так мы стали все.
Мы маршируем, пляшем, пишем,
Дни коротаем кое-как,
А ночью все с тоскою слышим:
Тик-так! Тик-так!

Звук, с детства каждому знакомый —
Тик-так, тик-так — известный звук.
Не знаем сами, отчего мы
Его пугаться стали вдруг.
То страх возьмет, то вспыхнет злоба...
Ты будто слышишь в нем, земляк,
Стук молотка о крышку гроба —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу изукрашен,
Делами предков гордый муж!
Ты вчуже для меня был страшен,
Владея тысячами душ.
Ты грезишь в сумраке со страхом,
Что всех людей твоих, собак
Уносит время с каждым взмахом —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу либеральный,
Нинон Ланкло из русских дам,
И разговор патриархальный
Об *мужичках* я слышу там.
Но вам неловко... Вслед за спором
Вдруг смолкнет весь ареопаг.
И простучит для всех укором:
Тик-так! Тик-так!

Я вижу, канцелярский гений,
Твой кабинет, и труд ночной,
И ряд твоих соображений,
Где распустить, где крикнуть: «Стой!»
Но тщетны мудрые уловки!
Ты стал бледней своих бумаг,
Услышав стук, без остановки:
Тик-так! Тик-так!

Смотри: усердный твой поклонник —
Медоточивый публицист,
Трудясь над составленьем хроник,
Не кончив, вдруг бросает лист.
Он вдруг почуял, в страшной муке,
Всех этих гимнов ложь и мрак
В победоносно-ровном стуке:
Тик-так! Тик-так!

Тик-так, тик-так — в спокойной силе
Волнует сердце, гонит сон...
Что ж это? Скука просто — или
«Глагол времен, металла звон»?
Мы слышим в ровном этом ходе

За звуком — звук, за шагом — шаг:
Движенье вечное в природе:
Тик-так! Тик-так!

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

⟨1863⟩

РАПСОДИИ О НИГИЛИЗМЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Героические времена нигилизма прошли. Вдохновенно призывавший на битву Петр Пустынник-Тургенев, санктифировавший первый поход против нигилистов папа Урбан-Катков, горячий Бульон московский-Юркевич с братом своим Балдуином-Лонгиновым, мудрый Роберт-Краевский с племянником своим неустрашимым Танкредом-Громекою принадлежат уже истории. На священных скрижалях оной бесстрастный Галахов изобразит приводящие во ужас сердце кровопролитные войны, для поучения воспитанников средних учебных заведений, в новом издании своей хрестоматии. Суд истории мудр и нетороплив. Неизгладимые борозды на ее каменистой почве проводятся событиями медленно. Время, в которое войны постепеновцев с нигилистами отразятся в ее ровном зеркале во всей величавой правдивости, еще не определено провидением. Прагматической истории обыкновенно предшествует художественный эпос. Бледнея и отступая в смущении перед великостью задачи, я тем не менее берусь быть певцом этой войны, ибо вдохновенные барды наши не берутся: Аполлон Майков в Неаполе, князь Петр Вяземский в Киссингене, Афанасий Фет, повесив на стенку свою лиру, взялся за плуг селянина, граф Толстой принял из рук Клио свиток с мрачными письменами времен Иоанна Грозного, Страхов для увеселения «Времени» играет, как мячиком, глобусом Урании, Всеволод Крестовский шалит со снисходительною Эрато, а Щербина вымаливает у Полигимнии новых мифов для своего народного *читальника.*

Каллиопа тщетно зовет русских бардов; кроме меня, никто не откликается на ее зов.

Я делаю что могу: песни мои суть не что иное, как рапсодии эпохи нигилизма. Потомству предстоит составить из них величественно-поучительный эпос.

24 марта 1863.

Пр. Знаменский

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Происхождение или, лучше сказать, возникновение *нигилизма* доселе покрыто еще мраком неизвестности. Первое веяние духа нигилизма замечается в Орловской губернии, славной в географии Российской империи как место рождения И. С. Тургенева, который даже временно проживает в оной губернии, когда на несколько дней покидает Париж, сию вторую родину образованных россиян. Дух нигилизма зоркие Собакевичи и Ноздревы орловские воплощают в Базарове, лекаре, кончившем курс в императорской Медико-хирургической академии. Вместе ли с Базаровым родился дух нигилизма и когда родился Базаров — еще не исследовано г-ми Геннади и Бартеневым; полагают, что в начале тридцатых годов, когда еще издавался «Благонамеренный» Измайлова. Собакевичи и Ноздревы предполагают присутствие нигилизма в Базарове потому, что он режет лягушек и у него есть микроскоп. Жак Араго точно так же неприязненно встречен был дикими, потому что обходился посредством носового платка и имел при себе компас. Жака Араго дикие хотели съесть; Базарова Куролесовы хотят отодрать на конюшне. Общее совещание по этому поводу. Базаров, — говорят Собакевичи, — начинает с лягушек, а кончит нами. Он рассматривает в микроскоп всякие гадости во внутренностях лягушек, — говорят Ноздревы, — а потом будет высматривать внутренние гадости наши. Надо отодрать его! — говорят Ноздревы и Собакевичи. Надо отодрать его! — восклицает за ними весь хор. Благовоспитанный Кирсанов в краткой, но сильной речи доказывает, что система подобных наказаний несвоевременна, и советует лучше идти жаловаться соседу своему

И. С. Тургеневу. После долгих прений все соглашаются. Из области обыкновенных деревенских сплетен и выдумок зараза нигилизма переходит в область так называемого литературно-художественного вымысла. Слово *нигилизм* все еще не произнесено. Воспоминание об улице Рогатице древнего Новгорода.

Неожиданно, негаданно,
Как зловещий запах ладана,
Предвещающий покойника,
Словно бес, из рукомойника
Появлявшийся пустынникам, —
Перестав бродить по клиникам
И начальству сдав экзамены,
Юный плотью, духом каменный,
Родом подлый, нрава ярого,
Внук кутейника Базарова
Вдруг в губернию Орловскую
Всю заразу внес бесовскую.

Внес с собою он цинический
Некий запах хирургический,
Весь пропитанный алко́голем
(Вроде запаха, что Гоголем
Укреплен был за Петрушкою);
И лягушку за лягушкою
Истреблять пошел в селения,
Полон духа разрушения.

Чтоб внутри у всякой гадины
Видеть все бугры и впадины,
Обзавелся микроскопами,
Хороводился с холопами,
А в туземные гостиные,
Спокон века благочинные
(Точно так же, как столичные),
Внес манеры неприличные
И намеренно враждебные
Разговоры непотребные.

Расходились все окрестные
Курдюки мелкопоместные,

Петухи любвеобильные,
Все Кирсановы жантильные,
Все Багровы многодушные,
Все Расплюевы послушные,
Собакевичи тяжелые
И Ноздревы развеселые —
И, простившись с домочадцами,
Жен оставивши за святцами,
Вышиваньями, вареньями
И Авдеевых твореньями,
Кто с арапником, кто с палкою,
Кто вороною, кто галкою,
Рты раскрыв, с глазами странными —
Неподвижно оловянными —
Все с испуганными лицами,
На совет слетались птицами.

И неслось их слово дикое:
«Горе, горе нам великое!
Ходит тучею огромною
Гром над кущей нашей скромною,
Деревенскими пенатами,
Самоварами, халатами,
Буколическими нравами
И господскими забавами.
Погибает все отечество!
Где же наше молодечество?
Мы ль потерпим посрамление!»
И решили во мгновение —
Все, от малого до старого —
На конюшне драть Базарова.

Словно вишенка на веточке,
Как картинка на конфеточке,
Посреди толпы неистовой
Вдруг, в рубашечке батистовой,
В сюртучке сукна атласного,
Цвета трюфельно-колбасного,
И в шотландской легкой шапочке,
На груди скрестивши лапочки,
Встал Кирсанов — от Кирсанова

Всею лавкою Рузанова,
Всех mille-fleurs [1] благоуханием
Пронеслося над собранием —
И собранье это шумное
Слово слышало разумное:

«Укротитесь, други-братия!
Должно взять мероприятия
Не веками освященные,
А гуманно-современные:
Я приятель с сочинителем —
Он да будет нам хранителем».

Поднялись тут рассуждения:
— Что такое сочинения?
— И какие там писатели?
— И просить их будет кстати ли?
— Петухам-де унизительно...
Но Кирсанов так внушительно
Объяснил движенье новое,
Что все общество суровое
С ним к Тургеневу за славою
Устремилось всей оравою.

Так на улице Рогатице,
В неописанной сумятице,
Чадь Новгорода Великого,
Преисполнясь гнева дикого
На Василия Буслаева,
Чтобы в руки мать взяла его,
Подвигалась легионами
Ко вдове честной с поклонами.

Конец 1-й песни

---

[1] Сорт цветочных духов. — *Ред.*

ПЛАТОНИЧЕСКОЕ КУ-КУ-РЕ-КУ

Нынешний сезон были особенно замечательны вечера иностранца Шур-Юра, профессора черной магии, кабалистики и допотопной истории. Неизвестно, к какой нации принадлежит г. Шур-Юр; мы знаем только, что он приехал в Россию с Иосафатовой долины, на которой, как известно, будет происходить со временем страшный суд, — с целью ознакомить поморных с ученьями всех существовавших когда-либо философов, начиная с Чинг-Нунга, жившего, по свидетельству китайцев, за 95 000 лет до Р. Х. Изложив в нескольких лекциях все предшествовавшие учения, профессор в прошедшем марте месяце дошел до Платона, учение которого хотел объяснить во всей полноте, так как г. Шур-Юр сам платоник и вследствие этого ненавидит материалистов. Учением Платона он хотел подготовить поморных к слушанию лекций г. Юркевича. К сожалению, полезные чтения его должны были прекратиться, потому что он получил несколько анонимных писем, в которых, как он говорит, какие-то злонамеренные люди хотели его побить. Впоследствии все это оказалось уткою: никто не хотел его бить, и авторы писем имен своих от него не скрывали; они выражали в своих письмах только неудовольствие, возбужденное в них восторженными отзывами г. Шур-Юра о философских системах Чинг-Нунга и Иен-Дзи-Ци, системах бесспорно мудрых, но, говоря откровенно, в течение 97 000 лет несколько устаревших.

Замечательно, что на последних вечерах г. Шур-Юра поморная публика состояла исключительно из полуторастолетних старцев и четырехлетних девочек. Некоторые утверждают, что с девочками были и неродившиеся дети, известные читателям «Искры», но, принимая в соображение возраст девочек, мы обязаны положительно опровергнуть это.

1863

Профессор

(входит на кафедру и, раскланявшись, читает)

Mesdames, messieurs, мне очень жаль —
Я для поморного бонтона
Уже хотел раскрыть скрижаль
Ученья о любви Платона.
Уже я духом нищим рос,
Ливанскому подобясь кедру,
Гордясь, что мне читать пришлось
Его божественную «Федру».
Я полагал: пришла пора
Экспериментов в новом роде,
Перед которым мишура
Юркевич, Галюше и Роде, —
Как вдруг... как вдруг... Messieurs, mesdames...
Я в грязь упал из царства славы...
Герой, равнявшийся богам,
Вдруг червем стал! О, век! О, нравы!
О старцы, полные огня!
Малютки, зрелые рассудком!
Молю вас: встаньте за меня
В борьбе открытой тьмы и дня,
Абстракта с мозгом и желудком.

При слове «желудок» полуторастолетние старцы кричат «браво»; девочки, глядя на них, хлопают в ладошки.

Messieurs, mesdames, позвольте вас
За это лестное вниманье
Благодарить... теперь, молчанье:
Я продолжаю свой рассказ.

Враги мои — враги науки,
Враги прогресса, тишины —
Всё нигилисты, свистуны,
Весь мир забрать мечтают в руки.
Я первый ими поражен
(Прославлюсь этим я в отчизне!),
Я, для которого Платон
Был идеал в юдольной жизни!
Как он в Афинах, я в Москве —
В Сокольниках и в Эльдорадо —
Хотел на мягкой мураве
Пасти мне вверенное стадо,
Чтоб Аристотелей потом,
Достойных степеней и премий,
Из сих афинских академий
Представить обществу гуртом.
Чтоб, мир узнав в его законах,
Они, как агнцы чистоты,
Не к плоти прилеплялись в женах,
А к свету вечной красоты;
Чтоб несся фимиам волнистый
К небесным силам и земным, —
Чтоб даже слово «нигилисты»
Навек исчезло, яко дым.

Старцы, выражая свое одобрение, шамкают что-то губами, наклоняя головы.

Но... мы не от себя зависим!
Во мне унижен сам Платон.
Вдруг сотни анонимных писем
Ко мне летят со всех сторон.
Мне угрожают в них свистками
За то, что, не вступая в бой,
Я называю дураками
Всех расходящихся со мной.
Как будто нам ругаться ново!
Как будто доброй руготни
Словарь покойного Баркова
Вполне исчерпан в наши дни!
Как будто умер Собакевич!
На днях вот Бюхнера честил
Глупцом при публике Панфил

Иосафатович Юркевич.
Его ль не дорог нам пример?
Ужели он нам не учитель?
Он — проповедник всех химер...
Pardon! Химер изобличитель?

Старцы восторженно аплодируют; девочки им подражают.

Дурак! Дурак! Messieurs, mesdames,
Что тут дурного? Я не знаю.
Чтоб всем приятным быть — я сам
Колпак дурацкий надеваю.

Надевает дурацкий колпак с погремушками: девочки хихикают, пересмеиваются и показывают на профессора пальцами, старцы благосклонно улыбаются. Взрыв рукоплесканий.

Messieurs, благодарю за честь.
Mesdames, я истинно взволнован...
Я письма бы желал прочесть,
В которых заинтересован.

(Вынимает из разных карманов множество писем.)

Простите мне — дрожит рука.
Я весь пылаю, как в горячке...
(Развертывает одно письмо.)
Вот... Нет, здесь счет погребщика!
(Развертывает другое письмо.)
Вот... Нет, здесь счет белья от прачки.
(Задумчиво.)
Приятен херес и лафит
Весной, как снег на крышах тает;
Особенно, когда в кредит
Вам погребщик их отпускает.
Приятно мне, когда их хмель
Глаза застелет катарактой
И, опуская на постель,
Возносит в области абстракта.
Особенно, когда потом,
С характером сентиментальным,
К вам прачка явится с бельем
И раздушённым и крахмальным.
Платоник волею судьбы
Уступит страсти по привычке:

Так все мы вечные рабы
Так называемой клубнички.

Старцы, погруженные сначала в мечтательную задумчивость, вдруг, как бы опомнившись, начинают неистово хлопать; девочки продолжают хихикать, не спуская глаз с колпака.

Итак, messieurs, итак, mesdames,
Надев колпак дурацкий разом,
Я обращаться должен к вам,
Не прибегая к громким фразам.
Долой балласт ненужных слов!
Колпак звенит, упала маска...
Вот писем от моих врагов
Весьма порядочная связка.
Судить ученья двух эпох
Прилично в обществе ученом,
А здесь пред вами — скоморох,
Лишь наряжавшийся Платоном.
Здесь возбуждать дешевый смех
Должны своим проворством руки,
И удивительные штуки
Я сделаю из писем всех.

Делает с изумительным проворством разные фигурки из писем; девочки вскакивают на стулья, кричат, смеются и весело хлопают в ладошки.

Вот вам из первого — лошадка...
Вот из второго — петушок...
Вот вам кораблик, хуторок...
В фигурках нету недостатка!
Так ловкий скоморох всегда
Ответствует на вражий вызов!
Но так как в мире, господа,
Нет шарлатанства без сюрпризов,
Я вас и ими наделю
За то, что вы добры и кротки,
И два письма употреблю...[1]

---

[1] Здесь почтенный профессор, очевидно, подражает г-ну Юркевичу, который на публичном чтении 9 марта 1863 года, как писал в «Очерках» г. М. С., свернув читанное им письмо и кладя его в карман, с улыбкой прибавил, обращаясь к публике: «А из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным». В ответ на эти слова посыпались аплодисменты со всех сторон; особенно усердно аплодировал редактор одной из почтенных московских газет.

Mesdames, для вас на папильотки.

Делает папильотки и бросает их девочкам; девочки бегут к самой кафедре и наперерыв их хватают, толкаясь и вырывая их друг у дружки. Взрыв рукоплесканий потрясает всю залу.

Mesdames, из сердца глубины
Я приношу вам благодарность,
О, если б знали свистуны,
Как всем ясна здесь их коварность.

(Восторженно.)

А вы, ученые друзья,
Когда софизмы ваши плохи,
Открыто действуйте, как я:
Снимайте маски, скоморохи!
Ударь себя по колпаку,
Чтоб, понимаешь, зазвенело!
Вскакни на стол и крикни смело:
Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку!

Вскакивает на стол и кричит по-петушьему. Восторг публики превосходит всякое описание. От грома рукоплесканий разбиваются стекла в окнах и потолок падает вместе с занавесом. Публика обращается в бегство.

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ

(Из былых времен)

Трагедия в трех действиях, без соблюдения трех единств, так как происходит в разное время, в разных комнатах и под влиянием разных страстей и побуждений.

ЛИЦА:

Поэт, Редактор, Цензор.

ДЕЙСТВИЕ I. ПРИРОДА

Комната Поэта

Поэт

(пишет и читает)

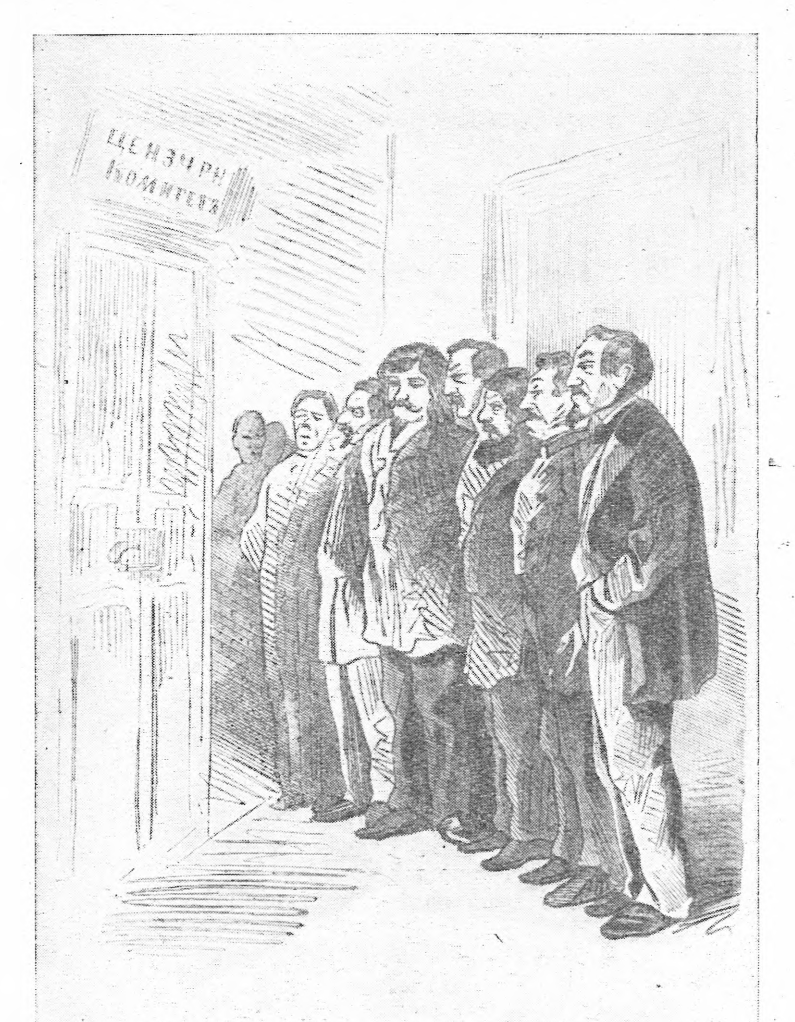
Пришла весна. Увы! Любовь
Не манит в тихие дубравы.
Нет! негодующая кровь
Зовет меня на бой кровавый!

Кабинет Редактора

Редактор

(поправляет написанное Поэтом и читает)

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братий.

Редакторы журналовъ *отстаиваютъ* свои статьи.

Кабинет Цензора

Цензор

(поправляет написанное Поэтом и поправленное Редактором и читает)

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечет под сень дубравы,
Не плоть, а дух! Я вижу вновь
Творца во всем величье славы.

(Подписывает: «Одобрено цензурою».)

ДЕЙСТВИЕ II. ВИНО

Поэт

Люблю вино. В нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорбь гражданина — а коплю
Вражду к проклятым самодурам!

Редактор

(поправляет)

Люблю вино. Я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья!

Цензор

(поправляет)

Люблю вино. Но как люблю?
Как сладкий мед, как скромный танец.
Пью рюмку в день — и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.

(Подписывает.)

ДЕЙСТВИЕ III. ЛЮБОВЬ

Поэт

Люблю тебя. Любовь одна
Дает мне бодрость, дух и силу,

Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

Редактор
(поправляет)

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной роковой борьбе
Мои погубленные силы.

Цензор
(поправляет)

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господам писакам,
Обязан век любить тебя,
Соединясь законным браком.
(Подписывает.)

Занавес падает. В печати появляется стихотворение «Природа, вино и любовь», под которым красуется имя Поэта. В журналах выходят рецензии, в которых говорится о вдохновении, непосредственном творчестве, смелости мысли, оригинальности оборотов речи и выражений, художественной целости и гражданских стремлениях автора.

⟨1863⟩

В ЛЕТНЕМ САДУ

«Скажи мне, милое дитя,
В таком хорошеньком костюме,
Всегда ль ты думаешь шутя
Играть с детьми в веселом шуме?»
— «Папа́ мне обруч подарил.
Смотрите: вот какой красивый».
И след уж девочки простыл.
— Пожалуй, дети и счастливы!

«Ну, ты что скажешь, мальчуган?
Ты с виду что-то слишком чинный».
— «Вчера папаша мне в карман
Сам положил пятиалтынный.
Сказал: «Добудь на этот пять,
Я наживал уж в годы эти».
А я... не знаю... где их взять».
— Как злополучны наши дети!

«Ты что грустна? будь веселей!»
— «А мне на именинах тетя
Вдруг подарила «Друг детей»...
Такая книжка... в переплете...
Уж я читала как могла...
Там «Федя злой», «Иван строптивый»...
Я ничего не поняла...»
— Пожалуй, дети и счастливы!

«А вы, дитя мое, сейчас
Вы глазки сделали — не мне ли?»
— «Ah! quelle idée! [1] В кругу у нас
И видеть вас бы не хотели.
Вот мой жених. Pierre! Viens donc, [2] Pierre!
Я буду первой дамой в свете...
Он князь, он будет камергер...»
— Как злополучны наши дети!

«Вы Pierre и есть?» — «Тебе зачем?
Ma belle, laissez-le... [3] В пансионе
Я пыль в глаза пускаю всем —
Лошадкой английскою ponny;
В оранжереях был потом —
Как ваши губки, сочны сливы».
— Ну, этот в детстве с медным лбом.
Пожалуй, дети и счастливы?

«А вы? Вы здесь нарядней всех...
Но что вы? В блондах, в кринолине...
И плачете?..» — «Смеяться грех:
Я сирота в дому графини».
— Довольно, дети! Знаю сам
И раззолоченные сети,
И книжку с розгой пополам.
Как злополучны наши дети!

⟨1864⟩

---

[1] Ах! что за мысль! *(франц.)*.
[2] Иди же сюда *(франц.)*.
[3] Прелесть моя, оставьте его *(франц.)*.

ПРЕДВЕЩАНИЯ НА 1865 ГОД

Жди ясного на утро дня.
Стрижи мелькают и звенят.
А. Фет.

Оставив оханья и вздохи,
Начнем жить мирно, без забот —
«Заправский» календарь «Эпохи»
Сулит нам счастье круглый год.
Пускай дни пасмурны, ненастны
(Приметы правду говорят), —
Не нынче — завтра будут ясны!
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж все идет на новый лад...
Уж на «Эпоху» есть подписка —
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — завтра все народы
Забудут разницу племен
И развернутся в хороводы
Из боевых своих колонн.

Любовь смешает все знамена
Канкан танцующих солдат, —
Уж есть программа — Сан-Леона...[1]
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — завтра, с новым годом
Произойдет у всех в глазах
Сближенье общества с народом —
В банкетных спичах и речах.
И сколько будет нежных слитий,
Демократических тирад —
В местах «продажи разных питей».
Стрижи мелькают и звенят.

Во всех избушках самовары
Вознаградят крестьянский труд;
На иностранные товары
Внезапно цены упадут.
Уж не довольствуясь речами,
Иной пресыщенный магнат
Пьет нынче кофе с калачами.
Стрижи мелькают и звенят.

Воров не будет. Полон злобы
(Хоть сам из книжек захватил),
Их всех к Краевскому в «Трущобы»
Загнал гишпанский алгвазил;
Ну, а оставшийся излишек
Сметет Сикевич[2] зауряд,
Карая уличных мальчишек.
Стрижи мелькают и звенят.

Наука выйдет из пустыни
На путь народно-бытовой;
Для школ народных по-латыни
Переведется Домострой.
На зависть западного мира,
Ерыжным веяньем объят,

---

[1] Зри «Конек-горбунок», балет г-на Сан-Леона.
[2] Бывший редактор «Петербургского листка».

Затмит Аверкиев Шекспира.
Стрижи мелькают и звенят.

Исчезнут сонмы фарисеев,
На карте сыщется Тамбов,
Аксаков обоймет евреев,
Свой четвертак найдет Катков.
Не будет слабых, нищих, бедных,
Судьба всем равный даст оклад —
Златых надежд и денег медных.
Стрижи мелькают и звенят.

Все так устроится, что не в чем
Судьбу нам будет обвинять.
Блажен, кто верит птицам певчим
И рад всю жизнь погоды ждать.
И я бы пел в веселом тоне,
Но, утомляя слух и взгляд,
Кругом, на сером небосклоне,
Стрижи мелькают и звенят.

1864

ДАМА ПРИЯТНАЯ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ

Общество было весьма либеральное;
Шли разговоры вполне современные,
Повар измыслил меню гениальное,
Вина за ужином были отменные.
Мы говорили о благе людей,
Кушая, впрочем, с большим аппетитом.
Много лилося высоких идей,
С хересом светлым и теплым лафитом.
Вот, заручившись бокалом клико,
Встал, улыбаясь, оратор кружка,
Бодро взглянул и, прищурясь слегка,
Будто мечтой уносясь далеко,
Начал свой спич свысока.

Мы уж не слушали спич...
Мы будто сделались немы и слепы.
Мало того: даже вкусная дичь —
Тетерева, дупеля и вальдшнепы
Будто порхнули и скрылись из глаз;
С ними порхнуло и самое блюдо...
Так поразило всех нас
Вдруг происшедшее чудо.

Кто она? Кто ее звал?
Расположилась как дома,
Пьет за бокалом бокал,

Будто со всеми знакома.
Бойко на всех нас глядит...
Просит у общества слова...
Тс... поднялась... говорит...

«Ну ее!» — молвил сурово,
Гневно махнувши рукой,
Некто, молчавший весь ужин,
Сдержанный, бледный и злой.
Он никому не был нужен;
Был он для всех нас тяжел,
Хоть говорил очень мало...
С ним мы боялись скандала,
Так что, когда он ушел,
Легче нам будто бы стало...

Впрочем, мы шикнули обществом всем
(Он уже был за дверями)
И обратились затем
К вновь появившейся даме.

Дама собой недурна —
Круглые формы и нежное тело...
Полно! Да вновь ли явилась она?
Нет, эта дама весь вечер сидела.
Раньше ее мы видали сто раз;
Нынче ж, увлекшись общественной ломкою,
И не заметили милых нам глаз...
Нет! Положительно, каждый из нас
Встретился с нею как с старой знакомкою.

Безукоризнен на даме наряд:
Вся в бриллиантах; вся будто из света...
Внемлет и дремлет ласкающий взгляд;
Голос — как будто стрижи в нем звенят...
Дама хоть в музы годится для Фета.

Бог ее ведает, сколько ей лет,
Только, уж как ни рассматривай тщательно,

Вовсе морщин на лице ее нет;
Губы, и зубы, и весь туалет
Аранжированы слишком старательно.

Впрочем, чего же? Румяна, бела,
Как госпожа Одинцова опрятная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Самодовольствием дама цвела;
Дама как следует дама была —
Дама во всех отношеньях приятная.

Общество наше совсем расцвело.
Самодовольно поднявши чело,
Как королева пред верным народом,
Дама поздравила нас с Новым годом.

«Я в Новый год, — говорила она, —
Слово сказать непременно должна.
(Слушать мы стали внимательно.)
Праздник на улице нынче моей.
(И согласились мы внутренно с ней,
Все, как один, бессознательно.)

Полной хозяйкой вхожу я в дома;
Я созвала вас сегодня сама;
Утром, чуть свет, легионами,
Всюду, где только передняя есть,
Шубы висят и валяется «Весть»,
Я поведу вас с поклонами.

Слово мое лучше всех ваших слов.
Много вы в жизни сплели мне венков;
Вам укажу на соседа я.
(Дамы сосед был оратор-мудрец.)
Милый! ты был мой усерднейший жрец,
Сам своей роли не ведая.

Он собирался вам речь говорить,
Прежде всего бы он должен почтить
Вашего доброго гения.
Я вам дороже всех жен и сестер.

(Лоб свой оратор при этом потер,
Будто ища вдохновения.)

Верная спутница добрых людей,
Нянчу я вас на заре ваших дней,
Тешу волшебными сказками;
Проблески разума в детях ловлю
И отвечаю: «агу!» и «гулю!»
И усыпляю их ласками.

В юношах пылких, для битвы со злом
Смело готовых идти напролом,
Кровь охлаждаю я видами
Близкой карьеры и дальних степей,
Или волную гораздо сильней
Минами, Бертами, Идами.

Смотришь: из мальчиков, преданных мне,
Мужи солидные выйдут вполне,
С знаньем, с апломбом, с патентами;
Ну, а мужей, и особенно жен,
Я утешаю с различных сторон —
Бантами, кантами, лентами,

Шляпками, взятками... черт знает чем
Тешу, пока успокою совсем
Старцев, покрытых сединами,
С тем чтоб согреть их холодную кровь
Фетом, балетом, паштетом и вновь
Идами, Бертами, Минами.

Горе тому, кто ушел от меня!
В жизни не встретит спокойного дня,
В муках не встретит участия!
Пью за здоровье адептов моих:
Весело вносит сегодня для них
Новый год новое счастие.

Прочно их счастье, победа верна.
В битве, кипящей во все времена
С кознями злыми бесовскими,
Чтоб защитить их надежным щитом,

Я обернусь «Петербургским листком»,
«Ведомостями Московскими».

Всё я сказала сегодня вполне,
Некуда дальше, и некогда мне,
Но... (тут улыбка мелькнула злодейская,
В дряхлом лице вызвав бездну морщин)
Надо сказать мое имя и чин:
Имя мне — „Пошлость житейская“».

Дрогнул от ужаса весь наш совет.
«Пошлость!» — мы вскрикнули. Дамы уж нет.

И до сих пор мы не знаем наверное:
Было ли это видение скверное,

Или какой-нибудь святочный шут
Нас мистифировал десять минут;

Только мы с Пошлостью Новый год встретили,
Даже морщины ее чуть заметили, —

Так нас прельстила, в кокетстве привычная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Дама во всех отношеньях приличная,
Дама во всех отношеньях приятная.

1864—1865

НА МАСЛЕНИЦЕ

Я выспался сегодня превосходно,
Мне так легко — и в голове моей,
Я чувствую, логично и свободно
Проходит строй рифмованных идей.
— Что ж? Пользуйтесь минутой вдохновенья.
Воспойте нам прогресс родной страны,
Горячие гражданские стремленья...
— Нет, господа, давайте есть блины.

— Мы шествуем путем преуспеванья,
Запечатлев успехом каждый шаг;
Рассеял свет победоносный знанья
Невежества и самодурства мрак.
Омаров уж осталось очень мало,
Аттилы уж нисколько не страшны.
Карайте их сатирой Ювенала!
— Нет, господа, давайте есть блины.

— Заметно уж смягчились наши нравы,
На честный смех нельзя уж нападать,
В свои права вступил рассудок здравый,
И в корне зло преследует печать.
Уж на нее утихли все нападки,
Враги ее бессильны и смешны...
Раскройте нам все наши недостатки.
— Нет, господа, давайте есть блины.

— Во всем прогресс! С его победным ходом
В понятиях везде переворот.
Свершается слияние с народом.
Что чувствует в такие дни народ!
В своих стихах восторженно-свободных
Вы, как поэт, изобразить должны
Избыток чувств и радостей народных.
— Нет, господа, давайте есть блины.

Нет, господа, любя страну родную,
Стремясь к тому, чтоб каждый в ней был сыт,
Я никого стихами не взволную
И портить вам не стану аппетит.
Мы круглый год и так себя морочим.
Уж если петь — так песни старины.
Давайте петь вино, любовь... а впрочем —
Нет, господа, давайте есть блины!

⟨1865⟩

ПРИМЕРНЫЙ ФАТ

Пускай сатирики кричат,
Что ты презренный фат,
    Но ты мне мил.
Ты во всю жизнь ни разу, брат,
    Не изменил
Своих воззрений и манер.
    Buvons, mon cher! [1]

Кругом тебя кричат, орут
Про гласность, вольный труд —
    Плечами лишь
Ты пожимаешь, тверд, как Брут,
    И говоришь
О пользе всех химер и мер:
    «C'est drôle, mon cher». [2]

Когда в собрании Ноздрев,
Подняв бокал, подымет рев
    За мужика, —
Ты взглянешь в стеклышко без слов
    На дурака
И выпьешь молча редерер.
    Умно, mon cher.

Не признаешь ты женских прав,
Но, Гретхен милую обняв,

---

[1] Выпьем, мой милый! (*франц.*).
[2] Это смешно, мой милый! (*франц.*).

Портного дочь,
Рад где попало, подгуляв,
Плясать всю ночь,
Хоть в шустер-клубе, например.
Aimons, mon cher! [1]

Благую часть ты выбрал, брат, —
Театр французский, маскарад,
Обед, балет —
И черт ли в том, что говорят
В столбцах газет
Катков, Камбек, Лагерроньер...
Всё вздор, mon cher.

Ты также мил в кругу повес,
Хоть потерял кредит и вес,
Хоть испытал,
Что значит время и прогресс,
Но капитал
Еще остался для гетер.
Vivons, mon cher! [2]

Как в оны дни, хоть век не тот,
Без размышлений, без забот,
По старине,
Пока кондрашка не сшибет
С бровей пянсне,
На рысаках во весь карьер
Валяй, mon cher!

Валяй, mon cher! Ты мил для нас;
Живешь без сердца, напоказ,
Без головы,
Но ты стыдишься пошлых фраз.
В наш век — увы!
И это доблестный пример.
Buvons, mon cher!

⟨1865⟩

---

[1] Будем любить, мой милый! *(франц.)*.
[2] Живем, мой милый! *(франц.)*.

ЗАВЕЩАНИЕ

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай;
Но, на бога надеясь, сам,
Мой милый, не плошай.
Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай.

Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма;
А жизнь на все уж даст ответ,
По-своему, сама...
Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма.

Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг;
Второй шаг будет под венец,
А третий под башмак.
Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг,

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое все счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.
Мой сын, твоя опора — труд,
Твое все счастье в нем.

Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам;
Зато уж в нем все барыши
И все утехи нам.
Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам.

Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех,
Да только после уж не плачь,
Услышав общий смех.
Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех.

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

⟨1865⟩

К ЯМБАМ БАРБЬЕ В ПЕРЕВОДЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

ПРОЛОГ ПЕРЕВОДЧИКА[1]

Пусть говорят, что я в стихах моих тяжел;
Что в них из четырех две рифмы на глагол;
Что негодующий лиризм, с тупым упорством,
Я заменил везде холодным резонерством;
Что у меня в стихах что строчка, то ухаб:
«Когда бы», «дул бы», «сны б», «луга я б»
и «уста б»;
Что вместо *нéнависть* я говорю *ненáвисть*.
Пускай себе шипит посредственность и зависть!
Какое дело мне до наглых свистунов?
Мой труд благословил эстетик Соловьев.
Мой стих бесцветен, вял; но я пишу в журнале,
Исполненном своей особенной морали:
Избавлен публицист от честности в наш век —
А я плохой поэт, но честный человек!

МАДРИГАЛ ПЕРЕВОДЧИКУ

Поэт, благодарю! Ваш «Лев» — прекрасный лев:
В тех, кто читал Барбье, он возбуждает гнев.
Вы промах сделали в заглавии, однако;
Прибавить нужно бы: «Се лев, а не собака».

---

[1] Подлинник этого пролога остался в портфеле редакции «Отечественных записок», по соображениям, которые станут ясны читателю, когда он прочтет последнее из предлагаемых стихотворений. Не утверждаю, что напечатанный здесь пролог схож во всем с подлинным: не достаточно ли, впрочем, если он идеально возможен?

НОЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ, ИЛИ РАЗГАДКА, ЗАЧЕМ ПЕЧАТАЮТСЯ В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ» ЯМБЫ БАРБЬЕ

Мне снился ночью сон — и страшен сон тот был.[1]
Сам господин редактор, лично,
Стихами с рифмами Барбье переводил
Свирепо, желчно и цинично.
«Да... — говорил он, — да... я должен рифмы плесть —
И вот плету благополучно.
Как рифму к слову *шерсть* пристегиваю *лесть*.
Выходит жалостно и звучно!
Когда бы Музою моей, увы! была
Младая девушка, как майский день светла,
И с золотистыми, как колос, волосами —
Мне дул бы тихий ветр незримыми крылами
И сны б прекрасные носились надо мной:
Цветущие луга я б мял своей ногой,
И песни нежные уста б мои слагали,
И песни б те тогда меня увеселяли.
Но извнутри меня я слышу строгий глас:
Редактор! Издавай свой голос!
Тебя отечество зовет в ужасный час:
Забудь и девушку и колос.
Иди, гряди, сиди, Барбье переводи,
Не то зловредные идеи
В журналах вражеских передадут — гляди —
Стихом хорошим лиходеи!
Исполненный любви к своей стране родной,
Я сел, как *сторож бледнолицый;*
Величье рыжее, борты и тухлый гной
Пошли пестрить мои страницы.
За перевод в стихах я выдал эту гниль,
Ведь за вранье не платят пошлин —
Зато Барбье теперь, как древле Бокль и Милль,
В моем издании опошлен!»

1865

[1] Курсивом напечатаны подлинные выражения переводов «Отечественных записок».

ЗАТИШЬЕ

Как будто бы после блестящего
Затеями барскими праздника
В селе самодура-проказника,
В губернии целой гремящего;

Как после эффекта финального
В французской плохой мелодраме,
Пора отрезвленья печального
Пришла и смеется над нами.

Сады, и долины с озерами,
И горы — в чуланы заброшены,
Костюмы плохие изношены
И спрятаны в шкаф бутафорами.

По форме сменив бакенбардами
Мужицкие бороды, все мы
Надели фуражки с кокардами
На лбы, надевавшие шлемы.

Попрежнему зажили панами
И, дома валяясь в халатике,
Пейзан называем мужланами
По правилам русской грамматики.

Свободнее всем как-то дышится,
И в сходках вечерних у нас
Опять беззаботное слышится:
«Куплю!», «Бескозырная!», «Пас!»

1865

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

Минувший год я весь провел прекрасно.
Как он прошел — я не заметил сам,
Но вообще прошел он не напрасно:
Есть вспомнить что и детям и отцам!
Я в Новый год обедал у вельможи.
К шести часам собрался высший свет.
Скучали все — и я был скучен тоже —
Но вообще прекрасный был обед.

Ученых и общественных вопросов
Тьму тьмущую поставил этот год.
Прошло сто лет, как умер Ломоносов;
Как далеко мы двинулись вперед!
Обедал я в роскошной, светлой зале.
Названий блюд мне не забыть сто лет...
Не помню уж, зачем и что читали —
Но вообще прекрасный был обед.

С наукою шло об руку искусство,
Как гибкий плющ обвив могучий дуб;
Еще обед припомню не без чувства:
Художники у нас открыли клуб.
Ковры, драпри и мебель — все отлично...
Ну, кое-что сказал бы про буфет,
Да кое-что о выставке годичной...
Но вообще прекрасный был обед.

Принадлежа и сам к числу «хозяев»,
Я посещал усердно каждый съезд;
Там слушали так жадно краснобаев,
Что за столом недоставало мест.
Сияли там, переливаясь тонко,
Свет знания и люстр громадных свет...
Особенно понравилась мне жженка —
И вообще прекрасный был обед.

Минувший год во многом вспомнить любо,
Вот, например, еще обед возьмем —
Открытие служительского клуба —
Участие я тоже принял в нем.
Не показал ни жестом я, ни взглядом,
Что для меня противен мой сосед...
Представьте — я сидел с лакеем рядом...
Но вообще прекрасный был обед.

Все высшие ценил я интересы
И временем им жертвовал всегда:
Обедал я за процветанье прессы,
Обедал я в честь женского труда;
Пил за успех «Русалки» и «Рогнеды»,
За оперу, за драму, за балет...
Тьфу! Черт возьми! Не вспомню все обеды!
Но каждый раз прекрасный был обед!

Держась всегда вдали от нигилистов,
В серьезные вопросы погружен,
Я был введен в кружок экономистов
И на обед был ими приглашен.
Сводили там итоги и балансы;
Я тоже свел: ведь круглый год банкет!
Однако я растрес-таки финансы...
Но вообще прекрасный был обед.

Как год прошел — я, право, не заметил;
Весь год не знал, что значит слово — лень.
И Новый год с бокалом также встретил
И на обед поехал в первый день.

Шумели там, решали то и это;
Разъехались — на улице уж свет.
Вопросы все остались без ответа, —
Но вообще прекрасный был обед.

1865—1866

ВЕЛИКИЕ ИСТИНЫ

(Вольный перевод из сборника «La goguette»)

Повсюду торжествует гласность,
Вступила мысль в свои права,
И нам от ближнего опасность
Не угрожает за слова.
Мрак с тишиной нам ненавистен,
Простора требует наш дух,
И смело ряд великих истин
Я первый возвещаю вслух.

Порядки старые не новы
И не младенцы — старики;
Больные люди — не здоровы
И очень глупы дураки.
Мы смертны все без исключенья;
Нет в мире действий без причин;
Не нужно мертвому леченья.
Одиножды один — один.

Для варки щей нужна капуста;
Статьи потребны для газет;
Тот кошелек, в котором пусто,
В том ни копейки денег нет;
День с ночью составляет сутки;
Рубль состоит из двух полтин;
Желают пищи все желудки.
Одиножды один — один.

Москва есть древняя столица;
По-русски медик значит врач,
А *чудодейка* есть вещица,
О коей публикует Кач.
Профессор — степень или званье;
Коллежский регистратор — чин;
Кнуты и розги — наказанье.
Одиножды один — один.

Покуда кость собака гложет,
Ее не следует ласкать,
И необъятного не может
Никто решительно обнять.
Не надо мудрствовать лукаво,
Но каждый честный гражданин
Всегда сказать имеет право:
Одиножды один — один.

В сей песне сорок восемь строчек.
Согласен я — в них смыслу нет;
Но рифмы есть везде, и точек
Компрометирующих нет.
Эпоха гласности настала,
Во всем прогресс — но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.

⟨1866⟩

⟨М. Н. МУРАВЬЕВУ⟩

I

Сто человек, никак, ты запер в казематы,
И мало все тебе, все мрачен, как чума, ты!
Утешься, ведь господь царя благословил —
Отвел от родины тягчайший из ударов!
— Эх, братец! черт ли в том! Ведь я бы заморил
Сто тысяч в крепости, когда б не Комиссаров!

II

Холеру ждали мы, и каждый был готов
Диету соблюдать и жить себе здорово.
Но фурия хитра: надула докторов —
Прислала за себя из Вильны Муравьева.

1866

ВЕСЕЛЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Смею вас уверить, если б в этом деле
Только двадцать тысяч лишних мы имели,
В продолженье года — говорю вам смело —
Может сто процентов дать нам это дело.
Это б оживило наши обороты.
Дайте двадцать тысяч — или мы банкроты.
Остается только петля или пуля.
Наливайте херес — это от Рауля.

— Дал бы вам, почтенный (славные омары!),
Но, ей-богу, нету (херес, точно, старый;
В Английском бутылка стоит пять с полтиной),
Нету ни копейки, то есть ни единой.
Акции всё ниже, ниже год от году.
Сам от кредиторов бросился бы в воду,
Так уж мне последних два-три года трудны.
(Славные дюшесы! Мараскино чудный!)

— Ah, Nadine, как трудно! Ah, ma chère,[1] ужасно!
Денег целый месяц я ищу напрасно.
В оперу ни разу не собралась даже,
Так и пропадает ложа в бельэтаже.
Машенькин учитель прочь нейдет из дому,
За шестьсот целковых тащит к мировому.
Ah, vilain![2] Другие ждут, не докучая,

[1] Ах, моя милая (*франц.*).
[2] Подлец, мерзавец (*франц.*).

Вот хоть за перчатки вчетверо должна я...
Ah, Nadine! нельзя ли... мы сочтемся с вами...

— Милая Полина, мы без гроша сами.
Муж ждет ревизора, от испугу болен,
Entre nous, [1] он будет, кажется, уволен,
Коля и Анюта без надежды в кори...
Доктор уж не ездит... Просто стыд и горе!
Видишь, вот два платья уж совсем готовых —
И на гарнировку нет трехсот целковых.
Чтоб купить к ним ленты, кружева, застежки,
Я вчера в ломбарде заложила ложки.

— Что, mon cher [2] Сережа, отчего невесел?
(Действие в балете в первом ряде кресел.)
Не глядишь на сцену — скверные приметы,
Если уж не тешат позы Фиаметты.

— Грегуар, мне деньги нужны до зарезу,
Или я оставить вынужден Терезу,
А ведь я ухлопал на нее в полгода
Больше, чем в пять лет мне получить дохода.
Мне в кредит не верят в лавке Одинцова,
В палки проиграл я на честное слово...
Я бы сто процентов дал без разговоров...

— Друг мой, я спасаюсь сам от кредиторов.
Месяц дома не был, юноша, поверьте.
Впрочем, успокойтесь и поедем к Берте.
Я с шампанским ящик ей везу в подарок —
Самых знаменитых и дешевых марок.
Там мы погрузимся в океан забвенья,
Завтра ж — пусть приступят к описи именья!

⟨1866⟩

---

[1] Между нами (*франц.*).
[2] Мой милый (*франц.*).

CAUSERIE [1]

(Эклога литератора-ветерана)

С тех пор как «Пчелки» больше нет,
Да умер Павлов, журналист,
Хоть не читай родных газет,
Меня в них бесит каждый лист.
Тоска в статьях передовых,
А в фельетон хоть не смотри.
Увы! Давно исчезла в них
Времен минувших causerie!

Cette causerie gentille et douce,
Qui instruit, en amusant, [2]
Вся из bon-mots, [3] как лучших бус
Un fil léger et luisant. [4]
Ее Булгарин к нам занес,
Взяв в образец Альфонса Карр,
И в книжке под названьем «Ос»
(Les guêpes) принес отчизне в дар.

Oh! Le beau temps! Oh! Les beaux jours! [5]
Они исчезли без следа!

---

[1] Легкий разговор, светская болтовня *(франц.)*.

[2] Эта изящная и милая causerie, которая поучает, забавляя *(франц.)*.

[3] Острот, метких словечек *(франц.)*.

[4] Легкая и блестящая нить *(франц.)*.

[5] О! Прекрасное время! О! Прекрасные дни! *(франц.)*.

Я лишь с Евгениею Тур
Схожусь во взглядах иногда.
А остальные! Nom de dieu! [1]
Вы обратили фельетон
В plaisanteries des mauvais lieux. [2]
«Хорош российский Геликон!»

Так Пушкин молвил в старину
(Я тоже с Пушкиным был друг).
Увы! Уж нет его! Одну
Бездарность вижу я вокруг,
Нахальство без границ и мер,
Нигилистический туман.
Кто ж остается? Я, prince Pierre... [3]
Oh! Les beaux jours du bon vieux temps! [4]

Да! Геликон наш не хорош;
Mais nous avons un bon journal,
Bien rédigé par Méssaroche,
Un homme de lettres libéral. [5]
C'est [6] «Женский вестник». Нынче в нем,
Как отблеск утренней зари,
Блеснула радужным огнем
Времен минувших causerie!

La causerie du bon vieux temps —
Ведь это грация сама,
Ведь это лучше, чем роман
Фейдо, Феваля и Дюма!
Ее давно уж нужно нам,
И, чтоб пополнить сей пробел,
В журнале для девиц и дам
Так называется отдел.

---

[1] Черт возьми! *(франц.)*.
[2] Шутки дурного тона *(франц.)*.
[3] Князь Петр *(франц.)*.
[4] О! Прекрасные дни доброго старого времени! *(франц.)*.
[5] Но у нас есть хороший журнал, отлично редактируемый либеральным литератором Мессарошем *(франц.)*.
[6] Это *(франц.)*.

В отделе этом мы найдем
Все, что нам нужно с давних пор,
Весь этот милый сердцу вздор,
Блестящий чувством и умом.
В его живой калейдоскоп
Войдет весь пестрый светский мир,
«Грейт Истерн» с критикой «Трущоб»,
«Миантономо» и Шекспир,

Поэта светлая мечта,
И философии урок,
Балы, наряды, и плита,
И доктор Хан, и доктор Бок,
Огонь и лед, и мрак и свет,
Et Jean qui pleure, et Jean qui rit,[1]
Et Turluru, et Turlurette!..
Да процветает causerie!

1866

[1] И Жан, который плачет, и Жан, который смеется *(франц.)*.

СВИСТОК И СТАКАН

Свистать! Свистать!
Нам вторит эхо.
Но, чур! Не лгать
Орудьем смеха!
Приходит срок,
Взял верх обман —
Бросай свисток,
Бери стакан.

Пей, чуть слышна
Фальшивость нотки,
Оксгоф вина
И четверть водки,
Ведро эль-кок,
Эль-кукельван.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Чем разделять
Кастратов славу,
Уж лучше спать
Вались в канаву,
Без задних ног,
Мертвецки пьян.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Уж лучше, брат,
Пить мертвой чашей
Забвенья яд,
Чем в прессе нашей
Зловонных строк
Впивать дурман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Газетный лай
И обезьянства
Пренебрегай
В величье пьянства.
Оно порок,
Но не обман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

1866

СКАЗКА О ВРАЧЕ И ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ, ИЛИ НЕНАСЫТИМЫЕ ЖЕЛАНИЯ

(Подражание Пушкину и Сан-Леону)

Жил некий врач иноземный,
Немец иль еврей — неизвестно,
Коновал более, чем медик,
В Питере, у самой Фонтанки,
В улице самой Болотной,
Кровь отворяя и припуская пьявки,
Промыванья делая и припарки.
Так своим ремеслом он кормился
Ровно тридцать лет и три года.
Раз, когда налеплял он больному
Шпанскую мушку во весь затылок,
Сказал этот больной иноземцу,
Немцу или еврею — неизвестно
(Будем уж называть его немцем):
«Лучше бы, чем мушки-то ставить,
Кровь отворять и припускать пьявки,
Промыванья делать и припарки,
Стал бы ты издавать, немец, газету.
Многих этим спасешь ты от смерти,
А поможет тебе золотая рыбка —
Только выдь на Фонтанку и кликни».
Сказал это больной и скончался.

Призадумался немец глубоко,
Возвращаясь домой на дрожках,
На докторских дрожках старомодных.

«Где уж, — думает, — издавать мне газету,
Немцу или еврею — неизвестно?
И какую буду издавать я газету?
«Северную пчелу» издает Булгарин,
«Отечественные записки» — Краевский,
«Петербургские ведомости» — Очкин,
«Сын отечества» издает Фурман.
Где уж мне за ними тягаться?
Только ведь и могу я, немец,
Фельдшерскую газету придумать».

Пошел немец гулять на Фонтанку;
Всколыхнулась мутная Фонтанка,
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»
Ей с поклоном немец отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Издавать я задумал газетку;
Не могу я, немец, тягаться
С Булгариным, Очкиным и Краевским.
Да немного мне, немцу, и нужно:
Подписались бы на мою газетку
Фельдшера всех гошпиталей и клиник,
Сколько их ни на есть в России».
— «Ладно, — говорит золотая рыбка, —
Подпишутся на твою газетку
Фельдшера всех гошпиталей и клиник,
Сколько их ни на есть в России».
Воротился в Болотную немец:
На столе у него лежат повестки,
Почтальоны звонят то и дело,
Требования шлют книгопродавцы,
Фельдшера несут свои деньги,
Тяжелые деньги, трудовые.

Пошло у него дело как по маслу.
Едет он однажды по Болотной
В докторской приличной карете,
Едет и сам с собою рассуждает:
«Много ли фельдшеров-то в России?

Много ли от фельдшеров-то корысти?
Черта ли мне в их копейках?
Лучше издавать буду журнальчик,
Так себе дрянненький журнальчик,
Тратиться уж много не стану,
И ума много не потрачу,
Мне ведь, немцу, нечего и тратить;
Наберу я разных картинок,
Диких зверей и диких народов,
Из журналов прошлого века,
Подходящие подберу статейки,
Да словарь приложу французский;
Пусть меня вольнодумцы ругают,
Лишь бы рыбка опять услужила».

Вот опять он пошел на Фонтанку.
Взволновалась мутная Фонтанка,
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»
Ей с поклоном немец отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Издавать я задумал журнальчик,
Так себе журнальчик ледащий.
Где уж мне с Краевским тягаться!
Да немного мне, немцу, и нужно.
Подписались бы на мой журнальчик
Немудрые люди, самоучки,
Недоросли из дворян, простофили,
В чаянии разума набраться
Из французских словарей и картинок».
Отвечает ему золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом;
Подпишутся на твой журнальчик
Немудрые люди, самоучки,
Недоросли из дворян, простофили».

Пришел немец в свою квартиру;
Видит — на дверях надпись: *контора*,
Фельдшер сидит — не пластырь мажет,
А билеты вырезает из книги,

Важно их раздает самоучкам,
Недорослям из дворян, простофилям
И за это деньги получает.
Возмечтал тут о себе немец.
«Буду, — говорит, — издавать я
Не дрянной журнальчик ледащий,
А большой журнал всероссийский,
Всероссийский журнал, всемирный,
Столько же в нем будет таланта,
Столько же ума и статеек,
Как в дрянном журнальчике ледащем,
Только шрифты возьму покрупнее,
Да на шпоны раздвину пошире.
Вольнодумцы, благо, присмирели,
Присмирели, собаки, попрятались,
А с Краевским, — говорит, — потягаюсь».

Пошел немец опять на Фонтанку:
Почернела мутная Фонтанка;
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»
Ей с поклоном немец отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Потягаться хочу я с Краевским,
Присмирели, благо, вольнодумцы,
Присмирели, собаки, попрятались.
Нужно бы мне теперь, немцу,
Чтобы мой журнал всероссийский,
Всероссийский журнал, всемирный
Расходился бы по всей России,
Как газета Старчевского древле,
От роскошных чертогов вельможи
До мужицкой лачуги убогой».
Отвечает золотая рыбка:
«Ладно, немец, ступай себе с богом».

Воротился в Болотную немец.
На дверях видит надпись: *редакция.*
А в редакции сидят всё сотрудники,
Всё сотрудники, да всё эстетики,

Всё эстетики, да всё кудесники.
Фельдшер его за ними ухаживает,
Пьявки припускает, рожки ставит,
Чтоб писали они не чернилами
И не в разум макали, а кровью бы,
Наилучшей кровью писали бы.
И строчат сотрудники ретивые
Критики всё больше, да трагедии,
Всё стихами, как эти вот, белыми,
Напустили туман на всю горницу,
Намарали статеек с три короба
И из них каждомесячно в публику
Выпускают пряники печатные.

Расходился тут немец без удержу.
Обратился к своим он сотрудникам
И повел к ним речь неразумную:
«Ох вы, гой еси, братцы-сотруднички,
Славные богатыри-трагики,
Милые эстетики-кудесники!
Не хочу больше с Краевским тягаться,
Потягаюсь я, немец, с немцами,
С окаянными Геру и Мазадами!
Не хочу издавать журнал всероссийский —
Стану издавать всеславянский!»

Диву дались все сотрудники;
Побледнели эстетики-кудесники,
Жутко стало богатырям-трагикам —
Но перечить немцу не осмелились.

Нахлобучил немец картуз на уши,
Застегнул пальто свое ватное,
Ибо дело было осеннее,
И из горницы вышел гоголем.

Как пришел немец на Фонтанку,
Видит: Фонтанка вся черная.
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Расступились пред ним все отметчики,

За спокойствием там наблюдавшие,
И от ужаса в воду попадали
Прачки, белье полоскавшие.
Стал он кликать золотую рыбку;
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»

Немец и картуза не ломает:
«Не хочу, — говорит, — издавать журнал
всероссийский,
Хочу издавать всеславянский!
Чтобы все меня, немца, читали и почитали,
Чтоб проникла моя слава повсюду:
И в турецкий и в кесарский край —
На Лабу, Мораву, на дальную Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Моллаву,
На шумный и синий Дунай!»

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в мутную Фонтанку.
Долго у моря ждал он погоды;
Не дождался немец — оглянулся:
Перед ним его докторские дрожки,
Докторские дрожки старомодные;
Фельдшер сидит на дрожках с ланцетом,
Сердится на немца и понукает:
«Едемте, ваше благородие,
Пьявки припускать, рожки ставить».

1867

НОВОГО СЧАСТЬЯ ЧИТАТЕЛЮ И НОВЫХ БОГАТСТВ!

Редакция вполне понимает, что интересы, которыми всего более дорожит всякое общество, суть интересы его спокойствия.

Объявление г. Тиблена об издании «Современного обозрения».

При анализе экономических явлений мы будем иметь в виду главным образом задачу накопления новых богатств, а не перераспределения старых.

Там же.

Капиталы — суть деятели современного прогресса.

«Пятикопеечник», соч. г. Карповича.

Знаю я, читатель, что делами
Важными по горло ты завален,
Чтоб моими тешиться стихами,
Как бы ни был взгляд мой идеален.
Но утешься: я не древний эллин;
Я, как ты, забыл об идеале;
Жизнью я достаточно обстрелен,
И поэт во мне «скончался вмале».

Как Полонский, я «блохой укушен»
(То есть: жизни опытом пришиблен),
Лишь к богатствам я неравнодушен,

Как Карпович и издатель Тиблен.
В 200 000 выигрыш билета —
Вот источник светлый накоплений
Вдохновенья и богатств поэта
Современных русских обозрений.

«Наше время» Павлова пропало!
Ныне, с «Новым временем» Киркора,
Говорят, блаженство близко стало,
Богатеть должны мы очень скоро.
С этим новым временем условясь,
Пред одним богатством я склоняюсь —
Как поэт, вполне *обсоловьевясь,*[1]
Перед ним лишь я *утибленняюсь.*[2]

С новым годом вовсе не желая
Слыть врагом спокойствия заклятым,
Я тебе, читатель, поздравляя,
Одного желаю: быть богатым.
Чтобы ты вкушал, как на Парнасе
Некий бог, роскошнейшие яства, —
А уж там Карпович в «гласной кассе»
И без нас распределит богатства!

1868

---

[1] Производное от имени существительного собственного: *Н. Соловьев,* т. е. молодой критик старого режима, известный своими статьями в «Эпохе», «Времени», «Всемирном труде» и в других несуществующих или несовременных изданиях.

[2] Производное от имени существительного собственного: *Тиблен,* т. е. журналист, публицист, капиталист и не нигилист. Г. Карпович тоже журналист, капиталист и не нигилист, да к тому же еще и филантроп. Г. Полонский просто поэт, действительно укушенный блохою жизни (зри его собственное признание в поэме «Свежее предание») и потому значительно обсоловьевившийся.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРОГИ

Que j'aime à voir un corbillard!
A. Gouffé.[1]

Последний экипаж людской
 Пою я в песне, дроги.
Вот выбор песни! Что ни пой,
 А всё протянешь ноги.
Придется всем от всяких бед
 Навек освободиться;
Что ж за несчастье — в лучший свет
 На дрогах прокатиться?

В былые дни, без лишних слов,
 В урочный час к могиле
И богачей и бедняков
 Всех на руках тащили.
Стал ныне человек умней
 И самых бедных даже
Препровождает в мир теней
 В приличном экипаже.

Богач со смертию всего
 Лишается и плачет.
Я — не оставлю ничего;

[1] Как я люблю смотреть на погребальные дроги! *А. Гуффе (франц.).*

Я — в выигрыше, значит.
Я в этот мир пришел пешком,
Но на свиданье к деду,
Хоть и на дрогах, хоть шажком,
А все-таки поеду.

За колесницей богача —
Тщеславия затеи, —
Ливрейный траур волоча,
Толпой идут лакеи.
А я богат и без ливрей,
Богатствами иными:
Пойдет кружок моих друзей
За дрогами моими.

Веселость, гений мой! я жив,
Покуда ты со мною;
Когда ж и ты, на мой призыв,
Окажешься мечтою, —
Тогда скажу, махнув рукой,
Совсем готов к дороге:
Что ж делать! Стих пришел такой;
Закладывайте дроги!

⟨1868⟩

НА МОГИЛЕ Д. И. ПИСАРЕВА

(Братьям-писателям)

Еще один из строя выбыл вон,
Где уж и так ряды не слишком тесны.
Мир памяти скончавшегося — он
Писатель был талантливый и честный.

Талантливый и честный! В двух словах
Заключена властительная сила:
Одушевлен был ею этот прах,
Освящена теперь его могила.

В борьбе со злом, идущей без конца,
Им двигала полезная идея, —
И юношам в их чистые сердца
Он внес ее, умами их владея.

Усопший брат! Мир памяти твоей.
Увы! Ты жил, как Добролюбов, мало.
Ты чист, как он; зерна́ твоих идей
Не подточило опытности жало.

Мы видели, как старились умы
И как сердца прекрасные скудели.
Поклонимся ж могиле ранней мы —
Созревшие для неизвестной цели.

1868

РАЗДУМЬЕ

Зол я впервые сегодня вполне;
Зол — оттого что нет злости во мне.

Нет этой злости, которая смело
Прямо из сердца срывается в дело.

Нету ее — ненавистницы фраз,
Злобы святой, возвышающей нас.

Есть только жалкая, мелкая злоба,
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, с которой хоть семьдесят лет
Можно прожить без особенных бед

И умереть, чтобы видели внуки
Самый пошлейший род смерти — от скуки.

⟨1869⟩

НАДОЛГО ЛИ?[1]

Надолго ли? Надолго ли! С двух слов,
Произнесенных, впрочем, благосклонно,
Я видел ночью много диких снов
И целый день бродил как полусонный.
И лишь теперь, два месяца спустя,
Отдавшись весь работе благодатной,
Отвечу я, все шансы разочтя:
Надолго ли? Надолго, вероятно.

Когда больного с смертного одра,
Где видел он вблизи мученья ада,
Вдруг на ноги поставят доктора,
Покорный им, он станет жить как надо.
Он в меру ест, он в меру пьет и спит.
Спросите вы у доктора, примерно,
Надолго ль он здоровье сохранит?
Ответит врач: надолго — это верно.

И с «Искрой» так. Она была больна
Болезнью женской — недостатком воли;
В истериках так мучилась она,

[1] Одно из высокопоставленных лиц, когда вышло разрешение издавать «Искру» без предварительной цензуры, заметило издателю: «Вам теперь дано право, которое вы искали, — *надолго ли?*» Слова эти вызвали предлагаемое стихотворение, которое печатается здесь именно потому, что подобный вопрос так же естественно может возникнуть и в публике.

Что прикусить язык пришлось от боли.
Теперь характер возвратился к ней.
— Что ж, женщина с характером! Прекрасно!
Она послушней станет и скромней...
— Надолго ли? — Надолго, очень ясно.

Свободу слова, право на журнал
В наш век, когда кредит во всем непрочный,
Как драгоценный некий капитал
Дают вам в долг, с вас вексель взяв бессрочный.
— Ну-с, вы теперь спокойны или нет? —
Вам кредитор сказал бы, встретясь с вами: —
Надолго ли? — Вздохнете вы в ответ:
— Надолго ли-с? Решать извольте сами.

Все вообще писатели у нас
Народ неизбалованный, небурный;
В самих себе мы держим про запас
И ножницы и карандаш цензурный.
Тот, кто сберег среди житейских гроз,
В сознании общественного долга,
Для дела мысль — тот смело на вопрос:
Надолго ли? — ответит: да, надолго.

Пока стремится общество вперед,
В грядущее спокойным смотрит взглядом
И сбить себя с дороги не дает
Корыстным и шипящим ретроградам,
До тех пор в нем, для счастия людей,
Не может быть свободной мысли тесно —
И, как залог грядущих светлых дней,
Надолго все задуманное честно.

1869

КАНКАНЫ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

(Передовые статьи газет, журнальные критики, руководящие заметки и пр.)

I

ОТ Г. КРАЕВСКОГО Г. КАТКОВУ[1]

И ты несчастен, дай же руку,
Начнем друг другу помогать.

Мерзляков.

С Гомером долго ты беседовал один,[2]
Я не беседовал с Гомером.
Я и с тобой теперь веду как нижний чин
Беседу с обер-офицером.

---

[1] Г-н Катков впал в тихую меланхолию, не предвещающую, впрочем, ничего доброго. С одной стороны, ему грезятся какие-то безголовые, нуждающиеся в его голове и даже *требующие его головы*, с другой — около него прыгают какие-то лягушки, просящие *бича* (sic). Обо всем этом он весьма элегически повествует в покаянной статье № 20 «Московских ведомостей».

Г-н Краевский наоборот. Сей возгорел вящим жаром, переименовал себя из реалистов в классики, по спопутности распек какого-то учителя уездного училища, осмеливающегося иметь свое суждение о классицизме, и объявил, что только он с Катковым суть представители русской национальной печати («Голос», № 23). Шовинизм его несколько охладел только тогда, когда ему показали вышереченный № «Московских ведомостей», передовая статья которого заключается весьма прискорбным, хотя совершенно несправедливым размышлением о какой-то якобы странной судьбе русской национальной печати. Все сие, впрочем, художественно резюмировано в предлагаемом стихотворении.

[2] Из отличенных слов первая строка принадлежит Пушкину, остальные Лермонтову.

Проснешься ль ты когда, осмеянный Катков?
Твоя надтреснутая лира
Нужна для общества, *как чаша для пиров,*
Как фимиам — для сильных мира,
Как до обеда шнапс, как за обедом спич,
И как прислуга за обедом...
Восстань на страх врагам, возьми ременный бич,
Я петушком поспею следом.
Национальности я орган с этих пор!
Хоть... не враждебен и Бисма́рку. [1]
Чуть что — так я сейчас и на попятный двор
И — убежденья все насма́рку!

II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МУДРОСТИ В. И. АСКОЧЕНСКОГО [2]

На мосту [3] с торговкой Аско́ченский сидит,
Бабе точит лясы, сказки говорит.

---

[1] Бисмарк тут, очевидно, ни при чем. Г-н Краевский, как жена кесаря, выше подозрений в антирусских стремлениях. Еще бы Каткова кто подозревать стал. Бисмарк тут больше ничего, как троп шпоп.

[2] Г. Аско́ченский в 4-м выпуске своей странноприимной или, лучше сказать, страмоприимной газетки пишет: «Мы были бы невежливы, если бы прошли молчанием рекламу (?) снова затлевшейся «Искры», тем более, что она сама указала Аскоченскому обязанность отмечать красным карандашом все места» и пр. Вежливость за вежливость. Представляем читателям «Домашней беседы» самое обстоятельное изложение на тему: «Откуда происходит мудрость Аскоченского». Мудрость же его поистине изумительна. В «изгарной» статейке своей он, между прочим, инквизиторски выпытывает у нас — для какой надобности помещена в «Искорках» богохульная (!) публикация: «Подписчикам журнала „Conseiller des dames"» и пр. (см. «Искру» № 1, ст. 41), притворяясь, будто не замечает, что публикация эта перепечатана без всяких комментарий с французских газет и что обращаться с подобным вопросом можно было только к редакции «Conseiller des dames», а теперь ко всем французским и русским газетам, ее перепечатавшим, включая в это число и «Домашнюю беседу».

Такова добросовестность г. Аскоченского и во всей статейке об «Искре». Впрочем, об его добросовестности было уже неоднократно говорено и возвращаться к этому предмету не стоит. Далее он объясняет, что в продолжение всей своей деятельности следит за мазуриками — сидя на мосту. Это курьезно.

[3] На Измайловском.

Как от этих сказок да ляс, ляс, ляс
Бабу так и тянет да в пляс, пляс, пляс!

— Времена последние, знать, пришли, кума.
— Вижу, свет родименький, вижу все сама.
— Я теряю, кумушка, ум, ум, ум.
— И терять-то нечего, кум, кум, кум!

— Кумушка-голубушка, слышала ты, чать,
Как у православных-то балует печать?
Я лишился, кумушка, сна, сна, сна...
— На пельсинчик, батюшка, на, на, на!

Кушает Аскóченский, кушает — молчок;
Только соком брызгает черный сюртучок.
Апельсинчик кумушкин гнил, гнил, гнил —
Куманьку подарочек мил, мил, мил.

— Нет житья, голубушка, от лихих газет.
— Народился, батюшка, знать, антихрист в свет.
— Эх, кабы мне, кумушка, власть, власть, власть —
Задал бы я перцу им — страсть! страсть! страсть!

Так сидели некогда с Евою Адам
И плоды добра и зла завещали нам.
Плод вкусил Аскóченский — сев, сев, сев
С некоей из плохоньких Ев, Ев, Ев.

То был плод познания не добра, не зла —
А благоухания старого козла.
И с тех пор городит он гиль, гиль, гиль,
Ибо кушал с кумушкой гниль, гниль, гниль.

1870

В НАШЕ ВРЕМЯ...

I

ПРОЛОГ

Роскошь так уж роскошь — истинно беспутная;
Бедность так уж бедность — смерть ежеминутная;
Голод так уж голод — областию целою;
Пьянство так уж пьянство — всё с горячкой белою.

Моды так уж моды — всё перемудренные;
Дамы так уж дамы — полуобнаженные;
Шлейфы так уж шлейфы — двух- и трехсаженные;
На пол нагло брошены камни драгоценные.

Нечто лучше женщины в красоте искусственной,
С шиком нарисованной, чувственно-бесчувственной:
Обаянье демона, ангела незлобие —
Во втором издании «божие подобие».

Похоть так уж похоть — с роковою силою
Деньгам, сердцу, разуму — всем грозит могилою:
Старцы льнут и падают, как грудные деточки,
И за ними дети их — плод от той же веточки.

Воры так уж воры — крупные, с кокардами;
Кражи так уж кражи — чуть не миллиардами;
Жуликов-мазуриков в эту пору грозную —
Как на небе звездочек в ноченьку морозную.

Грав. П. Куренков.

Конь прогресса.

Мелкие скандальчики с крупными беспутствами;
Разоренья честные с злостными банкрутствами;
Фокусы бумажные, из нулей могущества —
И на каждой улице описи имущества.

И на каждой улице, с музыкою, с плясками,
Разоряют вежливо, обирают с ласками,
И — притоны мрачные, кутежи с злодействами,
И убийства зверские целыми семействами.

И работа вечная и неугомонная,
И холодность мертвая, строгость непреклонная,
И с трибун словесников речь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на все готовая.

Скорбь так скорбь безмолвная. Горе, как нахлынуло,
Все существование разом опрокинуло:
Знает погибающий, что никто не сжалится,
И, как сноп бесчувственный, сам в могилу валится.

Смех так смех насильственный, злобы не скрывающий:
Или разухабистый и стыда не знающий,
Или уж отчаянный, с умоисступлением —
Над собой, над ближними и над всем творением.

‹1870›

LA PAIX À TOUT PRIX!
FRIEDE UM WAS ES NICHT GELTE!
МИР ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

Страшный призрак грозно встал;
Страсти вечные щекочет;
От всех зол универсал —
Кровь открыть Европе хочет.
Но в разумный век поэт
Уж не фельдшер, как бывало,
И одно поет в ответ:
　　Мир во что бы то ни стало!

Уж настолько мы умны
В наши дни, что каждый лирик
Скажет призраку войны:
— Прочь, чудовище-эмпирик!
Мир гниет от старых ран —
Новых, что ли, не хватало?
Я поэт, а не боян.
　　Мир во что бы то ни стало!

Займодавец иудей,
Будь расчетлив и скупенек:
Для дерущихся людей
Не давай ни гроша денег.
Помни то, что каждый грош
Из мирского капитала
Для прогресса лишь хорош.
　　Мир во что бы то ни стало!

Ну, а тем, что в наши дни
К драке слишком уж охочи,
Ты лукаво подмигни,
Указав вопрос рабочий.
Поработай, мол, на мир,
Чтобы денег *тут* достало...
А чтоб драться... Ой, вей-мир![1]
Мир во что бы то ни стало!

В честолюбии владык
Смысл солдатского задора;
Но в народах общий крик:
«В честном мире нет позора».
Пусть воинственно глядит,
Но не сходит с пьедестала
Марс — шевронный инвалид.
Мир во что бы то ни стало!

Бог военной суеты
Лучше пусть шалит с Кипридой...
Ты, богиня красоты,
Человечество не выдай!
А вопрос про старый Рейн
Мы поставим так сначала:
Мил лафит, хорош рейнвейн.
Мир во что бы то ни стало!

1870

---

[1] Горе мне! *(евр.)*.

СТИХИЙНАЯ СИЛА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

Шиллер («Начало нового века»).

Только одно поколенье людей
Выступит с новым запасом идей —
И с барабанным, торжественным боем
В вечность наш век отойдет под конвоем
Умственных бурь и военных тревог,
Время подпишет в кровавый итог,
Что в девятнадцатом веке царила
Грубая сила, стихийная сила.

Тщетен был опыт минувших веков,
Слава героев, умы мудрецов;
Тщетно веками скоплялись богатства
Равенства, знанья, свободы и братства.
Нужны усилия страшные вновь,
Жертвы, мученья, темницы и кровь,
Чтоб хоть крупицы от них уступила
Грубая сила, стихийная сила.

Все силы духа во все времена
В лапах железных держала она.
Чтоб услужить ей, из всех мифологий,

Переодевшись, слетаются боги.
Непобедимым считался прогресс,
Но в наши дни беспримерных чудес
Времени дух, изловчась, покорила
Грубая сила, стихийная сила.

Вместе с богами и верой людей
Времени дух в услуженье у ней.
Зиждущий дух плодотворных сомнений,
Зло отрицающий творческий гений
Духом сомненья в великих делах,
Гением смерти стал нынче в умах, —
Так чудотворно умы извратила
Грубая сила, стихийная сила.

Знанья для жизни святой идеал
В формулах мертвых бесследно пропал,
Новым циклопам дав знанье природы
Для истребленья людей и свободы.
В кузницах смерти движенье и стук
И — благо занято множество рук —
Светоч сознанья совсем загасила
Грубая сила, стихийная сила!

Только сознания светоч угас —
Двинулось многое множество масс
Несокрушимым ни зноем, ни стужей
Грамотным мясом безграмотных ружей,
Неувядаемым цветом страны,
Где для кромешного ада войны
Женщин любить и рожать обучила
Грубая сила, стихийная сила!

Массы другие в раздумье стоят,
Видя солдатского зверства разврат,
Гимны поют о кровавой расплате
Граждан, погрязших в греховном разврате;
Даже приветствуют век золотой
Равенства всех — перед смертью одной,
В тучах, которыми солнце затмила
Грубая сила, стихийная сила.

«Новый в крови нарождается век;
Где же свободу найдет человек?» —
Спрашивал Шиллер, взывая к свободе.
И девятнадцатый век на исходе —
Швабскому гению отзыва нет.
Самую жажду свободы в ответ
Порцией крови, смеясь, утолила
Грубая сила, стихийная сила!

1870

ЗА КОТОРУЮ ИЗ ДВУХ?

(Нейтральная новогодняя здравица)

Друзья мои, мы строго нейтральны
На свой, чужой и на казенный счет;
Но русский же завет патриархальный
Велит встречать шампанским Новый год.
Смотрите, вот: кипучею игрою
Дух Франции в бокалах засверкал...
Подымем же свободною рукою
За Францию хотя один бокал!

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.
Права земли дает сама природа —
Тому и хлеб, кто ниву запахал.
Подымем же, во имя прав народа,
За Францию еще один бокал!

Вне жизни нет искусства, нет науки!
В Париже — центр и знаний и искусств.
Не ум, сердца сложили эти звуки —
В сердцах людей нет нейтральных чувств.
Народам чужд пригодный для скитаний
По всем дворам туманный идеал.
Подымем же, во имя светлых знаний,
За Францию еще один бокал!

Растет, растет в Германии «единой»
Союз штыков, но Франция одна —
И под сапог, подбитый дисциплиной,
Изменою повергнута она,
Чтоб новые гражданственности всходы
На почве их он в корне затоптал.
Подымем же за будущность свободы,
За Францию еще один бокал!

За будущность? Но даже в наше время
В России уж былого рабства нет.
Где ж брошено святой свободы семя?
Где равенства блеснул впервые свет? —
Во Франции восьмнадцатого века.
Подымем же, во имя тех начал,
Во имя прав природных человека,
За Францию еще один бокал!

Двойную цепь, впотьмах, рукой дрожащей
Предательство осаде подает;
Но тверд в борьбе Париж, за всех скорбящий —
В нем думает и действует народ,
В сиянье дня, над тем великим делом,
Которое бог мира указал.
Подымем же — о мире в мире целом —
За Францию последний наш бокал!

1871

ВО ВСЕХ ТЫ, ДУШЕНЬКА, НАРЯДАХ ХОРОША!

Когда любил я в первый раз,
Не зная брачной обстановки,
Для ради взгляда милых глаз
Я разорялся на обновки.
И от волненья чуть дыша,
Любуясь милой и нарядом,
Я страстно говорил, прельщенный нежным взглядом:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Когда ж узнал и рай и ад
Посредством брачного обряда,
Я нахожу, что дамский взгляд
Дешевле дамского наряда.
Не тратя лишнего гроша,
Стал хладнокровно напевать я:
Тебе к лицу, мой друг, и простенькие платья —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших стрекулист
Еще владычествует в мире,
Хоть вымыт, выбрит, с виду чист,
В благопристойном вицмундире, —
Но все чернильная душа
Хранит подьячества привычки —
Так черт ли выпушки, погончики, петлички...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Другой, хожалый древних лет,
Стал журналистом не на шутку
И перенес в столбцы газет
Свою упраздненную будку.
На черемиса, латыша,
На всю мордву валит доносом —
Хоть и зовет его общественным вопросом, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших ростовщик,
Чуждаясь темного позора,
Усвоил современный шик
И назвал свой вертеп конторой;
Но та же алчность барыша
Томит и гласного вампира —
Так черт ли в том, что ты надел костюм банкира...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Расставшись с шулерством прямым,
Ввиду общественного мненья,
Стал шулер зайцем биржевым,
Потом директором правленья.
Ты сделал ловко антраша
И мастерски играешь роль ты;
Но все равно: из карт или из акций вольты, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Хоть в наше время не секут
Дворовых Филек, Ванек, Васек;
Но ведь с того же древа прут
В новейших школах держит классик.
Греко-латинская лапша —
Родня с березовою кашей,
Так скажем, встретившись с кормилицею нашей:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Закон преследует разбой
Со взломом ящиков и ларцев,
Но вежливо зовет «войной»
Убийство жен, детей и старцев;
Хоть человечество кроша,

Атилла все равно «бич божий»,
Какою ни прикрыт национальной кожей, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Пустил бы я во весь карьер
Куплет свободно за куплетом;
Но в скачках с рифмами барьер
Поставлен всадникам-поэтам,
Хоть каждый может, не спеша,
Предупредительные вожжи
Сравнить с карательным арапником... попозже...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Что ты посеял — то пожнешь,
Сказали мудрецы в деревне;
В веках посеянная ложь
Костюм донашивает древний.
Когда ж, честны́х людей смеша,
Форсит в одежде современной —
Мы с дружным хохотом в глаза споем презренной:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Но скажем твердо, не шутя,
Хоть светлым днем, хоть темной ночью,
Когда — заблудшее дитя —
Сойдет к нам истина воочью,
Хотя б краснея, чуть дыша,
Хотя б классически раздета,
Хоть в гаерском плаще веселого куплета:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

⟨1871⟩

РЕАЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

I

СОВРЕМЕННЫЙ СОНЕТ

Суровый Дант не презирал сонета.
«Сонет». Пушкин.

«Суровый Дант не презирал сонета» —
Так заверял в былые дни поэт.
Я нахожу весьма разумным это:
Чем заслужил презрение сонет?

Что может быть удобней для поэта,
За каждый стих дающего ответ,
В том обществе, где более уж нет
На прежние стремления ответа?

К стихам своим поэт, конечно б, мог
Прибавить, сверх четырнадцати строк,
Горячую пятнадцатую строчку;

Но, в кандалах гармонии, он сам,
Предупреждая цензора, к стихам,
Как «Гражданин» к реформам, ставит точку.

II

НА ПРАЗДНИКАХ

> Мы рождены для вдохновенья,
> Для звуков сладких и *молитв*.
>
> *«Чернь». Пушкин.*

Веселый трезвон по церквам
На всех колокольнях окрестных, —
И «чистые сердцем» во храм
Стремятся в одеждах воскресных.

Отпущены людям грехи!
И только поэт, одиноко,
Творит не молитву — стихи —
В беспраздничной скорби глубокой.

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва —

И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром;
Сатира есть тоже молитва.

III

ПРИТЧА О СНЕГУРОЧКЕ

Как некогда Дарья застыла [1]
В своем заколдованном сне —
Так образ Снегурочки милой
Теперь представляется мне.

В раздумьи склонилась уныло —
Не знает, что делают с ней.
Мертвящею мощью своей
Над ней распростерся Ярило.

Излила бы в песнях святых
Всю правду для ближних своих...
Ни звука! Душа умирает...

---

[1] «Мороз Красный Нос», поэма г. Некрасова.

Недвижно сомкнулись уста.
Ни звука! Кругом пустота...
И тает Снегурочка, тает...

IV

НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ

Прекрасное — только в добродетели; скверное — только в пороке.

Антисфен (первый циник).

Нравственность как будто бы слово всем известное;
Что ж такое нравственность — мы еще не знаем:
Рубище ль мужицкое, грязное, но честное?
Маска ли, надетая зверем-шелопаем?

Что такое чистое? что такое грязное?
Всё слова известные — но слова без связи.
По болезням общества и леченье разное:
Есть весьма целебные для гангрены грязи.

Против лицемерия, обществу не нужного,
Искренность — картечница люда безоружного.
Если переполнилась в наше время клиника

Русскому противными русскими тартюфами —
Выпалим в бесстыдников фарсами и буффами
И высоконравственным грубым смехом циника!

1873

⟨П. А. ЕФРЕМОВУ⟩

Изданну книжицу мной подношу вам, друже.
Аще и не нравен слог — мните, мог быть хуже.
Чтите убо без гневу, меня не кляните:
Невозможно на Руси Беранжерам быти.

1873

НОВЫЙ ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

(Подражание старому «Пантелею-целителю»
графа А. К. Толстого)

ФЕЛЬЕТОННАЯ БАЛЛАДА

И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей
Суковатыя!

Гр. Толстой.

Граф Сальяс-Турнемир ополчается.
Пантелеем он, слышь, величается,
Государь-Пантелеем-целителем,
Земли русской, российской спасителем
От всей скверны и внешней и внутренней.
Уж как встал Турнемир перед утреней,
Не с крестом, не с честною молитвою,
Как оно надлежит перед битвою,
А за палку схватясь суковатую:
«Сам не знаю за что, — бает, — ратую!»
Граф Сальяс-Турнемир,
Государь Пантелей,
Не смеша божий мир,
Сам себя пожалей!

Ох ты, гой еси, ваше сиятельство!
Неприличны в печати ругательства,
И не вырастут травы целебные,
Коль посеешь слова непотребные.
Али речь ты повел с «пугачевцами»?

Аль считаешь читателей овцами?
Как же ты, с воспитанья-то светского,
Речь повел крепостного дворецкого,
Забубенную, слышь, залихватскую
И как быдто б маненько — кабацкую?
    Ох ты, гой, граф Сальяс,
    Турнемир Пантелей —
    Пощади, сударь, нас
    И себя пожалей!

На врага ополчаясь газетного,
Дай нам речь убежденья заветного.
Метким словом поди — переспорь его,
А не фразой актера Григорьева,
Водевильной, отжившей, негодною,
Никогда и не бывшей народною!
    Да еще разумей,
    Турнемир-Пантелей:

Журналист, убеждающий палкою,
Конкурирует с куклою жалкою,
С деревянною детской игрушкою,
С драчуном балаганным Петрушкою,
А у кукол для споров все данные —
Только палки одни барабанные
    Оттого, государь,
    Что башки их, как встарь,
        Деревянные!

1875

ПОЭТУ-АДВОКАТУ

(Реально-юридический сонет)

Не бойся, адвокат, общественного мненья,
Когда имеется в виду солидный куш
И убеждения податливы к тому ж,
Берись за все дела! Какие тут сомненья!

В тебе, в твоем нутре таятся убежденья,
Вполне согласные со злобой наших дней:
Тем преступления доходней, чем крупней,
И только мелкие позорны преступленья.

Что значит суд толпы? Ты сам свой высший суд.
Конечно, оценить сумеешь ты свой труд
Дороже, чем богач, не только пролетарий.

Так плюнь на суд толпы и на газетный свист.
Запомни лишь одно, как адвокат-юрист:
Тем выше подвиг твой, чем выше гонорарий!

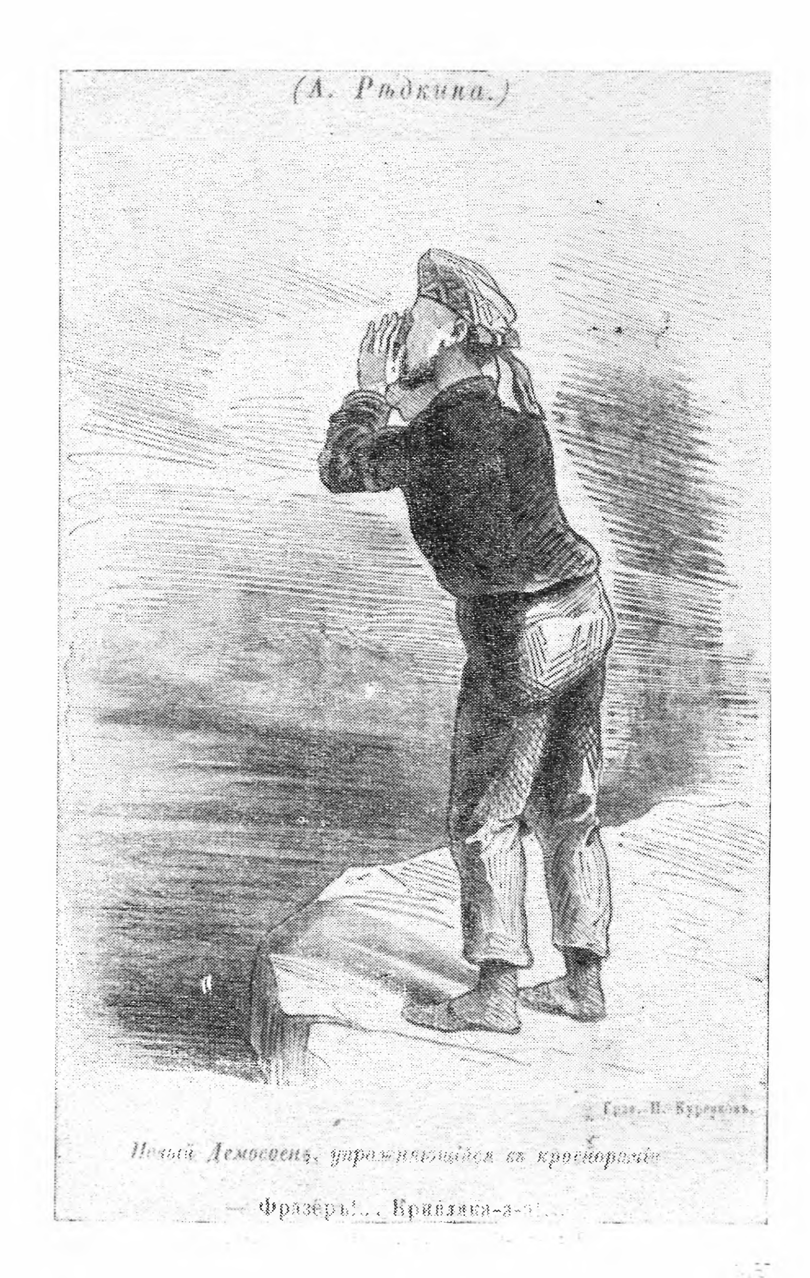
1875

⟨М. Н. КАТКОВУ⟩

Поверь, для всех смешон шпионский твой задор
С твоим доносом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным.

1875

(А. Рѣдкина.)

Грав. П. Куренковъ.

Новый Демосѳенъ, упражняющійся въ краснорѣчіи.

— Фразёры!.. Кривляка-а-а!..

Как не вскрикнуть тут с поэтом:[1]
Край родной долготерпенья!
Если розги в крае этом —
Лучший метод просвещенья?
Ладно всё. Отец не спорит
И нисколько не в обиде,
Хоть всю школу перепорет
Кроткий пастырь в пьяном виде.

1875

---

[1] Ф. Тютчев, «Эти бедные селенья» и пр.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в сединах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!

Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хныч, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

⟨1855⟩

ВЕСНА И ОСЕНЬ

Друзья, природою самою
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки — весною,
Зимою — виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни — хладеет кровь...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

В весенний день моя свобода
Была Жаннете отдана;
Я ей поддался — и полгода
Меня дурачила она!
Кокетке все припоминая,
Я в сентябре уж был *готов*...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Я осенью сказал Адели:
«Прощай, дитя, не помни зла...»
И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Так я дошел бы до могилы...
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет — я могу забыться,
Смешать все дни в календаре:
Весной — бесчувственно напиться...
И быть влюбленным в декабре!

⟨*1855*⟩

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

— Неужто звездочки, пастух,
Над нашими судьбами
На небе смотрят? — Да, мой друг!
Невидимая нами
Звезда для каждого горит...
— Ах, дедушка, кто знает,
Чья это звездочка блестит,
    Блестит — и исчезает?

— То умер человек, мой друг,
И с ним звезда упала.
Его веселость тесный круг
Друзей одушевляла;
Его бокал едва допит...
Он мирно отдыхает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
    Блестит — и исчезает.

— Ясней и чище в эту ночь
Звезды не зажигалось!
Отец оплакивает дочь;
Ей счастье улыбалось:
Венок из роз невесте свит...
Алтарь любви сияет...
— Еще звезда, блестит-блестит,
    Блестит — и исчезает.

— Дитя, с мелькнувшею звездой
Сын умер у вельможи.
Покрыто тканью золотой
Младенческое ложе...
Голодный льстец, смутясь, глядит,
Как жертва ускользает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Мой сын, надменный временщик
Упал звездой кровавой...
Он думал: силен я, велик!
Упал — и раб лукавый
Иному идолу кадит,
Его портрет бросает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Она упала! Сын мой, плачь!
Лишились мы опоры:
С душою доброю богач
Смежил навеки взоры;
К порогу нищий прибежит —
И горько зарыдает...
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Скатилась яркая звезда
Могущества земного!
Будь чист, мой сын, трудись всегда
Для блага мирового.
Того, кто суетно гремит,
Молва уподобляет
Звезде, которая блестит,
Блестит — и исчезает.

⟨1855⟩

СТАРУШКА

Ты отцветешь, подруга дорогая,
Ты отцветешь — твой верный друг умрет...
Несется быстро стрелка роковая,
И скоро мне последний час пробьет.
Переживи меня, моя подруга,
Но памяти моей не изменяй —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

А юноши по шелковым сединам
Найдут следы минувшей красоты
И робко спросят: «Бабушка, скажи нам,
Кто был твой друг? О ком так плачешь ты?»
Как я любил тебя, моя подруга,
Как ревновал, ты все им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай

И на вопрос: «В нем чувства было много?»
— «Он был мне друг»,— ты скажешь без стыда.
«Он в жизни зла не сделал никакого?»
Ты с гордостью ответишь: «Никогда!»
Как про любовь к тебе, моя подруга,
Он песни пел, ты все им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

Когда к тебе, покрытой сединами,
Знакомой славы донесется след,
Твоя рука дрожащая цветами
Весенними украсит мой портрет.
Туда, в тот мир невидимый, подруга,
Где мы сойдемся, взоры обращай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

⟨1855⟩

КАК ЯБЛОЧКО, РУМЯН

Как яблочко, румян,
Одет весьма беспечно,
Не то, чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаясь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то все хохочет...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад кромешный...
А он-то, многогрешный,
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

⟨1856⟩

ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел... Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
　　В сравненье с ним,
　　　　С лицом таким —
　　С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою —
Как муж, и я туда попал.
Там, руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим!..
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
　　В сравненье с ним,
　　　　С лицом таким —
　　С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:

Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит...
«Что вы всё дома... без движенья?..
Вам нужен воздух...» — говорит.
— «Погода, граф, весьма дурная...»
— «Да мы карету вам дадим!»
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:
Шампанское лилось рекой...
Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал —
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!

Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...
Граф, говорю, приобретая...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
    В сравненье с ним,
        С лицом таким —
    С его сиятельством самим!

⟨1856⟩

СЛЕПАЯ МАТЬ

За шитье садись-ка!
Да прилежней шить;
Локоть будет близко —
Да не укусить!
Милый для вострухи
Хорошо поет —
А слепой старухи
Нет — не проведет!
Им позволь немножко...
Стой! Куда идешь?
Отворять окошко? —
Лиза, ты не шьешь.

Душно стало?.. Сказки!
Вовсе не к тому:
Ты в окошко глазки
Делаешь ему.
Я небось сварлива —
Эх! И я была
Смолоду красива;
Все сама прошла...
С этою работой
Горе наживешь...
Там у двери кто-то? —
Лиза, ты не шьешь.

Ветром растворилась?
Ишь ведь чудеса!
А зачем явилась
Кость в зубах у пса?
Мать ведь всё смекает,
Даром что без глаз —
Ветер-то гуляет
В голове у вас!
Больно разгулялся...
Это что? Грабеж!
Поцелуй раздался! —
Лиза, ты не шьешь.

Что? пришла охота
Птичку целовать?
Не того полета!
Лиза, стыдно лгать.
Сладко целоваться
С милым голубком...
А над кем смеяться
Будет он потом?
Глупенькую жаль мне!
Стой! Куда идешь?
Что за шепот в спальне? —
Лиза, ты не шьешь.

Сон одолевает?
Знаю этот сон!
В сердце западает,
Кровь волнует он...
Всю охватит разом
Трепетом, огнем.
Отуманит разум...
Пропадешь потом!
Красоту размоет
Горьких слез ручей...
Сердце все изноет...
Лиза, Лиза, шей!

⟨1856⟩

ТРЕТИЙ МУЖ

Несчастная с двумя мужьями,
Я в руки третьего взяла.
Иван ворчит; но между нами
Как раз кончаются дела.
Чуть Ваня что-нибудь не так —
Я тотчас же ему колпак
    Надвину до ушей:
    — Молчи, мозгляк!
    Смотри, дурак,
Со мною рассуждать не смей!
    Ну, цыц! Грубьян!
    Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей!

Так, после свадьбы чрез полгода
Господь нам двойни даровал;
Ну, по обычаю народа,
Назначили крестины, бал...
Смотрю: буянит мой Иван,
Зачем с малютками улан!
Как?! Вы не цените людей!
    Так вот вы как!
    Да ты, дурак,
Благодарил бы за детей!
    Ну, цыц! Грубьян!
    Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

Я денег в долг дала улану;
Откуда ж бедному достать?
Не знаю, кто сказал Ивану, —
Смотрю: стал ящик запирать.
Дай денег. Говорит: украли.
Так вы с женой считаться стали?!
Дай ключ сюда от всех ключей!
Какой тут вор!
Да с этих пор
Копейки требовать не смей!
Ну, цыц! Грубьян!
Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

С уланом вечером сидела;
Вдруг ночью приезжает *мой!*
Служанки нет... ночное дело —
Не отворять же мне самой!
Прождал голубчик у ворот:
Не полуночничай вперед!
Промок, продрогнул до костей...
Так вы гулять?!
Вы ревновать?!
Я отучу вас от затей!
Ну, цыц! Грубьян!
Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

Была, я помню, перепалка!
Я и его поймала раз:
Федосья, старая кухарка,
Его прельстила с пьяных глаз...
Ее за талью он держал,
Ласкал ее... какой скандал!
Вы развращать моих людей?!
От вас вином
На целый дом
Разит... Ложитесь спать скорей!
Ну, цыц! Грубьян!
Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

Мы с ним воюем зачастую,
Но и миримся иногда.
Сама другой раз побалую:
Иван, скажу, поди сюда!
Не дуться! Полно! Вас зовут!
Сюда! Вот так. Садитесь тут.
Иван, целуй меня, живей!
    Еще, дружок...
    Еще разок,
Еще, еще! Нежней! Нежней...
    Ну, цыц! Грубьян!
    Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

⟨1856⟩

УМЕРЕННОСТЬ

Чтобы не знать отравы пресыщенья,
Друзья мои, примите мой совет:
Умеренно вкушайте наслажденья;
Где крайности — там наслажденья нет.
От благ мирских мы здесь не оберемся:
Вино, друзья и трезвые слова!..
Чтоб их продлить, друзья мои, сперва
По рюмочке, по рюмочке пройдемся.

Мы весело свой век должны прожить,
Но тратиться нельзя неосторожно;
И главное: не должно пьяным быть,
А на́веселе, на́веселе можно...
С похмелья нам не красен божий свет,
Мы на людей, на жизнь глядим сурово.
В излишестве — здоровью страшный вред;
По рюмочке, по рюмочке — здорово.

Одни глупцы, постыдно унывая,
От неудач, как воду, слезы льют.
Пусть мы бедны! Надежда золотая
И в рюмочке найдет себе приют.
Богатые! Раздолья меру знайте:
Пусть доля вам блестящая дана;
Чтоб не забыть свой долг в парах вина —
По рюмочке, по рюмочке глотайте.

— По рюмочке, по рюмочке! Ну, так!
Нахмурилась и дуется Жаннета:
И перед ней рисуется бедняк,
За рюмочкой сидящий до рассвета.
— Ах, милый друг! Огонь в твоей крови;
Накинешься — как раз его потушишь!
Но воздержись — и лучший сок любви
По рюмочке, по рюмочке осушишь!

Так, рюмочку за рюмочкой глотая,
Мы весело путь жизненный пройдем,
И весело припомним, умирая,
Что мы всегда дурачились с умом.
От благ мирских до смерти не отстанем!
Вино, любовь, здоровье нам дано:
И мы любовь, здоровье и вино
По рюмочке, по рюмочке протянем.

⟨1856⟩

ТОСКА ПО РОДИНЕ

«В Париж, пастух, в Париж! Ты молод, —
вы сказали, —
Отдайся склонностям любимым и мечтам;
Познанья, золото и роскошь побеждали
Любовь к родным полям».
Но здесь рассеялись мечтанья золотые;
Морщины у меня прорезались на лбу...
Отдайте мне поля мои родные,
Мой лес, мою избу!

Вы мой развили ум, вы дали мне дар слова,
Искусства унесли меня за облака;
Но мне здесь холодно, здесь тяготит больного
По родине тоска.
На ваших женщинах наряды дорогие,
Но на пирах у вас блуждаю я как тень.
Отдайте мне поля мои родные
И наш воскресный день!

Мы жалки, мы смешны, мы дети перед вами,
С своими сказками и песнями отцов;
Блеск вашей оперы смутил бы чудесами
Крестьянских колдунов.
Я слышал ваш концерт: в нем гимны неземные
Крылатых жителей заоблачной страны.
Отдайте мне поля мои родные
И песни старины!

Мне грустно самому смотреть на избы наши,
На церковь бедную из почернелых плит;
Здесь высятся дворцы, один другого краше,
Здесь мрамор и гранит;
В лучах заката здесь чертоги золотые
Воздушным призраком являются очам.
Отдайте мне поля мои родные
И деревенский храм!

Я вяну с каждым днем, я ночью, засыпая,
Страшусь, чтоб родину во сне не увидать:
Там воет верный пес, там ждет меня, рыдая,
Моя больная мать,
Стада, мои стада терзают волки злые,
Избушку бедную разрушила метель...
Отдайте мне поля мои родные,
Мой посох и свирель!

Что слышу я? Сбылись мои ночные грезы!
«Ступай, пастух, ступай! — вы говорите мне. —
Пусть солнце светлое твои осушит слезы
В родимой стороне».
Прости, волшебный край! Пускай толпы иные
На чудеса твои бегут со всех сторон, —
Увижу снова я поля мои родные,
Избу, где я рожден!

⟨1856⟩

ТРИНАДЦАТЬ ЗА СТОЛОМ

Тринадцать нас — и соль передо мною
Просыпана за праздничным столом...
Дурной приметой, цифрой роковою
Смущенные, мы смерть на праздник ждем.
И вот вошла: дух, фея иль богиня, —
Но молода, прекрасна и стройна...
Привет тебе, незваная! Отныне,
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

Венчанное душистыми цветами,
Чело ее горит сияньем дня;
Она гремит разбитыми цепями;
На грудь ее головку наклоня,
В руках ее лежит малютка спящий...
Друзья мои, налейте мне вина!
Я слышу голос, ласково звучащий...
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

«За что меня боитесь вы — не знаю:
Я неба дочь; чем страшен образ мой?
Я узнику свободу возвращаю
С Надеждою, моей родной сестрой.
Без крыльев здесь на долгие томленья
Душа твоя судьбой обречена —
Я возвращу ей крылья для паренья...»
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

«Предстану я — и, мир почуяв новый,
Твой смелый дух обрящет свой полет
И, тленные расторгнувши оковы,
Превыше звезд, в предел любви вспорхнет.
Теперь вкушай земное наслажденье:
Вам на любовь, на радость жизнь дана,
Как светлое пред утром сновиденье...»
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

Мой призрак скрылся без следа, без шума...
И пес дворовый жалобно завыл...
Друзья, зачем мучительная дума!
Не убоимся холода могил!
Пусть к пристани последней увлекает
Любой челнок всесильная волна —
Тринадцать нас: нас божий перст считает.
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

⟨1856⟩

ПТИЧКА

В самой страсти цепь привычки
Я с трудом ношу —
И на крылья вольной птички
С завистью гляжу.
Сколько воздуха, простора,
Недоступного для взора,
Свод небес открыл!
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Завещала б Филомела
Тайну звуков мне;
Птичка б весело запела
В дикой стороне,
Где пустынник, в чаще бора,
Не спуская с неба взора,
Братьев не забыл...
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Знойной страстью бы гремели
Песни по полям;
Поселяне бы хмелели
В честь красавиц там.
Я бы с неба в дни раздора
Всем несчастным без разбора

В звуках радость лил.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Огласил бы казематы
Звонкий голос мой,
И, мечтаньями объятый
О стране родной,
Накануне приговора
Хоть на миг бы цепь позора
Узник позабыл.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Чуя в воздухе страданья
И потоки слез,
Я бы на берег изгнанья
Мира ветвь принес.
Царь Саул бы в звуках хора
Дух унынья и раздора
И свой гнев забыл.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Только злых не усладил бы
Пеньем никогда,
Разве птичку подстрелил бы
Бог любви; тогда,
Покорясь ему без спора,
Я на зов родного взора,
Из последних сил,
Полетел бы скоро-скоро,
Если б птичкой был.

⟨1856⟩

СЛЕПОЙ НИЩИЙ

Из села в село бредет
Старый нищий, ковыляя,
И, по струнам ударяя,
Слабым голосом поет:
— У народа молодого,
У честных прошу людей:
Бросьте несколько грошей!
(И дают ему без слова!)
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходит с девочкой слепой;
Шумный праздник в околотке:
— Веселитеся, красотки,
В пляске резвой и живой!
Ради друга дорогого
Молодых прошу парней:
Бросьте несколько грошей —
Я за парня слыл лихого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

В темной роще, слышит он,
Поцелуй звучит украдкой:
— Ах, — поет он, — здесь так сладко,
Здесь любовь со всех сторон!
Вспомнил я грешки былого...

Смех, как взглянешь на мужей!
Бросьте несколько грошей
Ради мужа отставного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходят девушки толпой,
Раздается смех беспечный:
— Ах, — поет, — любите вечно
И цветите красотой!
Оттолкнет меня сурово
Целомудрие ханжей.
Бросьте несколько грошей —
Вы характера иного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

К разгулявшимся жнецам
Подойдет, напоминая,
Что и в годы урожая
Жатвы нету беднякам.
— Вам небось от золотого
Винограда веселей?
Бросьте несколько грошей —
Так и я хвачу простого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

У солдат ли пир горой —
Кружки двигаются живо:
— Я ведь тоже был служивый, —
Говорит старик слепой, —
И теперь душа готова,
Кабы годы-то с костей!
Бросьте несколько грошей —
В память славного былого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Он канючить не пойдет
В позлащенные чертоги,

А в селеньях, по дороге,
Где повадне́е, поет,
Где рука подать готова,
Там поет он веселей:
Бросьте несколько грошей!
Счастья нет для сердца злого...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

‹1856›

ЛУЧШИЙ ЖРЕБИЙ

На зло фортуне самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы к ногам моей прекрасной,
Моей Жаннеты, положить.
Тогда я все земные блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидетель бог, что я не скряга —
Но я люблю, люблю, люблю!

Сойди ко мне восторг поэта —
И отдаленнейшим векам
Я имя милое: Жаннета
С своей любовью передам.
И в звуках, слаще поцелуя,
Все тайны страсти уловлю:
Бог видит, славы не ищу я —
Но я люблю, люблю, люблю!

Укрась чело мое корона —
Не возгоржусь нисколько я,
И будет украшеньем трона
Жаннета резвая моя.
Под обаяньем жгучей страсти
Я все права ей уступлю...
Ведь я не домогаюсь власти —
Но я люблю, люблю, люблю!

Зачем пустые обольщенья?
К чему я призраки ловлю?
Она в минуту увлеченья
Сама сказала мне: люблю.
Нет! лучший жребий невозможен!
Я полон счастием моим:
Пускай я беден, слаб, ничтожен,
Но я любим, любим, любим!

⟨1856⟩

ДОБРАЯ ФЕЯ

Некогда, милые дети,
Фея Урганда жила,
Маленькой палочкой в свете
Делав большие дела.
Только махнет ею — мигом
Счастье прольется везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Ростом — вершок с половиной;
Только когда с облаков
Фею в коляске сапфирной
Восемь везли мотыльков —
Зрел виноград по долинам,
Жатвы виднелись везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Царь был ей крестник; заботы
Царства лежали на ней —
Ну, и министров отчеты
Были, конечно, верней:
Средств не имелось к поживам
Рыбкою в мутной воде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Перед зерцалом глядела
Фея в судейский устав.
Бедный выигрывал дело,
Если по делу был прав;
Плут, не спасаясь и чином,
Назван был плутом в суде —
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Матерью крестной хранимый,
Царь был примером царям;
Сильным народом любимый,
Страшен заморским врагам.
Фею с ее крестным сыном
Благословляли везде...
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Добрая фея пропала...
Где она — нет и следа:
Плохо в Америке стало —
В Азии плохо всегда.
Нас в нашем царстве орлином
Холят, как птичек в гнезде...
Все-таки, фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

⟨1856⟩

КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ

(Басня)

Шел некогда корабль из Африки далекой —
На рынок негров вез британец-капитан;
Бессильных жертв, как мух, давил удел жестокий,
И их десятками валили в океан.
Вот, дело-то смекнув, стал капитан лукавить:
— Чего вы хнычете? не били вас давно!..
Постойте, — говорит, — вас надо позабавить:
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Сейчас на палубе театр соорудили...
Известно: ширмочки и больше ничего.
Петрушку буйного бесчинствовать пустили —
А этот рассмешить способен хоть кого!
Ну, негры в первый раз спектаклем наслаждались.
Сначала хлопали глазами — мудрено!
Потом улыбочки на лицах показались...
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Одну комедию играют куклы вечно:
К Петрушке будочник откуда ни явись,
Петрушка бить его, избил его, конечно, —
И страж спокойствия за ширмами повис.
Ну, тут уж черные до слез расхохотались
(Ведь смысл комедии понять немудрено).
Забыли, что навек с отечеством расстались...
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Черт вызвал их любовь своею чернотою:
Глаза уставили и навострили слух;
Как взял Петрушку он, да как увлек с собою —
От наслаждения у негров замер дух.
Смеясь и радуясь, что хоть в пустой забаве
Над белым *черному* торжествовать дано,
Несчастные, в цепях, задумались о славе...
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Так умный капитан смешил их всю дорогу,
Пока в Америку на рынок не привез
И там не продал их. Благодаренье богу,
Что дело обошлось без палок и без слез.
Я назвал баснею; теперь бы наставленье...
Да этой басни смысл понять немудрено...
Вы многим бы вещам хотели объясненья —
Довольно кукол с вас — смотрите, как смешно.

⟨1856⟩

ВИНО И КОКЕТКА

Друзья, есть пара глаз! Как тень моя, за мною
 Неотразимые следят;
Но не поддамся им — хоть и поддамся, скрою
 И обману их взгляд!
Кокетка, власть твоя была бы неизбежна,
Но хмель возносится над розами всегда...
Ах, пусть не ведает, как сердце это нежно,
 А то беда, беда!

Пусть хороша она; я чувств моих избыток
 И сердце отдаю друзьям;
Поем, смеемся, пьем целительный напиток,
 Налитый дружбой нам.
Венчайте же плющом и миртой белоснежной
Мой лоб, зардевшийся от страстного стыда...
Ах, пусть не ведает, как сердце это нежно,
 А то беда, беда!

Довольно я терпел! перехожу под знамя
 Не признающих власть любви;
Смеюсь за чашею — и да погаснет пламя,
 Возникшее в крови!
Пускай Эрот, в борьбе неравной, безнадежной,
У Вакха свой колчан оставит навсегда.
Ах, пусть не ведает, как сердце это нежно,
 А то беда, беда!

Но, видно, бог любви из виноградной лозы,
Смеясь, мне выжал этот сок:
Я все еще люблю; в стакан роняю слезы...
Бледнею... изнемог...
Бежать хочу, бежать... но пар вина мятежный
Мне ноги оковал — ни шагу, никуда!
Кокетка видела, как сердце это нежно...
Беда грозит, беда!

⟨1856⟩

ПОРТНОЙ И ВОЛШЕБНИЦА

В Париже, нищетой и роскошью богатом,
Жил некогда портной, мой бедный старый дед;
У деда в тысячу семьсот восьмидесятом
Году впервые я увидел белый свет.
Орфея колыбель моя не предвещала:
В ней не было цветов... Вбежав на детский крик,
Безмолвно отступил смутившийся старик:
Волшебница в руках меня держала..,
И усмиряло ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

В смущенье дедушка спросил ее тогда:
«Скажи, какой удел ребенка в этом мире?»
Она в ответ ему: «Мой жезл над ним всегда.
Смотри: вот мальчиком он бегает в трактире,
Вот в типографии, в конторе он сидит...
Но, чу! Над ним удар проносится громовый
Еще в младенчестве... Он для борьбы суровой
Рожден... но бог его для родины хранит...»
И усмиряло ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

«Но вот пришла пора: на лире наслажденья
Любовь и молодость он весело поет;
Под кровлю бедного он вносит примиренье,
Унынью богача забвенье он дает.

И вдруг погибло все: свобода, слава, гений!
И песнь его звучит народною тоской...
Так в пристани рыбак рассказ своих крушений
Передает толпе, испуганной грозой...»
    И усмиряло ласковое пенье
    Мой первый крик и первое смятенье.

«Всё песни будет петь! Не много в этом толку! —
Сказал, задумавшись, мой дедушка-портной. —
Уж лучше день и ночь держать в руках иголку,
Чем без следа пропасть, как эхо, звук пустой...»
— «Но этот звук пустой — народное сознанье! —
В ответ волшебница. — Он будет петь грозу,
И нищий в хижине и сосланный в изгнанье
Над песнями прольют отрадную слезу...»
    И усмиряло ласковое пенье
    Мой первый крик и первое смятенье.

Вчера моей душой унынье овладело,
И вдруг глазам моим предстал знакомый лик.
«В твоем венке цветов не много уцелело, —
Сказала мне она, — ты сам теперь старик.
Как путнику мираж является в пустыне,
Так память о былом отрада стариков.
Смотри, твои друзья к тебе собрались ныне —
Ты не умрешь для них и будущих веков...»
    И усмирило ласковое пенье,
    Как некогда, души моей смятенье.

⟨1857⟩

МОЁ ПРИЗВАНИЕ

На произвол судьбы
Я брошен в мир, бездомный,
От горя, от борьбы
Ничем не огражденный...
И на тяжелый вздох,
На первый ропот мой —
«Пой! — провещал мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Мне наглым блеском жжет
Глаза богач спесивый,
Гнетет меня, гнетет
Вельможа горделивый.
И злоба и порок
Кишат передо мной...
«Пой! — говорит мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Страшася злой нужды,
Я выбрал жребий скромный
И выносил труды
Обязанности темной;
В оковах изнемог,
Измученный, больной...
«Пой! — говорил мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Любовь меня от зла
Когда-то охраняла,
Но молодость прошла,
И с ней любовь пропала;
Теперь — лежу у ног
Красавицы с тоской...
«Пой! — говорит мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Так в песнях золотых
Я буду жить для света —
И тот, кто любит их,
Тот любит и поэта.
Сомкнись, друзей кружок,
За чашей пировой —
Да возвестит мне бог:
«Бедняжка, пой!»

⟨1857⟩

БЕДНЫЙ ЧУДАК

Всем пасынкам природы
  Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
  Бедняга-весельчак.
Всю жизнь прожить не плача,
  Хоть жизнь куда горька...
Ой ли! Вот вся задача
  Бедняги-чудака.

Наследственной шляпенки
  Пред знатью не ломать,
Подарочек девчонки —
  Цветы в нее вплетать,
В шинельке ночью лежа,
  Днем — пух смахнул слегка!
Ой ли! Вот вся одёжа
  Бедняги-чудака.

Два стула, стол трехногий,
  Стакан, постель в углу,
Тюфяк на ней убогий,
  Гитара на полу,
Швеи изображенье,
  Шкатулка без замка...
Ой ли! Вот все именье
  Бедняги-чудака.

Из папки ребятишкам
Вырезывать коньков,
Искать по старым книжкам
Весёленьких стишков,
Плясать — да так, чтоб скука
Бежала с чердака, —
Ой ли! Вот вся наука
Бедняги-чудака.

Чтоб каждую минуту
Любовью освятить —
В красавицу Анюту
Всю душу положить,
Смотреть спокойным глазом
На роскошь... свысока...
Ой ли! Вот глупый разум
Бедняги-чудака.

«Как стану умирать я,
Да не вменят мне в грех
Ни бог, ни люди-братья
Мой добродушный смех;
Не будет нареканья
Над гробом бедняка».
Ой ли! Вот упованья
Бедняги-чудака.

Ты, бедный, — ослепленный
Богатствами других,
И ты, богач, — согбенный
Под ношей благ земных, —
Вы ропщете... Хотите,
Чтоб жизнь была легка?
Ой ли! Пример берите
С бедняги-чудака.

⟨1857⟩

СТАРЫЙ БРОДЯГА

Яма эта будет мне могилой.
Умираю немощный и хилый...
Здесь толпа беспечная пройдет;
Скажут: пьян, должно быть с горя, бедный!
Кто добрее, грош мне бросит медный
И глаза, краснея, отвернет...
Что жалеть? Венчайтеся цветами!
А бродяга старый в этой яме
Без участья вашего умрет.

Уходили горе, старость, злоба
И шатанье впроголодь до гроба!..
Целый год мечтал я об одном:
Умереть бы только на постели —
Нет больницы, где б меня призрели...
Говорят: наполнены битком.
Все народ счастливый приютился!
Под открытым небом, как родился,
И уснет бродяга вечным сном.

Прокормиться думал я трудами,
Я просил работы со слезами —
Да просил не в добрый, видно, час:
Никуда бездомного не взяли!
Из окошек кости мне бросали,
И, как пес, я их глодал не раз,

В конурах, в конюшнях засыпая, —
И бродяга старый, умирая,
Богачи, не проклинает вас.

Воровать и грабить приходилось...
Да на сердце совесть шевелилась.
А соблазн, соблазн со всех сторон!
И пошел канючить, по дороге
Попадая в тюрьмы да в остроги...
Двадцать раз, никак, был заключен!
Наглотался я казенной пищи!
Солнце всем сияет; старый нищий
Даже солнца светлого лишен.

Разве есть отчизна у бездомных?
Что мне в ваших фабриках огромных,
В тучных нивах, в блеске городов?
В пышных храмах, в важных заседаньях,
В громкой славе вашей и в собраньях
Краснобаев ваших и льстецов?
А ваш город занят был врагами —
Заливался глупыми слезами
Нищий, сытый — от руки врагов.

Червь зловредный — я вас беспокою?
Раздавите гадину ногою.
Что жалеть — приплюсните скорей!
Отчего меня вы не учили?
Не дали исхода дикой силе:
Вышел бы из червя муравей.
Я бы умер, братьев обнимая...
А бродягой старым умирая,
Призываю мщенье на людей!

⟨1857⟩

«НЕТ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТА»

Как, Лизета, ты —
В тканях, шелком шитых?
Жемчуг и цветы
В локонах завитых?

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Кони у крыльца
Ждут Лизету ныне;
Самый цвет лица
Куплен в магазине!..

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Залы в зеркалах,
В спальне роскошь тоже —
В дорогих коврах
И на мягком ложе.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.

Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты блестишь умом,
Потупляешь глазки —
Как товар лицом,
Продавая ласки.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты цветком цвела,
Пела вольной птицей,
Но тогда была
Бедной мастерицей.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Как дитя проста,
Сердца не стесняя,
Ты была чиста,
Даже изменяя...

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Но старик купил
Сам себе презренье
И — позолотил
Призрак наслажденья.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Скрылся светлый бог
В невозвратной дали...
Он швею берег —
Вы графиней стали.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

⟨1857⟩

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ

В надутом чванстве жизни чинной
Находят многие смешным
Обычай чокаться старинный;
Что свято нам — забавно им!
Нам это чванство не пристало —
Друзья, мы попросту живем;
Нас тешит чоканье бокала.
Мы дружно пьем,
И все кругом,
Чтоб выпить, чокнемся сначала
И пьем, чтоб чокаться потом.

В пирах отцы и деды наши
Златым не кланялись тельцам —
И дребезжанье хрупкой чаши
Уподобляли их судьбам;
Веселость жажду возбуждала
У них за праздничным столом,
Рукой их дружба подымала
Бокал с вином,
И все кругом,
Чтоб выпить, чокались сначала
И просто чокались потом.

Любовь, как гостья неземная,
Гнала задумчивость с лица

И, вместе с Вакхом охмеляя,
Сдвигала чаши и сердца;
Да и красавица, бывало,
Привстав с сияющим лицом,
Над головою подымала
Бокал с вином,
Чтобы кругом
Со всеми чокнуться сначала
И пить, чтоб чокаться потом.

Где пьют насильно, ради тоста,
Там пьют едва ли веселей —
Мы пьем, чтоб чокаться, и просто
Пьем за здоровие друзей.
Но горе тем, в ком мрачность взгляда
Изгнала дружбу без следа;
Она — несчастного отрада,
Его звезда,
Среди труда,
Чтоб выпить, чокнется — и рада
Пить, чтобы чокаться всегда.

⟨1857⟩

ЛИЗА

Не дорожа своей весною,
Вы мне дарите свой расцвет:
Дитя мое, ведь надо мною
Лежит, как туча, сорок лет.
В былые дни от поцелуя
Простой швеи я счастлив был...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

В карете пара вороная
Вас мчит в наряде дорогом,
А Лиза, юностью пленяя,
Ходила, бедная, пешком.
К ее глазам весь свет ревнуя,
За ними зорко я следил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Здесь в позлащенные карнизы
Громады высятся зеркал;
Дрянное зеркальце у Лизы
Я граций зеркалом считал;
Без занавес постель простую
Луч солнца утром золотил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Поэтам лучшие созданья
Вы взглядом можете внушать;
А Лиза — знаков препинанья,
Бедняжка, не могла понять;
Но бог любви, ей грудь волнуя,
Любить без слов ее учил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Вы лучше Лизы, вы умнее,
В вас даже больше доброты;
Она теряется, бледнея
В сиянье вашей красоты;
Но к ней влекли меня, чаруя,
Мой юный жар, избыток сил —
И уж любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил.

⟨1857⟩

ПЕСНЬ ТРУДА

Слава святому труду!
  Бедность и труд
  Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

  На неподкупленной лире
  Громкую славу споем
  Тем, кто живет в этом мире
    Честным трудом.

Слава святому труду!
  Бедность и труд
  Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

  Жизни веселой наука
  Не тяжела для простых...
  Братья мои, вам порука —
    В песнях моих.

Слава святому труду!
  Бедность и труд
  Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бедность несла для примера
В древности мудрость сама;
Вызвали песни Гомера —
Посох, сума.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Доле блестящей, великой
Тяжкий бывает конец;
В бочке, с всемирным владыкой
Спорил мудрец.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Средь раззолоченных клеток
Веет уныньем пустынь;
Лучше уж есть без салфеток,
Спать без простынь!

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бог легкокрылый порхает
Там, где не видит оков:
Полной хозяйкой влетает
К бедным любовь.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,

С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Дружба не знается с злыми;
Но в кабаке, где вино
Тянут служивые, — с ними
Пьет заодно.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

‹1857›

БАБУШКА

Старушка под хмельком призналась,
Качая дряхлой головой:
«Как молодежь-то увивалась
В былые дни за мной!

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Как, бабушка, ты позволяла?»
— «Э, детки! Красоте своей
В пятнадцать лет я цену знала —
И не спала ночей...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Ты, бабушка, сама влюблялась?»
— «На что же бог мне сердце дал?
Я скоро милого дождалась,
И он недолго ждал...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?

Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Ты нежно, бабушка, любила?»
— «Уж как нежна бывала с ним,
Но чаще время проводила —
Еще нежней с другим...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «С другим, родная, не краснея?»
— «Из них был каждый не дурак,
Но я, я их была умнее,
Вступив в законный брак.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «А страшно мужа было встретить?»
— «Уж больно был в меня влюблен;
Ведь мог бы многое заметить —
Да не заметил он.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «А мужу вы не изменяли?»
— «Ну, как подчас не быть греху!
Но я и батюшке едва ли
Откроюсь на духу.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Вы мужа наконец лишились?»
— «Да, хоть не нов уже был храм,
Кумиру жертвы приносились
Еще усердней там.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Нам жить ли так, как вы прожили?»
— «Э, детки! женский наш удел!..
Уж если бабушки шалили —
Так вам и бог велел.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

⟨1857⟩

ГРОЗА

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

Книги скорей по шкапам!
В поле из комнаты душной!
Мальчики, девочки... Гам,
Песни и смех простодушный...
Пусть все притихло кругом,
Мрачной исполнясь тоски;
Пусть собирается гром!
Дети, сплетайте венки.

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

Грозно молчание мглы...
В воду попрятались рыбки.
Птички молчат... Но светлы
Детские ваши улыбки.

Светел и верен ваш взгляд:
После не страшных вам бурь
Ваши глаза отразят
Ясного неба лазурь.

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

Жребий нам выпал дурной;
Но мы за правду стояли:
Мстили одною рукой,
Цепи другою срывали.
И с колесницы побед
Пали, не сдавшись врагам,
Но изумившую свет
Славу оставили вам.

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

В черный родились вы час!
Враг в свои медные горны
Первый приветствовал вас
Днем нашей участи черной;
Отозвалися на зов
Средь разоренных полей
Вместе с слезами отцов
Первые крики детей.

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

Лучших из ряда бойцов
Вырвала храбрых могила;
Над головами отцов
Буря детей просветила:
    Пусть испытанья отцам!
    Дети, господь вас хранит!
    Нива грядущего вам
    Лучшую жатву сулит.

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

Дети, гроза все слышней...
Гнев приближается Рока...
Рок, не пугая детей,
Взрослых страшит издалека...
    Если я гибну певцом
    Бедствий народных и слез,
    Гроб мой украсьте венком,
    Вами сплетенным из роз.

Пойте, резвитеся, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитеся, дети!

⟨1857⟩

РАЗБИТАЯ СКРИПКА

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

Здесь вражий пир вчера справлялся;
Один надменно говорил:
«Играй, старик» — я отказался...
Он скрипку мне разбил.

Веселье, пляски — все разбито!
Кто здесь теперь возбудит вновь
Беспечный говор, смех забытый?
Кто вызовет любовь?

Ведь эти струны возвещали
Счастливцу ясную зарю,
Когда невесту снаряжали
Родные к алтарю.

Ведь здесь, под этими струнами,
Дрожала вечером земля;
От них расправились бы сами
Морщины короля.

И что ж? за песни нашей славы,
Наследье дедов и отцов —

Над ней свершился суд неправый
И злая месть врагов.

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

Пошлет ли бог благословенье
На труд, без песен начатой?
Как длинно будет воскресенье,
День отдыха святой!

Как в сказках палочка простая
В руках у феи — мой смычок
Был силен, бедных утешая
Везде, где только мог.

Носился смех, блистали взоры,
Когда по струнам он порхал,
И холод, подати, наборы
Бедняк позабывал.

Теперь — вся ненависть поднята...
Воскресла злоба прежних лет:
Давайте ж мне ружье солдата,
Когда уж скрипки нет!

Пойду на смерть с народной славой,
Да скажут внуки обо мне:
Он не хотел, чтоб враг лукавый
Плясал в родной стране.

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

⟨1857⟩

ПЛАЧУЩИЙ МУЖ

Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Избавь ее от ада
В день страшного суда;
Ей *там* блаженство надо...
Чтоб не пришла *сюда*.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Увы! Ничто не вечно!
Мое блаженство с ней
Казалось бесконечно...
В течение трех дней.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Подчас она хитрила
(Нельзя же без того!),
Но искренно любила...

Соседа моего.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

И, с жизнью расставаясь,
Холодная к другим,
Заплакала, прощаясь...
С любовником своим.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Едва ли я сумею
Несчастье пережить...
Нет! Нет! Пойду за нею...
Зарыть ее! Зарыть!
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

⟨1857⟩

НАВУХОДОНОСОР

1

В давно минувшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка;
Оно для древних было ново.
Но льстили точно так же встарь
И так же пел придворных хор:
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

2

«Наш царь бодается, так что ж,
И мы топтать народ здоровы, —
Решил совет седых вельмож. —
Да здравствуют рога царевы!
Да и в Египте, государь,
Бык божество с давнишних пор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!»

3

Державный бык коренья жрет,
Ему вода речная — пойло.
Как трезво царь себя ведет!

Поэт воспел царево стойло.
И над поэмой государь,
Мыча, уставил мутный взор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

4

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной,
Что из сердец ему алтарь
Воздвиг народный приговор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

5

Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,
Но под ярмо жрецов попал
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь
За приговором приговор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

6

Тогда не вытерпел народ,
Царя избрал себе другого.
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного.
Как злы-то люди были встарь!
Придворным-то какой позор!
Был съеден *незабвенный* царь
Навуходоносор!

7

Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышенной —
Да и цензурный комитет
Ее одобрит непременно;
А впрочем, слово «государь»
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь
Навуходоносор!

1855—1858

УРОК

«Я читал когда-то, где — уж теперь не припомню (говорит Беранже в выноске к этому стихотворению), рассказ путешественника, видевшего Канари, который выходил из школы вместе с маленькими греками, учениками; как дети, он нес книги подмышкою. Герой учился читать, не стыдясь. Счастлива страна, где не краснеют, поступая честно! Да наградит бог прямодушие и скромность великого гражданина!»

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят,
Весь седой, ворчун-старик,
Отставной солдат.
— Я согнулся, я уж слаб,
А виды видал!
Унтер не был бы, когда б
Грамоте не знал!
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня ль в саду цветок
Насадил я каждый сам,
И из тех цветов венок
Грамотному дам.
Битый — правду говорит
Молвь людей простых —
Стоит двух, кто не был бит,
Грамотей — троих.

Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Митя, видишь карандаш?
За моей следи рукой:
Это *иже*, а не *наш;*
Экой срам какой!
Да, прислушайте: с полком
В Греции я был,
В двадцать, значит... а в каком,
Значит, позабыл.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Отстояли мы друзей!
Раз, иду себе один,
Вижу — школа для детей
У ворот Афин.
В школе учится моряк,
Детям не под стать;
Я взглянул — и как дурак
Начал хохотать.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Но учитель мне сказал:
«Ты глупей ребенка сам:
Ты героя осмеял,
Страшного врагам.
Он за греков мстил — пред ним
Трепетал султан,
И упал, сожжен живым,
Вражий капитан».
Дружно дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

«Гордость края моего —
Он, Кана́ри, — да!
В мире встретили его
    Горе и нужда;
Он, умея побеждать,
    Сел букварь учить,
Все затем, чтобы опять
    Греции служить!»
Дружно, дети! все зараз:
    Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Весь зардевшись, в стороне
Я в смущении стоял,
Но герой сжал руку мне,
    Слово мне сказал...
Мне послышался завет
    Бога самого:
«Знанье — вольность, знанье — свет;
    Рабство без него!»
Дружно, дети! все зараз:
    Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

⟨1858⟩

МОЯ ВЕСЕЛОСТЬ

Моя веселость улетела!
О, кто беглянку возвратит
Моей душе осиротелой —
Господь того благословит!
Старик, неверною забытый,
Сижу в пустынном уголке
Один — и дверь моя открыта
Бродящей по свету тоске...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она бы, резвая, ходила
За стариком, и в смертный час
Она глаза бы мне закрыла:
Я просветлел бы — и угас!
Ее приметы всем известны;
За взгляд ее, когда б я мог,
Я б отдал славы луч небесный...
Ко мне ее, в мой уголок!
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Ее припевы были новы,
Смиряли горе и вражду;
Их узник пел, забыв оковы,
Их пел бедняк, забыв нужду.
Она, моря переплывая,

Всегда свободна и смела,
Далеко от родного края
Надежду ссыльному несла.
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Зачем хотите мрак сомнений
Внушать доверчивым сердцам?
Служить добру обязан гений, —
Она советует певцам. —
Он как маяк, средь бурь манящий
Ветрила зорких кораблей;
Я червячок, в ночи блестящий,
Но эта ночь при мне светлей».
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она богатства презирала
И, оживляя круг друзей,
Порой лукаво рассуждала,
Порой смеялась без затей.
Мы ей беспечно предавались,
До слез смеялись всем кружком.
Умчался смех — в глазах остались
Одни лишь слезы о былом...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она восторг и страсти пламя
В сердцах вселяла молодых;
Безумцы были между нами,
Но не было меж нами злых.
Педанты к резвой были строги.
Бывало, взгляд ее один —
И мысль сверкнет без важной тоги
И мудрость взглянет без морщин...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Но мы, мы, славу изгоняя,
Богов из золота творим!»

Тебя, веселость, призывая,
Я не хочу поверить злым.
Без твоего живого взгляда
Немеет голос... ум бежит...
И догоревшая лампада
В могильном сумраке дрожит...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

⟨1858⟩

ПРОЩАНИЕ

Мудрость, вещая сивилла,
Уж не раз мне говорила:
Старику пора домой;
Вот твой посох, понемногу
Собирайся в путь-дорогу,
Песнь последнюю пропой;
И, простившись с белым светом,
Уходи к своим лизетам
На свиданье в край иной.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Мудрость снова шепчет строго:
Шестьдесят лет слишком много;
Рассчитаться срок настал.
Небо в тучах почернело,
Солнце жизни тихо село.—
Здесь последний твой привал.
Шаг нетвердый увлеченья —
И смотри, чтоб без движенья
На постель ты не упал.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Я спокоен, умирая:
Мир — квартира дорогая.
Мой укромный уголок,
Как он ни был мал и тесен,
Я купил ценою песен
И расплачивался в срок;
Жатвы сняв в полях и нивах,
Я из грез своих счастливых
Не один им сплел венок.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Из всего, чем сердце жило,
Память сердца сохранила
Только милые черты,
Нежный взор, да смех лукавый...
Нет, действительнее славы
Обаянье красоты!
На одре моих страданий
Тени милых мне созданий
Будят светлые мечты.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Чтó в лазури мне прозрачной?
Чтó в пучине этой мрачной,
Что волной о скалы бьет?

В сердце смолк ответ движенью.
Все — иному поколенью,
Все — для юности цветет!
А для живших наши лета
Эта грязная планета
Только кровью отдает.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Не горюй, друзья, прощаясь;
Небо падает, склоняясь
Над моею головой,
И уж ясно видеть стало,
Что наличных слишком мало
Кошелек содержит мой.
Но я полон упованья
Повторить вам: «До свиданья»,
Миновав предел земной.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

⟨1858⟩

РОЗАН

Ты в вазе хрустальной — ты в роскошь попал!
Мне жаль тебя, розан душистый.
Богатый, огнями сверкающий зал
Исполнен заразы нечистой.
В нем ладан клевет и продажных похвал
Чернит твой венец серебристый.
Мне жаль тебя, розан душистый!

От почвы родимой отторгнут и смят,
Ты золотом куплен всевластным.
Тщеславия жертва — весны аромат,
С расцветом, как молодость, ясным.
Служи богачу, как кумиру кадят
Жрецы величаньем согласным.
Ты золотом куплен всевластным!

При радужном блеске несметных огней
Увянешь ты, солнца лишенный.
Отживший богач довременных смертей
Не видит душой утомленной...
Бедняжка, красою поблекшей твоей
Не тронется взор его сонный —
Увянешь ты, солнца лишенный!

С толпою безличной поэт молодой
В волшебном, сверкающем зале

Прошел, благородной склонясь головой
Пред силой, сокрытой в металле.
И в гордой душе безобразной мечтой
Корысть и стяжание встали
В волшебном, сверкающем зале.

Его, как тебя, отравил этот яд.
Пошли, господь, солнца им снова!
Им воздуха нет, стены давят, теснят...
Спаси от нечестья мирского
Весенний расцвет и провидящий взгляд
С венцом из могучего слова, —
Дай, боже, им солнышка снова!

⟨1858⟩

СВЕРЧОК

В уголку, у камелька,
Где мечтаю я бесплодно,
Друг домашний, пой свободно
Под напевы старика.
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Одинаков наш удел:
Над тобой трунят ребята;
Я работника, солдата
Услаждал, когда я пел.
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Но боюсь, не дух ли злой
Скрыт в тебе, мой друг домашний,
Чтоб остаток старых шашней
Подсмотреть под сединой?
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Или феей с облаков
Ты подослан с повеленьем
Разузнать, каким стремленьем
Бьется сердце стариков?
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Или скрыт в моем сверчке
Бедный труженик, который
Дымом славы тешил взоры —
И погиб на чердаке?
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Всем, тщеславием влекомым,
Нужен он, хвалебный чад...
Боже! дай им что хотят —
Славы бедным насекомым...
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Цель страданий, цель трудов!
Мудрый — выше цели этой.
Счастлив тот, кто спас от света
Веру, песни и любовь.
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Славу зависть сторожит
И — война любимцам славы!
В мире тесно; люди правы:
Каждый местом дорожит.
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Пусть тревожный дух уймет
Эта истина простая:
Знаменитость, вырастая,
Независимость гнетет.
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

Будем песни петь свои —
Ты за печкой, я на стуле, —
И дай бог, чтоб мы уснули
Позабытые людьми.
    Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
    Позабудем обо всем.

1858

НЕТ БОЛЬШЕ ПЕСЕН

Нет больше песен — нет! К чему стремленье?
От старика искусство прочь бежит.
У новичка моложе вдохновенье,
И бойкий стих он ловче закруглит.
Когда с душой своей пред небесами
Я говорю один в тиши лесов,
Мне вторит эхо прозой, не стихами —
Бог не дает мне более стихов.

Бог не дает! Как осенью суровой
Поселянин в свой темный сад придет
И дерево сто раз осмотрит снова:
Авось на нем висит забытый плод;
Так я ищу, так я тревожусь ныне —
Но дерево мертво от холодов...
О, скольких нет плодов в моей корзине!
Бог не дает мне более стихов.

Бог не дает! Но все в душе тревога;
Тебя, народ, запуганный в борьбе,
Поднять хочу и слышу голос бога:
Народ, проснись! Венец готов тебе.
Когда ж, в душе почувствовав отвагу,
Я петь хочу — и, сбросив гнет годов,
Народ-дофин! вести тебя ко благу —
Бог не дает мне более стихов.

⟨1858⟩

ПРОСТИ!

Час близок. Франция, прости. Я умираю.
Возлюбленная мать, прости. Как звук святой,
Сберег до гроба я привет родному краю.
О! Мог ли так, как я, тебя любить другой?
Тебя в младенчестве я пел, читать не зная,
И, видя смерти серп над головой почти,
Я, в песне о тебе дыханье испуская,
Слезы, одной твоей слезы прошу. Прости!

Когда стонала ты в руках иноплеменных,
Под колесницами надменных королей,
Я рвал знамена их для ран твоих священных,
Чтоб боль твою унять, я расточал елей.
В твоем падении заря зажглась — и время
Благословения племен должно прийти,
Затем что брошено твоею мыслью семя
Для жатвы равенства грядущего. Прости!

Я вижу уж себя зарытого, в гробнице.
Кого любил я здесь, о! будь защитой их,
Отчизна, вот твой долг пред бедной голубицей,
Не тронувшей зерна на пажитях твоих!
Чтобы к сынам твоим с мольбой дошел мой пламень —
Удерживая смерть на пройденном пути,
Своей гробницы я приподымаю камень.
Рука изнемогла. Он падает. Прости!

⟨1858⟩

МАРКИЗ ДЕ КАРАБА

Из чужбины дальной
В замок феодальный
Едет — трюх-трюх-трюх —
На кобылке сивой
Наш маркиз спесивый,
Наш отец и друг.
Машет саблей длинной,
Но в крови невинной...
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Слушать, поселяне!
К вам — невеждам, дряни
Сам держу я речь!
Я — опора трона;
Царству оборона
Мой дворянский меч.
Гнев мой возгорится —
И король смирится!
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!
Говорят, бездельник
Слух пустил, что мельник
Жизнь мне подарил.

Я зажму вам глотки!
Сам Пипин Короткий
Нашим предком был.
Отыщу в законе —
Сяду сам на троне...
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Я, как за стеною,
За своей женою
При дворе силен.
Сын достигнет быстро
Звания министра;
Младший... тот хмелен...
Трусоват... глупенек...
Но жена даст денег.
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Не люблю стесненья!
Подати с именья —
Знать их не хочу!
Облечен дворянством,
Государству чванством
Я свой долг плачу.
Местное начальство
Усмирит нахальство...
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

А! Другое дело:
Чернь — топчите смело,
Но делиться — чур!
Нам одним охота
И цветки почета
Деревенских дур.

Свято и едино
Право господина.
    Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
    Ах ты наш отец!

Кресло в божьем храме
Перед алтарями
    Выставляйте мне.
Мне — почет и слава,
Чтоб дворянства право,
    Свято и вполне,
В этом блеске громком
Перешло к потомкам.
    Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
    Ах ты наш отец!

⟨1858⟩

СЛАВА БОГУ — Я ЖИВ И ЗДОРОВ

Когда ко мне скука ползет, как змея,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Когда ж наслажденье сойдет с облаков
И манит венком благодатных даров —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Пусть скряга звонит своим золотом — я...
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Для звона стаканов, в тумане паров,
С хорошим вином всех возможных сортов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Когда мне попалась педанта статья —
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Когда же при мне, без напыщенных слов,
Читают строфу задушевных стихов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

На званом обеде, где графы, князья...
Справляйте поминки: я умер, друзья!

В пирушке с друзьями старинных годов,
В чинах небольших и совсем без чинов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Когда от ханжей дремлет мудрость моя,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но если усну, среди буйных голов,
На милых мне персях — от Вакха даров —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Про битвы и драки услышу ли я —
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но с Лизой вдвоем, не считая часов,
До утренних с нею играть петухов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Угасну для песен, любви и питья,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но с милой, с друзьями, в тумане паров,
Покуда для песен есть несколько слов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

1859

ДУРНОЕ ВИНО

Будь благословенно, скверное вино!
Не опасно вовсе для меня оно.
Пусть льстецы, съедая даровой обед,
Восхваляют громко тонкий твой букет;
Будь благословенно: я тебя не пью —
Лишь цветы тарелки я тобой полью.
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему здоровью не вредит оно:

Потому что, знаю, — как начну я пить,
Я могу советы доктора забыть,
Доктора, который говорит — не пей!
Время миновало, — говорит, — затей.
Можешь петь стихами Вакха торжество,
Но, как жрец, не зная, славит божество.
Будь благословенно, скверное вино!
Постоянству страсти не вредит оно:

Потому что, знаю, — охмелев чуть-чуть,
Отыщу к соседке заповедный путь,
А уж там, известно, не уйдешь, пока
Не лишишься вовсе чувств и кошелька..
А хозяйка Лиза как итог сведет,
Видимый упадок поутру найдет...
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему сознанью не вредит оно:

Потому что, знаю, — ум воспламенив,
Ты возбудишь разом стихотворный взрыв;
А хмельной слагает песни без труда —
Да такие песни, что за них — беда!
С песенкой такою на кого найду!
Отрезвлюсь — да поздно! уж попал в беду...
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему веселью не вредит оно:

Потому что в клетке вовсе не смешно...
Будь благословенно... Где ж, друзья, вино?
Вместо этой дряни — весело, легко
Рвется из бутылки резвое клико.
Ну, уж будь что будет — наливай, друзья!
Наливай, не бойся — уж не трушу я,
Наливай полнее — мне уж все равно...
Будь благословенно, доброе вино!

⟨1859⟩

ВРЕМЯ

С милою сидя, себя я считал
Равным в блаженстве с богами,
Вдруг — слышим тяжкозвучащий металл...
Смотрим — Сатурн перед нами.
Спрятав лицо у меня на груди,
Все побледневшее вмиг,
Милая вскрикнула: «Сжалься, старик!
Нашу любовь пощади!»

След его ног был отмечен кругом
Пылью минувших столетий;
Перед изрытым веками челом
Мы присмирели, как дети,
Смутно почуя беду впереди;
В сердце нам холод проник...
Милая вскрикнула: «Сжалься, старик!
Нашу любовь пощади!»

— «Я ничего на земле не щажу,
К небу пощады не знаю;
Вечный старик, я свой путь прохожу,
Смерть за собой оставляю.
Где ваши дни, ваши годы? Гляди:
Все ваше прошлое — миг!»
Милая вскрикнула: «Сжалься, старик!
Нашу любовь пощади!»

— «Кости народов, в далеких веках
В ваших сказаньях гремевших,
В общей могиле покрыл уже прах
Новых народов истлевших.
Вечною тьмою я в звезды, среди
Круговращенья, проник...»
Милая вскрикнула: «Сжалься, старик!
Нашу любовь пощади!»

— «Но наслажденье — защита людей:
Зреют всё новые всходы
И разрастается выше, пышней
Мощное древо природы.
Солнце живит, освежают дожди,
Смерти чуть слышится клик...»
Милая вскрикнула: «Сжалься, старик!
Нашу любовь пощади!»

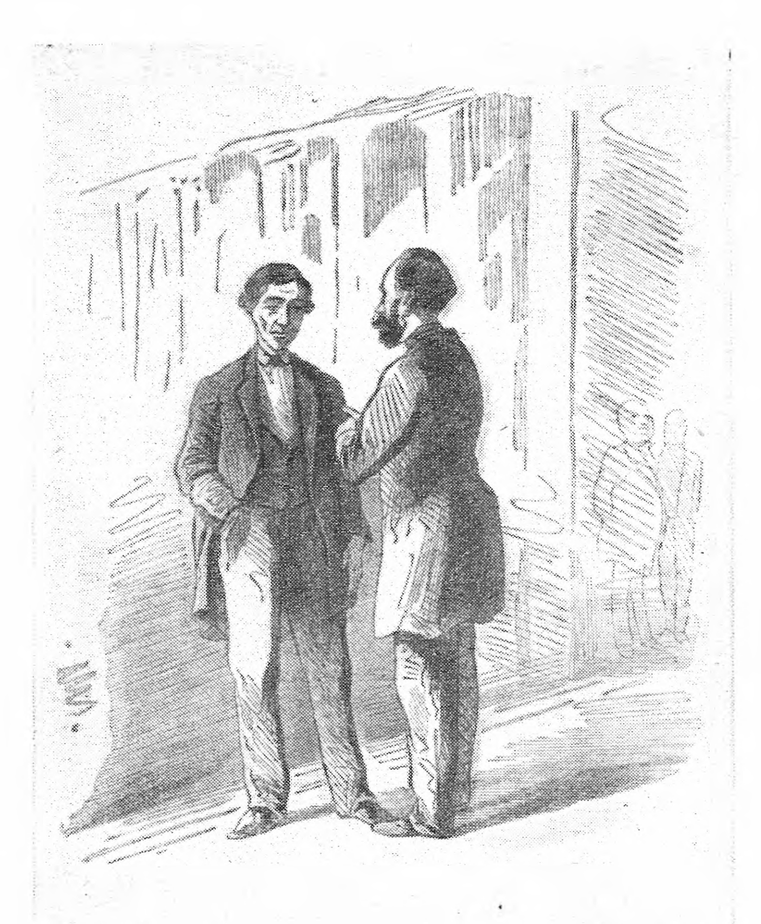
Старец исчез, и готовы, резвясь,
С ним улететь наслажденья
И, улетая, баюкают нас
В сладкой дремоте забвенья;
Но сердце бьется и хочет любить —
Жив я, покуда люблю, —
И старика вместе с милой молю
Нашу любовь пощадить.

⟨1860⟩

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов —
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстилается, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! Гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

— Я сказалъ: имѣющіе уши, да слышатъ, а тутъ подвернулись какія-то длинныя уши...

— Ну да, это извѣстнаго рода уши.

Без порывистых ухваток,
    Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
    Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
    Чуть он в комнату ногой —
    Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
    Тише, тише, господа!
    Господин Искариотов,
    Патриот из патриотов —
    Приближается сюда.

Он поборник просвещенья;
    Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
    Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
    Но заметим мы его —
    Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
    Тише, тише, господа!
    Господин Искариотов,
    Патриот из патриотов —
    Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,
    Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
    Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
    Он является лицом,
    Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
    Тише, тише, господа!
    Господин Искариотов,
    Патриот из патриотов —
    Приближается сюда.

⟨1861⟩

БЕЗУМЦЫ

Оловянных солдатиков строем
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем,
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И статуи потом воздвигаем,
Человечества славу прозрев.

Ждет Идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец,
А глупцы уж трепещут от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
По полуночи, духом свободный,
И союз их — свой плод первородный —
Человечеству счастье дает.

Сен-Симон все свое достоянье
Сокровенной мечте посвятил.
Стариком он поддержки просил,
Чтобы общества дряхлое зданье
На основах иных возвести, —
И угас одинокий, забытый,
Сознавая, что путь, им открытый,
Человечество мог бы спасти.

«Подыми свою голову смело! —
Звал к народу Фурье. — Разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге, для общего дела.
Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами, —
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир».

Равноправность в общественном строе
Анфантэнь слабой женщине дал.
Нам смешон и его идеал.
Это были безумцы — все трое!
Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый свет;
Нам безумец дал Новый завет —
Ибо этот безумец был богом.
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

⟨1862⟩

ПТИЦЫ

Зима, как в саван, облекла
Весь край наш в белую равнину
И птиц свободных на чужбину
Любовь и песни унесла.
Но и в чужом краю мечтою
Они летят к родным полям:
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Им лучше в дальних небесах;
Но нам без них свод неба тесен:
Нам только эхо вольных песен
Осталось в избах и дворцах.
Их песни звучною волною
Плывут к далеким берегам;
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Нам, птицам стороны глухой,
На их полет глядеть завидно...
Нам трудно петь — так много видно
Громовых туч над головой!
Блажен, кто мог в борьбе с грозою
Отдаться вольным парусам...
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Они на темную лазурь
Слетятся с громовым ударом,
Чтоб свить гнездо под дубом старым,
Но не согнувшимся от бурь.
Усталый пахарь за сохою,
Навстречу вольным голосам,
Зальется песнями, — и к нам
Они воротятся весною.

⟨1862⟩

СОН БЕДНЯКА

Милый, проснись... Я с дурными вестями:
Власти наехали в наше село,
Требуют подати... время пришло...
Как разбужу его?.. Что будет с нами?
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Ах! не к добру ты заспался так долго...
Видишь, уж день... Всё до нитки, чуть свет,
В доме соседа, на старости лет,
Взяли в зачет неоплатного долга.
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Слышишь: ворота, никак, заскрипели...
Он на дворе уж... Проси у него
Сроку хоть месяц... Хоть месяц всего...
Ах! Если б ждать эти люди умели!..
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Бедные! Бедные! Весь наш излишек —
Мужа лопата да прялка жены;
Жить ими, подать платить мы должны
И прокормить шестерых ребятишек.
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Нет ничего у нас! Раньше все взято...
Даже с кормилицы нивы родной,
Вспаханной горькою нашей нуждой,
Собран весь хлеб для корысти проклятой.
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Вечно работа и вечно невзгода!
С голоду еле стоишь на ногах...
Все, что нам нужно, все дорого — страх!
Самая соль — этот сахар народа.
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Выпил бы ты... да от пошлины тяжкой
Бедным и в праздник нельзя пить вина...
На, вот кольцо обручальное — на!
Сбудь за бесценок... и выпей, бедняжка!
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Спишь ты... Во сне твоем, может быть, свыше
Счастье, богатство послал тебе бог...
Будь мы богаты — так что нам налог?
В полном амбаре две лишние мыши.
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Господи!.. Входят... Но ты... без участья
Смотришь... ты бледен... как страшен твой взор!
Боже! недаром стонал он вечóр!
Он не стонал весь свой век от несчастья!
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

Бедная! Спит он — и сон его кроток...
Смерть для того, кто нуждой удручен, —
Первый спокойный и радостный сон.
Братья, молитесь за мать и сироток.
    Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
    Подать в селе собирают с утра.

⟨1862⟩

НОВЫЙ ФРАК

Соблазнами большого света
Не увлекаться нету сил!
Откушать, в качестве поэта,
Меня вельможа пригласил.
И я, как все, увлекся тоже...
Ведь это честь, пойми, чудак:
Ты будешь во дворце вельможи!
Вот как!
Я буду во дворце вельможи!
И заказал я новый фрак.

С утра, взволнованный глубоко,
Я перед зеркалом верчусь;
Во фраке с тальею высокой
Низенько кланяться учусь,
Учусь смотреть солидней, строже,
Чтоб сразу не попасть впросак:
Сидеть придется ведь с вельможей!
Вот как!
Сидеть придется ведь с вельможей!
И я надел свой новый фрак.

Пешечком выступаю плавно,
Вдруг из окна друзья кричат:
«Иди сюда! Здесь завтрак славный»,
Вхожу: бутылок длинный ряд!

«С друзьями выпить? Отчего же...
Оно бы лучше натощак...
Я, господа, иду к вельможе!
Вот как!
Я, господа, иду к вельможе,
На мне недаром новый фрак».

Иду, позавтракав солидно,
Навстречу свадьба... старый друг...
Ведь отказаться было б стыдно...
И я попал в веселый круг.
И вдруг — ни нá что не похоже! —
Стал красен от вина, как рак.
«Но, господа, я зван к вельможе —
Вот как!
Но, господа, я зван к вельможе,
На мне надет мой новый фрак».

Ну, уж известно, после свадьбы
Бреду, цепляясь за забор,
А все смотрю: не опоздать бы...
И вот подъезд... и вдруг мой взор
Встречает Лизу... Правый боже!
Она дает условный знак...
А Лиза ведь милей вельможи!..
Вот как!
А Лиза ведь милей вельможи,
И ей не нужен новый фрак.

Она сняла с меня перчатки
И, как послушного вола,
На свой чердак, к своей кроватке
Вельможи гостя привела.
Мне фрак стал тяжелей рогожи,
Я понял свой неверный шаг,
Забыл в минуту о вельможе...
Вот как!
Забыл в минуту о вельможе
И... скинул я свой новый фрак.

Так от тщеславия пустого
Мне данный вó-время урок

Меня навеки спас — и снова
Я взял бутылку и свисток.
Мне независимость дороже,
Чем светской жизни блеск и мрак.
Я не пойду, друзья, к вельможе.
Вот как!
А кто пойдет, друзья, к вельможе,
Тому дарю свой новый фрак.

⟨1863⟩

ВОЛШЕБНАЯ ЛЮТНЯ

Во дни чудесных дел и слухов
Доисторических времен
Простой бедняк от добрых духов
Был чудной лютней одарен.
Ее пленительные звуки
Дарили радость и покой
И в миг снимали, как рукой,
Любви и ненависти муки.

Разнесся слух об этом чуде —
И к бедняку под мирный кров
Большие, маленькие люди
Бегут толпой со всех концов.
«Идем ко мне!» — кричит богатый;
«Идем ко мне!» — зовет бедняк.
«Внеси спокойствие в палаты!»
— «Внеси забвенье на чердак!»

Внимая просьбам дедов, внуков,
Добряк на каждый зов идет.
Он знатным милостыню звуков
На лютне щедро раздает.
Где он появится в народе,
Веселье разольется там, —
Веселье бодрость даст рабам,
А бодрость — мысли о свободе.

Красавицу покинул милый —
Зовет красавица его.
Зовет его подагрик хилый
К одру страданья своего.
И возвращают вновь напевы
Веселой лютни бедняка —
Надежду счастия для девы,
Надежду жить для старика.

Идет он, братьев утешая;
Напевы дивные звучат...
И, встречу с ним благословляя,
«Как счастлив он! — все говорят. —
За ним гремят благословенья.
Он вечно слышит стройный хор
Счастливых братьев и сестер —
Нет в мире выше наслажденья!»

А он?.. Среди ночей бессонных,
Сильней и глубже с каждым днем,
Все муки братьев, им спасенных,
Он в сердце чувствует своем.
Напрасно призраки он гонит:
Он видит слезы, видит кровь...
И слышит он, как в сердце стонет
Неоскудевшая любовь.

За лютню с трепетной заботой
Берется он... молчит она...
Порвались струны... смертной нотой
Звучит последняя струна.
Свершил он подвиг свой тяжелый,
И над могилой, где он спит,
Сияет надпись: «Здесь зарыт
Из смертных самый развеселый».

⟨1863⟩

ЦАРЬ ДОДОН

Жил-был на свете царь Додон.
Об нем уж слух пропал.
О славе, брат, не думал он,
Зато, брат, крепко спал.
Ему короной, братец мой,
Колпак был, связанный женой,
Ночной.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Изба была ему дворец,
И на осле верхом
Все царство из конца в конец
Он объезжал кругом.
Как добрый царь, он был храним
Взамест конвоя псом своим
Одним.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он мужику дал много льгот
И выпить сам любил.
Да если счастлив весь народ,
С чего ж бы царь не пил?

Он сам, без винных приставов,
Брал с каждой бочки кабаков
Полштоф.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Как он красив был из лица,
Так парень не один
Его, пожалуй, за отца
Считал не без причин.
А впрочем, в год — и то сказать —
Любил не часто в цель стрелять,
Раз пять.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он, брат, спокойный был сосед
И для земли своей
Молил у бога не побед,
А праведных судей.
Зато как умер царь родной,
Так слезы, брат, лились рекой
Впервой.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он, брат, народом не забыт:
Срисован маляром
И вместо вывески прибит
Над старым кабаком.
И каждый праздник, круглый год,
Пьет у портрета и поет
Народ!
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

⟨1863⟩

НОВЫЙ ДИОГЕН

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Ты был суров, ты воду пил недаром;
Я веселей, не воду пью — вино:
В полмесяца я в бочке с «самым старым»
Для мудрости своей очистил дно.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Где ладно мне, там я живу; но ропщем
Недаром мы на жребий наш земной —
И в бочке я, в круговращенье общем,
За временем верчусь и за судьбой.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Из партий, мной осмеянных, охоты
Не чувствую примкнуть я ни к одной.
«Ты за кого, когда ни за кого ты?» —
Не скажет уж никто передо мной.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Мне все равно: пусть дипломаты целят,
Как разделить Европу меж собой.
Хоть целый мир пусть на клочки разделят,
Ведь бочка все останется со мной.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Все ложное, все чуждое народа
Я поражать стихом своим готов;
Но крайностей чужда моя Свобода —
На ней венок из полевых цветов.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Известно мне, куда ведет сатира,
И я молчу, но уж себе зато
Я не создам среди людей кумира,
Чтоб солнца мне не заслонил никто.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Днем с фонарем все человека тщетно,
Нам говорят, отыскивал ты встарь, —
На зов любви дорогою заветной
По вечерам мне светит мой фонарь.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Спокойно я стою пред всякой силой,
Но гражданин — я родину люблю;
И если б к жатве бочек не хватило,
Без ропота свою я уступлю.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоем,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

⟨*1864*⟩

НИЩАЯ

Снег ва́лит. Тучами заволокло все небо.
Спешит народ из церкви по домам.
А там, на паперти, в лохмотьях, просит хлеба
Старушка у людей, глухих к ее мольбам.
Уж сколько лет сюда, едва переступая,
Одна, и в летний зной и в холод зимних дней,
Плетется каждый день несчастная — слепая...
Подайте милостыню ей!

Кто мог бы в ней узнать, в униженной, согбённой,
В морщинах желтого, иссохшего лица,
Певицу, бывшую когда-то примадонной,
Владевшей тайною обворожать сердца.
В то время молодежь, вся, угадав сердцами
Звук голоса ее и взгляд ее очей,
Ей лучшими была обязана мечтами.
Подайте милостыню ей!

В то время экипаж, певицу уносивший
С арены торжества в сияющий чертог,
От натиска толпы, ее боготворившей,
На бешеных конях едва проехать мог.
А уж влюбленные в ее роскошной зале,
Сгорая ревностью и страстью всё сильней,
Как солнца светлого ее приезда ждали.
Подайте милостыню ей!

Картины, статуи, увитые цветами,
Блеск бронзы, хрусталей сверкающая грань...
Искусства и любовь платили в этом храме
Искусству и любви заслуженную дань.
Поэт в стихах своих, художник в очертаньях,
Все славили весну ее счастливых дней...
Вьют гнезда ласточки на всех высоких зданьях...
Подайте милостыню ей!

Средь жизни праздничной и щедро-безрассудной
Вдруг тяжкая болезнь, с ужасной быстротой
Лишивши зрения, отнявши голос чудный,
Оставила ее с протянутой рукой.
Нет! не было руки, которая б умела
Счастливить золотом сердечней и добрей,
Как эта — медный грош просящая несмело...
Подайте милостыню ей!

Ночь непроглядная сменяет день короткий...
Снег, ветер всё сильней... Бессильна, голодна,
От холода едва перебирает четки...
Ах! думала ли их перебирать она!
Для пропитанья ей немного нужно хлеба.
Для сердца нежного любовь всего нужней.
Чтоб веровать она могла в людей и небо,
Подайте милостыню ей!

⟨1865⟩

ДЕВИЧЬИ МЕЧТЫ

Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье;
Солнцем полудня палима,
Лилия дремлет в томленье.
Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье.

Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.
Блещут на солнце, с цветами,
Кружев тончайших узоры.
Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.

Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.
Спит она, будто играя
Всем, что на свете ей мило.
Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.

Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!
Видны все проблески чувства,
Хоть не видать ее взгляда.
Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!

Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.
Что ж в этой сладкой дремоте
Грудь ей волнует так страстно?
Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.

Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?
Обнял ее и, смущенный,
Ручку целует несмело...
Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?

Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью —
И разукрасились ярко
Бедность и слава любовью?
Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью?

Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.
Так прилетают весною
Ласточки к крову родному.
Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.

Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.
— Ну, расскажи нам, какие,
Милая, сны тебе снились?
Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.

— Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!
Золото, груду за грудой,
Муж мне нес, старый-престарый.
Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!

— Как? тебе деньги росою
Были, цветок ароматный?
— Всех я затмила собою,
Выше всех быть так приятно!
— Как? тебе деньги росою
Были, цветок ароматный?

Если так юность мечтает,
Прочь все мечты о грядущем!
Золото все омрачает
Блеском своим всемогущим.
Если так юность мечтает,
Прочь все мечты о грядущем!

⟨1866⟩

ФЕНИКС

Мирные семьи простых пастухов
Жили когда-то в долине цветущей
И управлялись уж много веков
Сами собою, без власти гнетущей.
Феникс является вдруг за рекой,
Кличет к себе их на берег крутой.
Вышел герольд. «Торопитесь! — кричит. —
Редкая птица, как раз улетит.

Птица великая мой властелин:
Крыльями в кесарском их трепетанье
Двадцать народов покроет один.
Ради их блага готов на закланье —
Феникс не может вполне умирать:
Он возродится из пепла опять.
Эй, торопитесь! — герольд им кричит. —
Редкая птица, как раз улетит.

Эй, торопитесь! — Молчанье в ответ. —
Эх! Кабы вышел властитель мой чудный,
Вас ослепил бы невиданный свет:
Гребень алмазный и клюв изумрудный —
Что твое солнце, не выдержит глаз, —
Сразу б колосья созрели у вас.
Эй, торопитесь! — герольд им кричит. —
Редкая птица, как раз улетит».

— «Будет болтать! — отвечает старик. —
Что ты заладил: мол, редкий да редкий!
Наш брат-хозяин к таким не привык,
В доме потребнее куры-наседки.
А насчет песен — для здешних людей
Песня малиновки будет нежней.
Экое счастье, что гребень блестит:
Редкая птица пусть мимо летит!

Наши прапрадеды видели раз
Феникса этого пепел горящий.
Что ж в нем нашли? Вместо сердца алмаз,
Крупный, взаправду, как солнце блестящий.
Точно, красив — да тепла, значит, нет.
Не ко двору нам твой феникс, мой свет.
Так-то, не грея, и месяц блестит.
Редкая птица пусть мимо летит!»

⟨1869⟩

ТИРАН СИРАКУЗСКИЙ

Как Дионисия из царства
Изгнал храбрец Тимолеон, —
Тиран, пройдя чрез все мытарства,
Открыл в Коринфе пансион.
Тиран от власти не отстанет:
Законы в школе издает;
Нет взрослых, так детей тиранит.
Тиран тираном и умрет.

Ведь нужно все чинить и ведать —
Он справедлив, хотя и строг:
Как подадут детям обедать —
Сейчас с их трапезы налог.
Несут, как некогда в столицу,
Орехи, виноград и мед.
Целуйте все его десницу!
Тиран тираном и умрет.

Мальчишка, глупый, как овечка,
Последний в школе ученик,
В задачку раз ввернул словечко:
«Тиран и в бедствиях велик».
Тиран, бессмыслицу читая,
«Он далеко, — сказал, — пойдет» —
И сделал старшим негодяя.
Тиран тираном и умрет.

Потом, другой раз как-то, слышит
Он от фискала своего,
Что там в углу товарищ пишет,
Должно быть, пасквиль на него.
«Как? Пасквиль?! Это всё от воли!
Ремнем его! И чтоб вперед
Никто писать не смел бы в школе!»
Тиран тираном и умрет.

И день и ночь его страшили
Следы измены и интриг.
Раз дети на дворе дразнили
Двоих каких-то забулдыг.
Кричит: «Идите без боязни!
Им нужен чужеземный гнет.
Я им отец — им нужны казни».
Тиран тираном и умрет.

Отцы и матери озлились
На непотребный пансион
И Дионисия решились
И из Коринфа выгнать вон.
— Так чтоб, как прежде, благодатно
Теснить и грабить свой народ, —
В жрецы вступил он. Вот так знатно!
Тиран тираном и умрет.

⟨1869⟩

ИДЕЯ

Народной скорбию болея,
Я впал в мечтательность — и вдруг
Проходит предо мной идея.
Идея? Да, трусливый друг.
Еще слаба, но уж красива;
Звук речи тверд, взгляд детски прост.
Никто как бог — увидим живо
Ее развитие и рост.

Одна навстречу грубой силе!
Я ей кричу: «Дитя! страшись:
Шпионы уши навострили,
Жандармы грозно собрались».
— «В мою же пользу их гоненье.
Иду с надеждою вперед.
Теперь уж все мое значенье
Поймет наверное народ».

— «Страшись, дитя, земля трясется
Под тяжестью густых колонн,
И, сабли наголо, несется
За эскадроном эскадрон».
— «Я, не трубя, не барабаня,
Бужу уснувших силой слов
И для вербовки в их же стане
Пройду одна среди штыков».

— «Страшись, чтоб не был уничтожен
Здесь на земле твой самый след.
Беги: фитиль в орудье вложен,
Минута — и спасенья нет».
— «А завтра ядра и картечи
В мою защиту запалят
Свои ораторские речи;
Ведь пушка тот же адвокат».

— «Ты депутатов раздражила».
— «Моя же сила их смирит».
— «В темнице сгибнет эта сила».
— «Темница дух мой окрылит».
— «Гремят проклятья клерикалов».
— «А завтра мне кадить пойдут».
— «Уж ополчилась рать вассалов».
— «Я в их рядах найду приют».

И вдруг ужасная картина:
Потоки крови, море зла,
Венок победы дисциплина
С простертой храбрости сняла.
Но побежденным с новой силой
Идея лавры раздает
И, умилясь пред их могилой,
Летит с их знаменем вперед.

⟨1870⟩

БУДУЩНОСТЬ ФРАНЦИИ

Я дружен стал с нечистой силой,
И в зеркале однажды мне
Колдун судьбу отчизны милой
Всю показал наедине.
Смотрю: двадцатый век в исходе,
Париж войсками осажден.
Всё те же бедствия в народе —
И все командует Бурбон.

Все измельчало так обидно,
Что кровли маленьких домов
Едва заметны и чуть видно
Движенье крошечных голов.
Уж тут свободе места мало,
И Франция былых времен
Пигмеев королевством стала —
Но все командует Бурбон.

Мелки шпиончики, но чутки;
В крючках чиновнички ловки;
Охотно попики-малютки
Им отпускают все грешки.
Блестят галунчики ливреек;
Весь трибунальчик удручен
Караньем крошечных идеек —
И все командует Бурбон.

Дымится крошечный заводик,
Лепечет мелкая печать,
Без хлебцев маленьких народик
Заметно начал вымирать.
Но генеральчик на лошадке,
В головке крошечных колонн,
Уж усмиряет «беспорядки»...
И все командует Бурбон.

Вдруг, в довершение картины,
Все королевство потрясли
Шаги громадного детины,
Гиганта вражеской земли.
В карман, под грохот барабана,
Все королевство спрятал он.
И ничего, хоть из кармана —
А все командует Бурбон.

⟨1871⟩

БАРАБАНЫ
(1849)

Барабаны, полно! Прочь отсюда! Мимо
Моего приюта мирной тишины.
Красноречье палок мне непостижимо;
В палочных порядках бедствие страны.
  Пугало людское, ровный, деревянный
  Грохот барабанный, грохот барабанный!
  Оглушит совсем нас этот беспрестанный
  Грохот барабанный, грохот барабанный!

Чуть вдали заслышит дробные раскаты,
Муза моя крылья расправляет вдруг...
Тщетно. Я зову к ней, говорю: куда ты?
Песни заглушает глупых палок стук.
  Пугало людское, ровный, деревянный
  Грохот барабанный, грохот барабанный!
  Оглушит совсем нас этот беспрестанный
  Грохот барабанный, грохот барабанный!

Только вот надежду подает природа
На благополучный в поле урожай,
Вдруг команда: «Палки!» И прощай свобода!
Палки застучали — мирный труд прощай.
  Пугало людское, ровный, деревянный
  Грохот барабанный, грохот барабанный!
  Оглушит совсем нас этот беспрестанный
  Грохот барабанный, грохот барабанный!

Видя для народа близость лучшей доли,
Прославлял я в песнях братство и любовь;
Барабан ударил — и на бранном поле
Всех враждебных партий побраталась кровь.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабан владеет Францией милой:
При Наполеоне он был так силен,
Что немолчной дробью гений оглушило,
Заглушен был разум и народный стон.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Приглядевшись к нравам вверенного стада,
Властелин могучий, нации кумир,
Твердо знает, сколько шкур ослиных надо,
Чтобы поголовно оглупел весь мир.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Всех начал начало — палка барабана;
Каждого событья — вестник барабан;
С барабанным боем пляшет обезьяна,
С барабанным боем скачет шарлатан.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабаны в доме, барабаны в храме,
И последним гимном суеты людской,
Впереди подушек мягких с орденами,
Мертвым льстит в гробах их барабанный бой.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабанных песен не забудешь скоро;
С барабаном крепок нации союз.
Хоть республиканец — но тамбур-мажора,
Смотришь, в президенты выберет француз.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

⟨1871⟩

ДЕЙСТВИЕ ВИНА

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

От стакана доброго вина
Рассудил я здраво, что сатира,
В видах примиренья, не должна
Обличать пороки сильных мира.
Лучше даже в очи им туман
Подпускать куреньем фимиама,
Я решил, не затрудняясь, прямо,
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С двух стаканов доброго вина
Покраснел я, вспомнив о сатирах.
Вижу: вся тюрьма моя полна
Ангелами в форменных мундирах.
И в толпе счастливых поселян
Я воспел, как запевало хора,
Мудрость господина прокурора, —
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С трех стаканов доброго вина
Вижу я: свободны все газеты.
Цензоров обязанность одна:
Каждый год рассматривать бюджеты.
Милосердье первых христиан,
Что от нас веками было скрыто,
Я увидел — в сердце иезуита, —
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С двух бутылок доброго вина
Заливаться начал я слезами
И свободу, в неге полусна,
Увидал, венчанную цветами, —
И в стране, счастливейшей из стран,
Кажется, тюрьмы сырые своды
Рухнули б от веянья свободы...
Выпей я еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

Но избыток доброго вина
И восторг и умиленья слезы
Безраздельно, всё смешал сполна
В смутные, отрывочные грезы.
Будь же ты благословен, обман,
Что нам в душу, с утоленьем жажды,
Будто с неба посылает каждый
Шамбертена доброго стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
    Я все хвалю.

⟨1871⟩

СТАРОСТЬ

Нам лица морщит без пощады
Седого времени рука,
И хоть сверкают наши взгляды,
Друзья, к нам старость уж близка.
Но перед новым поколеньем
Не заметать самим свой след
На все живое озлобленьем —
Еще не старость это, нет!

Вином и песнями мы тщетно
Стремимся сбросить гнет годов;
По взорам юношей заметно,
Что в нас уж видят стариков.
Но песни петь, забыв про годы,
С восторгом юношеских лет —
Шатаясь даже — в честь свободы, —
Еще не старость это, нет!

Перед красавицей напрасно
Огонь любви волнует нас.
Проходят дни; бедняжке ясно,
Что юный жар в крови угас.
Но без волнений страсти мнимой,
Сорвав любви роскошный цвет,
Стать другом женщины любимой —
Еще не старость это, нет!

Что б мы ни пели — мы стареем;
Так что ж — чем старше вся семья,
Тем больше прав мы все имеем
На титул: старые друзья.
Но, идя под гору толпою,
Движенью новому привет
Дрожащей посылать рукою —
Еще не старость это, нет!

⟨1871⟩

КОРОЛЕВСКАЯ ФАВОРИТКА

Дочь

Ах! Какие лошади! Экипаж какой!
И какая дама в нем — посмотри, мамаша, —
Уж такой красавицы в мире нет другой.
Это, я так думаю, королева наша.

Мать

Королеве, брошенной мужем-королем,
Стыд встречаться с этою вывескою срама;
Это — ночь позорная, выплывшая днем:
Короля любовница — вот кто эта дама.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Дочь

Бриллиянты звездами, маменька, горят;
Тоньше и узорчатей кружев уж нигде нет.
Нынче будни, кажется, а такой наряд —
Что ж она для праздника на себя наденет?

Мать

Как ни нарядилась бы — встретясь с земляком,
Отвернется, вспомнивши, хоть давно забыла,
Как бежала с родины ночью босиком —
Где жила в работницах и коров доила.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Дочь

Маменька, а это кто, вон на рысаках,
Гордая, надменная, проскакала шибко;
Как сравнялись — ненависть вспыхнула в глазах,
А у фаворитки-то будто бы улыбка...

Мать

Эта, видишь, родом-то будет покрупней;
Герб каретный дан еще прадедам за службу.
К королю бы в спальную раз пробраться ей —
Уж она б коровнице показала дружбу!

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Дочь

Видно, королю она всех дороже дам:
На коне следит за ней молодой придворный.
Посмотри-ка, маменька, он влюблен и сам:
Не спускает глаз с нее — нежный и покорный.

Мать

По уши запутался, молодец, в долгах.
Получить бы полк ему нужно для прибытка.
Пусть дорогу заняли старшие в чинах —
Вывезет объездами в гору фаворитка.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Дочь

Подкатили лошади к пышному дворцу.
Маменька, священник ей отворяет дверцу...
Вот целует руку ей... вводит по крыльцу,
Руку с умилением приложивши к сердцу.

Мать

Норовит в епископы седовласый муж
Чрез овцу погибшую, худшую из стада...

А ведь как поет краснó — пастырь наших душ —
Нищим умирающим о мученьях ада!

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Дочь

Свадьба деревенская мимо них прошла.
Пусть невеста краше всех наших деревенщин,
Вряд ли уж покажется жениху мила —
Как сравнит с божественной, с лучшею из женщин.

Мать

Нет, стыдиться стал бы он суетной мечты,
Заповедь народную памятуя свято:
Сколько было пролито пота нищеты,
Чтоб создать подобное божество разврата.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

⟨1872⟩

Ж.-Б. ГРЕССЕ

ПОПУГАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Честна́я мать, сумевшая свободно,
Не проклиная помыслов земных,
Сердца затворниц — граций молодых
Привлечь к себе лишь добротой природной
И сделаться подругою для них, —
Почтенная особа, вам угодно,
Чтобы рассказ десятка в два страниц
Об участи достойнейшей из птиц
Я написал. Согласен я на это.
Но чтоб вполне достоин был предмета
Чувствительною формою рассказ,
Быть музою я приглашаю вас.

Внушите мне всю трогательность слова,
Наивность дум и сердца теплоту,
Смирение перед судьбой суровой,
Ума, души и слога чистоту,
С какой вы скорбь свою живописали,
Когда *Мими*, ваш друг, издохла вмале.
И мой герой достоин также слез;
Страданий он в сей жизни перенес
На родине и на чужой сторонке
Не менее любезной вам болонки.

И я бы мог тянуть на старый лад,
Как все творцы новейших Илиад,
По правилам слагая песнь за песней,
Одна другой нелепей и чудесней.
Оно легко; поэмы план готов:
Созвал с небес героев и богов,
Да к ним еще чертей пригнал из ада —
И вот тебе готова Илиада.
Но хоть страдал герой мой, как Эней,
К тому же был религиозных правил, —
Иначе бы его я и не славил —
Я не хочу с поэмою моей
Читателей сажать за труд тяжелый;
Пусть мой рассказ сердца чуть шевельнет —
Вот цель моя. Ведь музы — те же пчелы
И для стихов сбирают только мед.

На краткость вы меня благословили,
Но искренность не менее нужна,
А искренность в правдоподобной были —
Неровен час — бывает нескромна.
Не задержать ни кельям, ни решеткам
Смех искренний — и вы пример для всех:
Чем больше слез во взгляде вашем кротком,
Тем веселей омытый ими смех.
В вас нет смешных претензий на безгрешность,
Скрывающих келейные грешки,
И тем для вас ничтожней пустяки,
Чем для глупцов торжественней их внешность;
Но если бы в наследие векам
Я добродетель должен был прославить,
Не мог бы я в уме ее представить,
Не обратясь благоговейно к вам.

Читали вы, и я читал, бывало,
Еще дитёй, и в прозе и в стихах,
Что в странствиях по свету толку мало,
    Что дома лучше, чем в гостях;
Что иногда, пространствовав порядком,
Привозим мы, в отчизну возвратясь,

К родным грешкам и кровным беспорядкам
С чужих земель подобранную грязь.
Мысль старая, но правда вековая
Торжественно подтверждена вполне
Ужасною судьбою попугая,
Трагической! Кто не поверит мне,
Пусть съездит сам на берега Лоары:
Там монастырь есть женский, очень старый.
Что я не лгу, не только местный люд,
В нем камни стен — и те возопиют.

В монастыре, вдали от треволнений,
В кругу простых и набожных сестер,
Жил попугай — не попугай, а гений! —
Он кроток был, чувствителен, остер.
Он совмещал в себе весь блеск искусства
С наивностью и теплотою чувства,
Умен, как бес, и чист, как херувим.
Немудрено: ведь нашему герою
Был монастырь отчизною второю.
Он нравственным развитием своим
Обязан был сестер опеке кроткой.
Из Индии он привезен был к ним —
Малютка-птенчик, ангельчик-сиротка, —
Остаться б век он должен был таким...
Но люди злы — а для борьбы с грехами
Мудрец с грехами должен быть знаком;
Где ж мог Жоко освоиться с грехом?
— Ведь многого не знали сестры сами.

Ах! Что за жизнь в обители святой
Была Жоко! Не жизнь, а рай земной!
Монахини *Дружком* его назвали.
Действительно: в их радостях, в печали,
Хоть попугай, но как в семье родной,
По болтовне, капризам и привычкам,
Он братцем был своим сестрицам-птичкам.
Уж, кажется, отца-духовника
Боготворили сестры по заслугам;
Отец отцом, однакоже, а другом
Считали все не батюшку — Дружка.

Хоть ублажать свое честнóе чрево
От их щедрот маститый духовник
Вареньями, конфектами привык,
Но иногда, по кротости, без гнева
В своем десерте видя недочет,
Усматривал, что попугай клюет
По всем правам отцу, как дань от дочек,
Долженствовавший лакомый кусочек.
Честнóй отец, однакоже, к Дружку
Не выражал за предпочтенье злобы —
Грех зависти был чужд такой особы, —
И как питать вражду к временщику?
Хоть попугай, а царствует всевластно —
Так, стало быть, с ним ссориться опасно!

Жоко летал и лазал где хотел,
Клевал сестер смиренные уборы,
По целым дням вел с ними разговоры.
Он хохотал, свистал, был весел, смел
И очень зло подчас, когда был в духе,
Острил насчет иной ханжи-старухи.
Но скромный вид затворниц молодых
Умел хранить в сарказмах самых злых.
При этом, вдруг вопросами забросан,
Умел ответ на каждый дать вопрос он.
Так Юлий Цезарь удивлял весь Рим,
Диктуя письма разом четверым.

Трапезуя в столовой монастырской,
Дружок клевал из рук и прямо с блюд.
Был для сестер немаловажный труд
Набить его желудок богатырский.
А иногда так вовсе не клевал!
Отлично знал Дружок сестер привычки
И попозднее в келье пожирал
С беспечностью небесной божьей птички,
С любимою сестрою глаз на глаз,
Ее карманных лакомств весь запас.
Что значит в здешней жизни корм отборный,
Ты знаешь сам, Дружка беспёрый брат,

Хоть прокурор зовись, хоть адвокат,
Хоть попугай салонный, хоть придворный!
Так день за днем спокойно жил Дружок
Средь монастырской жизни беспечальной.
Он ночевал, конечно, в общей спальной.
Но иногда укромный уголок
Какой-нибудь уединенной кельи
Предпочитал, справляя новоселье.
Как счастлива была честна́я мать,
К которой он благоволил влетать!
Хоть редко был Дружок замечен в этом:
Он некий страх питал к преклонным летам
И келейки послушниц молодых
Предпочитал, всю ночь, однако, в них,
Боясь смутить в печали их по бозе
Или в мирской и сладострастной грезе,
Был, так сказать, благоговейно тих.
«Дружок! Дружок!» — произносил чуть внятно,
Смиренно сев на освященный воск,
И, чистоты щеголеватый лоск
В их кельях чтя, он вел себя опрятно
И щедро был вознаграждаем там
За деликатность эту по утрам.
Кто б ни был ты, читатель, полагаю,
Завидовать ты станешь попугаю,
Когда скажу, что рано поутру
(Представь себе соблазн картины этой!)
Он юную красавицу-сестру
Свободно видеть мог полуодетой,
В спокойствии безгрешной наготы,
Лишь для него открытые красо́ты
И на лице игру мирской мечты
И важные духовные заботы.
Талантливый счастливец наш Дружок
Вам, городские дамы и девицы,
Порассказать бы очень много мог
Про туалет хорошенькой черницы.
Вы знаете, что в целом мире нет
Такой простой, такой грубейшей ткани,
Которую б искусный туалет
Посредством хитроумных сочетаний

Не обратил в изящнейший наряд,
Назначенный прельщать мужчины взгляд.
Но, тайн черниц поверенный случайный,
Я разглашать не стану эти тайны
И в скобках лишь замечу (никогда
Нигде из женщин никакая школа
Суровая смиренья и труда
Не делала особ иного пола,
И женщинам в их лучшие лета,
Ах! не души, а плоти красота
Дает диплом на чин: венец творенья).
Я в скобках лишь пускаюсь в рассужденья,
Ненужные в счастливые века,
И возвращусь к истории Дружка.
Так средь сестер, сердцами их владея,
Дружок наш жил как царь, как божество
Любимейших сестра Агафоклея
Воробышков забыла для него.
Три чижика без корма околели,
А монастырский старый жирный кот,
Привыкший видеть ласку и почет,
От зависти зачах в две-три недели.
Позора он перенести не мог
И, ревностью замученный, издох.
Ах! Кто бы мог предугадать в то время,
Что пропадет вотще благое семя,
Что будущность ужаснейшую рок
Сулил Дружку! Стой, муза, вынь платок,
Нам предстоит лить горьких слез потоки.
Любовь сестер смиренных, их уроки
Дружок забыл... Но слезы лить о нем
Со следующей песни мы начнем.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Дружок вдали от шума и соблазна
Не проводил, конечно, время праздно.
Он одарен природой щедро был
И свой талант не только не зарыл,
Но развивал внимательным ученьем,

Беседами и строгим размышленьем.
К обычаям разумным приучен,
Не говорил лишь за трапезой он,
Зане постиг, что пищей несовместно
Питаться вдруг духовной и телесной.
Дружок сберег вполне невинный взгляд
И чистоту времен патриархальных
В ужасный век, когда повсюду яд
Разносится учений либеральных,
И попугай любой болтать со слов,
Без разума затверженных, готов.
Он знал зато, как прокурор законы,
Акафисты, псалмы и ефимоны,
И даже мог, всегда в приличный час,
Петь на шестой и на девятый глас.
Как скромная послушница, с тоскою
И грацией он пел «Волной морскою»
И нежно брал в словах «Христос воскрес»,
Как ватиканский певчий, ут-диез,
За что сестер христосованьем честным
Замучиваем был по дням воскресным.
Но в резвости веселой и возне,
Их тайн мирских поверенный интимный,
Не забывал он, так же как оне,
Засевшие в мозгу его прокимны.
В конце концов сестер познанья, тон
Их голоса, их взгляды, их манеру
Не только что вполне усвоил он,
Но, превзойдя всех ожиданий меру,
Ученостью поспорить мог с самой
Терезою — игуменьей честно́й.
В безвестности не остается гений;
Гремит об нем стоустая молва.
И об Дружке дошла она сперва
До городов ближайших и селений.
Переполох, понятно, произвесть
В провинции должна такая весть.
Смотреть Дружка валил народ толпами.
Больные лишь не собирались в путь
На гения пернатого взглянуть.
Им хвастали, конечно, сестры сами.

Одна Дружка носила напоказ,
Чтоб поразить сначала красотою.
И зрители, бывало, целый час,
Плененные изящной пестротою,
И грацией, и детской простотою,
С красавчика глаз не могли свести.
Но в красоте нет без ума пути,
А красоту все забывали сразу,
Чуть первую, бывало, скажет фразу.
Хотя Дружок был вовсе не фразер.
Помилуй бог! Уроками сестер
Проникнутый, учен и образован,
Хоть при гостях немножечко взволнован,
Он начинал читать публично речь —
И публика, боясь ее пресечь,
Со вздохами, с прерывистым дыханьем,
Казалась вся восторгом и вниманьем,
А он-то ей благоуханно льет
Духовного витийства сладкий мед,
Метафоры, синекдохи и хрии...
Скажите: где, во Франции, в России,
В Германии, находятся витии,
Которым бы внимая, полный зал
Наполовину хоть не задремал?
Каких еще хотите вы похвал?
Проникнутый восторгами былыми,
Вы слышите, я сам вас забросал
Восторженными рифмами тройными.
Окончив речь, Дружок полупоклон
Изображал и шейкой и головкой,
Показывая этим очень ловко,
Что славою ничуть не обольщен.
И проносился взрыв восторга в зале:
«Ах, как умен! Как мил, красив, остер!»
И мудрые слова все повторяли
С невинными остротами сестер,
Которые передавал он тоже,
Как попугай, во всем на них похожий.
Я описал как мог в своих стихах,
Как жил Дружок, трудясь и размышляя,
На монастырских даровых хлебах.

Понятно, он стал жирен, как монах,
Но сохранил веселость попугая,
И хоть мудрец, ученый, как аббат,
Шалил, когда с ним сестры зашалят,
Как, может быть, шалили б и аббаты...
Вдруг пробил час, час роковой трикраты!
О! если бы история могла
Не заносить в правдивые скрижали
Великих мира темные дела!
О! если бы в ужасной бездне зла
Высокие умы не погибали —
Остался бы в наследие векам
Пример Дружка во всем величьи славы —
Но истинно глаголю вам:
Ум, гений, власть, смотря по временам,
То создают, то развращают нравы.

Дружок! Дружок! На быстрых крыльях весть
Про разум твой, блеск твоего таланта,
К несчастию, достигла скоро Нанта,
Где женская обитель тоже есть.
Уж если он, наш общий прародитель,
От любопытства женщины погиб
В раю, где оба вечно жить могли б,
Так вы представьте женскую обитель,
Где не одна, а пять десятков Ев,
По большей части перезрелых дев,
Не ведавших ни рая, ни Адама,
Тоскливо бродят семо и овамо
И любопытством Евы все горят.
Помножьте ж грех ее на пятьдесят.
Итак, едва дошла до Нанта весть,
Какой Дружок красивый, умный, острый,
Немедленно «привезть его! привезть!»
Воскликнули все набожные сестры.
Не ест сестра Епистимия, нет
Сна у сестер Мамелфы и Макрины.
Прошло дня три, и собрался совет
И порешил, как человек единый,
Послать письмо и в нем сестер просить,
Почтительнейшим слогом излагая:

Не можете ль прислать к нам попугая;
Желаем слух и зренье усладить.
Письмо пошло́. Ответ дней через десять.
Извольте вы сестер страданья взвесить!
Уж у сестры Еротииды бред,
Умрет сестра Феозва в цвете лет.
Письмо пришло. Уныл лоарский берег.
Представьте, сколько обмороков, слез,
Рыданий, вздохов, криков и истерик
С письмом подобным посланный привез.
«Как? Чтоб Дружок, наш собеседник милый,
Наш попочка был увезен от нас!
Нет! Не дадим ни на́ день, ни на час.
Уж лучше всем лечь заживо в могилы!»
В таких аккордах бурных приговор
Положен был от молодых сестер.
Еще бы нет! У них к нему привычка.
Он все для них, их счастье, радость, свет.
Дружок у них единственная птичка,
И никаких уж больше птичек нет.
Но у сестер, сединой убеленных,
Уж нет таких восторгов исступленных.
Спокойнее в их жилах льется кровь.
Расчетлива античная любовь.
Они решили мудро: в самом деле,
Послав отказ, сестер мы огорчим.
Пусть погостит у них две-три недели.
И приговор объявлен остальным.
Изображу ль весь ужас и смятенье,
В которое повергло остальных,
Всех возрастов, не только молодых,
Ареопага древнего решенье.
Сестра Франциска вскрикнула: «Дружка...
Дружка!»... и вдруг лишилась языка.
Мать-ключница Сульпиция-старуха.
От ужаса лишь простонала глухо
И, проглотив во рту последний зуб,
Вся затряслась и грохнулась, как труп.
Предчувствие сердца сестер томило,
Все видели мучительные сны
В ночь страшную и были все бледны,

Когда взошло дня грозного светило
И пробил час — разлуки скорбный час!
За клеткой все, в неутолимой муке,
Идут, идут, не осушая глаз,
Покорные, готовые к разлуке.
Все кончено. Прощай, Дружок, прощай!
Одна сестра целует попугая.
Из рук ее уж рвет его другая,
Все жмут, все мнут, целуя и рыдая.
Измучился несчастный попугай.
(Ведь с каждою поцеловаться надо!)
Но вот уж пройден монастырский двор,
Вот ворота... Дружок уж за оградой...
И се — не бе Дружка, души сестер!
«Прости, мой сын, долг чести, воля рока
Зовут тебя от родины далеко,
На лоне вод умчит тебя зефир
Дивить красой и гением весь мир.
Но, лаврами венчанный, в громкой доле,
Не забывай томящейся в неволе,
В монастыре, но вечною душой
Здесь, там, везде, всегда, весь век с тобой!»
Взывала так к Дружку сестра Ирина,
Читавшая под простыней Расина
И с радостью готовая махнуть
Вслед за Дружком хоть в кругосветный путь.
Все кончено. Он в лодке. Все готово.
Еще он чист душой, как херувим.
Гордясь своим высоким даром слова,
Обходится еще он честно с ним.
Да возвратится к сестрам он своим
Таким же все, не ведая дурного!
Но уж весло рассекло лоно вод.
Прощай! Прощай! Дружок уж в Нант плывет.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Как только что отчалили, Дружок
Стал спутников рассматривать тревожно,
Забившись в клетке в самый уголок.

Тут испугаться, правда, было можно.
Хмельной монах — во-первых, во-вторых —
Харчевница размеров колоссальных,
Драгун, жандарм, два кучера лихих
И, наконец, три мусорщика сальных
В компании трех граций площадных.
Представьте вы: сестер благочестивых
Воспитанник — один среди людей
Порочных, грубых, пьяных, неучтивых!
Ни слова он в невинности своей
Не мог понять из грязных их речей.
Попал он будто к чухнам или немцам —
И озирался дико иноземцем.
Еще бы! Он в монастыре привык
К псалмам, молитвам, текстам из писанья,
Здесь слышит вдруг совсем другой язык
В особых формах словосочетанья.
Солдаты в карты дулись. Только он
От них и слышал: леший, дьявол, к черту!
(Причем стаканы подносились ко рту.)
Смысл этих слов был для него мудрен.
Красавицы и мусорщики пели
Лихую песню; слов, однако, к ней
Не мог прибрать Дружок из тропарей
И кондаков в дни светлыя недели.
И где ему уж было понимать,
Как лодочник ругался с мужиками.

. . . .

Что говорить? Что думать? Как ни смел,
Тут и Дружок, однако, оробел.
Заговорить, однако, попугая
Заставила компания честна́я.
К нему жандарм, шатаясь, подошел
И громко рявкнул: «Выпьем, дьявол, попка!»
Дружок взглянул на кавалера робко,
Но, ободрясь, глазами всех обвел
И с важностью ответил: *«Мир вам, сестры»*.
Представьте вы, как тут захохотал
Весь этот сброд характерный и пестрый.
Дружок смекнул, что произвел скандал,
Но, затаив смертельную обиду,

Он публике не показал и виду
И бешенства умел сдержать порыв.
Чувствителен он был, самолюбив,
Рассчитывал он каждое движенье,
К тому же был с приличьями знаком.
Как вынести, однако, оскорбленье?
Быть идолом и сделаться шутом,
Потехою для грубой, праздной черни!
Дружок молчал с обедни до вечерни,
Все думал, думал, думал, — правду вам
Поведаю — досталось всем сестрам,
Им даже, с грустью должен вам сказать я,
Неблагодарный посылал проклятья
Ужасные за то, что ими он
Народной речи не был обучен,
Не знал ее красоты и изгибы.
(Ах, попочка! Желали б, не могли бы!
В тетрадках нет народных крепких слов.)
И наконец, по размышленье зрелом,
Дружок решил, что первым, главным делом
Учиться и учиться надо вновь.
Затем, стремясь к скорейшему успеху,
Решился он, еще ругнув сестер,
Из головы, как тормоз, как помеху,
Вон выбросить весь монастырский вздор.
Как юноша, за дело взявшись с жаром,
Лишась совсем невинности своей,
Он все забыл в теченье двух-трех дней,
А через день, не тратя время даром,
Воспроизвесть уж в совершенстве мог
Жандармский шик и мусорщицкий слог.
Хоть говорят: доходят постепенно
До преступлений тяжких — наш герой
Стал первоклассным извергом мгновенно,
Не вытерпев насмешек над собой.
Вдруг, в пять-шесть дней — помог ему лукавый!
Ругаться уж он стал на все лады.
Вот самолюбья горькие плоды!
Вот до чего доводит жажда славы!
Неизданный печатно лексикон
Казарменных острот, кабацких шуток,

Цинических и грязных прибауток
И даже падших женщин резкий тон
И хриплый голос — всё усвоил он,
Все изучил в каких-нибудь пять суток.
Не спал ночей; когда ж, как дебютант,
Заговорил, так гул рукоплесканий
Простых людей, всё самых темных званий,
Почтил его ораторский талант.
Так он стяжал на лодке популярность,
Все позабыв: стыд, честь и благодарность.
Таких Дружков немало в жизни сей
Найдем в числе передовых вождей.
Ах! Если б мы томящимся в печали
Благочестивым сестрам рассказали
Все подвиги героя моего,
О бедные! Ведь, может быть, молебны
Вы служите о здравии его.
А он, наглец, оратор непотребный,
Он вас забыл, нет — хуже: проклял вас!
Вы плачете, святые голубицы,
Об ком? Об нем? Слезинки ваших глаз
Не стоит он. В пороках он погряз,
Он хуже, чем грабители, убийцы,
Он прямо в ад сошел без похорон,
Он атеист, богоотступник он!
Ах! где Дружок, с высоко-простодушным
Характером практический мудрец,
Умевший быть свободным и послушным,
И либерал и в то же время льстец!
Где злой остряк, всегда остривший в меру,
Умевший ловко в действия и в речь,
Как лошадей с конюшен разных, впречь
К пытливому уму слепую веру!
«Тебе, Дружок, подобных в свете нет!» —
Взывали сестры с горькими слезами,
Не ведая, что в наше время свет
Кишмя-кишит такими мудрецами.
Но вот и Нант. В монастыре тоска,
Ждут не дождутся гостя дорогого.
«Да скоро ли увидим мы Дружка?
Не сделалось бы с ним чего дурного,

Не простудился б он, не захворал!»
И, вызванный сестер воображеньем,
Развитым в них келейным заточеньем,
Носился перед ними идеал
Всех совершенств людей и попугаев —
Высокий ум и нежный голосок,
Меж тем как ты, бессовестный Дружок,
Уроки брал у пьяных негодяев!
Какая скорбь сестер смиренных ждет!..
Но вот уж лодка к берегу плывет.
На берегу привратница седая
Со дня отправки первого письма
Дни целые дежурит и, сгорая
Мечтой узреть красавца попугая,
Вплавь, кажется, пустилась бы сама.
Как побежала вперевалку к плоту
Да взвизгнула гнусливым дишкантом,
Дружок узнал уж птицу по полету —
И овладел невольный страх Дружком.
А рассмотрев слезящиеся глазки,
Седых кудрей смешные завитки,
Затрясся он, как лист, от первой ласки
Ее холодной старческой руки.
Вертелась уж на языке посылка,
С которою жандарм или драгун
Уж задали б, конечно, карачун
Такой фигурке постной за бутылкой...
Однако он и тут сдержал свой гнев;
Когда ж она поволокла бедняжку,
Не выдержал — и вдруг что было сил
Противную старуху укусил —
Не знаю: в руку, шею или ляжку,
Все хроники пересмотрели мы,
На этот счет все повествуют разно,
Но все гласят: Дружок, во мрак соблазна
Поверженный по воле князя тьмы,
Петь не желал в монастыре псалмы,
Орал, кричал и бился всю дорогу,
Пока его — благодаренье богу —
Не принесли на монастырский двор,
Где колокол сзывал уже сестер,

Благовествуя радость громким гулом;
Не кончив спевки, сестры всем огулом
Скорей бежать пустились на призыв.
«Дружок! Красавчик! Милочка! Он жив!
Здоров! Он здесь! Бог сжалился над нами!»
Бегут, бегут с веселыми толпами
Толпы едва переводящих дух
С одра болезни вспрянувших старух.
И, затрусив рысцой, костыль забыла
Столетняя старуха мать Брамбилла.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С большим трудом, однако, пронесла
Привратница в гостиную злодея.
Здесь каждая сестра, томясь и млея,
Налюбоваться вдоволь им могла.
Он был прекрасен. Мудрая природа,
Зачем в соблазн невинность вводишь ты,
Даруя злым всю прелесть красоты
И затаив в кривых чертах урода
Смирения нетленные цветы?
Усвоив шик особенного рода,
Дружок смотрел, с тех пор как стал знаком
С пороками и грубым языком, —
С развязностью хоть наглою, но милой —
Кавалерийским юнкером-кутилой.
Недоставало разве только шпор.
Понятно, он в восторг привел сестер.
Все, как одна, стремились к чудной птице,
Кружась, жужжа, как пчелы из улья.
Такой был шум, что сам пророк Илья
Промчался бы неслышно в колеснице.
Ни слова он. С надменностью глядит,
Как молодой послушник-кармелит,
И это уж, во-первых, неучтиво:
Воспитанные юноши спесиво
Не станут относиться к похвалам,
Особенно из уст девиц и дам.
Второй скандал еще того был горше.
Благочестивой матери-приорше

Благоугодно было сделать честь
Приезжему — с ним разговор завесть.
Честнýю мать он огорошил сразу;
На первый же приветливый вопрос,
Невежливо задравши кверху нос,
Он произнес ужаснейшую фразу
(Историки согласно говорят —
Он эту фразу слышал от солдат,
Когда у них на лодке брал уроки):
«Черт побери! Вот дуры! Вот сороки!»
— «Фи, попочка! Возлюбленный мой брат...» —
Умильным голоском сестра Аглая
Произнесла — и вдруг от попугая
Отпрянула... Разбойник! Караул!
Злодей сперва передразнил Аглаю:
«Фи, попочка!» и вдруг словцо загнул...
Я этого словца не повторяю,
Не повторит при дамах и драгун.

«Игуменья честнáя, он колдун!» —
Неистово сестра Аглая взвыла.
Тут подскочили сестры Петронилла,
Мамелфа, Ида, Клара — всем сестрам
От изверга досталось по серьгам.
Он повторял до тонкости правдиво
Все оханья, все взвизги молодых,
А до старух добравшись, стал гнусливо
Ворчать, брюзжать и даже кашель их
И хрипоту в средине речи мерной
Воспроизвел художественно-верно.
Оставить бы нахала одного
Одуматься в тиши уединенья,
Но увещанья их и наставленья,
Не вразумив, взбесили лишь его,
И негодяй, дойдя до исступленья,
Пошел стрелять ученостью своей,
Возвышенное с мерзким ставя рядом,
Осыпал он сестер ругательств градом.
«Черт! Дьявол! Леший! Ведьмы! Сто чертей!»
. . . .
. . . .

Всех обуял неодолимый страх,
И бросились бежать все впопыхах,
Дрожа, крестясь, друг дружку с ног сбивая.
Всем слышался с испуга трубный звук;
Что страшный суд настал — всем ясно стало.
Был так велик в монастыре испуг —
Что старица Анфиса повторяла
Все речи неприличные нахала
И, потеряв последний разум, вдруг
С бессмысленным бесстыдством заплясала.
Ее, конечно, увели сейчас.
«Он еретик, он порожденье ада!
За прегрешенья наши так и надо, —
Раздался вдруг глубоко скорбный глас.
И с узеньких глубоко впалых глаз
Отерла слезы мать Иродиада. —
Бог за грехи шлет испытанье нам
И кару нашим во Христе сестрам,
Как некаким заблудшим овцам стада,
Привившим к птице весь мирской разврат
И суетной науки тонкий яд.
Воистину диаволовы чада!
Да идет к ним. А мы наш честный дом
От всякой скверны оградим крестом».
— «Помилуй нас, сладчайший Иисусе! —
Речь повела в начальническом вкусе,
Не выдержав, сама приорша-мать. —
К ним, к ним его немедля отослать!»
Сентенция положена такая:
«На родину злодея попугая
Препроводить, понеже уличен
В наитягчайших преступленьях он:
В произнесенье дерзком в месте святе,
Исполненном господней благодати,
Кощунственно-ругательских речей
И в богохульстве, коими злодей,
Произведя в монастыре смятенье,
Тем обнаружил явно покушенье
Растлить, в виду поруганных святынь,
Умы, сердца и нравы инокинь».
Все приговор суровый подписали,

Хоть ныли все сердца их от печали.
Кто б думать мог, что яд нечестья скрыт
В хорошенькой головке изумрудной
И обольщает красотою чудной
Язычник, нехристь, оборотень, жид!
И вновь с Дружком привратница бежит.
Дружок орал сначала что есть духу,
Не укусил, однакоже, старуху
И замолчал, поняв, что предстоит
Обратный путь в компании веселой.

Нет слов у муз, чтоб выразить весь стыд,
Отчаянье, весь мрак тоски тяжелой,
Который камнем на сердца упал
В монастыре на берегах Лоары,
Когда подобный нантскому скандал
В нем произвел вернувшийся нахал.
Достоин он неумолимой кары;
Чтоб утвердить примером божий страх
В расшатанных неверием умах,
Из девяти монахинь престарелых,
В посте, в трудах по бозе поседелых,
Образовался избранный совет.
До десяти веков им не хватало
Каких-нибудь полутораста лет.
Пустынное избрав для прений зало,
Все в трауре уселись за столом,
Покрытым черным до полу сукном.
На стол поставлен в клетке подсудимый,
Развенчанный, предчувствием томимый.
Вотще искал его блуждавший взор
Защитницу из молодых сестер.
Глядела мрачно роковая урна —
И началось голосованье бурно.
На двух билетах черных двух сивилл
Дрожащий почерк смерть определил.
Двух не совсем еще ума лишенных
Авгурш решенье было, дабы он
Под крепким караулом водворен
Был в Индии (понеже там рожден),
В ее лесах, не очень отдаленных.

Но большинство, однакоже, пяти,
С любовью кроткой рассмотрев все дело,
В обдуманной редакции сумело
Гуманным быть и строгость соблюсти.
И приговор, без мрачных зложелательств
Объявленный, с достаточным числом
Смягчающих злодейство обстоятельств,
Был выслушан почтительно Дружком:
Два месяца поста и воздержанья,
Три заключенья в клетке под замком,
Четыре покаянного молчанья.
И что всего ужаснее — к Дружку
Приставлена вгонявшая в тоску
Зеленая, худая, как холера,
Осьмидесятилетняя мегера,
Живая смерть или ходячий ад.
Смотрела в оба фурия сурово,
Чтоб ни конфект, ни лакомства иного
Не пронесли тихонько в каземат
Молоденькие сестры, сожалея
Погибшего, но милого злодея.
Был грех велик и кара тяжела!
Сестра Агнеса раз из-за угла
Ему гостинцев как-то пронесла,
Но наш герой, в грехах тяжелых каясь,
Лишь прохрипел, до лакомств не касаясь.

Несчастья образумили его,
Мысль утвердили в нем уединенье,
Неволя, стыд, а более всего —
К тюремщице-мегере отвращенье.
На прошлое взглянул спокойно он.
Из умненькой, хорошенькой головки
Исчезло все, как безобразный сон,
Все кучера, жандармы и торговки,
И с сестрами запел он в унисон,
Решившись жить в их обществе любимом
Попрежнему безгрешным херувимом.
Ареопаг старух, как ни был строг,
Но сократил всех наказаний срок.
Счастливый день, благословенный день!

Какой восторг опять, какие ласки!
Каким огнем затеплились все глазки...
Но ах! Где свет, там падает и тень.
Кто думать мог о роковой развязке
В день торжества? Дружок к ним возвращен,
Исправился, помилован, прощен!
Печали, скорби сестрами забыты,
И обратились кельи в райский сад,
Цветами и растеньями увитый —
И пенится душистый шоколад,
И дразнят вкус воздушные бисквиты.
Все прыгают, все разом говорят...
Вознаградить за скорби и печали
Стремились все Дружка наперерыв
И, гигиены правила забыв,
Весь день его сластями угощали,
И всё клевал из вежливости он,
И аппетит был до того силен,
Что, с гигиеной тоже не справляясь,
Он испустил дыханье, разговляясь.
Еще пример: какой ужасный вред
Разгавливаться плотно в мясоед.
Здесь, муза, стой! Перо и кисть положим.
Ни в образах, ни в звуках мы не можем
Отчаянья сестер изобразить.
Сто тысяч поцелуев, бедным счетом,
И море слез горючих пролито́ там,
Но тщетно все. Дружка не воскресить!
Атропою он обречен могиле,
И вновь связать оборванную нить
Безгрешные лобзанья их не в силе!
Как светоч, он угас; как фимиам,
Как сизая волна паникадила,
Унесся ввысь. С пророческою силой
Глаголал он пред смертью, но сестрам
Значенье слов его неясно было.
И, прилетев с Олимпа в оный час,
Ревнуя к ним, красавцу веки глаз
Богиня красоты сама закрыла.
И, просветлев, преставился Дружок.
И дух его из скорбной сей юдоли

Печалей, воздыханья и неволи
На крыльях сладострастья поволок
Богини сын, хорошенький божок.
С прискорбием душевным излагая
Болезнь и смерть красавца попугая,
Мать-казначей по всем монастырям
С нарочными послала циркуляры.
(Трагедию на берегах Лоары
В подробностях из них узнал я сам.)
Чтоб дать векам портрет феноменальный,
Как идеал ума и красоты,
Был приглашен художник гениальный.
Лишь гений мог снять гения черты!
И в неутешной горести сестрами
И гарусом и разными шелками
Был на канве живым изображен
В различные моменты жизни он —
И перлы слез все вышивки нетленно
Украсили, как ризой драгоценной.
Последний долг был отдан с торжеством,
Изобразить которое, как чудо,
Обыкновенных смертных языком
Я не могу, читатели, — покуда
Слог нашей речи состоит из слов,
А не душистых трелей и цветов.
Зеленый мирт простерся над тяжелой
Гробницею. Надгробием в стихах
Почтили сестры незабвенный прах,
Как прах царя карийского Мавзола
Его супруга, славная в веках.
И надпись ту на мраморе, в цветах,
В таинственной тиши уединенья,
Нельзя читать без слез и умиленья:
Когда, о юные послушницы! забавы
Под эту сень вас увлекут,
Остановитесь здесь. Мирт этот величавый
Укрыл любви приют.
Да не смущает здесь шум резвости беспечной
Безмолвья скорби нашей вечной.
Прочтите, прослезясь: увы! под камнем сим
Зарыт Дружок — мы все зарыты с ним.

Есть, впрочем, слух, что тень почтенной птицы
Оставила немую сень гробницы,
И попочка не только что живет
До наших дней в чертах иной черницы,
Но до скончанья века не умрет:
Закон метампсихозы исполняя,
Он, из сестры в сестру перелетая,
В их образах хранит из рода в род
И болтовню и душу попугая.

1874

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

АМЕРИКАНСКИЙ ПРИНЦ И АФРИКАНСКАЯ ПРИНЦЕССА

*(Лирическая опера в трех действиях
и шести рифмах с прологом)*

ПРОЛОГ

Госпожи и господа! В этой пьесе
Американский принц женится на африканской
принцессе,
Но долг чести зовет принца в бой кровавый,
Где он и умирает, увенчанный славой.
За добродетель, обаче, ему жизнь возвращается.
Все сие ново и любопытно. Занавес поднимается.

ДЕЙСТВИЕ I

Принц и принцесса (входят по совершении брачного обряда)

Принцесса

С законным браком, принц.

Принц

И вас, моя драгая.
Народ, пляши и пой, блаженство выражая.

Народ

Воспляшем, воспоем, блаженство выражая.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ II

За сценой происходит сражение. Слышны удары сабель. Принц входит, преследуемый врагами, сражается с ними и падает, убиенный. За ним входит принцесса.

Принцесса
(с ужасом)

Супруг!

Принц

Супруга!

Принцесса
(с сугубым ужасом)

Что!

Принц
(с сугубою слабостью)

Я умер.

Принцесса

Ах, как жаль!
Народ, пляши и пой, чтоб выразить печаль!

Народ

Воспляшем, воспоем, чтоб выразить печаль!

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ III

Паллада усмотрела храбрость американского принца и положила предел преследованиям злобного Рока. Блещущая славой богиня, восседя на позлащенном кресле и указуя на бездыханный труп, глаголет сице:

Паллада

Я жизнь тебе дарю!

Принцесса
(умиленно)

О, чудо!

П р и н ц

(вскакивает как бы встрепанный)

Я воскрес!

(Несколько раз перевертывается на одной ноге в восторге.)

Народ, пляши и пой! Се — чудо из чудес!

Н а р о д

Возпляшем, воспоем! Се — чудо из чудес!

К о н е ц т р е т ь е г о и п о с л е д н е г о д е й с т в и я.

⟨1875⟩

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

СМЕРТЬ ВОЛКА

I

Как над пожарищем клубится дым летучий,
Над раскаленною луною плыли тучи.
Мы просекою шли. Недвижно мрачный лес,
Чернея, достигал верхушками небес.
Мы шли внимательно — и вдруг у старой ели
Глубокие следы когтей мы разглядели;
Переглянулись все, все затаили дух,
И все, остановясь, мы навострили слух.
— Все замерло кругом. Деревья не дышали;
Лишь с замка старого, из непроглядной дали,
Звук резкий флюгера к нам ветер доносил,
Но, не спускаясь вниз, листвой не шелестил, —
И дубы дольние, как будто бы локтями
На скалы опершись, дремали перед нами.
На свежие следы пошел один из нас —
Охотник опытный: слух чуткий, верный глаз
Не изменял ему, когда он шел на зверя, —
И ждали молча мы, в его уменье веря.
К земле нагнулся он, потом на землю лег,
Смотрел внимательно и вдоль и поперек,
Встал и, значительно качая головою,
Нам объявил, что здесь мы видим пред собою
След малых двух волчат и двух волков больших.
Мы взялись за ножи, стараясь ловко их
Скрывать с блестящими стволами наших ружей,
И тихо двинулись. Как вдруг, в минуту ту же,

Ступая медленно, цепляясь за сучки,
Уж мы заметили — как будто огоньки —
Сверканье волчьих глаз. Мы дальше всё стремились,
И вот передние из нас остановились.

За ними стали все. Уж ясно видел взгляд
Перед волчицею резвившихся волчат,
И прыгали они, как псы с их громким лаем,
Когда, придя домой, мы лаской их встречаем;
Но шуму не было: враг-человек зверям
Повсюду грезится, как призрак смерти нам.
Их мать красиво так лежала перед ними,
Как изваяние волчицы, славной в Риме,
Вскормившей молоком живительным своим
Младенцев, призванных построить вечный Рим.
Спокойно волк стоял. Вдруг, с молнией во взгляде,
Взглянув кругом себя, поняв, что он в засаде,
Что некуда бежать, что он со всех сторон
Людьми с рабами их, борзыми окружен,
Он к своре бросился и, землю взрыв когтями,
С минуту поискал, кто злее между псами...

Мы только видели, как белые клыки
Сверкнули, с жертвою, попавшею в тиски.
Казалось, не было такой могучей власти,
Чтоб он разжал клыки огнем дышавшей пасти:
Когда внутри его скрещался нож об нож,
Мы замечали в нем минутную лишь дрожь;
Одна вслед за другой в него влетая, пули
В тот только миг его значительно шатнули,
Когда, задавленный, из челюстей стальных,
Свалился на́земь пес в конвульсиях немых.

Тогда, измерив нас уж мутными глазами,
В груди и в животе с вонзенными ножами,
Увидев в близости стволов грозящих круг, —
До выстрела еще, он на кровавый луг
Лег сам — перед людьми и перед смертью гордый, —
Облизывая кровь, струившуюся с морды,
Потом закрыл глаза. И ни единый звук
Не выдал пред людьми его предсмертных мук.

II

Не слыша более ни выстрела, ни шума,
Опершись на ружье, я увлечен был думой.
Охотники давно преследовать пошли
Волчицу и волчат — и были уж вдали.
Я думал о вдове красивой и суровой.
Смерть мужа разделить она была б готова,
Но воспитать детей повелевал ей долг,
Чтобы из каждого хороший вышел волк:
Чтобы не шел с людьми в их городах на стачки,
Чтоб голод выносил, но чтоб не брал подачки, —
Как пес, который гнать из-за куска готов
Владельцев истинных из их родных лесов.

III

О! если б человек был так же духом тверд,
Как званием своим «царя зверей» он горд!
Бесстрашно умирать умеют звери эти;
А мы — гордимся тем, что перед ними дети!
Когда приходит смерть, нам трудно перенять
Величие зверей — умение молчать.
Волк серый! Ты погиб, но смерть твоя прекрасна.
Я понял мысль твою в предсмертном взгляде ясно,
Он говорил, твой взгляд: «Работай над собой,
И дух свой укрепляй суровою борьбой
До непреклонности и твердости могучей,
Которую внушил мне с детства лес дремучий.
Ныть, плакать, вопиять — все подло, все равно.
Иди бестрепетно; всех в мире ждет одно.
Когда ж окрепнешь ты, всей жизни смысл проникнув, —
Тогда терпи, как я, и умирай, не пикнув».

⟨1864⟩

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Когда я был еще дитёй,
В обширной зале и пустой
    Сижу я вечером, все спят...
Войдя неслышною стопой,
Весь в черном мальчик сел со мной,
    Похожий на меня, как брат.

При слабом трепете огня
Взглянул он грустно на меня
    И грустно голову склонил;
Всю ночь с участием в очах,
С улыбкой кроткой на устах
    Он от меня не отходил.

Я покидал отцовский дом,
И живо помню: знойным днем,
    Войдя в заглохший дикий сад,
Увидел я в тени ракит —
Весь в черном юноша сидит,
    Похожий на меня, как брат.

Куда идти мне — я спросил.
Он тихо лиру опустил
    И, сняв венок из диких роз,
Как друг, кивнул мне головой
И холм высокий и крутой
    Мне указал на мой вопрос.

Когда любил я в первый раз —
До утра не смыкая глаз,
Тоской неведомой объят,
Я плакал... Вдруг передо мной —
Весь в черном призрак роковой,
Похожий на меня, как брат.

Он меч держал в одной руке
И, как в ответ моей тоске,
Другою мне на свод небес
С тяжелым вздохом указал...
Моим страданьем он страдал,
Но, как видение, исчез.

На шумном пиршестве потом
Приподнял я бокал с вином,
И вдруг — знакомый вижу взгляд...
Смотрю: сидит в числе гостей
Один, весь в черном, всех бледней,
Похожий на меня, как брат.

Был миртовый венец на нем
И черный плащ, и под плащом
Багряной мантии клочки.
Со мной он чокнуться искал —
И выпал из моей руки
Неопорожненный бокал.

Я на коленях до утра
Всю ночь проплакал у одра,
Где мой отец был смертью взят;
И там, где вечная мечта,
Сидел весь в черном сирота,
Похожий на меня, как брат.

Он был прекрасен, весь в слезах,
Как ангел скорби в небесах:
Лежала лира на земле;
Он в багрянице был, с мечом,
В груди вонзенным, и с венцом
Колючих терний на челе.

Как верный друг, как брат родной,
Где б ни был я, везде со мной,
В глухую ночь и в ясный день,
Как демон на моем пути
Или как ангел во плоти,
Следила дружеская тень.

Усталый сердцем и умом,
Оставив родину и дом,
И весь в крови от старых ран,
Пустился я в далекий путь,
Чтобы найти хоть где-нибудь
Самозабвения обман.

Куда ни проникал мой взор:
В величии громадных гор,
Среди смеющихся полей,
В уединении дубров,
В тревоге вечной городов
И в вечном ропоте морей;

Везде под сводом голубым,
За Горем старым и хромым
На вечной привязи бродя,
Где я, со всеми зауряд,
И сердце утомлял и взгляд,
Незримо кровью исходя;

В странах, куда летел душой
За вечно жаждущей мечтой
И где встречал я вечно то ж,
Что и бросал, стремившись вдаль,
И с чем расстаться было жаль, —
Других людей и ту же ложь;

Везде, где, встретив то же зло,
Сжимал руками я чело
И, будто женщина, рыдал;
Где рок безжалостной рукой
С души, как шерсть с овцы тупой,
Мечты последние срывал;

Повсюду, где лежал мой путь
И где забыться и уснуть,
Хоть навсегда, я был бы рад, —
Везде, как призрак роковой,
Весь в черном странник шел за мной,
Похожий на меня, как брат.

Но кто ты, спутник мой, с которым неизбежно
Судьба меня свела?
Я вижу по твоей задумчивости нежной,
Что ты не гений зла:
В улыбке и слезах терпимости так много,
Так много доброты...
При взгляде на тебя я снова верю в бога
И чувствую, что мне над темною дорогой
Сияешь дружбой ты.

Но кто ты, спутник мой? В моей душе читая,
Как добрый ангел мой,
Ты видишь скорбь мою, ничем не облегчая
Тернистый путь земной;
Со мной без устали дорогою одною
Идешь ты двадцать лет:
Ты улыбаешься, не радуясь со мною,
Ты мне сочувствуешь безвыходной тоскою, —
О, кто ты? Дай ответ!

Зачем всю жизнь тебя, с участием бесплодным,
Мне видеть суждено?
— Ночь темная была, и ветер бил холодным
Крылом в мое окно;
Последний поцелуй на бедном изголовье
Еще, казалось, млел...
А я уж был один, покинутый любовью,
Один — и чувствовал, что, весь омытый кровью,
Мир сердца опустел...

Мне все прошедшее ее напоминало:
И прядь ее волос,
И письма страстные, что мне она писала,

Исполненные слез;
Но клятвы вечные в ушах моих звучали
Минутной клятвой дня...
Остатки счастия в руках моих дрожали,
Теснили слезы грудь и к сердцу подступали...
И тихо плакал я.

И, набожно свернув остатки, мне святые,
Как заповедный клад,
Я думал: вот любовь и грезы золотые
Здесь мертвые лежат...
Как в бурю мореход, не видящий спасенья,
На злую смерть готов,
Тонул в забвеньи я и думал: прах и тленье!
Листок, клочок волос спаслися от забвенья,
Чтоб пережить любовь!

Я приложил печать; все прошлое покорно
Я ей хотел отдать...
Но сердце плакало — и верило упорно
Ее любви опять...
О безрассудный друг! ребенок вечно милый,
Ты вспомнишь обо всем.
Зачем, о боже мой! когда ты не любила,
Зачем рыдала ты и ласками дарила,
Пылавшими огнем?

Ты вспомнишь, гордая, забытые рыданья,
Рыдать ты будешь вновь,
И в гордом сердце вновь проснется, как страданье,
Погибшая любовь;
Прости — ты в гордости найдешь успокоенье, —
Прости, неверный друг!
Я в сердце схоронил минувшие волненья,
Но в нем осталися заветные биенья,
Чтоб жить для новых мук.

Вдруг что-то черное в глазах моих мелькнуло
И в тишине ночной
Как будто пологом постели шевельнуло...
Мой призрак роковой,

Весь в черном, на меня смотрел обычным взглядом...
Но кто ты, мой двойник?
Как вещий ворон, ты ко мне подослан адом,
Чтоб в бедствиях меня, как смерть, со мною рядом
Пугал твой бледный лик!

Мечта ль безумца ты? мое ли отраженье?
Быть может, тень моя?
Зачем ты следуешь за мною, привиденье,
Где ни страдаю я?
Кто ты, мой бедный гость, сдружившийся с тоскою,
Свидетель скрытых мук?
За что ты осужден идти моей стезею?
На каждую слезу ответствовать слезою?
Кто ты, мой брат, мой друг?

ВИДЕНИЕ

О мой брат! не злой я гений,
Не из горних я селений;
Но один у нас отец.
Те, кого я посещаю,
Я люблю их — и не знаю,
Где их бедствиям конец.
В мире братья мы с тобою:
Ты бесстрастною судьбою
Вверен мне от детских дней.
За тобой пойду я всюду,
Ты умрешь — я плакать буду
Над могилою твоей.
Не могу тебе сжать руку;
Усладить не в силах муку
И страдания любви;
Но я старый друг печали,
И меня, — как прежде звали, —
Одиночеством зови.

⟨*1858*⟩

ИВА

Как придется мне покинуть свет,
Посадите иву над могилой.
О друзья! Мне дорог этот цвет —
Бледный цвет, плакучий и унылый...
Надо мной чтоб тень ее легла —
И могила будет мне светла.

Я с нею был... Немая ночь вставала.
Мне не забыть, как белая рука
По клавишам задумчиво блуждала...
Мне чудилось: дыханье ветерка
Над тростником чуть слышно пробиралось,
Боясь смутить в покое теплых гнезд
Уснувших птиц, — а небо волновалось
Мирьядами затеплившихся звезд,
И теплые ночные испаренья
Неслися к нам из чашечек цветов...
Задумчиво следили мы движенья
На ветвях дуба дремлющих листов,
В открытое окно ронявших слезы...
Кругом была такая тишина,
Что слышалось, как страстной ночи грезы
Несла в окно душистая весна.
Я окружен был счастьем, как мечтаньем:
Лишь небеса полуденной весны
Могли сравниться с кротким обаяньем

Ее очей лазурной глубины.
Я как в тумане был... Тогда я в целом свете
Любил ее одну — но я любил как брат,
Так примирительно-спокойно милый взгляд
Ложился на душу. Мы оба были дети!

Я на нее смотрел, касаяся слегка
Руки, доверчиво в моей руке забытой,
И в сердце замерли сомненье и тоска
Пред ясностью души, в лице ее открытой.
О сердца молодость и молодость лица!
Какая скорбь души пред вами не слабела?..
Вставала на небе безоблачном луна
И сетью серебра ее лицо одела,
И, встретив образ свой в глазах моих, она
С улыбкой — с ангельской улыбкою — запела.

Гармония! Гармония! Дочь муки,
Дар гения, язык любви чудес,
Италией разбросанные звуки,
В Италию слетевшие с небес!
Язык, в котором мысль, от сердца истекая,
Не оскорбленная, невидимо для глаз,
Как дева чистая с забытой песнью рая,
С высокого чела покрова не снимая,
В суровой красоте проходит мимо нас!
Что хочет передать ребенок, что он слышит
В струях гармонии, колеблющих поток
Воздушных светлых волн, которыми он дышит,
Как свежую росу впивающий цветок?
Подметим мы слезу, блеснувшую случайно,
Подметим тайный вздох — все остальное тайна,
Как ночь угрюмая, как тишина дубров,
Немолчный говор волн и аромат цветов.

Молчали оба мы задумчиво. Сполна
Дрожал еще у нас в сердцах напев унылый...
Вдруг, будто в забытьи томительном, она
На грудь мне голову тяжелую склонила.
Дитя! ты плакала? В душе, закрытой злу,
Нашли созвучие подавленные стоны

Над ивой плакавшей и певшей Дездемоны...
Я приложил уста к холодному челу
И будто целовал неведомую силу...
Ты улыбалась мне — бледна и холодна.
Два месяца прошло — и холодна, бледна —
Ты вся в цветах была опущена в могилу;
Ты к богу отошла, минуя жизни зло,
И улыбнулась смерть тебе, как жизнь, светло.

Где все сокровища души незараженной?
Где песни, звонкий смех и резвые мечты,
И непонятная святая прелесть — ты,
Перед которою Фауст стоял смущенный?..
Цветок свернувшийся, что сталося с тобой?..

Мир памяти твоей! Спи в светлых грезах рая...
Прости! Не будешь ты душистой ночью мая
По клавишам блуждать задумчиво рукой...

Как придется мне покинуть свет,
Посадите иву над могилой.
О друзья! Мне дорог этот цвет —
Бледный цвет, плакучий и унылый...
Надо мной чтоб тень ее легла —
И могила будет мне светла.

⟨1861⟩

ОГЮСТ БАРБЬЕ

ВСЕМИРНАЯ СЛАВА

Могучий Гутенберг! твой мужественный гений
Мир дряхлый обновил.
Ты дал орудие для новых поколений
На гибель темных сил.
В ту ночь, когда к тебе желанною женою
Свобода низошла
И прикоснулся ты открытого тобою
Бессмертного чела, —
Старик! святая мысль была твоей отрадой,
Что мир благословлять
И славить будет век зачавшееся чадо,
Как и Свободу-мать.
И с этой мыслью ты смежил спокойно очи
И опочил навек
Тем безмятежным сном, которым спит рабочий
И честный человек.
Увы! ты силен был сознаньем идеала;
Оно в последний час
Твои предсмертные мученья облегчало,
И мирно ты угас.
Ты равен был богам, изведав на мгновенье
Жены небес любовь,
Но влить, как человек, не мог в свое творенье
Божественную кровь.
Вопросам роковым дочь Мысли и Свободы
Не изрекла ответ.

Увы! в делах людей — таков закон Природы —
Дел совершенных нет!

Бессмертной матери, на первый взгляд, явилась
Подобием она.
Чело задумчиво, во взорах отразилась
Небес вся глубина;
Стремленьям к истине, добру и свету вторя,
Правдивых уст глагол,
Казалось бы, звучней, чем шум немолчный моря,
Мир целый обошел;
От взгляда гневных глаз вся масса злодеяний
Повергласъ бы пред ней,
Разбив орудия жестоких истязаний
Осколками цепей.
В победоносный хор слились бы дружно звуки,
Со всех концов земных,
Искусства честного и истинной науки —
Двух сил, всегда живых.
Мысль человечества вмещается всецело
В чертах ее лица,
И бьются ей в ответ восторженно и смело
Все честные сердца,
Благословляя час, когда ее рожденьем
Свой труд ты увенчал,
Могучий Гутенберг, — и новым поколеньям
Путь к счастью указал.

Но если в нас любовь к бессмертной зародилась,
И трепетной рукой
Поднимем мы покров, чтоб зренье насладилось
Вполне ее красой, —
О, ужас! Дивных форм напрасно ищут взгляды
В создании твоем:
Громадным пугалом шипят, срастаясь, гады
С чудовищами в нем.
Там псы, готовые, для падали позорной,
На мирную страну
Налаять в бешенстве своею пастью черной
Раздоры и войну.
Там душит гения, расправившего крылья,

Змей подлый, там хула
И клевета едят, как ржавчина, в бессильи
Упавшего орла.
Распространяя смрад, в неистовстве, бесстыдно
Разнузданных страстей,
Там рады кинуться гиены и ехидны
На женщин, на детей...
И пьют они, — внося заразою с собою
Насилье и обман, —
Кровь человечества, текущую рекою
Из миллиона ран.

Какое зрелище! И дальше, дальше — целый
Ужасный ряд картин!
Тут духом падает невольно самый смелый
И гордый гражданин.
В бессилье роковом чело сжимают руки,
Темнеет свет в глазах,
И разрешаются у сильных духом муки,
Как у детей, в слезах.
И в этот страшный час, когда сплошною тучей
В грядущем мир покрыт,
В тоске сомненья он — о Гутенберг могучий! —
Во всем тебя винит.
Стремленья к истине твоей души великой,
Свободные мечты,
Все проклинает он в одном невольном крике:
— Ах! лучше б не жил ты!

⟨1865⟩

В МАСКАРАДЕ

Фойе оперного театра: Пьеро сидит один, погруженный в задумчивость; входит Арлекин.

Арлекин

Кругом веселье, шум, и музыка, и пляски.
Здесь все дурачатся, и в масках и без маски,
Невзгоды и труды безумством заглушив, —
И только ты, Пьеро, суров и молчалив.

Пьеро

Ты видишь, Арлекин, костюм мой одноцветный
И этот белый цвет — цвет для меня заветный.
Ты знаешь: я всегда и постоянно в нем.
Так постоянство мне присуждено во всем.

Арлекин

Нет, я на этот счет совсем иного мненья:
Во мне изменчивы и вкус и убежденья.
Как пестрый мой костюм, я весь из лоскутков,
Пленяющих глаза смешением цветов.
Я красный, голубой, я желтый, я зеленый;
Болтаю и верчусь, как попугай ученый.
Я взял за образец беспечность мотылька —
И нравственность моя свободна и легка.
Здесь нынче, завтра там порхаю, без усилья,
По ветру распустив доверчивые крылья,
С утра приветствуя все свежие цветы
Любви, могущества и прочей суеты.

Пьеро

За глупой новизной гоняться, как за делом!
Всечасно падая, кривить душой и телом,
Кривляться, корчиться — а цель таких трудов:
Орехов горсточка, когда уж нет зубов!

Арлекин

Нет! Глупостей людских внимательный свидетель,
Необходимую для света добродетель
Измерил тщательно блестящий арлекин
На безошибочный общественный аршин.
За каждый мой поклон, за ловкое словечко
То деньги выпадут, то видное местечко,
А то вдруг общества ученого диплом...

Пьеро

Все это хорошо — добытое трудом.
Но, милый Арлекин, зависит все от взгляда;
Ты блеском тешишься, а мне его не надо.
Не избалован я, и жизнь моя скромна.
Мне улыбается приветливо Пьерета,
Кусок жаркого есть с бутылкою вина —
И больше ничего не нужно мне от света.
Затем ни для каких блестящих ваших благ
Не встану с места я, чтоб сделать лишний шаг.

Арлекин

Система у тебя отличная, бесспорно,
Пока вино свежо и милая покорна.
Но, милый, скиснется от времени вино,
А сердце женское, как ночь, всегда темно.
Что ж сделаешь, когда, разнообразья ради,
Пьерета, как теперь в блестящем маскараде,
Вспорхнет и улетит от нежной скуки прочь?

Пьеро

Я буду ждать всю жизнь, как здесь прожду всю ночь.

Арлекин

Как? Если наконец узнаешь ты наверно,
Что милая твоя с другим ушла, примерно,

Ты будешь так же глуп? Надеяться с тоской,
Любить, когда с другим смеются над тобой, —
Клянусь Кипридою! Подобную рутину
Богами не дано постигнуть арлекину!

Пьеро

Что ж делать? Цвет Пьеро был неизменно бел,
И в постоянстве лишь я вижу свой удел.
Охоты нет во мне одеться арлекином,
Чтоб размерять любовь и совесть по аршинам.
Тем хуже для того, кому Пьеро смешон.

Арлекин

Чувствительный Пьеро! Примите мой поклон.
Будь бел попрежнему, а я — слуга покорный!
Покрыть вселенную какой-то дымкой черной,
Как ты ее покрыл, — нимало не остро.
Я пестрый — пусть и жизнь волнуется пестро.
Взгляни: вот движется почтенная особа,
Две маски рядом с ней хохочут и визжат.
Не правда ль — это тень дрожащую из гроба
Два черных демона препровождают в ад?
Нет, это старичок веселенького склада.
Весь ум его, вся жизнь — одна арлекинада.
Чтоб удержать свой вес, старик, в его лета,
Готов хоть сто раз в день переменять цвета.
Бегу, чтоб мудростью насытиться, — короче:
Чтоб с масками его убить остаток ночи.

(Уходит.)

Пьеро

Счастливый путь! Иди, куда инстинкт зовет.
Веселый Арлекин, ты прав: безумец тот,
Кто в этом обществе, где люди, то и дело,
Как птицы всех цветов, линяют каждый год,
Захочет щеголять своей одеждой белой.

⟨1866⟩

ГЮСТАВ НАДО

ВЕЖЛИВЫЙ ВОР

«Извините меня, сударь мой, —
Как решаетесь вы в эту пору
Проходить этой чащей лесной?
Ну, как встретитесь ловкому вору,
Вот как встретились нынче со мной?
Лес и ночь как не надо быть глуше,
В эту пору не то что Картуши,
А простой проходимец — и тот
Вас, как липочку, здесь обдерет.
Вы спешите домой, вероятно,
Но мне было бы очень приятно
Задержать вас на парочку слов...
Впрочем, вот пистолеты со мною...»
— «Ах! Не троньте! Я рад всей душою...
Говорите. Я слушать готов...»
— «Благодарен я вам всей душой,
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
Я одет очень скромно и бедно
И — поверите ль — даже зимой,
Хоть здоровью оно очень вредно,
Я гуляю в жакетке одной.
Ах! Когда бы попались мне в руки
Фрак суконный, триковые брюки,
Однобортный... двубортный жилет...

Изменился бы мой туалет!
Да хоть дюжину, что ли, рубашек...
Я отстал бы от диких замашек,
Не шатался бы зверем в ночи...
У меня пистолеты есть кстати...»
— «Ах! Не троньте их! Нате вам, нате
От моих чемоданов ключи».
— «Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
На прожиток мне нужно немного —
Изобильно я взыскан судьбой:
Капитал мой — большая дорога,
Лес дремучий да сумрак ночной.
Обладая таким капиталом,
Не богат я «презренным металлом»,
Но хоть «счастье не в деньгах», нужда
Заставляет просить иногда.
Ну, а вы... человек вы дорожный —
Да притом не совсем осторожный, —
Вечер темен, а путь ваш далек...
У меня пистолеты есть кстати...»
— «Ах! Не троньте их! Нате вам, нате
Мой бумажник и мой кошелек».
— «Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
Говорю с простотою всегдашней —
Нету башни у нас городской
И часов, значит, нету над башней.
И, как я доложил вам, наш брат
Не особенно, то есть, богат.
Не собьешься на наши излишки,
Чтоб стучали в кармане часишки,
А ведь сей металлический звон
Называют «глаголом времен».
И действительно, каждому лестно,
Если в точности время известно...
А цепочка нужна для красы...

У меня пистолеты есть кстати...»
— «Ах! Не троньте их! Нате вам, нате
На тринадцати камнях часы».
— «Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
Я боюсь — надоел вам, пожалуй...
Вы, однако, избавлены мной
От опасности, даже немалой,
От опасности даже большой.
Вы не верите мне, так поверьте:
Жизнь милей неожиданной смерти.
В жизни много хороших часов,
Если мозг и желудок здоров.
Счастье есть даже в нищенском быте.
Так целуйте меня, обоймите:
Вы мне жизнью обязаны, всем —
Впрочем, вот пистолеты со мною...»
— «Ах! Не троньте! Оставьте в покое...»
— «Доброй ночи желаю затем.
Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой».

⟨1865⟩

ВИКТОР ГЮГО

СЕДАН

I

Тулон — убийцам зауряд; ему — Седан!

Игрушка случая, вчера еще тиран,
Сегодня призрак, грязь — врагами одурачен,
С повязкой на глазах, впотьмах, врасплох захвачен
Судьбою — логикой событий мировых —
Без воли, в кандалах позорных дел своих,
Пугаясь каждый миг раскрытого широко
И гневно совести сверкающего ока.
Хоть карлик, но актер трагических времен,
Такою бездною позора поглощен,
Какой не ведала история от века...

Казнь — выше всех земных пророчеств человека!
. . . .

II

III

Комета падает внезапно; но она
В паденье солнцами небес озарена.
Величьем роковым паденья сатаны

В преданиях людей века изумлены.
Над каждой гордою, великою судьбой
Великих катастроф лучи горят звездой.
Преступный Бонапарт, сверкавший в век железный,
Падением своим не опозорил бездны;
Хоть грозной карою — всем деспотам в пример —
Святой Еленою наказан был Брюмер,
Но в прах низверженный, в лучах последних славы
Оставил он векам свой образ величавый —
И даже в совести народной залегло
Сомненье: точно ли колосс всевластный — зло.

Злу храмы воздвигать не подобает. — Снова
Сверкнуло молнией для мира божье слово.
Порою хищником является титан;
И вор ползет за ним. Потребен был Седан,
Чтоб в ужасе узнал весь мир, что для пигмея
Отныне заперта дорога Прометея;
Что разница — поток или гнилой ручей;
Что у судьбы в руках есть кары для людей,
По мере их злодейств, предательств и измены,
Страшнее Ватерлоо, страшней Святой Елены!

Брюмера день вполне не завершался днем
Второго декабря. Два эти дня в одном
Пятне позорном слить, чтобы их черной связью
Всю славу хищников забрызгать вечной грязью, —
Решила логика; решил во гневе бог —
Чтоб на весы позор последней гирей лег;
За эпопеею векам на изумленье
Чтоб следом вызвала пародия презренье;
Чтоб человечеству предстала глубина
Той грозной пустоты, которою полна
В земной трагедии бесстыдная картина
Паденья карлика паденьем исполина.

Он воплотил в себе злодейство. Подобало,
Чтоб и предела в нем достигло зла начало.
Зла черного конец — чернейшая из кар.

Назвавший западню империей фигляр
Так должен был упасть, чтоб дрогнула от срама
Зловонная пред ним разверзшаяся яма,
И псы, почуяв смрад неслыханный вдали,
От ямы цезарской брезгливо отошли.

IV

. .

V

Равнина. Сходятся две рати — две страны!

Из ружей, лат, голов два леса, две стены
Волнуются, шумят, идут — и потонули
В кровавом зареве, дыму и смутном гуле.
Смерть! Ужас!
                    Ядер свист с командою вождей
Согласно в миг кладут по тысячам людей.
Червь поднял голову. В права свои вступила
И деспотом ревет разверстая могила.
Могилы праздники мы назвали войной.
Вожди-властители, служа лишь ей одной,
Ей в жертву шлют людей, как гибели орудий,
И, им покорные, идут на гибель люди!
Победа и погром — случайности войны;
Но силы лучшие двух стран истреблены,
И траур здесь и там, и всюду разоренье...

Борьба жестокая кипела.
                    Исступленье
Сражавшихся росло по мере их потерь;
В разумном существе вставал свирепый зверь
И тешил над другим, таким же зверем, злобу.
Шасспо и Дрейз на них выдерживали пробу.
Громадной тучею кровавый небосклон
Медузы грозные стянули с двух сторон,
Свинец губительный с шипеньем извергая;
И черных воронов прожорливая стая

За митральезами следила и ждала...
Проникла все кругом ожесточенья мгла.
Борьбы решительной кровавого исхода,
Казалось, ждут, дрожа, деревья, вся природа.
Жизнь дали с двух сторон равнине роковой,
С одной Германия и Франция с другой —
И будто два бойца, два грозных исполина,
Боролась масса войск, боролась вся равнина!

Окрепнув, отвердев, как сталь, как пушек медь,
Все шли с трагической надеждой умереть,
Шли, через раненых шагая, — и хрипенье
Предсмертное живым приказывало мщенье.
Кровь опьяняла всех, у всех в глазах был враг,
Не отступал никто, ни на единый шаг,
Все шли в дыму, во мгле, картечь валилась градом,
Все шли и падали — у всех за этим адом
Вставали, как огнем сердца их закаля,
Долг гражданина, честь, отечество, земля.
Вдруг в этой грозной мгле, где пушкам
                                        на их грохот
Созвучьем-грохотом царицы-смерти хохот;
В хаосе, где всему живущему конец
Стихиями несли железо, медь, свинец,
Гудели днем суда последнего литавры
И гимны медные про вековые лавры
Былых времен вождей, былых времен солдат
Грозою для живых сзывали в этот ад,
Где исчезало все, была лишь оборона, —
Затрепетали вдруг французские знамена
Негодованием: в эпической борьбе,
Где каждый из солдат, покорствуя судьбе,
Пока не умирал, боролся, защищался, —
Вдруг крик чудовищный, крик цезаря раздался:
«Я жить хочу!»

                    Потух огонь борьбы. Язык
У пушек отнялся. Позорный этот крик
Был для всей Франции проклятым словом бездны.

И когти выпустил во мгле орел железный.

VI

Тогда вся Франция, весь длинный ряд имен
Священных ей побед, герои всех времен,
Служившие ее развитью, славе, силе, —
Рукой разбойника оружье положили.

⟨1872⟩

МАРК МОНЬЕ

ПРИНЦ ЛУТОНЯ

(Кукольная комедия)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА-ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемая шуточная комедия заимствована (я не могу по совести назвать свой веселый труд переводом) из вышедшей в 1871 году книжки «Théâtre des marionnettes» par Marc Monnier и в подлиннике носит заглавие «Le roi Babolein». Кроме нее, в книге помещено шесть комедий, представляющих последовательно сатиры на европейские события последнего времени. «Le roi Babolein», как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье.

К ЧИТАТЕЛЮ

(Из предисловия Виктора Шербюлье к книге «Théâtre des marionnettes»)

Друг-читатель, позволь тебе рекомендовать этот томик. Это сборник комедий в стихах, и — не в обиду тебе — действие их происходит в фантазии, действуют же в них куклы. Не возражай мне раньше времени, что куклы не интересуют тебя, как существо относительно высшей

породы. Марионетка пляшет в направлении, сообщаемом ей невидимою ниткою. Если ты можешь объяснить мне, чем это определение не подходит к нам, людям, я — клянусь тебе — соглашусь, что ты перехитрил меня. У нас, кукол, покрытых плотью, разум, конечно, из более тонкой материи, весь механизм наш сложнее, идеи не так просты и страсти менее непосредственны; мы любим пространные и нелепые рассуждения; мы громадными усилиями достигаем цели: удалиться как можно дальше от нашей природы. У нас нет заблуждения, на котором мы бы не построили теории, красноречиво доказывающей, что мы правы в нашей неправде, — мы никак не можем в оправдание наших пороков ссылаться на наивную чистоту нашего сердца: условные требования чести сделали из нас педантов и софистов. Как неизмеримо откровеннее, наивнее и проще нас деревянные куклы! Им неизвестна путаница наших слов и понятий: у них лица действительно зеркала душ, и их страсти приводятся в движение нитками так же непроизвольно, как их жесты. Эти маленькие механизмы то поют, то плачут, то ругаются — как бог на душу положил, — и при этом физиономии их сохраняют всегда одно и то же выражение. Они прямо вываливают все, что им ни придет в голову, беззаветно смеются или орут во все легкие, смотря по тому, какая их шевельнет нитка. И все это просто, все это уморительно-балаганно, хотя иногда в деревянных дощечках их груди вспыхивает такой гнев, перед которым бледнеет наше холодное, сдерживаемое теориями негодование.

Тебя, может быть, скандализируют палочные удары, обыкновенно в изобилии расточаемые марионетками в этом идеальном королевстве фантазии, где действительно палка является безапелляционным орудием решения наисложнейших вопросов. Не скандализируйся, однако, и не относись к бедным марионеткам презрительно. Не думаешь ли ты, что палочных ударов рассыпается кругом тебя меньше? Когда тебе самому делают честь, угощая ими тебя в форме, несколько менее оскорбляющей твою гордость, неужели ты так наивен, что не чувствуешь на себе их силу? Друг-читатель, поверь, какая бы палка ни управляла нашими судьбами, она

все равно отзывается больно в спине и в душе унижением.

Прими еще вот что во внимание. Во всех комедиях, которые мы привыкли видеть, сидя в театральных креслах, перед тобою обыкновенно проходят великодушные банкиры, бескорыстные чиновники, идеальные лавочники, олицетворяющие собою незыблемые гражданские и семейные начала. Все они действуют как будто взаправду, рассуждают о добродетелях и процентных бумагах, вежливо расшаркиваются с дамами и девицами высшего и среднего круга, иногда даже с умеющими держать себя в обществе и роскошно одетыми пейзанами. Но в конце концов, прежде чем опуститься занавесу, молодой человек Артур непременно на глазах твоих соединяется узами Гименея с девицей Евгенией. Я ничего не имею против этого брака; это уж так определено свыше; но с незапамятных времен — свадьба Артура и Евгении, и каждый день ничего больше, как свадьба Артура и Евгении, — согласись, в этой развязке нет ничего тобою не предусмотренного, следовательно, вряд ли она тебе может всегда доставлять удовольствие. Позабудь же на полчаса свои обычные зрелища, приложи глаз к стеклам вертепа, расставляемого перед тобою поэтом, и перенесись с ним без всякой задней мысли в наивные страны абсурда, чтобы позабыться на время «в чародействе красных вымыслов». Ты увидишь между разными диковинками дровосека, злою игрой случая обратившегося в принца. Ты увидишь, как он сначала счастлив своим новым жребием и как скоро затем следует разочарование, и он возвращается в лес свой. Его жена — воплощенная житейская мудрость, не лишенная своего рода безыскусственной грации и полная любви. Она рассуждает как нельзя лучше для куклы; правдивое чувство ее еще удивительнее: уверяю тебя, я не много знаю сердец, которые бились бы так верно и правильно, как это деревянное сердце. Послушай, например, ее рассуждения о тщете земного величия и преимуществах перед нею темной, спокойной доли. Все это, конечно, ты не раз слышал, но автор заставил для тебя говорить кукол их простым безыскусственным языком, чтобы нехитрые истины не затемнялись перед тобою обычными и только условно-необходимыми хитросплетениями.

Еще одно — и последнее слово. Ты будешь смеяться, читая эти комедии, — это удивительно много для нашего времени! Да, марионетки взяли на себя смелость быть веселыми: их слова могут разогнать твою меланхолию, и так как смех дело очень серьезное, может быть, ты и призадумаешься. Если же ты боишься приливов к голове крови и не хочешь думать — будь доволен тем, что ты посмеешься — все-таки выхватишь у неумолимой злобы жизни веселый час, в который забудешь нестройный тяжелый шум, иногда очень чувствительно терзающий слух твой в вечном поступательном движении нашей старой планеты.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ КУКЛЫ:

Лутоня.
Лутониха.
Слоняй.
Ясам.
Первый старец.
Казначей.
Поэт.
Отец-командир.
Философ.
1-й, 2-й, 3-й — публицисты.
1-й, 2-й, 3-й — шамбелланы.
Мажордом.
Герольд.

I

ХИЖИНА В ЛЕСУ

Лутоня, Лутониха, Слоняй.
За сценой стучат.

Лутоня

Кто там?

Слоняй
(за сценой)

Добрый человек, впусти.
(Входит.)

Здесь в лесу сбился я с пути.
Глушь кругом, даже нет подчасков.
Обогрей, накорми, будь ласков.

Лутоня

Доложу милости твоей —
Ты в избе у простых людей.
Что дал бог — кушай вместе с нами.
Хоть изба не красна углами —
Пирогов нетути у нас:
Хлеб да квас — вот и весь тут сказ.

Лутониха

Не взыщи на мужицкой речи;
Коль пришел, значит издалече,
Отдохни, господин честной.
Мелет вздор муженек-ат мой.
Мы живем, как бог велел, примерно,
Разносолов нету — это верно...
Ну, а коли каша не претит,
Так садись — будешь пьян и сыт.

Слоняй

Очень много вам благодарен.

Лутоня

Ничего, не серчай, брат-барин.
Ты привык в хоромах тож, чай,
С сахаром внакладку пить чай,
А не то и с ренсковым ромом —
Как живут господа полным домом.
Ну, а здесь, барин, не взыщи:
Рому нет — днем с огнем ищи.

Лутониха

Господин, прости! Мой медведь
День-деньской готов волчьи песни петь.
Уж послал мне бог мужичище!
Что твой поп — завистливы глазища.
Ведь облом — камаринский мужик
Мелет, благо без костей язык.

Хаяльщик! Готов хоть солнце хаять.
Не на што — так хоть на месяц лаять,
Истинно: одну знал песню волк,
Перенял и ту мужичий толк.

Лутоня

Нет, небось, по-твоему, хоть плохо —
Не тужи, Лутонюшка, не охай!
— Не тужи — когда нам в диво хлеб,
А похлебку варим мы из щеп;
Квас-ат пьем, да квас же и хлебаем.
Хлеб до голых рук мы доедаем.
С топором в лесу ты в красный день
Знай торчи, как обгорелый пень.
Будь еще, Лутоня, благодарен,
Что с трудов твоих жиреет барин,
Не жалей ни рук, ни плеч, ни ног,
Чтоб работал брюхом лежебок!

Лутониха

Ой, Лутоня, как тебе не стыдно!
Господину слушать, чай, обидно.
Коли гостя к нам послал господь,
Так грешно те всякий вздор молоть.

(Слоняю.)

Будьте гостем; примем вас как можем.
Чай, и мы не камни тоже гложем,
А что мелет мой-то муженек —
Сдуру-то, как с дубу — не в попрек.

Слоняй

Ты, любезный, думаешь превратно.
Знатным вовсе жить не так приятно.
Мы несчастней бедных во сто раз.

Лутоня

Вот те на!

Слоняй

Своя печаль у нас.

Лутоня

Понимаем: не было печали...

Лутониха

Ой, Лутоня!

Лутоня

Черти накачали!

Лутониха

Ой, Лутоня!

Лутоня

Барин-то шутник.
Тоже, значит, без костей язык.
Ха, ха, ха! Так мы счастливей?

Слоняй

Верно.

Лутоня

Ха, ха, ха! Хотел бы я, примерно,
Чтоб свое, господское житье
Променял ты, значит, на мое.

Слоняй

Я согласен.

Лутониха

(мужу)

Эка молвил сглупа.
Ты держись, вошь, своего тулупа!

(Слоняю.)

Полно, барин, ладно мы живем:
Ты — своим добром, а мы — горбом.
Знай сверчок...

Лутоня

Молчи, когда нет смысла.
Бабий ум — что бабье коромысло.
Не кривому тут судить уму.

(Слоняю.)

Милость вашу сам я не пойму.
Будто вам взаправду надоело
День-деньской слоны слонять без дела?

С л о н я й

Надоело — если говорят!
Что ж мне делать — я и сам не рад.
Надоел мне шум неугомонный.

(Сбрасывает с себя плащ и остается в шитом золотом кафтане.)

Л у т о н и х а

Батюшки!

Л у т о н я

(ей)

Мотри: позолоченный!

С л о н я й

Я хочу свободы наконец.
Рано утром бросил я дворец —
Даже стены в нем мне надоели, —
Наудачу я пошел без цели,
Так себе, куда глядят глаза,
Загнала к тебе меня гроза —
Значит, так сама судьба решила,
Отдаю я все, что мне постыло,
Если уж угодно так судьбе,
Все мои владения — тебе,
Меч, кафтан, корону и кольчугу
За твои лохмотья и лачугу.

Л у т о н я

(низко кланяясь)

Буду век тебя благословлять.

Л у т о н и х а

Как тебя не знаю величать —
Господин-прынц... ваше благородье —
Не модель, чтоб экие угодья
Отошли да за мужичью голь!
Сам умом раскинуть соизволь:

Рад ломить мужик-ат сиволапый
Не токма што в прынцы, а хошь в папы, —
А послушай бабьего ума —
Иногда премудрость в нем сама:
Ой! трудна работа, тяжеленька
Для того, чья ученька беленька!

Слоняй

Не боюсь я никаких трудов,
Целый день рубить дрова готов.
Самый тяжкий честный труд полезней
Праздности — болезни из болезней.

(К Лутоне.)

Веришь ли, с здоровым крепким сном
Десять лет как я уж незнаком.
Ерзаю напрасно на кровати...
Принимать уж стал chloral hydrati.
Что ни съем — сейчас выходит вон,
Устрицы ем только да бульон,
Да и то без вкуса, без охоты.
С горя я и стал искать работы:
Труд придаст мне снова бодрый вид
И воротит сон и аппетит...

(С наслаждением.)

Как бы я кваску с работы попил!

Лутониха

(спокойно)

Квас — ништо! Кисленек, жаль, да тепел.

Слоняй

(так же)

Черный хлеб фунтами стал бы есть...

Лутоня

(так же)

Хлеб хорош, когда приварок есть.

Слоняй

(так же)

Попросту! посыпав крупной солью.

Лутониха

Ишь, слова без разуму дались.
Выше носа нюхаешь — сморкнись!

Лутоня

Цыц! Не пикнуть!

Лутониха

Так и замолчала.

Лутоня

Глупая, пойдем спервоначала
Во дворец-ат.

Лутониха

Думала! Пойдем!

Лутоня

Коли, значит, не идти вдвоем...

Лутониха

Так нейдешь? Вот так-то больше складу.

Лутоня

Коли так — один на троне сяду!

Слоняй

Гей, Ясам! Иди сюда, Ясам.

Те же, Ясам (входит).

Ясам

Ваша светлость, что угодно вам?

Слоняй

Объяви немедля всенародно,
Что сегодня мне благоугодно
Все дворцы, фруктовые сады,
С рыбами озера и пруды
И поля со всяким хлебом тоже

(указывая на Лутоню)

Подарить вот этой глупой роже.
Такожде дарую: всех шутов,
Всех собак, квартальных и жрецов,
Прокуроров, адвокатов-пьявиц,
Все конюшни и тебя, мерзавец.
Понимаешь?

Ясам

Слушаю-с.

Слоняй

Молчи!
Вот от всех дворцов моих ключи...

(Выбрасывает ключи и поворачивается к Лутоне, указывая на Ясама.)

Принц Лутоня! Эта вот скотина
Первого в моих владеньях чина,
Евнух, сводник, ростовщик и шут,
Первый визирь и первейший плут.
Он полезный человек, бывалый.
Воровство — порок в нем самый малый.
И за то угодно было нам,
То есть мне, назвать его *Ясам*,
То есть: *сам я*. Действуя неправо,
Он во всем мне был рукою правой.
Бей его, но совещайся с ним,
И да будет он *тобой самим*.

(Ясаму.)

Грабь, каналья, восемь дней в неделе.

(Махнув обеими руками.)

Ну! Идите к черту! Надоели!

(Подходит к Лутонихе.)

Ну, а ты, Лутониха, друг мой,
Остаешься, что ли, здесь со мной?
Поживем, потрудимся, потужим...

Лутониха

Нет, зачем же? Я уж лучше с мужем,
Коль послал господь такую шаль...
Глупого-то вдвое больше жаль.

Лутоня

Муж с женою что вода с мукою.
Извините, прынц, обеспокою:
Как вас звать?

Слоняй

Я звался принц Слоняй.
Покорили предки этот край.
Он зовется «Не́ любо — не слушай»
И лежит на мысе «Бей баклуши».
А теперь простой я дворянин.
Властелин на мысе ты один.
Восседай с достоинством на троне.
Честь тебе и слава, принц Лутоня!

II

ЗАЛ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня — в одежде принца на троне, Лутониха возле него. Входят Ясам, за ним шамбелланы.

Лутоня

Гей! Иди сюда, Ясам второй.
Я доволен, братец мой, тобой.
Мне пришлась по голове корона.
Эка шапка! Первый сорт для трона.
Как на печке, в горнице тепло.
Пол-ат склизкий, что твое стекло.
Трон-ат мягкий. Диво ли, что в свете
Бой идет за роскоши за эти.

Лутониха

Так-то мягок, что спала б весь день.
Тут и царством править быдто б лень.

Ясам

Ваша светлость! Время наступает
Выхода большого. Подобает,
Чтоб супруга ваша в сей момент
Удалилась в свой апартамент.

Лутоня

Отчего же, братец мой, без бабы?
И она, чай, посидеть могла бы.

Ясам

Ваша светлость, это этикет.

Лутоня

Этикета?

(Жене.)

Так уйди, мой свет.

Ясам

Шамбелланы, подходите к трону.
(Лутоне.)
Соизвольте, принц, надеть корону.

Лутоня

И без шапки, братец мой, жара.
Я надену, как придет пора.

Ясам

Ваша светлость, не дано вам права
Этикета нарушать устава.

Лутоня

Этикеты? Ладно, коли так.
(Неловко надевает корону.)
Помоги ж, осел, надеть колпак.

Первый шамбеллан

(тихо)

Кланяйся пред этаким холопом!

Второй

(тоже)

Остолоп, так смотрит остолопом.

Третий

(тоже)

Из лесу, так срублен топором.

Поэт

(тоже)

Мужичишко, дрянью дрянь, облом!

Первый

(подходя к Лутоне, громко)

Ваша светлость, мудрый сын Минервы,
Вас почтить за долг почел я первый.

Второй

(тоже)

Вашу светлость первый горячо
Лобызать осмелюсь я в плечо.

Третий

(тоже)

К вашим туфлям, ваша светлость, ныне
Приложусь я первый, как к святыне.

Поэт

(тоже)

Первый я потомству и векам
Имя вашей светлости предам.

(Поет, играя на лире.)

Суровым вечером палящее светило
За черной тучею на запад уходило;
На всю вселенную простерлась ночи мгла,
Но наша родина как день была светла.
Мы ясно видели на дальнем небосклоне
Слиянье всех светил во образе Лутони.
Когда же с кесарской Лутонихи звезда
Смежилась — се! зима исчезла без следа!

Лутоня

(в сторону)

Раскуси поди-ка, в чем тут сила.
А умеет, леший, влезть без мыла,
В этикете, нечего сказать.

Ясам

(Лутоне)

Следует господ дворян обнять.

Лутоня

Поцелуй под носом — не в кармане.

(Шамбелланам.)

Обоймемся, господа дворяне!

Ясам

В вашу честь сложивший свой куплет,
Перстня с бриллиантом ждет поэт.

Лутоня

За вранье-то это бриллианты?
Дороговьки при дворе таланты.

Ясам

Принц, извольте помнить этикет.

Лутоня

Этикету?

(Поэту.)

Господин поэт,
Получите!

(Дает перстень.)

Только уж оставьте,
Напредки других болванов славьте.

Те же, Старец и Казначей.

Казначей

Суд и право!

Старец

Прав Изидин суд!

Казначей

Черт седой! Долговолосый шут!

Старец

Мерзкая лягушка из болота!
Адовы утроба и ворота!

Ясам

Ваша светлость, это казначей
«Бей не палкой, а копейкой бей»,

С ним воюет, как вода и суша,
Первый старец в «Не любо — не слушай».

Старец

Первый старец — истинно, мой сын,
Небеса я ведаю один.
Жрец я Озириса, Сераписа,
С головой собачьей Анубиса,
Жрец Бубасты кошки, жрец быка
Аписа, Ра — солнца, Фты — жука,
Жрец мартышки — Гамадрилла, Сона,
Ибиса и мыши Фараона.

Казначей

Титулы-то все ли отхватал?
Принц, один мой титул — капитал,
Но он главный. В наши дни налоги
Платят все: народ, жрецы и боги.
Мы живем и веруем в кредит...
Ваша светлость, пусть же замолчит
Этот жрец кошачий и собачий.

Старец

Нечестивец! Замолчи обаче!

Лутоня

Помолчите оба, господа,
Коль хотите моего суда.
А то на-кось! лают, как собаки.
Чай, пришли вы не к судье Шемяке!
Спорят, вздорят — леший разберет!
Говорите каждый в свой черед.

Старец

Принц, извольте удалить от трона
Мерзкое исчадие Тифона.

Казначей

Принц, извольте выгнать из дворца
Допотопных выдумок жреца.

Старец

Или я в отместку за обиды
Прокляну вас именем Изиды.

Казначей

Или я обиды не стерплю —
И казною печку затоплю!

Лутоня

Рассудите, господа вельможи:
Ведь и мне не сладок выбор тоже.
Экие напасти с двух сторон:
Или проклят, или разорен!

Оба вместе

Или, принц, усугубленным мщеньем
Упадет проклятье с разореньем!

Лутоня

Тьфу ты, леший! Вот и выбирай!
Стало быть, и во дворце не рай.

Казначей

Ваша светлость!

Старец

Выслушай, мой сыне.

Казначей

Нынче утром...

Старец

Сын мой, утром ныне...

Казначей

Во дворец с докладом я входил —
Вдруг ползет вот этот крокодил...

Старец

У крыльца встречаюсь с этой харей —
Хуже нет ни в Хиве, ни в Бухаре.

Казначей

Принц, представьте: норовит вперед!

Старец

Принц, представьте: первым так и прет!

Казначей

Лезет первый! Слышите ли: первый!

Старец

И чтоб я шел сзади этой стервы!

Казначей

Или нет ни званий, ни чинов!

Старец

Нет скотов священных, нет богов!

Казначей

Дисциплины, армии, закона!

Старец

Озириса, Нейфы, Ихневмона!

Казначей

Принц, судите...

Старец

Сын мой, в пять минут...
Рассуди.

Казначей

В минуту.

Старец

Здесь!

Казначей

Вот тут!

Лутоня

Первым делом, господа вельможи:
Перед принцем ссориться не гоже.

Здесь дворец, поймите — не кабак...
А второе: рассуждаю так —
Слушать вас и горе-то и смех-то!
Шли бы вы, как ходят вдоль пришпехта
Рядышком, примерно муж с женой,
Хошь под ручку, хошь рука с рукой.

Поэт

(играет на лире)

Се — сама премудрость, се — Минервин лик,
Се — сам Ибис-цапля, се — сам Апис-бык.
Буйные, изыде!
Кроткие, услышь:
Се речет к Изиде
Фараона мышь.
Се — воссел на троне
С Нейфой Ихневмон —
Юный принц Лутоня,
Мудрый Соломон...

Шамбелланы

Bravo! bis!

(В сторону.)

Проклятый рифмоплет!

Ясам

Ваша светлость! Псалмопевец ждет
Поощренья, гения по мерке,
Золотой в алмазах табакерки.

Лутоня

(дает табакерку)

Получите, господин поэт,

(вслед ему)

Коль уже стыда в глазищах нет.

Старец и Казначей в дверях.

Казначей

Становись же, что ли, моська, слева.

Старец

Берегись священной цапли гнева!

Казначей

Берегись, чтоб я те не загнул.

Старец

Нигилист! Разбойник! Караул!

Казначей

Вспомнишь, брат, и цаплю и аиста!

Старец

Озирис! Спаси от нигилиста!

Лутоня

Вы опять — кому быть впереди?
Сказано: как муж с женой ходи.

Старец

Сын мой, сам ты рассуди, нельзя же,
Чтоб нам честь была одна и та же.
Место справа подлежит жрецу,
Как почет духовному лицу.
Так велось в древнейшие эпохи,
При покойном...

Казначей

При царе Горохе.
В наши дни — прогресс и капитал.

Лутоня

Эки черти! Черт бы вас побрал!
Лысый пес дерется с кошкой чахлой!
Чтобы духом вашим здесь не пахло —
Слева, справа, разом с двух сторон —
С глаз моих, в одну секунду вон!

Старец и Казначей бегут и дерутся.

Поэт

(играя на лире)

Се!
Страшен Лутоня в грозной красе!

Очи разверзнет — Кнуфовы очи
В день обращают мрачные ночи,
Склонит их долу — в сумрак ночей
Блеск претворяет солнца лучей:
Се! Трепещите! Се — в хаос и мрак
Мир повергает Кесаря зрак!

Лутоня

Ты опять? Пошел же вон отсюда,
Чертов сын!

Шамбелланы

Вон, гадина, паскуда!
Жук навозный! Прокаженный шут!
Вон отсюда, подлый лизоблюд!
(Бьют поэта палками и прогоняют.)

Первый шамбеллан
(Лутоне)

Ваша светлость поступили с тактом.
Просвещенный взгляд ваш этим фактом
Обнаружен. Выгнан негодяй...
Как терпел доселе принц Слоняй?
Расточал ему почет и ласки —
А за что? За то, что пел коляски,
Дрожки, упряжь, сбрую, лошадей...

2-й

От простого звания людей,
Как теперь зовут, «меньшого брата»,
Что и ждать-то, окромя разврата?
Ваша светлость, честь и слава вам,
Что с позором изгнан подлый хам!

3-й

За версту несет от хама хамом.
Ваша светлость! мудро в корне самом
Вырвали траву дурную вон.
Лезет во дворец со всех сторон
Всякий неуч, лапотник, аршинник,
Целовальник, дровосек и блинник.

Лутоня

Ну, уж это милость ваша врет —
Дровосек не трогает господ!

1-й

Ваша светлость, о подобной дряни
Неприлично думать в вашем сане.
В городах еще туды-сюды
Не видать мужичьей бороды —
Хоть с немецким платьем все знакомы,
В деревнях так уж совсем обломы.

Лутоня

Да мужик-ат поит-кормит вас!
Буде врать-то! Замолчать сейчас!
Первого, кто пикнет, так и двину.

Ясам

(удерживая его)

Ваша светлость, сообразно чину...

Лутоня

Так ты — первый? Ты? второй я сам?

Ясам

Этикет не возбраняет вам
Обучать придворных, но умненько,
Отчески, келейно, вежливенько.

Лутоня

Вежливенько! Дуй тебя горой!
Да на кой ты черт я сам второй,
Коли с сердцем мне чинить по нраву
Не даешь, как следует, расправу!
То надень им шапку, на-поди!
То, как пень, на выставке сиди,
Награждай поэта-попрошайку
И не смей сажать с собой хозяйку;
Лысый бес грозит тебя проклясть,
Крючкотворец старый — обокрасть,

И грызутся, словно быдто звери,
Что войти не могут разом в двери.
Тут придворных шелопаев сброд —
Без стыда хулят простой народ:
«Мужичье, мол! хамы да обломы!»
Благо, сами заползли в хоромы!
Будет вам, ужо — мужик-облом!
Вон, канальи, из моих хором!
А не то возьму вот эту палку,
Да как всех пойду лупить вповалку,
Не щадя господских ваших спин!..

Шамбелланы

(убегая)

Всех прибьешь — останешься один!

III

СТОЛОВАЯ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня, Мажордом, потом Первый публицист.

Лутоня

Ну их всех! Ушли! Теперь с охотки
Хорошо б маненько выпить водки!
Заморили с самого утра!
Чай, давно уж полдничать пора!

(Мажордому.)

Эй ты, милый человече. Живо!
Подавай закуску, водку, пиво —
Все, что есть в печи, на стол мечи!

Мажордом

Ваша светлость, публицист...

Лутоня

Молчи.

Мажордом

Публицист пришел...

Лутоня

Неси закуску!

Мажордом

Он желает...

Лутоня

Взять его в кутузку!

Мажордом

Он с доносом...

Лутоня

Засадить сейчас!

Мажордом

(растворяя Публицисту двери)

Принц просить к себе изволят вас.

Лутоня

Я сказал...

Мажордом

При важности доноса
Без доклада входят и без спроса.

Лутоня

Не донос мне нужен, а еда...

Мажордом

Принц, донос важней всего, всегда!

1-й публицист

(входит)

Ваша светлость, первый я газетчик,
Тайных ков, подпольных смут разведчик.
Честь имею донести: поэт
Сочинил в стихах на вас памфлет.

Лутоня

Давешний-то лазарь-попрошайка?

Разогнать, притиснув и прижав,
Подвижной правительства состав,
Так, чтобы, в соображенье взяв
Званье, род, сословье, чин и нрав,
Не было б близ трона человека
Возрастом моложе полувека.

Лутоня

Всех прогнать велишь мне? Так и сам
Убирайся вон, ко всем чертям!

(Лакеям.)

Есть давайте! Их не переслушать!

Те же, Второй публицист

2-й публицист

(входя)

Ваша светлость, не извольте кушать.
На коленах смею донести...

Лутоня

Да вставай! Чего тут пол мести!

2-й публицист

Ваша светлость, как официозный
Журналист, донос пространный, грозный
Честь имею ныне преподнесть.

Лутоня

Леший, дьявол! Дай хоша поесть —
Или худо будет.

2-й публицист

Будет худо,
Только, принц, дотроньтесь хоть до блюда...

Лутоня

До тебя дотронусь — будешь худ!
Ребра все переломаю, плут!

2-й публицист

Принц, мы все, как пóд богом, под вами:
Розгами, нагайками, плетями,

Принц, казни — но выслушай вперед:
Не бери куска сегодня в рот!

Лутоня

Да скажи хоть...

2-й публицист

Умоляю снова:
Не касайтесь вовсе до съестного.

Лутоня

Объясни ж мне толком наконец.

2-й публицист

Ваша светлость, в древности мудрец
Прорицал, что украшает троны
Более, чем скиптры и короны,
Добродетель, коей в наши дни
Ваша светлость служите одни.
Ибо что мы ныне примечаем?
Патриарх, поставленный над краем
В качестве оплота против зла, —
Верное подобие козла
В огороде... то-бишь в вертограде.

(Таинственно.)

Я далек от мысли о награде,
Но шепну, спасая вас и край:
Первый старец — первый негодяй.

Лутоня

Леший! Дьявол! Убирайся к черту!
Есть хочу, а вместо ложки кó рту
То и дело прынцу тычет в нос
Плут на плута пасквильный донос.
Эй! Давай обедать! Люди, черти!

2-й публицист

Принц, рабу нижайшему поверьте:
Ваш обед отравлен.

Лутоня

Что ты? Как?

1-й публицист

Вместе с ним дворян преступных шайка,
Удаленных ныне из дворца,
Против вашей светлости лица
Замышляя заговоры, ковы,
В бунт открытый перейти готовы!..

Лутоня

В кандалы!

1-й публицист

Принц, с ними казначей
«Бей не палкой, а копейкой бей»,
Овладев казенной вашей кассой,
Поставляет банде хлеб и мясо.

Лутоня

Плут!

1-й публицист

Он воплощал в себе кредит,
А кредит при деньгах не вредит,
А без денег только он и в силе.
Ваша светлость дурно поступили,
Выгнав казначея.

Лутоня

Черт ли в том!
Сам я крепок задним-ат умом.
Делать что́ — скажи.

1-й публицист

Спасать основы.

Лутоня

Ну?

1-й публицист

Извольте, первым долгом, новый,
Для сего комиссию созвав,
Дисциплины начертать устав,

Лутоня

Значит...?!

2-й публицист

Ваша светлость, виноват:
Принц Слоняй, однако, был рогат.

Лутоня

А! Так вот Ясам какого чина!
Захотела эта образина
Быть во всем, взаправду, мной самим!
Погоди же! Я расправлюсь с ним!

2-й публицист

Принц, уж поздно.

Лутоня

Поздно?

2-й публицист

Тронуть вожжи
Кучер в полдень должен был — не позже.

Лутоня

Он уехал?

2-й публицист

С нею, не один —
Как у Гете, знаете? — dahin! [1]

Лутоня

Так чего ж ты мне точил балясы?

2-й публицист

Первым делом, для спасенья расы,
Ваша светлость, чтобы принц был жив,
А второй и главный мой мотив:
Во вниманье взяв, что зла прогресса
Ангел наш, Лутониха-принцесса,

[1] Туда (*нем.*).

Не избегла, чистая вполне, —
Вымолить, чтоб ваша светлость мне
Подписали строчку... нет! не строчку...
(На коленах.)
А к прогрессу точку — только точку!

Лутоня

Ах ты, шут юродивый, шальной!
(Бьет его.)
На, вот точка! На, вот с запятой!

2-й публицист плачет.

Экой дурень! Присмирел, дружочек.
Мог бы я наставить много точек
На твоей на глупой на спине —
Да дурак ты — значит, нужен мне.
Марш в погоню! Сядь на вороного!
(Вдогонку.)
Да пришли хоть что-нибудь съестного.

Те же, Отец-командир, потом Герольд.

Отец-командир
(входя)

Бить тревогу! Строиться в каре!

Лутоня

Что случилось?

Отец-командир

Ружья напере-
Вес! Равняйсь! Дирекция направо!
Арш!

Лутоня

Да кто он?

3-й публицист

Наша честь и слава.
Командир всех наших войск.

2-й публицист

В хлебе, в супе, в соусе мышьяк.

Лутоня

Кем отравлен? Где мой старший повар?

2-й публицист

Старший повар — в кухне общий говор —
Буде не совсем еще издох,
Пролежит три дня без задних ног.
Первый старец чуть не четверть водки
Приобщил его бездонной глотке.

Лутоня

Первый старец?

2-й публицист

С пьяным вслед за сим
Обменялся платьем он своим
(*мрачно*)
И под курткой поварскою белой
Черный план пустил спокойно в дело.

Лутоня

А чего смотрели повара,
Судомойки, прачки, кучера?

2-й публицист

Вашу светлость отравляя ядом,
Первый старец встал к прислуге задом.
А у старцев — кто ж тут виноват? —
С поварами одинакий зад.

Лутоня

Черти все — и спереди и сзади —
В поварском, в господском ли наряде!
И с чего он?

2-й публицист

Ваша светлость, он
Вами здесь глубоко оскорблен.

Неприлично старцу, хоть злодею,
Уступать дорогу казначею.

Лутоня

Так за это отравляет, слышь,
Первый старец прынца, словно мышь.
Ну, хорош молельщик и предстатель —
Отравитель, изверг и предатель!
Я теперь, изволь-ка, голодай!
Удружил, спасибо, принц Слоняй!
Ах, когда б заране знать да ведать!
Черти! Гей! Неси сейчас обедать!
Каково! И ухом не ведут
Господа лакеи. Где же плут,
Где Ясам второй, каналья первый?

2-й публицист

Ваша светлость, раздражите нервы
Понапрасну. Не придет Ясам.

Лутоня

Он ушел?

2-й публицист

По собственным делам.
Он хлопочет, чтобы в связи тесной
С вашею супругой жить совместно.

Лутоня

Что ты врешь? С Лутонихой моей?

2-й публицист

Вожделеньем он сгорает к ней.

Лутоня

И она с ним?

2-й публицист

Утверждать не смею,
Что она с ним; он, однако, с нею.

Л у т о н я

Значит...?!

2-й публицист

Ваша светлость, виноват:
Принц Слоняй, однако, был рогат.

Л у т о н я

А! Так вот Ясам какого чина!
Захотела эта образина
Быть во всем, взаправду, мной самим!
Погоди же! Я расправлюсь с ним!

2-й публицист

Принц, уж поздно.

Л у т о н я

Поздно?

2-й публицист

Тронуть вожжи
Кучер в полдень должен был — не позже.

Л у т о н я

Он уехал?

2-й публицист

С нею, не один —
Как у Гете, знаете? — dahin! [1]

Л у т о н я

Так чего ж ты мне точил балясы?

2-й публицист

Первым делом, для спасенья расы,
Ваша светлость, чтобы принц был жив,
А второй и главный мой мотив:
Во вниманье взяв, что зла прогресса
Ангел наш, Лутониха-принцесса,

---

[1] Туда (*нем.*).

Не избегла, чистая вполне, —
Вымолить, чтоб ваша светлость мне
Подписали строчку... нет! не строчку...
(На коленах.)
А к прогрессу точку — только точку!

Лутоня

Ах ты, шут юродивый, шальной!
(Бьет его.)
На, вот точка! На, вот с запятой!
2-й публицист плачет.
Экой дурень! Присмирел, дружочек.
Мог бы я наставить много точек
На твоей на глупой на спине —
Да дурак ты — значит, нужен мне.
Марш в погоню! Сядь на вороного!
(Вдогонку.)
Да пришли хоть что-нибудь съестного.

Те же, Отец-командир, потом Герольд.

Отец-командир
(входя)
Бить тревогу! Строиться в каре!

Лутоня

Что случилось?

Отец-командир

Ружья напере-
Вес! Равняйсь! Дирекция направо!
Арш!

Лутоня

Да кто он?

3-й публицист

Наша честь и слава.
Командир всех наших войск.

Отец-командир

На ру-
ку!

3-й публицист

Пришел, так значит не к добру.

Отец-командир

Кладсь! Пли! Жай!

3-й публицист

Страшатся командира
Больше, чем в бою, во время мира.
Десять тысяч с лишком мусульман
И пятнадцать тысяч душ крестьян
Положил костьми, своей рукою...
Уж пришел, так с весточкой дурною.

Отец-командир

Стой-равняйсь!

Лутоня

Едва ль страшнее черт!

3-й публицист

Принц, извольте выслушать рапорт.

Отец-командир
(рапортует)

Ваша светлость! Все благополучно
Обстоит. Сейчас собственноручно
Усмирять я бýду у ворот
Пред дворцом собравшийся народ.

Лутоня

Бунт?

3-й публицист

Бунт?

Мажордом

Бунт?

Отец-командир

Так точно: бунт народный.
Просит хлеба всякий сброд голодный.

Лутоня

Знамо дело: всякий хочет есть.

Отец-командир

Как же смеют прямо к принцу лезть?
У! Мужланы! Покормить их мне бы!

Лутоня

Хлеб родится для мирской потребы,
Я отец народу — не злодей.

Герольд

(народу, в окно)

Принц пришлет горячих калачей!

Отец-командир

Розгачей бы!

Лутоня

Что?

Отец-командир

Я — сам с собою.

Шум и волнение за сценой усиливаются.

Лутоня

Что опять там?

Герольд

Голосят гурьбою:
Пить хотят.

Лутоня

И водка им нужна.

Герольд

(в окно)

Принц велел вам выкатить вина!

Шум еще усиливается.

Лутоня

Что еще?

Герольд

Гуторят: принц-надёжа,
Оченно плоха у нас одёжа.

Лутоня

Без одёжи как же работа́ть?
Дать одёжу!

Шум растет.

Что еще опять?

Герольд

Требуют для жен своих и дочек
Кринолинов, вышитых сорочек.

Лутоня

Ну, уж это милость ваша врет:
Этого не требует народ.

Герольд

Требуют для деток зимних кенег
И для светских развлечений денег.

Лутоня

Что за притча! Вот народ чудно́й!

Герольд

Требуют театров всей толпой!

Лутоня

Что для них в шуты пойду я, што ли?
Накормил, одел — чего ж им боле?

Герольд

Ваша светлость! К этому всему
Требует народ, чтоб вы ему
Отдали все атрибуты власти:
Меч, корону, скипетр.

Лутоня

Вот напасти!

Отец-командир

Молодцы-ребятушки, ура!
Дать урок горяченький пора
Либеральным принцам-демократам,
Лебезящим перед младшим братом!

Лутоня

Это ты? Отец-то командир?

Отец-командир

Ваша светлость: это мой мундир.
Есть такая басенка Крылова:
Не теряйте попустому слова
Там, где нужно власть употребить:
Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть ревут сироты, старцы, вдовы —
Были б только спасены основы.

Лутоня

Командир, неверен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,
А как всех заколешь да зарубишь —
Так основу, значит, и загубишь.

Те же, Философ.

Философ
(входя)

Так вещает истина сама
Выводом Лутонина ума.
Истинно: народ есть основанье
И за тем общественное зданье
Вертикально принимает вид
Хаосообразных пирамид,
Разделенных правильно и вечно
Как продольно, так и поперечно.

Лутоня
(Герольду)

Землемер он, што ли, аль из тех,
Что, вон, строят?

Герольд

Принц, он выше всех.
К построеньям лишь в пространстве склонен.
Он мудрец египетский — Астронин.
Астра — солнце. Нин... должно быть, Нин
По-халдейски значит: *гражданин.*
Он в Египте снял покров с Изиды,
Изучив на месте пирамиды.

Лутоня

(Философу)

Что ж нам делать, господин мудрец?

Философ

Совместить начало и конец —
Разделить хаос на два хаоса.
Вот одно решение вопроса
В области динамики — и два,
Обратимся к статике едва.
Ибо мы, пира́миду построя
Для движенья, можем для покоя
Начертать горизонтально круг.
Этот круг, с пира́мидой сам-друг,
В конусе — дает прогресс с застоем.

Лутоня

Да народ-ат как мы успокоим?

Философ

Стоит только, чтоб смирить народ,
Конусу дать должный оборот,
Ибо в нем совмещена двоякость...

Лутоня

(в сторону)

Хоть бы слово понял — эка пакость!

Философ

В конусе — движенье и покой.
А закон один, весьма простой,

Аналогий единиц и множеств,
Всех иномжеств, тождеств и таковдеств,
Всех времен, народностей, систем,
Государств центральных — и затем
Диоцезов, графств, провинций, штатов,
Префектур, кантонов, комитатов,
Округо́в, сатрапий, фил и триб —
Для людей, животных, птиц, для рыб,
Для червей, амфибий и полипов, —
Для отдельных особей и типов,
На земле — сдается даже мне —
На других планетах: на луне,
На Сатурне, Марсе, на Венере —
С разницей в диаметре, в размере,
Но закон движения один:
Пирамида — или, проще: клин —
Клин за клином...

Лутоня

Выбивать клин клином,
Что ли?

Философ

Нет. Но в хаосе едином,
Разделенном на два, — чтобы вдруг
Не упал пирамидальный круг,
Но вращался круглой пирамидой,
Под надежной вашею эгидой,
Чтобы, стоя, двигался народ —
Надлежит к стремящимся вперед,
Следуя примеру мудрых наций,
Применить закон экскорпораций.
Кто вперед — сейчас из ряду вон!
Реактивной акции закон
Не щадит для смелых построений
Областей и целых поколений.

(Восторженно.)

Принц Лутоня! Вы — прогресса ось.
Государство — конус, как ни брось,
Кверху ль, книзу ль — будет в каждом виде
В круге — центр, вершина — в пирамиде.

Ваша светлость! Пусть же весь народ
Вокруг вас завертится вперед.

Лутоня

(в сторону, размышляя)

Я не понял...

Философ

(в сторону)

Я польстил недурно.

(Вслух.)

Принц!.. И то сказал я нецензурно.

(Гордо.)

Но я тем потомству буду мил,
Что с улыбкой правду говорил.

Те же, три публициста.

1-й

Принц!

2-й

Принц!

3-й

Принц!

Лутоня

Вы что еще, уроды?

1-й

Государь...

2-й

Все выходы...

3-й

Все входы...

1-й

Заняты...

2-й

С рогатиной...

3-й

С дубьем...

Лутоня

(гневно Философу)

Это ты морочил здесь враньем!!
Черт!

Философ

(спокойно)

Нет, принц. Есть в конусе текучесть.
Государств решающая участь;
Все равно: тиран, народ, палач —
Сильным будь — задача всех задач!

Лутоня

Замолчи!

Философ

(продолжая)

Сословных, уголовных
И — тем паче — конусо-верховных!

Лутоня

(замахиваясь)

Я тебя!..

Философ убегает.

Воистину мудрец —
Убежал.

(К Отцу-командиру.)

Ну, выручай, отец-
Командир. Ты глоткой, что картечью,
Напужаешь...

Отец-командир

Нет! К народу с речью
Обращусь теперь я... Так и так...
Вы, мол... Я, мол... Я ведь не дурак.
Я ведь храбр и в голове и в тыле.
Силы долг повиноваться силе.

Кладсь! Пли! Жай! Три темпа. Тот же счет,
Хоть в народ стреляй, хоть за народ.

(Уходит, смеясь.)

Лутоня

Бог с тобой, когда такой суровый!
Вот они спасают как основы!
Сколько есть их, каждый свой живот,
Свой маммон основою зовет.
Дворянин — так, господи, ты веси,
Сколько в нем господской этой спеси!
Казначей, так всю казну своей
Полагает — я-де казначей!
Командир — так роже богомерзкой
Нипочем, потехи ради зверской,
Сокрушить все царство, весь народ.
Кто тут гаже — черт их разберет!
Да еще недоставало сраму —
И жена достанется Ясаму!
Ну их всех! Юродивый мудрец,
Прокаженный лазарь, первый жрец —
Отравитель, изверг! Эки страсти!
Дай бог ноги! Не хочу и власти!
Тот же лес, что наш сосновый бор, —
Так домой, Лутоня, за топор!

IV

ОТДАЛЕННАЯ КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ

Лутоня
(один)

Нет тебя, Лутониха, со мною!
Некого мне звать теперь женою.
Заливаюсь я потоком слез,
Хошь бы ветер весточку принес.
Хошь бы птичка мне прощебетала,
Где моя голубка запропала!
Чуяла ты ноне поутру,
Что дурить я вздумал не к добру,
Говорила, что не будет ладу.
Я сказал: один на троне сяду!

Истинно: один на троне сел —
И жену и царство проглядел!
Без тебя, желанная, Лутоне
Счастья нет, хоть в золотой короне,
И, как перст, весь век свой одинок,
Буду лить горючих слез поток.

Лутоня, Мажордом.

Мажордом

Ваша светлость...

Лутоня

Буде врать, любезный!
Титулы мне ноне бесполезны.
Ваш дворец мне, как тюрьма, постыл...
Я — Лутоня, как и прежде был.

Мажордом

Принц, толпа народа завладела
Всем дворцом...

Лутоня

Так что ж, голубчик? Дело!
Пусть его хоть свалит, хоть сожжет.

Мажордом

Депутата к вам прислал народ.

Лутоня

Милый мой! Пущай без депутата
Всё возьмут. Что взято, то и свято.

Мажордом

Ваша светлость, вот и депутат.

Лутоня, Слоняй.

Слоняй

Принц, извольте выслушать доклад.

Лутоня

Принц Слоняй?

Слоняй

Так точно, принц, мне лестно,
Что моя фамилья вам известна.

Лутоня

Что за черт!

Слоняй

Там черт или не черт —
А короток будет мой рапорт.
Ваша светлость, я с дурною вестью.
Вон отсюда! Принц, вас просят честью.

Лутоня

Я с охотой...

Слоняй

Ну, мой друг, прощай!

Лутоня

Что за притча! господин Слоняй —
Вы-то как здесь?

Слоняй

Я начальник в банде.
Все восстанье по моей команде.

Лутоня

От часу не легче! Да к чему
Бунтовать вам было — не пойму.

Слоняй

Чтобы трон свой возвратить — хоть силой.

Лутоня

Да вольно ж его бросать вам было!

Слоняй

Отвечай невеждам, мужикам!
Бросил сам — и возвращаю сам!
Хоть во мне мочалки, а не нервы —

В государстве все-таки я первый!
Принцем был, так принцем и умру.
Сам в хандре — и всех вгоню в хандру.
Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь все обаянье трона.
Нет, уж в лес вперед не побегу.
Захочу — все города сожгу.
Захочу — так с нынешним прогрессом
Сделаю все царство темным лесом.
Лес ко мне — не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду —
Сделаю из царства ад кромешный...

Лутоня

Ну тебя! Угомонись, сердешный!
Это ли тебе еще не ад?
Я уйду — ведь я и сам не рад.

Слоняй

А ты думал, мы живем здесь праздно,
День за днем, как вы — однообразно?
Намотай себе на бороде:
Праздность — там, у вас, в лесу, в труде!
Здесь — борьба и вечное движенье.

Лутоня

Что ни день — то светопреставленье.

Слоняй

Самолюбье, гордость, зависть, честь
Не дают ни спать, ни пить, ни есть.
Здесь, в броне законов и приличий,
Вечное стремленье за добычей.
Здесь не сеют люди и не жнут,
Но чужой, готовый, кровный труд
Превращают для себя, как маги,
В акции, процентные бумаги;
Ваш разврат, невежество, запой
Обирают жадною рукой
И дают патент статей доходных
Фурии всех ужасов народных, —

И ты думал — стану я бросать
Для тебя такую благодать?
Именем одним своим в народе
Ты внушал уж мысли о свободе,
В честь твою уж пьянствовал народ.
Я созвал немедля всякий сброд,
Встал, прямым Слоняем, перед фрунтом
И, как видишь, кончил дело бунтом.

Лутоня

Ну, конец, так, стало быть, конец!
Ваша светлость, будь родной отец —
Объяви немедля всенародно,
Что я помер, что тебе угодно...
Отпусти, отец, меня домой.

Слоняй

Отчего ж? Останься здесь со мной!
Человек ты честный, судишь здраво,
Хочешь быть моей рукою правой?
Вознесу тебя, озолочу...

Лутоня

Нет уж, ваша светлость, не хочу,
Ни чинов, ни денег, ни почета.
У меня одна теперь забота:
Снизойди на просьбицу одну —
Повели сыскать мою жену.
Охрани — спаси ее от срама.

Слоняй

Будь спокоен, я сыскал Ясама
И лишаю этого скота
Всех чинов, всех прав — и живота.

(Указывая на входящую Лутониху.)

А тебя — с женой соединяю.

Лутоня

Слава принцу-батюшке Слоняю!

Лутониха

Ну, прощай, да помни, принц Слоняй:
Слов пустых, слоняясь, не роняй.
А веди-ко ты себя пристойно:
Верь мне — будешь жить и спать покойно!

(Обращаясь к публике.)

А теперь, честные господа,
Ожидаем вашего суда.
Здесь театр, мы куклы — а не люди.
Так уж строго не взыщите, буде
Кое слово брошено на *глум*,
Неровён час — западет и в ум.

Начало 70-х годов

Г.-Э. ЛЕССИНГ

ОВЦА

И людям трудно жить с людьми в их городах,
А каково ж среди зверей, в лесах,
Овечке?
Понятно, что в один прекрасный день, в слезах,
Страх одолев в своем напуганном сердечке,
Явилась с просьбою смиренною Овца
Перед лицом Юпитера-отца.
Бог на нее взглянул с участьем благосклонным.
«Ах, бедная! — сказал в ответ. —
Действительно, в тебе ни средств, ни силы нет,
Чтобы разить врагов орудием законным.
И я-то, я хорош, создав тебя такой
Овцой!
Нет злости на́-волос, и шерстка мягче шелка.
Ну хочешь когти льва? Ну хочешь зубы волка?»
Овца, подумавши, ответила: «Зачем?
Я травку ем,
Зачем же мне клыки? Снабдив меня клыками,
Вы, ваше божество, меня
С того же дня
Сравняете с волками,
Которые Олимп злодействами чернят».
— «Ну ладно! — отвечал Юпитер. — Хочешь яд
В змеином жале?»
— «Ай, — вскрикнула Овца, — ай! что вы мне
сказали!

Ведь даже у людей
Нет средства верного от укушенья змей.
Ужалю, неравно, — так ведь умру с печали».
«Ну хочешь, наконец, в защиту от врага
Рога?»
— «Ай, нет! Я никого обидеть не желаю,
А ведь с рогами честный бык,
И тот бодаться приобык —
Вдруг я кого-нибудь до смерти забодаю!..» —
С смертельной бледностью в лице
Овца ответила. И бедненькой Овце
На слезное ее прошенье
Юпитер положил решенье:
«Не хочешь ты вредить, так пусть вредят тебе».
И отдал бедную ее лихой судьбе.

«Ну, — думает Овца, — что будет — неизвестно;
Спасибо, хоть осталась честной».
И, разумеется, погибла, как овца.

Так гибнут чистые и честные сердца.

⟨1874⟩

Ф. ШИЛЛЕР

НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

Сокрушились старых форм основы,
Связь племен разорвалась; бог Нил,
Старый Рейн и океан суровый —
Кто из них войне преградой был?

Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят
И, дележ всемирный совершая,
Над свободой страшный суд творят.

Злато им, как дань, несут народы,
И, в слепой гордыне буйных сил,
Франк свой меч, как Бренн в былые годы,
На весы закона положил.

Как полип тысячерукий, бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают, как свой дом.

След до звезд полярных пролагая,
Захватили, смелые, везде

Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдут нигде.

Нет на карте той страны счастливой,
Где цветет златой свободы век,
Зим не зная, зеленеют нивы,
Вечно свеж и молод человек.

Пред тобою мир необозримый!
Мореходу не объехать свет;
Но на всей земле неизмеримой
Десяти счастливцам места нет.

Заключись в святом уединенье,
В мире сердца, чуждом суеты!
Красота цветет лишь в песнопенье,
А свобода — в области мечты.

⟨1856⟩

РОБЕРТ БЕРНС

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Чем живу я — и сам не пойму;
Никому не обязан зато —
Я помочь не могу никому,
Да и мне не поможет никто.

Шапки я лишний раз не сниму,
Ну и мне не снимают зато;
Не подставлю ноги никому —
Уж и мне не подставит никто.

К сердцу крепко подругу прижму,
И она меня любит зато.
Не ревную ее ни к кому —
И ко мне не ревнует никто.

Дела нет до меня никому —
До других мне нет дела зато...
Мне бы плакать, роптать... Да к чему?
И при мне не ропщи уж никто!

⟨1857⟩

СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ

(Письмо в редакцию в стихах и прозе)

Мм. гг.!

Почтительнейше прошу пустить в свет в повременном вашем сочинении прилагаемую правдивую басню и самое письмо, к каковому оная принадлежит. Желательно было бы видеть как то, так и другое помещенным в отделе «Хроника прогресса». Вознаграждения никакого не требую, ибо и небольшим жалованьем доволен; славы тоже не желаю, ибо в сочинители не лезу. Написал же я эту басню из желания токмо общей пользы; родителям и наставникам в назидание, малым детям на поучение, себе, старику, в утешение.

Основа моей басни — быль, почерпнутая мною из недавно в свет вышедшего отменно-умного сочинения «Основные законы воспитания». Таковое вкратце изложено для семейства и школы ученым сочинителем Миллером-Красовским, *кандидатом С.-Петербургского университета по факультету историко-филологических наук и классного надзирателя при гатчинском николаевском институте*, как оно в заглавии сбозначено. Книга нарочито полезная, и я не премину доставить вам извлеченные мною из оной афоризмы, обще с мыслями, приходившими мне разновременно в голову в долголетних моих по житейскому морю плаваниях, так как заметил я, что подобные афоризмы вы на страницах вашего повременного сочинения охотно тиснению предаете. Нельзя не возблагодарить господа, что еще являются у нас такие, как г-н Миллер-Красовский, сочинители, и ежели все его товарищи по университету

и институту были бы одним с ним духом проникнуты (чего, к сожалению, незаметно), то с уверенностию можно бы поручать им детей, ибо научат их токмо хорошему и утвердят в правилах благочестия.

Должно, мм. гг., к стыду нашему сознаться, что в других повременных сочинениях умная книга встретила отзывы неодобрительные и недоброжелательные. Не стану вам говорить о «С.-Петербургских ведомостях» и «Современнике»; даже в «Русском слове», вместо того чтобы отдать сочинителю справедливость, токмо над этою книгою поглумились, хотя названное «Русское слово» издается иждивением графа Кушелева-Безбородко, сего покровителя и двигателя российского просвещения.

По причинам, выше изложенным, не решился я отдать правдивую басню в иное сочинение, окроме вашего. В «Северной пчеле», полагать должно, оную басню перепечатают, на что я даю заранее полное свое согласие. Можно бы еще пустить ее в сочинение «Орел», да я незнаком с сочинителем оного, г-ном Балашевичем.

Не лишним считаю просить вас, мм. гг., дабы вы тиснули предварительно самую «Быль», рассказанную г-ном Миллером-Красовским. Я старался во всем подражать оной, и насколько успел, предоставляю вашему, мм. гг., судительству, убежден будучи, что вы взглянете на нее с отличающим вас снисходительным беспристрастием, как смотрели на драматические опыты барона Розена и других достопочтенных авторов, не угодивших вкусу теперешних верхоглядов-сочинителей. Манерою изложения и самым слогом я подражал знаменитому баснописцу и моему тезке г-ну Борису Федорову, также и свою фамилию подписываю из уважения к нему через *ф* (ферт.)

Примите и пр.

Борис Фаддеев.

БЫЛЬ

В семье отец и мать часто давали детям своею неладицею соблазнительные примеры. Не то чтобы старики вечно ссорились; этого не было. Но отец, бывало, придет домой из должности и начнет ворчать на детей и на жену;

то не хорошо, третье, десятое. Дети, разумеется, привыкли бояться вечно недовольного отца и мало-помалу потеряли любовь к нему, ласкали одну свою нежную, добрую мать. Редкий день не проходил без отцовского наказания, а дети как были ленивые, задорные, так и оставались. Когда отец умер, для матери уж трудно было мудро и твердо править своим царством. Один из мальчиков в особенности много озабочивал ее, два года в классе сидел и все не знал таблицы умножения. Тут надобно было препоручить его опытному человеку, что и сделали. Учитель слегка начал свое дело, приходил в дом только на два часа, был добр, мягок, ласков, как следует; поэтому мальчик скоро привык к порядку, хорошо занимался. Но увы! через месяц старинное упрямство опять появилось: сынок попрежнему не слушается матери, спит сколько угодно, на каждое замечание возражает матери, просто не боится. Эта комедия продолжалась неделю; мать не хотела жаловаться учителю, надеясь, что ее наставления вразумят упрямца. Однажды учитель приходит на урок в 10 часов утра и застает все семейство еще за *коффеем*, кроме Пети. Мать посылает за Петей, — Петя не идет, не хочет *коффея*. Учитель сам наконец требует чрез меньшого *брата Пети к столу*, ему приносят ответ, что Петя *не идет и баста*. Все замолкло, — мать и дети покраснели, — учителю также неловко стало. Как тут быть. — Случай необычайный, а между тем и для других дурной пример. Учитель *хотя нехотя* отправляется в комнату Пети, все надеясь еще, что грешник сконфузится, покорится ему. Не тут-то было. «Зачем ты к *коффею* не явился?» — «Я, я не хочу!!» — «Как ты не хочешь?? *вот тебе!»* — *Петя с такою быстротою получил три пощечины, что совсем растерялся, заплакал и давай просить у матери прощенья*. Нужно заметить, что он прежде не умел каяться. Покоренный витязь весь день плакал, хныкал; но дело было кончено. Петя познал, что вдаваться в новую борьбу с ласковым наставником ему не по силам, и пошел себе хорошо, стал любезным, прилежным воспитанником, нежно любящим сыном. Если бы же употребили розгу, что берет больше времени, чем скорая, *ОСТОРОЖНАЯ* пощечина, то мальчик 12 лет имел бы

время собраться духом, вынес бы казнь и остался бы упрямым. Прежние частые отцовские побои вбили в Петю упрямство; благоразумный, беспристрастный наставник же основательно вылечил Петю тремя пощечинами.

«Основные законы воспитания»
Н. А. Миллера-Красовского.)

БЫЛЬ

(Правдивая басня)

Я правду о тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

Грибоедов.

В семье отец и мать детям своим давали
Пример весьма дурной.
Не то чтоб ссорились; нет, ссор они не знали —
Но чуть придет отец из должности домой,
Сейчас пойдет ворчать
На деток и на мать.
Привыкли деточки отца весьма бояться,
А посему,
Уж стали не к нему,
А к нежной матери ласкаться.
Отец исправно сек малюток каждый день.
Хоть были тяжелы отцовские уроки,
Но в детях все росли ужасные пороки —
И своеволие и лень.
Скончался папенька, осиротели дети,
И стала ласковая мать
(Хоть было трудно ей) всем царством управлять,
И слушались ее все дети, кроме Пети.
Два года в классе он сидел,
И, несмотря на все внушенья,
Лентяй не знал — и знать как будто не хотел
Таблицы умноженья!!!
Тут было надобно учителя нанять,
В котором долгий опыт

Умел бы обуздать
Греховной воли ропот.
Учитель нанятый сначала ласков был
И нежной кротостью малютку вразумил
И с корнем вырывал в нем терние дурное.
Прошел и месяц так; но новый наступил —
Увы!
Опять попрежнему ленился сын вдовы
И стал упрямей втрое.
Однажды поутру (учитель был сердит)
Сидят за *коффием* [1] с родительницей дети.
Учитель, вежливо раскланявшись, глядит —
Нет Пети!
Где Петя? Пети нет!
Мать шлет к нему слугу и видимо хлопочет.
И что ж? Слуга принес решительный ответ,
Что Петя *кофию не хочет!!!*
Тогда учителев раздался зычный глас:
«Прокóофий,
Сходи к строптивому — и чтоб он шел сейчас
Пить кóофий!»
От голоса его
Внезапно все умолкло:
Малютки все до одного
Покрыты бледностью, дрожат в окошках стекла, [2]

---

[1] Я позволил себе, *пиитической вольности ради*, некоторое отступление от указанной г-м Миллером-Красовским орфографии и пишу вместо за *коффеем*, как он пишет, — за *коффием*, чтобы слово вполне рифмовало с *Прокóфием*, что, как усмотрит далее читатель, необходимо для плавного изложения вымысла.

[2] Здесь я позволил себе некоторую картинность в описании, на которую у г-на Миллера-Красовского встретил только намек. Мне хотелось показать значение голоса в воспитании. В слове *Прокофий* и *кофий* учитель сделал *протяжное* ударение на слоге *ко*, отчего я и поставил в обоих случаях по два о. С Петею, как читатель увидит далее, учитель говорит иначе. Ссылаюсь опять на вдохновившего меня автора. Вот что он, между прочим, говорит о голосе: «От краткого и от протяжного ударения на гласные буквы зависит характеристика слова. Так, напр., «иди сюда» — может обозначать самые разнообразные оттенки наших чувств: величайшее различие будет между «иди сюда», сказанным госпожою служанке и матерью своему дитяти, когда она завидела какую-либо опасность для ребенка».

Мать в страхе тянется к своим птенцам младым,
Меж тем чело ее подернулося тучей...
Необычайный случай!
Как быть? Пример другим!
Надеясь, что смирится
Строптивое дитя,
Пошел учитель сам, чтоб с ним распорядиться
Хоть нехотя хотя.[1]
Не тут-то было!
«Зачем ты к коффию, мальчишка, не пришел?» —
Учитель вопросил его с сугубой силой.
«Я... я... я не хочу...» — «Не хочешь? Произвол!!!»
Учитель заревел как вол
И мальчику, что было духу,
Дал плюху,
За нею две влепил и — если то возможно —
Предание гласит, что дал их *ОСТОРОЖНО.*
Мальчишка присмирел и мягок стал как шелк.
Какой же в басне толк?

Толк этой басни тот, что также б не мешало
Смирять пощечиной и взрослого нахала,
Да не слегка
(Особенно когда болван учить берется),
А со всего плеча, уж как ни размахнется
Здоровая рука.

1859

---

[1] Желая выдержать всю силу и оригинальность выражения были, послужившей мне канвою для пиитического воспроизведения, я старался сохранить слова *хотя нехотя*, но условия стихосложения потребовали вставки частицы *хоть* и перестановки частицы *не;* зато я не отделил этих слов от главного предложения запятыми, так же как и г. Миллер-Красовский.

ЭМАНСИПИРОВАННАЯ ЧИНОВНИЦА

(Театральное представление в эпической форме, с прологом)

> Цель жизни для мужчины — в пользе, которую он приносит; для женщины — в счастье, которым она дарит.
>
> *Гр. Соллогуб («Чиновник»).*

Надимов крикнул на всю Россию, что пришла пора искоренить зло с корнями, — выкрикнул себе руку и сердце богатой графини, женился на ней, пробовал было еще раз крикнуть, но легкие ему изменили — он надорвался и умер. Мир твоему праху, бедный, т. е. богатый чиновник! Жизнь твоя протекла не бесплодно: от горячих слов твоих бьются сладким трепетом сердца добродушных посетителей Александринского театра, и восторженные твои идеи разнеслись по лицу обожаемой тобою России.

I
ПРОЛОГ

Передадим безыскусственным слогом трогательную повесть бедной Оли, сестры этого юного энтузиаста.

Весь пыл его благородного сердца зажегся чистым огнем в девственном сердце молодой девушки. Глубоко уразумев его мысль: цель женщины — счастье, которым она дарит, Оленька вышла замуж за старого, очень старого и богатого, очень богатого графа. Она недолго дарила его счастием, потому что он умер, не прожив с нею года, но зато долго пользовалась богатством, им подарен-

ным. Как женщина, она не могла любить только Россию; как графиня, не могла полюбить кого-нибудь. А между тем голос сознанного ею призвания шептал ей, что она обязана *дарить счастие*. Душа ее требовала сочувствия и жила, как говорил некогда ее брат про себя (см. «Чиновник». «Библ⟨иотека⟩ для чт⟨ения⟩, 1856 г., март, стр. 34), «в каком-то несбыточном упоении, посреди забот и дрязгов самой прозаической действительности». Надо заметить, что она жила в Австрии.

Кому подарить счастие? Не материальное, разумеется, потому что материальное она могла возвратить работавшим на нее крестьянам большого села Надимовки, но могла ли она думать о них, когда душа ее жила в «несбыточном упоении»? Кому подарить счастие?

К счастию, у нее нашлась в Вене подруга. Эта подруга была влюблена в молодого человека. Этот молодой человек бросил ее и уехал в Париж. Сестра Надимова крикнула на всю Австрию, что это подло, и поехала, чтобы вернуть молодого человека к стопам влюбленной девицы и тем доказать ей дружбу.

II
САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

По дороге в Париж, между пассажирами вагона, Оленька высмотрела одного старичка и выбрала его руководителем. К счастию, этот старичок, французский дворянин, де Кебриан по фамилии, оказался чистейшим, застарелым Надимовым по натуре. К счастию, он еще, кроме этого, оказался дядею ветреного молодого человека.

«В Париже несколько Парижей, — сказал он, — каждый выбирает себе тот, который ближе к его идеалу», и повел Оленьку в наилучший Париж — в модный магазин, в котором камелии разоряют своих любовников, заставляя их платить за наряды и потом перепродавая эти же наряды в этом же самом магазине.

В магазин влетает молодая дама, нарядно одетая, и приказывает положить в свою коляску материю, стоящую так дорого, что Оленька, при всем своем богатстве, не решилась купить ее.

— Кто эта дама? — спрашивает Оленька у Надимова. — Она, должно быть, принцесса?

— Нет, — отвечает Надимов, — за нее платит мой племянник.

— Стало быть, ваш племянник женат на ней?

— Нет, — отвечает Надимов.

— Стало быть, она его любит?

— Нет, — отвечает Надимов.

— А! — восклицает Оленька, — понимаю; стало быть, она... *магнолия?*..

— Камелия, — поправляет ее Надимов.

— Я спасу вашего племянника, — говорит Оленька, и глаза ее разгораются тем же пламенем, каким разгорелись у ее брата, когда Дробинкин предложил ему взятку. — Где можно видеть вашего племянника? — спрашивает Оленька.

— Он нигде не бывает, кроме публичных балов, куда порядочные женщины не ездят.

— Я поеду на *bal Mabille!!!* — восклицает Оленька.

Всякий, на месте руководителя, доказал бы всю нелепость подобной выходки, но Надимова прельщает грандиозность самопожертвования и окончательно побеждают последние слова Оленьки:

— Нужно крикнуть на весь Париж, что мы, честные женщины, виноваты в том, что *магнолии* губят молодых людей хороших фамилий!

III

КАРТЕЛЬ

Перенесись, читатель, в *bal Mabille. Bal Mabille* — место, посещаемое праздною парижскою молодежью, гризетками и лоретками всякого рода и Надимовыми мужеского и женского пола.

К счастию, Оленька не одна: ее сопровождает старый Надимов де Кебриан и старуха Надимова, притворяющаяся ее бывшею гувернанткою. Старички толкуют о нравственности среди цветущих и отцветших камелий: какое обширное поле для всякого рода комических приключений!

Начинается водевиль, самый неестественнейший из водевилей, который может разыгрываться только между Надимовыми.

Старый Надимов, вместо того чтобы следить за Оленькою, пускается в мораль и уверяет, что любовница его племянника требует у встречного и поперечного ожерелье в 10 000 франков. Только Надимовым могут приходить в голову подобные несообразности. Бедные парижские камелии, неужели вы так грубо-нахальны? Нет, тысячу раз нет. «Это не камелия, — говорит Жюль Жанен, — это воровка с большой дороги».

Молодая Надимова встречает предмет своих поисков, сама говорит ему, после нескольких пошленьких фраз, что приехала на бал *для него*, и потом обижается, когда он предлагает ей браслет и зовет с собой ужинать.

— Ах, оставьте, пожалуйста, с вашим рукам, я не из таких... — сказала она ему по-русски; по-французски, как истая Надимова, чистой крови, она ему говорит очень скучно и долго о молитве, воле и любви.

— Но я устал, отцвел, я разочарован, *я ни к чему неспособен!*

— Займитесь наукою или искусством, — серьезно отвечает Надимова.

— Но я люблю вас!..

— Любите мою подругу.

Молодой человек в отчаянии. Как говорить с Надимовыми! Что бы вы им ни говорили, они вас не слушают и на все декламируют свои вызубренные фразы!

Влетает воровка-камелия и, условившись с претендентом на руку Оленьки, каким-то бароном, нанести ей оскорбление, подымает скандал.

Претендент вызывает молодого человека на дуэль.

Между тем старуха Надимова, притворяющаяся гувернанткой, теряет последний смысл: связывается с каким-то магазинным комми́, кричит на весь бал о своей девической скромности и подымает еще пущий скандал, неприличный даже на бале Mabille!

Следует суматоха, чепуха, и площадной фарс, влетая с бубенчиками и погремушками, совершенно вытесняет неудавшийся водевиль.

IV
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ДРУЖБЫ

Переходим в обитель старухи Надимовой, притворяющейся гувернанткою. В этой-то скромной обители и разыгрывается фарс. С этой целью в бедной комнатке гувернантки понаделано великое множество дверей.

К горничной входит комми́ из магазина: горничная его прячет за одной дверью.

Неожиданно входит Оленька, вероятно, потому что вслед за нею *неожиданно* должен войти влюбленный молодой человек, и влюбленного молодого человека прячут за другой дверью.

Необходимый свидетель всевозможных скандалов, старый Надимов де Кебриан является вслед за ним, и его прячут за третьею дверью.

Докладывают о бароне, и Оленька прячется за четвертую дверь.

Докладывают о какой-то подруге гувернантки, и гувернантка вталкивает барона в пятую дверь.

Виноваты — в первую, за которою спрятан комми́.

Это необходимо для того, чтоб комми́ узнал барона и рассказал об его уговоре с воровкой-камелией; чтобы Оленька с презрением отвернулась от барона и отдала руку и сердце молодому человеку, которого хотела женить на своей подруге, — и для того, чтобы раз навсегда кончились эти комедии, водевили и фарсы между Надимовыми.

Вот как доказывают свою дружбу женщины Надимовы! Вот как ведут себя за границею старики и старухи Надимовы!

Мы пересказали содержание французской комедии графа Соллогуба: «Une preuve d'amitié». Мы старались рельефнее выразить основную мысль остроумного автора, карающего беспощадной сатирой всякую фальшь, под какой бы обманчивой формой она ни являлась. По-русски оно вышло грубее, но самая мысль ничего не потеряла от этого.

Что ж делать? Гордый наш язык
К французским фарсам не привык.

Как, например, передать все остроумие, всю игривость прелестного французского стихотворения графа Соллогуба, украсившего страницы 38 № «Театрального и музыкального вестника».

Вот начало этого стихотворения:

Connaissez vous à Bade
 La joyeuse cité,
Près de la promenade
 Un arbre redouté?
A l'ombre de cet arbre,
 Jamais ne sont admis,
Ni les filles de marbre,
 Ni les messieurs mal mis и пр.

Какая грация и какое уважение к светским приличиям, доходящее до поэзии, или какая поэзия, доходящая до обожания светских приличий!

По-русски это выйдет неуклюже, топорно, банально, тривиально, вюльгарно...

Однако попробуем.

ДРЕВО

(Из графа Соллогуба)

Проезжая город Баден-Баден,
Чающий движения воды,
Там в саду (там сад весьма изряден)
Древо зрел и зрел на нем плоды.
Но в тени помянутого древа
Не случалось так, чтоб, например,
Отдыхала мраморная дева
И одетый дурно кавалер.

Борис Фаддеев (тот самый, который навязал нам стихотворное преложение знаменитой были г-на Миллера-Красовского) претендует даже, что в русском стихотворении необходима мысль, аллегория, антитеза или вообще что-нибудь подобное.

Вот какое окончание приделал он к нашему неоконченному переводу.

До плодов искусства всякий жаден;
Но для многих зелены плоды.
И Парнас есть тот же Баден-Баден:
В нем свои и воды и сады,
И свое есть древо на Парнасе:
Уж под ним не сядет ни один
В парике маркиза славянин
Или галл в московском тарантасе.

Кому не понравится это окончание, пусть винит г-на Фаддеева. Неизвестно, зачем он приплел тут парик и потом тарантас. По-нашему, это чистая риторика. Мы и сами находим, что он человек отсталой, но печатали и впредь будем печатать его стихи, желая давать в «Искре» высказываться различным мнениям, как это принято в наше время, когда и пр.

1859

ТЕОРИЯ ПОЛЕМИКИ

(Из приватных уроков Дмитрия Ефимова; сообщено Борисом Фаддеевым)

— Что ж это будет? — спрашивают меня мои знакомые, люди чинов небольших, ума и состояния ограниченного (между моими знакомыми очень мало людей в больших чинах и с обширными умами и состояниями). — К чему это поведет? Ведь эдак скоро будут оглашать каждый наш шаг, скоро будет ступить нельзя без того, чтобы кто-нибудь, в какой-нибудь газете не напечатал, что вы ступили не так, что вы всегда не так ступаете, что вы не уважаете закона, что вас следует сначала предать суду общественного мнения, — это бы еще ничего, — а потом отдать под суд гражданский или уголовный, смотря по обстоятельствам. К чему это приведет? Что нам делать, как нам отвечать, если вдруг что-нибудь да про нас напишут — в добрый час сказать, от слова не станется, — что нам делать, посоветуйте нам?

— Отвечать, — всегда отвечаю я своим добрым знакомым, ласково улыбаясь.

— Как отвечать? Это нам дело совершенно незнакомое. Это ведь не то, что написать отношение, предписание или рапорт, тут и орфографию нужно знать и слог нужно иметь...

— Это все пустяки! — продолжаю я успокоивать своих знакомых.

— Как пустяки! Нужно все написать умеючи, так, чтобы видно было, что мы правы; а другой напишет про нас такое, что и оправдаться нельзя; что мы скажем в свое

РАССУЖДЕНИЯ О ГЛАСНОСТИ В ПРОВИНЦИИ

оправдание, когда указывают на грешки, которые действительно водятся за нами?

— Один бог без греха, — отвечаю я с невозмутимою кротостью.

— Да ведь надо же отвечать? что же мы будем отвечать, когда сами кругом виноваты?

— Отвечаете же на вопросные пункты на следствиях; отписываетесь же по разным интересующим вас делишкам?

— Ах, боже мой! Это совершенно другое дело. Тут есть своего рода сноровки, установленные формы, самое изложение во всех случаях однообразно.

— То же самое и в делах гласности, господа. Вы напрасно ее так пугаетесь. Не так страшен черт, как его малюют. И тут есть свои установленные формы, и тут однообразие в изложении, и тут своего рода сноровки.

— Объяснитесь, мы вас не понимаем.

— Господа, очень просто. Как вы начинаете ваши рапорты к начальству? Непременно с деепричастия: «будучи командирован вашим пр⟨евосходитель⟩ством...», «имея крайнюю надобность в деньгах...» или: «во исполнение предписания вашего пр-ства», «вследствие рапорта такого-то уездного суда»; непременно: будучи, имея, вследствие, во исполнение? Не так ли?

— Ну да это мы знаем; а тут совершенно...

— Тут совершенно то же самое. Запомните, как «Отче наш», или как дважды два четыре, или как «во исполнение предписания вашего пр-ства», следующую составленную мною для вашего руководства формулу:

«Гласность есть орудие обоюдоострое. Выслушивая обвиняющего, надобно выслушать и обвиняемого. Тогда, и только тогда, гласности дано будет полное применение».

Или вот — формула несколько мудренее:

«Нельзя не порадоваться развитию в нашем отечестве гласности. Каждый благонамеренный член общества встречает с полным сочувствием даже против него направленные статьи, если авторами этих статей руководило желание общего блага».

Или вот: самая простая формула; запоминается очень легко, так как в начале стоит деепричастие:

«Уважая благонамеренную гласность, не могу оставить без внимания статью *такого-то*».

Только запомните это, господа, — любую из этих трех формул, и дело ваше выиграно.

— Но ведь это только вступление; затем нужно изложить сущность дела, нужно оправдаться.

— Это делается очень просто. Смотря по тому, какую из трех формул вы предпочли, вы можете разнообразить самое объяснение. Прежде всего примите себе за правило как можно менее говорить о самой сущности дела. Не надо этой сущности дела совсем! Надо, чтобы была хорошая статья. За хорошую статью иногда даже деньги платят. Впрочем, это, господа, к вам не относится — вы в гонорарии не нуждаетесь.

— Бог с ним, с гонорарием! Только бы оправдаться...

— Ясное дело. Вы, как умные люди (я всегда называю своих знакомых умными), сами не пожалеете денег для восстановления вашей чести. Что ж делать, когда в наш практический век самые отвлеченные понятия продаются и покупаются, как акции, возвышаясь и понижаясь в цене.

Опять-таки, дело не в этом. Как только вы написали одну из вышеприведенных формул, громогласно произнесите, по совету практического мудреца г-на Ефима Дыммана: «Иван Иванович (или как вас зовут), прошу не затрудняться!» и с этими словами бросайтесь на арену публичности. Я уже сказал, что объяснения можно разнообразить как угодно. По моей теории, объяснения, в общих основаниях, разделить можно на три отдела, а именно:

a) Объяснение философское,

b) Объяснение обличительное и

c) Объяснение юмористическое.

Каждый из этих трех родов дробится на множество мелких подразделений. Для вящего вразумления вашего, господа, я вам все объясню примерами.

a) *Философское объяснение* (виды: диалектическое, моральное, социальное и пр.). X. обвинил вас в присвоении казенной или частной собственности, в превышении власти, в неуважении к закону, к общественному мнению — в чем угодно. После вступительной формулы

пишите длинный трактат о разных предметах, чем длиннее, тем лучше.

Вот краткая программа для подобных трактатов:

Польза гласности. — Что такое общество? — Обязанности гражданина. — Об акционерных обществах вообще. — Нечто о красотах природы. — Кредит как основа всякого предприятия. — Незрелость общественного мнения в Австрии. — Уважение к закону в Англии. — Исправляй, не наказывая! — Мысли о сокращении переписки. — Американские женщины. — Голландские сельди и фленсбургские устрицы. — Воспоминания о золотом веке. — Заключение (польза гласности, похвальное слово обличителю, польза гласности).

Если вы хоть немного знакомы с риторикой, вы легко напишете подобный трактат.

Философское объяснение имеет два преимущества перед обличительным и юмористическим:

1) обличает в авторе нравственного, хорошо знающего приличия человека и глубокого мыслителя и 2) может быть до такой степени длинно, что никто, кроме редактора газеты, цензора и корректора, не дочитает его.

Во всяком случае — цель достигнута, и ваша добродетель торжествует.

b) *Объяснение обличительное.* Это объяснение несколько труднее, потому что требует некоторой изобретательности и некоторого общественного значения. Сухость, резкость, точность, форменность, отчетливость — необходимые свойства подобного объяснения. В чем бы вас ни обвинили — в воровстве или в насилии, — из шестисот шестидесяти шести пунктов обвинения отвечайте только на два, на три, не более, давая этим знать, что вы и совсем бы могли не отвечать, если б не были так благородны и деликатны, отвечайте с достоинством и с легким оттенком презрения к обличителю. Вслед за этим, обернув обоюдоострое орудие гласности, поразите обличителя в сердце, так чтобы он не встал. Если X. обличил вас в воровстве-мошенничестве, обличите его в воровстве-краже, в краже со взломом. Если Y. сказал, что вы не уважаете общественного мнения, скажите, что общественное мнение не уважает Игрека, намекните, что Y. пьет мертвую, бьет жену, и если у него теща есть, помяните и тещу. Вы-

ставьте вашего оппонента в самом темном свете, чтобы тем светлее обрисовалась ваша личность, напишите, что у вас благородное сердце, что вы не бьете кухарку, прибавляете извозчикам сверх таксы, даете на чай писарям...

Этот род объяснений имеет то преимущество перед объяснениями философским и юмористическим, что обличает в авторе человека с сердцем нежным, хотя уже закаленным в борьбе с неправдою, человека, у которого движения сердца находятся в постоянной борьбе с указаниями рассудка и долга.

Третий род объяснений — с) *объяснение юмористическое* — развивать долго не стану. В чем бы вас ни обвинили, хотя бы в самоубийстве, напишите после обычной формулы, что у г-на обличителя нос с прыщами — и баста! Силою примирительного смеха немедленно оправдаетесь.

Видите, господа, как все это легко, просто и заманчиво. Два-три подобных объяснения, и вы составите себе авторскую славу. Вдруг поутру проснетесь и почувствуете, что у вас на голове лавровый венок. Как это будет приятно!

— Да... да... — отвечают мне мои добрые знакомые в умилении, — только, нет... все-таки трудно с непривычки; нужно ведь все это написать.

— Боже мой! С вами не сговоришь. В какое мы время живем, вспомните, в какое мы время живем? Нынче ведь всякий будочник умеет писать. Впрочем, знаете что? Если уж вас так страшат печатные буквы, если уж не хотите писать сами — есть и на это средства. Попросите кого-нибудь из ваших знакомых. Свет не без добрых людей.

— Да, но что это будет стоить?

— Самые пустяки. Рублей пятьдесят, сто — определить наверное не могу, потому что до сих пор ничего подобного не случалось. Со временем я обдумаю этот предмет...

— Сделайте одолжение.

— И составлю приблизительно таксу.

— Вот, вот, вот! Это будет превосходно!

— Назову ее: такса извозчикам гласности.

— Как хотите, назовите; крайне обяжете.

Мои добрые знакомые расстались со мною в неописанном восторге. Я уже начал было обдумывать таксу,

как вдруг некоторые из них вернулись и с непритворным отчаянием закричали:

— А что, если на наши объяснения будут нам отвечать?

— Отвечайте опять; только измените форму: вместо обличительного объяснения напишите юмористическое или как там придется.

— А если докажут, что наши объяснения ложные, если распишут так, что и отвертеться нельзя, что тогда? Вы об этом и не подумали?

— Думал, господа, думал и об этом. И этой беде пособить можно; придет время — потолкуем.

Дм. Ефимов.

Приложение к статье «Теория полемики»

Форма печатных ответов на обличительные статьи, составленная Дмитрием Ефимовым

Гласность есть орудие обоюдоострое. Выслушивая обвиняющего, надобно выслушать и обвиняемого. Тогда, и только тогда, гласности дано будет полное применение. Г-н « — » в статье своей « — »*(краткое изложение двух из шестисот шестидесяти шести пунктов обличительной статьи)*——————————

————————————————————

Выходя на суд общественного мнения вместе с г-м «—», так неблагонамеренно очернившим меня, долгом гражданина считаю прямо и откровенно объяснить, как было дело *(объяснение философское, обличительное или юмористическое)*——————————

————————————————————

————————————————————

—————————— Гласность есть орудие обоюдоострое.

Статейку эту доставил нам Борис Фаддеев, с просьбою немедленно ее напечатать. Исполняя его желание, считаем необходимым оговориться, что мы нисколько не разделяем его взглядов. Классификация ответных объяснений кажется нам шуткою, не более. Между тем истинная гласность делает у нас значительные успехи. Псковской полицийместер г-н Валериан Гемпель напечатал в «Санктпетербургских ведомостях» ответ на статью г-на Павла Якушкина, которую мы так опрометчиво приняли за вымышленный рассказ. Главное общество рос-

сийских железных дорог, долго молчавшее, ответило разом на все статьи, направленные против действий этого общества. Не перепечатываем статьи г-на Гемпеля и даже не делаем из нее выписок, так как все это дело оказывается для нашего журнала слишком серьезным. Но статейку Главного общества железных дорог перепечатываем с удовольствием, так как между читателями нашими находится немало акционеров этого общества. Вот эта статейка:

«С некоторого времени в с.-петербургских журналах и газетах появляются статьи, имеющие целию распространить в публике неверные понятия о достоинстве составляемых инженерами Главного общества проектов линий железных дорог и искусственных на них сооружений.

Как проекты эти, прежде приведения их в исполнение, утверждаются в установленном порядке правительством, то Управление общества, *не считая уместным входить в журнальную полемику с сочинителями статей*, внушенных скорее личным недоброжелательством, чем искренним усердием к пользе общей, предлагает гг. акционерам, которые пожелали бы убедиться в ложности распространяемых этими статьями сведений, принять труд пожаловать в Главный секретариат общества, где они могут узнать самые факты из подлинных документов, к сему делу относящихся.

Дела Главного секретариата, помещающегося в доме общества, на Большой Итальянской, рядом с Пассажем, № 7-й, будут открыты гг. акционерам для подобных справок ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, с двенадцати до двух часов пополудни, по 10-е декабря сего года».

1859

ОСЬМНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ

Морозное утро 1-го января 1860 года разогнало мои великосветские грезы. Я проснулся в своей скромной, не лишенной, впрочем, некоторого комфорта, квартирке в Знаменской улице, от которой улицы — замечу мимоходом для потомства, — происходит и самая моя фамилия...

«Д... да, д... да, — повторял я мысленно, надевая халат, — *примирение интереса...* да, — продолжал я, закуривая регалию, — именно примирение интереса с высокими чувствами».

— Да! — воскликнул я, ударив кулаком по столу, отчего жалобно застонали изящные безделушки, украшающие мой письменный стол. — Станем действовать в тиши, без лихорадки увлечения, — говорил я в сильном волнении, шагая по комнате, — так как мы верим гласности, то умерим благонамеренно... да, именно *благонамеренно,* — продолжал я, неумеренно возвышая голос и не видя в лирическом восторге поздравляющих меня с Новым годом разносчика афиш, дворника, водовоза и шамбеллана.

Раздался еще звонок, и к числу моих поздравителей присоединился разносчик «Санктпетербургских ведомостей». Я вырвал у него из рук газету и приказал шамбеллану сказать, что за отсутствием мелкой монеты я буду принимать поздравления после.

Я пробежал политические известия, просмотрел статейку об императорской Публичной библиотеке, перевернул страницу, и взоры мои, остановившиеся на третьем

столбце третьей страницы, не могли уже от нее оторваться. Современный читатель поймет мое положение, если скажу, что на третьем столбце третьей страницы красовались напечатанные крупными цифрами 19 534 071 рубль серебром.

Г. Н. Перозио, лев нынешнего сезона, лев акционерный, рыкающий, иский кого поглотити, поздравляет гг. акционеров с окончанием старого года, в течение которого, по *тридцати двум компаниям* акционерами понесено убытка до 19 534 071 руб. «К каким же ужасающим выводам, можно себе вообразить, пришли бы мы, если б имели возможность определить потери остальных *семидесяти пяти* компаний...» — продолжает г-н Перозио.

Вычитая приращение акционерного капитала по шести компаниям — 633 980 р. из 19 534 071, получим знаменательную цифру 18 900 091 потери.

«От этих цифр вся кровь во мне застыла
И волос встал на голове моей, —
И в душу мне сомненья злая сила
Тогда вползла, как ядовитый змей»,

говоря неизвестными стихами неизвестного поэта.

Говоря своею прозою: мне стало страшно...

Да! мне стало страшно за свою роль *поэта-примирителя*...

«Задача! — подумал я. — Можно ли *благонамеренно умерить* жалобы разоряющихся и разоренных, можно ли примирить возвышенные чувства с опорожненными бумажниками?»

Раздумье мое продолжалось недолго. Я вспомнил поэтов времен отдаленных, среди кровавых ужасов войны воспевавших пастушков и пастушек, и моя добрая старушка муза, муза в робронах и фижмах, накрахмаленная и украшенная мушками, подала мне свирель и старческим дискантом затянула приятную песенку на голос: «Мальбруг в поход поехал».

Если гг. акционеры хотят испытать высокое поэтическое наслаждение, советую им не читать нижеизложенного романса просто, а именно напевать его на голос известной арии: «Мальбруг в поход поехал». Только тогда он произведет желаемое впечатление.

ПЕСЕНКА БЕДНЫХ АКЦИОНЕРОВ

(На голос «Мальбруг в поход поехал»)

Осьмнадцать миллионов
Минувший год унес!
Схороним их без стонов,
Без стонов и без слез. (bis)

Зачем самоуправно
Дела ревизовать?
Не лучше ль благонравно
Смириться и молчать? (bis)

В ревизиях заметим
Количество грешков
И лишь рассердим этим
Господ директоров. (bis)

Запутаны и тяжки
Директоров труды;
Так вкусят пусть, бедняжки,
Невинные плоды. (bis)

Самой природой святы
Законы нам даны:
Немногие богаты,
Все прочие бедны. (bis)

Блюдя свои законы,
Природа, по уму,
Одним дает мильоны,
Другим дает суму. (bis)

Тому трудней, кто чаще
Считает барыши, —
Сердцам невинным слаще
Спокойствие души. (bis)

Лиется и сквозь злато
Горючих слез поток.
Зачем же жить богато —
Ведь бедность не порок. (bis)

Сочтем же недостойной
Мечту о барыше.
Ах! С совестью спокойной
Тепло и в шалаше. (bis)

Не станем же упорно
Искать, откуда зло —
А вымолвим покорно:
«И хуже быть могло!» (bis)

Схороним же без стонов,
Без стонов и без слез —
Осьмнадцать миллионов,
Что прошлый год унес. (bis)

1860

КРИТИК, РОМАНТИК И ЛИРИК

(Опыт дидактической комедии в прозе, без интриги и без действия)

Снилось некогда некоему вечному и последнему романтику, «что явился поэт давно жданный, давно желанный, — и поэт был на какой-то высокой башне, в странной фантастической одежде, и что подходил он к нему уже не как к простому смертному и смотрел на него не как на простого смертного. И полились, рассказывал он (последний романтик), звуки, — какие, он не знает, но звуки, звуки то восторгающие, то томящие, то пылающие...»

Сон этот последний романтик рассказал своему приятелю критику, и приятель слушал, не прерывая, эту маниловщину. Оба они не воображали тогда, что в 1860 году явится именно такой поэт, какой пригрезился во сне последнему романтику. «Является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт!» — воскликнул уже наяву последний романтик. «Сила идет, новая, молодая сила! — воскликнул вслед за романтиком критик. — Силе же и подобающий почет, потому что она божье дело, а не человеческое».

Кто же этот романтик, которому снятся такие удивительные пророческие сны? Кто этот критик, водящий знакомство с таким романтиком, и кто, наконец, этот великий, *давно жданный, давно желанный и ни на кого не похожий поэт?*

Критик этот — А. А. Григорьев, перенесший свою критическую деятельность в «Сын отечества», в котором помещаются его «Беседы с Иваном Ивановичем о совре-

менной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах».

Этот романтик — Иван Иванович, вымышленное лицо в беседах г-на Григорьева. Этот поэт — г-н Случевский, молодой человек, напечатавший в январской книжке «Современника» шесть стихотворений, из которых некоторые недурны, некоторые... но об этих некоторых после.

Теперь несколько слов об этих трех персонажах нашей литературной комедии.

Г-н Григорьев и его критическая деятельность, с ее дельными и забавными сторонами, известны читателям еще со времен «Москвитянина».

Ивана Ивановича постараемся определить словами самого автора. Пусть на автора же и пеняют читатели, если определение будет несколько темно. Иван Иванович — «вечный и последний романтик» и в то же время «человек жизни», разумеющий под словом *жизнь* «не слепое веяние минуты, а великую, неистощающуюся, всегда единую тайну». Иван Иванович вообще «странный и оригинальный субъект, оригинальный, впрочем, *как хаос,* а не как стройное явление». Вследствие этой оригинальности Иван Иванович нравственность называет *индравственностью,* угрызения совести *хандрою,* живет в злоуханных нумерах, где-то в Гончарной улице, потому что ему, вследствие все той же оригинальности, кажется, будто Гончарная ближе к Москве, чем Знаменская или Невский проспект; в этих нумерах играет на гитаре и предается постоянным и неутомимым *загулам,* [1] а в свободное от загулов время пишет стихи, но какие стихи! — *клочки живого мяса, вырванного прямо с кровью из живого тела,* так по крайней мере определяет автор стихи Ивана Ивановича. «Иван Иванович, — говорит автор далее, — может с таким же правом сказать: «я люблю безобразие, господа!», как Тарас Скотинин говорил: «я люблю свиней, сестрица!»

«Некоторого рода *трансцендентализм,* — продолжает автор, — роднит нас с Иваном Ивановичем, хотя я ни-

---

[1] З а г у л ы — несколько дней продолжающийся кутеж, нечто вроде хронического пьянства, то же, что в просторечье запой.

Примеч. для читательниц, незнакомых с ученою терминологиею г-на Григорьева.

когда не могу идти *так смело и так последовательно* по пути этого трансцендентализма, как мой приятель... ни в жизни, ни в мысли, когда дело дойдет до приложений мысли к явлениям — каким бы то ни было — хотя бы даже литературным». Ясное дело! Как эстетический, тонко развитый критик, г-н Григорьев, при всем его трансцендентализме, не поселится в злоуханных, *дышащих безобразием* нумерах в Гончарной, не назовет нравственность индравственностью, а живое, хотя бы человеческое, мясо стихами, не доведет свои оригинальные убеждения до индравственного хаоса, а угрызения совести до романтической хандры и ультрапрозаического запоя и никак уж не уподобится знаменитому любителю свиней Тарасу Скотинину. Как хотите, а идти *смело и последовательно* по пути *этого* трансцендентализма очень опасно; того и гляди, что с московской дороги угодишь прямо на петергофскую.

Впрочем, дело не в этом. Иван Иванович так уж создан и как художественное лицо, созданное автором, не подлежит исправлению. Одно показалось нам странным в рассказе г-на Григорьева. Получив записку о доставлении в срок литературных бесед от редактора «Сына отечества», благодушно положившегося на испытанный критический такт своего нового сотрудника, г-н Григорьев, вместо того чтобы хоть поверхностно просмотреть новые журналы, вдруг, после многого множества написанных им журнальных статей, почувствовал страх, *нечто похожее на раскаяние и угрызения совести*, и в таком тревожном состоянии духа отправился... куда бы вы думали? поближе к Москве, в Гончарную, к своему безобразному приятелю.

Безобразного своего приятеля он застал, как и ожидать следовало, между двумя загулами, с книжкою в руках, впрочем. Здесь г-н Григорьев рисует с любовью и — надобно ему отдать справедливость — с удивительным знанием дела картину безобразной жизни Ивана Ивановича. Красные глаза содержателя нумеров, пение пошлых куплетцев, царапание большим пальцем по струнам семиструнной гитары и, наконец, смакование и бурчание во рту водки — изображены здесь художественно. Затем Иван Иванович читает г-ну Григорьеву стихи г-на Случевского и до такой степени увлекается, что «мурашки бегают у него от затылка вдоль по спинному хребту от

множества отдельных стихов — и в жар бросает от целого». Жар этот очень легко объяснить приливами крови к голове и тоскливым настроением Ивана Ивановича после загула; этим же настроением объясняется очень удовлетворительно, почему он, помимо помещенных в январской книжке «Современника» действительно замечательных статей Костомарова, Тургенева, Щедрина и др., устремил все свое внимание на стихи г-на Случевского: во-первых, чтение стихов, не требуя от романтиков умственного напряжения, дает им возможность ораторствовать и горячиться, а во-вторых, может быть, Иван Иванович и почуял в стихах г-на Случевского родственный его произведениям запах живого мяса.

Теперь, когда читатели несколько ознакомились с двумя лицами нашей комедии, остается познакомить их с третьим и — главнейшим.

Г-н Случевский, поэт... г-н Случевский замечательн... нет! г-н Случевский даровит... нет! Определения решительно не вяжутся. В статье «Литературные вариации» г-н Гнут определяет лучше нашего особенности г-на Случевского. Здесь приведем только два стихотворения «*долгожданного* поэта»; пусть читатели сами назначат ему приличное место в вертограде отечественных муз.

НА КЛАДБИЩЕ

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стукаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой
Кто-то ежится, ворочает землей;
Слышу я, как камень точат и скребут

И меня чуть слышным голосом зовут:
— Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота;
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня:
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стукал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стукаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

* * *

Ходит ветер, избочась,
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает
И, метелицей гудя,
Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белокурые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,

Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Воет жалким воем
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в стонах ваших,
Сказок Муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер, избочась,
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

* * *

Обыкновенные читатели, вероятно, споткнутся на первых же стихах этих стихотворений. Им покажется очень странным обыкновение г-на Случевского отдыхать на кладбище; *ветер, стелющий снегом калачи кривобокой бабы*, покажется им просто бессмыслицей; но, господа, не забывайте, что вы — обыкновенные читатели, вы — толпа и ничего больше; в кривобокой бабе сокрыт *«глубокий юмор»*, и все это стихотворение — *шалость*, но «смелая, свободная и размашистая по приему — и глубокая по цельному чувству шалость! так шалят только люди с *огромными силами*...»

Понимаете ли вы, «что струею свежего, совершенно свежего воздуха брызнули эти стихи» на приятеля г-на Григорьева; знаете ли вы, что все это «свежо, оригинально и обаятельно», что это «могучие, стальные стихи» — «блестящие, как сталь, гибкие, как сталь, с лезвием (!!!), как сталь». «Тут размах силы таков, — что из его, вследствие случайных обстоятельств, или ровно ничего не будет, или уж если будет, то что-нибудь большое будет. Да-с! Это не просто высокодаровитый лирик, как *Фет, Полонский, Майков, Мей,* — это даже не великий,

но замкнутый в своем одиноком религиозном миросозерцании поэт, как *Тютчев...»* Эти стихи даже не клочки живого мяса из внутренностей Ивана Ивановича, это, как уже сказано выше, — сталь, чистейшая, дамасская сталь, первого сорта. Тут нечто *«фетовское»* сливается с чем-то *«тютчевским»* и образует нечто совершенно особое. «Это сила, сударь мой, это сила идет, новая, молодая сила. Она может разлететься прахом или создать *новый мир* (!), *прекрасный мир* (!!), *самобытный мир* (!!!), что-нибудь из двух — среднего быть не может». «Тут сразу является — поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт; а коли уж на кого похожий — так на Лермонтова».

Так заключил свою речь приятель г-на Григорьева. Г-н Григорьев «смотрел во все глаза на Ивана Ивановича. Он был *совершенно в здравом уме* (?) и твердой памяти, — но *нервы* на его висках *напряглись*, глаза сверкали, движения были *судорожны...»*

Ух! До каких ужасов доводит чтение стихов г-на Случевского. К довершению ужаса, в это время «раздался звонок, и вслед за ним в комнату ввалилось трое господ, из которых *двое вели одного под руки*. Я (г-н Григорьев) схватился поскорее за шапку, наскоро простился и пустился домой, оставив Ивана Ивановича в *жертву вечернюю* — постоянным и неутомимым товарищам его загулов». Очень жаль, г-н Григорьев, что вы оставили вашего друга в такую критическую минуту. Хорошо еще, если он во хмелю смирен и забавен, а то ведь трансцендентальная критика, с упоением вином и стихами, может бог знает до чего довести господина с напряженными нервами и судорожными движениями.

Но мы увлеклись жалким Иваном Ивановичем и как будто забыли о главном лице нашей дидактической комедии — о г-не Случевском. Впрочем, мы не рецензию пишем на его стихотворения, мы пишем по поводу «Бесед» г-на Григорьева. Если бы мы писали исключительно о нем, мы бы долгом почли прямо, без шуток и предисловий, сказать ему следующее:

Г-н Случевский! Ваши стихи брызнули струею свежего, совсем свежего воздуха на какого-то Ивана Ивановича; не забудьте, что Иван Иванович сказал это в коротенький промежуток между двумя загулами, в душной

атмосфере злоуханных нумеров Гончарной улицы; там поневоле все покажется свежим и совсем свежим.

Ваши стихи гибки, как сталь, с лезвием, как сталь, и от них мурашки по спинному хребту бегают; вспомните, что это говорит тот же Иван Иванович, который не находит поэзии в стихах Некрасова (см. ниже) и за стихи принимает, в своем помешательстве, клочки живого мяса, с кровью вырванные из живого тела.

«Вы или разлетитесь прахом, или создадите новый, *прекрасный* мир», — говорит все тот же Иван Иванович, но его понятия о прекрасном очень туманны и трансцендентальны, но он, по словам г-на Григорьева, безобразие любит, как Тарас Скотинин свиней, и своим нравственным безобразием превосходит Тараса Скотинина.

Г-н Григорьев говорит, что в одном из стихотворений ваших *нечто* фетовское слилось с *чем-то* тютчевским и из этого образовалось нечто совершенно особое (мы говорим: *г-н Григорьев*, потому что Иван Иванович тут поставлен, очевидно, в видах увеселения читателей и высказываемые Иваном Ивановичем мнения суть личные мнения г-на Григорьева, иначе г-н Старчевский, отличающийся строгим выбором статей в свой журнал, не поместил бы в нем этой статьи; мало ли какую дребедень могут говорить о литературе разные Иваны Ивановичи — печатать всего нельзя); не верьте г-ну Григорьеву: тут нет ничего *особого*, и слилось в ваших стихах, вообще очень миленьких, не только фетовское и тютчевское, но и некрасовское, и майковское, и меевское, и полонсковское, даже отчасти минаевское, [1] крестовсковское, [2] зернинское, [3] пилянкевичевское [4] и николаевсковское, [5] наконец, даже татариновское, ананьевсковское, аксеновсковское и овчинниковское [6], — ибо и сим последним, при внимательном

---

[1] См. «Русский мир» и «Светоч».

[2] См. «Сын отечества», «Русское слово», «Светоч» и «Отечественные записки».

[3] См. «Библиотеку для чтения».

[4] См. «Атеней».

[5] См. книжку *Стихотворения Николаевского*, 1859.

[6] Татаринов, Ананьевский, Аксеновский, Овчинников — достаточно известные своими произведениями. Прилагательные от фамилий, кончающихся на *ский*, произведены здесь в виде опыта.

и гуманном рассмотрении их стихописаний, нельзя отказать в доле здравого смысла, которого местами не хватает и в ваших стихах.

За шесть только что недурных стихотворений г-н Григорьев ставит вас выше Фета, Полонского, Майкова, Мея и Тютчева; Некрасова он даже не сравнивает с вами, потому что в ваших стихах есть, по его мнению, какое-то «могучее своевольство», а «стихотворения Некрасова не поэзия, и в них носится, видимо, какая-то сила, но сила эта извращена и напряжена...»; о Бенедиктове, гр. Толстом, Хомякове, Щербине и других современных поэтах он будто не смеет даже говорить в вашем присутствии; не верьте ему. Не ищите *глубокого юмора* в вашей несчастной *кривобокой бабе* — предоставьте это романтикам, оригинальным *как хаос;* но если хотите определить ваши силы, сравнительно с названными выше поэтами, перечтите внимательно их, определите особенности каждого из них, помимо их недостатков, подумайте, сколько времени и труда положили они и сколько, может быть, захватили горя, прежде чем создали несколько песен, на которые и вы, как молодая и впечатлительная натура, откликнулись подражаниями, — и потом перечтите еще раз хвалебную статейку г-на Григорьева, но перечтите один, без свидетелей, потому что, если в вас есть талант, вы от нее покраснеете.

Г-н Григорьев говорит... Но мало ли что говорит г-н Григорьев! Вот он ставит вас наравне с Лермонтовым... Многое и мы могли бы сказать по этому поводу, но станет ли слушать нас г-н Случевский, когда услужливый критик «Сына отечества» отуманил его глаза таким *упоительным куревом*.

1860

ГАЗЕТА «ДЕНЬ» И ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ КОРЕЙША

Серьезные люди, прочитав это заглавие, нахмурят лбы и от этого сделаются еще серьезнее. Господа, не вините меня. Я ничего сам здесь не сочинил; я выписал только заглавия двух статей, помещенных одна возле другой в 46 № «Домашней беседы» («По поводу погребения Ивана Яковлевича Корейши» и «Несколько слов о газете „День“».) Г-н Аскоченский относится с одинаково горячим участием и к московскому юродивому и к московскому журналисту. Надо заметить, что г-н Аскоченский приветствовал назад тому две недели появление первого № «Дня», но тогда в этом приветствии проглядывала какая-то робость, какое-то сомнение... В 46 № приветствие принимает характер ясный и определительный. «Дай бог здоровья редакции, — говорит г-н Аскоченский, — что она не стала дожидаться обычного срока появления в свет газет и журналов. Не такое теперь время, чтобы стеснять себя подобного рода формальностью: в литературе нашей пожар; тушить надо, — кто первый поспел на тревогу, тому честь и слава». Далее он говорит даже, что у него «душа дрожит благоговейным трепетом при чтении таких речей, вырывающихся из-под самого сердца».

Не знаю, будет ли впору редактору «Дня» венок славы, налагаемый на его голову редактором «Домашней беседы», не берусь решить, польстит ли ему честь стоять в препрославленной газете рядом с Иваном Яковлевичем

в качестве литературного брандмейстера мнимых пожаров; не могу утвердительно сказать, какое произведут на него впечатление цитаты из его газеты, изукрашенные собственными соображениями г-на Аскоченского, поздоровится ли ему от благодарности за то, что вести из-за границы в его газете касаются «не Гарибальди *какого-нибудь* или Рикасоли», благодарности Виктора Ипатьевича, который точно так же ставит в заслугу юродивым, или *простецам,* как он выражается, то, что они не знают, «земля ли вертится вокруг солнца или солнце вокруг земли, можно ли или нет найти квадратуру круга, удобно ли провести электрическую проволоку через Атлантический океан, от жмуди ли русские произошли или от норманнов»... («Дом⟨ашняя⟩ бес⟨еда⟩», № 45).

Предоставляю публицистам и экономистам разобрать беспристрастно каждую статью «Дня». Я этого не могу сделать: я теряюсь в противоречиях между отрицанием юбилеев и юбилейными липами, между нападками на г. Чичерина и разными красноречивыми фразами противу всякого рода увлечений, между поголовным обвинением целых народов и идиллическими желаниями всеобщего мира, между русским безобразием и русскою нравственностью и пр. и пр. Полагаю, что вся публика, так же как и я, будет очень благодарна тому писателю, который выведет ее из этого хаоса и укажет ей, как надо смотреть на газету «День». [1] От самого г. Аксакова, судя по вышедшим до сих пор нумерам, этого ожидать нельзя. Покуда мы должны быть очень благодарны г. Аскоченскому, который прямо и *откровенно* высказал свое мнение. Я по крайней мере очень ему благодарен. Без его статьи я бы ничего не мог сказать о «Дне».

Тщетно тер я свой лоб,
Домогаясь дознаться,
Что такое могло б
В этом «Дне» выражаться.

---

[1] В 257 № «Русского инвалида» помещена статья о газете «День». Читавшие эту статью согласятся с нами, что она указывает настоящую точку зрения, но в ней все-таки много недосказанного; это заметит, вероятно, и г. Аксаков, пламенно желающий прежде всего *«вполне откровенной литературной полемики»*. Эти слова в 6 № «Дня» даже набраны каким-то особенно крупным шрифтом.

Но вполне разгадал
«Дня» стремленья и метод
Лишь Аскоченский — этот
Наших дней Ювенал.

Он Аксакова вдруг,
Для разгадки скорейшей,
С господином Корейшей
Сопоставил сам-друг!

Поводов к этому сопоставлению, кажется, не было никаких, но игривое воображение г. Аскоченского хорошо известно нашим читателям. Рассказывают, что в некотором веселом обществе подали на днях Виктору Ипатьевичу несколько риторических упражнений, написанных на одном листе бумаги, с предложением решить, что сочинено им и что г. Аксаковым.

Вот, наудачу, несколько выдержек из этого листа.

«...Хотя мы почти уверены, что голос наш раздается напрасно, но, применяясь к предмету настоящей речи нашей, скажем и мы: глас вопиющего в пустыне уготовайт путь господень. Покайтеся!..»

«...Вся беда от того, что мы захотели разом поумнеть и, будучи еще ребятами, натянули на себя парики взрослых людей, взятые нами напрокат у немцев».

«Выходите на борьбу, не щадя живота своего, до последней капли крови, за те вековечные принципы, которыми крепка была Русь в течение тысячи лет, которые манят и притягивают к себе все славянские племена, утратившие то, чем мы, благодаря бога, еще владеем».

«Отправляется, например, процессия на могилу с венками и с лентами. Зачем тут венки? Это делают католики на своих кладбищах; там это и законно, но у нас это без смысла».

Читатель, разумеется, не догадается, что принадлежит здесь г-ну Аскоченскому и что г-ну Аксакову. Я бы тоже не догадался, если бы не сам выписал эти строки; сам г-н Аскоченский не догадался и, прочитав целый лист подобных выдержек, мог воскликнуть только: «Вот как мы ныне пишем!»

Восторг г-на Аскоченского превзошел всякую меру, когда в редакцию «Домашней беседы» прислали статью Киреевского «Индифферентизм», которая и помещена в 46 № убогой газетки. Напечатав статью одного из лучших представителей славянофильской партии, авторитета между западоненавистниками, Виктор Ипатьевич припрыгнул до потолка и даже, подражая г-ну Стуколкину, сделал некоторое комическое антраша: «Мы, дескать, нынче славянофилы, знай наших!»

Но когда Виктор Ипатьевич прочел в «Дне», что безобразие — подвиг народного духа, то именно место, где г-н Аксаков, пародируя известное, приводимое во всех хрестоматиях для народа, стихотворение Хомякова

Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе, —
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе и пр.,

говорит нечто вроде следующего четверостишия:

И в Европе и в Азии
Были подвиги, но
Для меня безобразие
Высший подвиг — одно! —

тогда Виктор Ипатьевич несколько задумался и, по зрелом размышлении, отвечал г-ну Аксакову:

Подвиг есть в общем сходстве
Ваших взглядов с моим;
Несогласен с одним:
Высший подвиг — в юродстве!

что и доказал блистательно в своей статье о Корейше, где говорит прямо, что «подвиг юродства есть один из самых труднейших подвигов».

Какой же вывод из всего этого? — спрашивает читатель. Вывода никакого: я никогда не делаю выводов. Кажется мне, — это мое личное мнение, — что Виктор Ипатьевич несколько поторопился в изъявлении своего сочувствия новой газете. Полагаю, что ему придется разочароваться. А впрочем, с другой стороны... «Русский

инвалид» вот говорит, например, что «г. Аскоченский так крепко впился в г. Аксакова, так глубоко запустил руку в душу последнего, что его не спасут уже ни гг. В. Ламанский, ни Погодин, ни другие даровитейшие представители славянофильского направления. Вы что ни говорите, а ловкий человек г. Аскоченский. Это своего рода Бертрам в подобном деле». Последнее замечание очень верно: в Викторе Ипатьевиче действительно есть что-то демоническое; байроновское отрицание в соединении с игривостью Парни и отчетливостью маркиза Зада в его киевских стихотворениях неотразимо действуют на душу впечатлительную и страстную. По крайней мере на меня они так подействовали, что, собрав перлы этой поэзии, я написал следующую маленькую балладу, применяясь к современной деятельности Виктора Ипатьевича.

Печальный рыцарь тьмы кромешной,
Блуждал Аскоченский с клюкой
И вдруг припомнил, многогрешный,
Преданья жизни молодой;
Те дни, когда, в восторгах млея,
Он волочился, как Фоблаз,
И полногрудая Лурлея, [1]
Ревнивцу-мужу нос наклея,
С ним оставалась глаз на глаз;
Когда безвременью чужому
Он рад был, словно Асмодей,
И остроумью молодому,
Непозволительно-живому,
Был сытной пищей Гименей;
Когда в размеренные речи
Его резвившихся стихов
Входили мраморные плечи
И фольгой убранные свечи,
Без целомудренных оков...

---

[1] *Полногрудая Лурлея, обманутый Гименей* и пр. заимствовано из книжки стихотворений г-на Аскоченского. Мы ни минуты не сомневаемся, что все эротические проказы в этих стихотворениях чистый вымысел и никогда не были в действительности. Иначе мы бы не позволили себе даже говорить о них. *Ред.* ⟨*«Искры»*⟩.

Припомнил он, как жизни летом
Он в Лете рыбицу удил
Блаженным киевским поэтом
И много, много... и при этом
Слезу на *изгарь* уронил.

Давно отверженный блуждал...
Увы! ни друга, ни соседа
Не мог найти его журнал,
Его «Домашняя беседа».
Не трогал сердца ничьего
Застоя добровольный пленник:
Проходит мимо «Современник»,
Едва взирая на него,
«Пчела» в него впускает жало,
Костыль заносит «Инвалид»,
И «Время» грозное шумит
Косой звенящего металла,
Разит иронией злой
В своих изданиях Краевский,
И — грудь о грудь, рука с рукой —
С ним выступил в смертельный бой
Альберт Викентьевич Старчевский,
Гудеть сбирается «Гудок»,
«Свисток» неугомонно свищет —
И тщетно он опоры ищет
И робко смотрит на восток.

Там перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Там девонширские долины
Ковром раскинулись вдали;
Но «Вестник английский» сурово
Глядит из фермы образцовой,
Наводит «Зритель» свой лорнет,
А в арсеналах «Русской речи»
Не наготовятся картечи...
И вдруг — блеснул нежданный свет!
«Откуда он? То «Наше время»

Пошло на молодое племя?»
(Надежды промелькнула тень.)
«Нас в русской прессе только двое»...
О нет, Аскоченский! Другое —
Слепец! Не видишь: это «День»!

«Клянусь газеткою убогой,
Клянусь усопшим «Маяком»,
Клянуся хроникою строгой,
Пылавшей в «Светоче» огнем.
Клянусь сердитым Дорофеем,
Клянусь Камбека ерундой,
Поддетым на смех Гименеем,
Повитой фольгою свечой,
Статьей Дубровского про Ганку,
Благодеяньями Н. Б.,
Пером, принадлежащим Бланку,
Любовью общества к себе,
Клянуся Кочкою Сохраной,
Романом «Хижина в степи»,
Клянуся Юлией Пастраной,
Клянусь ботфортами Шампи,
Клянуся лаской нежнейшей
Моей Лурлеи милых рук,
Клянусь всей мудростью Корейши
И всею глупостью наук, —
Журналы все перебирая,
С газетой русскою — клянусь —
С тех пор, как мир лишился рая,
Впервые в мнениях схожусь!»

Такие страшные клятвы произносил Виктор Ипатьевич, читая «с благоговейным трепетом» первые нумера «Дня». Читатель убежден, что г-н Аксаков не поддастся на эти клятвы.

1861

РУССКИЙ РАЗГОВОР ПЕТЕРБУРГСКИХ ДАМ

Я был в Михайловском театре и наслаждался высокохудожественною игрою Ристори, не понимая ни слова по-итальянски. Кресло мое приходилось как раз возле бенуаров — эти боковые кресла обыкновенно занимают фельетонисты, мои старшие по ремеслу братья. Возле меня, в бенуаре, сидели две молодые дамы; если я скажу — они были прекрасны, — я ничего этим не скажу. Они были более чем прекрасны: в их лицах я заметил то умное, чисто русское выражение, которое представляется мне в идеальных лицах будущих русских женщин, когда я дремлю после обеда, убаюканный патриотическими грезами газеты «День». Одеты они были очень просто: одна в тифтиковом, другая в альбакасовом платье, и эта простота еще более возвышала их красоту.

В антракте эти дамы разговаривали, не громко, но, однако, так, что мне было слышно каждое их слово. Считаю себя обязанным поделиться с читателями тем высоким наслаждением, которое я вынес из этого разговора.

Герой на сцене закалывается; занавес падает.

Альбакас (*опуская бинокль*). Ристори мне надоела. Русская *лицедейка* Владимирова больше говорит сердцу.

Тифтик. Вы совершенно правы. Слышали новость? Наш знаменитый *личник* Бурдин вернулся из-за границы.

Альбакас. Да, мне говорил об этом сочинитель, который пишет под *потайником* Квасова. Он говорил, что

нашего дорогого личника восторженно приняли: *ладошниками* и *хлопушами* были даже все дамы.

Тифтик. Правда ли, что этот знакомый ваш сочинитель намерен издать *полетник?*

Альбакас. Как же. Он даже хочет поместить в нем *краестишие*, которое написал мне; но я, разумеется, его от этого отговариваю. *(Тихо, указывая на меня)*. Посмотрите, как этот *белявый* смотрит на вас в *двуглазку*.

Тифтик. Он не на меня смотрит, а на мой *на́ручень*.

Альбакас. Безобразник! Какие у него гадкие *щекобрады!*

Я встаю с кресла и, продолжая слушать, навожу свой бинокль в противоположные ложи.

Тифтик. Вообразите, *мой* тоже отпустил себе *бокоуши*.

Альбакас. Нынче они все обросли *бурдами*.

Молчание. Я сажусь, несколько успокоенный.

Альбакас. Скажите, вы не читали в временниках — хорошо ли в Дурацком городище идет подписка на *книжницу?*

Тифтик. Нет, известия неутешительные. В Дурацком городище и Глупове играют в карты, в лото... для них высшее счастие, когда выиграют на *двоюху*...

Альбакас. Но в Верхне-Кундрюченске, говорят, дело народного образования пошло очень успешно и быстро.

Продолжительное молчание.

Тифтик. Скажите, пожалуйста, поправилась ли ваша золовка?

Альбакас. Нет, все еще лежит. *Родопомощница* не помогла ни на волос; да и *бабич* отчаивается. Можете представить, сколько денег пошло на одну *зе́льницу* — просто ужас!

Тифтик. Да, я это хорошо знаю: когда болен был муж, *снадобница* нам тоже обошлась в копейку.

Альбакас. Полноте! Ваш муж так много получает с своего *общества на делянках*.

Т и ф т и к. Нет, нынче дела идут плохо. Передайте, пожалуйста, *сластничку*.

Альбакас передает бонбоньерку; Тифтик рассматривает ее.

Т и ф т и к. Какая хорошенькая *лакомка*. (*Берет конфекты.*) Прощайте, вот идет муж... Сейчас кончится *меженица*.

А л ь б а к а с. Как идет к вашему мужу эта *плетеница* из золотых снурков.

Т и ф т и к. Прощайте! Мне бы гораздо приятнее было оставаться здесь с вами, но муж непременно хочет ехать в цирк смотреть на какого-то *весопляса* вроде Леотара. Никак не могу сделать его серьезным. Приезжайте часов в одиннадцать: будет Акулина Пахомовна, знаете — муж которой служит в *письмоскладе*. Завтра пойдем вместе смотреть восковых *самодвиг* и *живулей*. Прощайте, Марья Ивановна.

А л ь б а к а с. До свидания, Дарья Петровна.

«Какое отрадное явление! — думал я, выходя из театра, — эти дамы прочли первый выпуск «Толкового словаря живого русского языка» только на *Аз* и на *Буки* и уже не употребляют в разговоре иностранных слов».

1861

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ Г-НА ОХОЧЕКОМОННОГО

Кроме во всех отношениях приятного фельетона Никиты Безрылова, в декабрьской книжке «Библиотеки для чтения» встречаются диковинки не менее замечательные. Г-н *Охочекомонный*, недовольный статьями об университетах гг. Костомарова, Стасюлевича, Сухомлинова и др., не выдержал и разразился сам статьею, озаглавив ее «Несколько слов об университетах». Заглавие, впрочем, обманчиво, читатель. Об университетах на двадцати страничках статейки говорится очень мало. Зато о значении образования вообще говорится очень пространно, очень старо и чрезвычайно бестолково. Зато полемические перлы, крупные и самоцветные, рассеяны в изобилии. Зато нравственные принципы, гармонируя с безрыловскими воззрениями, могут составить с ними полный кодекс той неподвижной, во ужас приводящей морали, твердыню которой не могут сокрушить никакие армстронговы пушки прогресса. Остановимся на полемических перлах и охочекомонновских нравственных принципах.

Можем смело сказать, что полемика дальше идти не может; г. Охочекомонный прямо называет г. Костомарова *мартышкой* — ни более ни менее. Неверующих — а неверующими в этом случае должны быть все, не дорожащие развитием крепкого слова в печати, — просим прочесть 3-ю страницу статьи г. Охочекомонного, где выписываются автором следующие стихи из «Квартета» Крылова:

«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. —
Погодите,
Как музыке идти? ведь вы не так сидите!»

и затем непосредственно следует:

«Не правда ли, стихи эти очень идут к г. Костомарову, к его проекту о преобразовании университетов?»

Недурно, читатель, не правда ли? Откровенно по крайней мере. Но если г. Костомарову сильно досталось от г. Охочекомонного, то и гг. Стасюлевичу, Барсову, Сухомлинову и др. досталось еще покрепче. С ними он уж совсем не церемонится и каждого из них просто-напросто называет ослом. Ознакомившись несколько с манерой выражаться г. Охочекомонного по поводу его отзыва о г. Костомарове, читатель, пожалуй, и не потребует от нас доказательств, но мы считаем долгом обогатить нашу хронику следующими строками из трижды замечательной полемической статьи. Начинается также знаменательными стихами Крылова:

«Постойте! Я сыскал секрет, —
Кричит Осел, — мы верно уж поладим,
Коль рядом сядем».

Затем тотчас же следует:

«В самом деле, пошел кто-нибудь дальше г. Костомарова? Сумел кто-нибудь выбиться из колеи (Охочекомонный выбился), которую проложил г. Костомаров? Что сказали эти гг. Стасюлевич, Барсов, Сухомлинов, Неизвестный, Незнакомец и другие псевдонимы? Кто из них поднялся выше перемены места, как в «Квартете» *Мартышка* и *Осел*?»

Довольно, читатель?.. Комментариев, кажется, никаких не нужно, да оно и не совсем прилично делать комментарии на такие выходки. Перейдем к нравственным принципам Охочекомонного.

Стоит только перелистовать трижды замечательную статейку, и взгляд ваш непременно упадет на следующие строки, приводимые здесь во всей причудливой красоте слога и высоконравственной резкости выражения.

«Натурально, подробности истинного прогресса должны быть строго определены на основании общих аксиом, на которых строится образование, чтобы за про-

гресс не считали то, что есть регресс. На основании этих аксиом, например, публичное чтение «Египетских ночей» не может быть одобрено, а должно быть строго осуждено; даже если оно сделано дамою, и даже тем больше, потому что и наша жизнь не дает на это позволения (!) и не так еще понизился нравственный уровень дам, как мужчин. А *качество* (?) дамы в этом случае — не защита от осуждения, даже очень строгого, потому что в общественной деятельности вменяемость действий как мужчин, так и дам одинакова. *Нельзя позволить дамам развращать общество во имя их дамского качества* (!!); где это позволялось, там целое общество за это платилось своим нравственным паденьем. И, без сомнения, дамы не будут в претензии, если мы скажем, что требования нравственности можно даже предпочесть их требованьям. Да впрочем, сколько известно, наши дамы в данном вопросе и не думали защищать свою сестру за чтение «Египетских ночей», кроме некоторых, *обессмертивших свои имена на страницах „Петербургских ведомостей“»* (?).

Итак, все, что было писано против неловкой статьи «Века», все эти журнальные ядра и бомбы отскочили от китайской стены прапрадедовской морали г-на Охочекомонного? Итак, г-жа Толмачева, во имя *своего дамского качества* (что это за бессмыслица? что вы разумеете под словами дамское качество?), развратила все пермское общество, прочитав «Египетские ночи». Итак, наши дамы не думали защищать *свою сестру* (какая милая бесцеремонность выражения!), кроме некоторых, обессмертивших свои имена на страницах «Санктпетербургских ведомостей»!

Позвольте: какие это дамы, которые обессмертили свои имена на страницах «Петербургских ведомостей»? Что вы этим хотите сказать и какое право вы имеете говорить, что такие-то дамы *обессмертили свои имена* там, где дело идет о вопросе не политическом, не литературном, не гражданском, а исключительно нравственном, т. е. о таком, в котором, говоря о лицах, тем более о женщинах, нужно быть особенно разборчивым в выборе выражений, потому что дело касается репутации, которая для честной женщины дороже всего на свете?

Какое это общество, которое может развратиться от того только, что прослушает публично художественное произведение? Как же после этого то же самое общество (впрочем не пермское, а петербургское) ходит смотреть далеко не высокохудожественную пиесу «Nos intimes» и нисколько не скандализируется ею, так же как не скандализируется в балете и на публичных балах, баликах и маскарадах развязными танцами? Или канкан художественнее и нравственнее превосходного стихотворения Пушкина? Или сдержанное законами творчества слово неприличнее ничем не стесненных телодвижений в танцах? Разврат, разврат! — вопиете вы, потому что общество в ваших глазах состоит из животных, между которыми ослы и мартышки занимают должности профессоров или пишут ругательные статьи и которые до того покорны чувственным инстинктам, что в самых поэтических образах видят только одну клубничку и неспособны возвыситься до понимания идеалов искусства. Будьте же последовательны: предложите закрыть все музеи и ступайте с Аскоченским в Летний сад разбивать камнями непокрытые статуи.

Так вот ваш прогресс, построенный на основании общих аксиом, вот ваша мораль, краснеющая от каждого слова, потому что в переводе на общечеловеческий смысл эта мораль называется плохо замаскированным цинизмом, растленною чувственностью, трусливо и добровольно заковавшеюся в невыносимые для честного чувства колодки! Вот разумные и последовательные требования вашей морали: можно оскорблять целое общество, подозревая его способным развратиться от поэтического произведения, можно грубо оскорблять женщину, вопрос о поступке которой честным большинством давно уже решен в ее пользу, можно с возмутительною иронией отзываться о других женщинах, решившихся заявить публично, что чтение поэтического произведения только в лицемерах может возбудить грязные помыслы, — и все это во имя вам самим непонятного слова, во имя какой-то морали, непримиримой ни с самою патриархальною, ни с самою утонченно-цивилизованною общественною жизнью.

Вопрос этот, впрочем, так стар, что о нем совестно долго распространяться, тем более что мы еще хотим познакомить читателя с новым дарованием, выступившим на поэтическое поприще в той же декабрьской книжке «Библиотеки для чтения». Вот какие вирши печатались в 1861 году в журнале художественном по преимуществу.

ПОЭТ

Стоял он в храме, и кругом
Моленья оскорбляли небо:
Один просил чинов да хлеба,
Другой — победы над врагом.
Один лишь он, средь общего моленья,
Такой мольбы на небо не вознес;
Один лишь он просил у бога вдохновенья,
Благословенных дум и слез.

К Б-Й

Душою гордою, быть *может*,
Ее и сильно он любил;
Но мир души ее *тревожить*
Он наслажденье находил.
Какой-то тайной, злобной власти
Над сердцем робким он искал;
В нем волновал, по воле, страсти,
Его мученьями играл.
Но всё, в безумном увлеченье,
Разлука с ним была бы ей
Страшнее смерти и мученья
Так зло отравленных им дней.

В. Осипов.

Пушкин, Лермонтов, современные стихотворцы будто и не существовали для г-на Осипова. Он поет себе песенки à la князь Шаликов, так же свободно и нежно, как в первых годах нашего столетия. Пусть себе поет на здоровье. Жаль нам только, что его чувствительной душе предстоит множество огорчений, если он вздумает про-

честь (поэты, впрочем, мало читают) суровые статьи своих сотоварищей по журналу — гг. Никиты Безрылова и Охочекомонного.

Куда ты, бедняжка, попал?
    Поэтик влюбленный?
Профессоров всех разругал
    Охочекомонный.
Безрылов с ним вместе дуэт
Поет против женской свободы,
А ты, как в двадцатые годы,
    Унылый поешь триолет...
        Бедный поэт!

Сокройся, беги от сих мест;
    Здесь воздух стесненный;
Тебя, как профессора, съест
    Охочекомонный.
Безрылов твой нежный расцвет
Задушит пороками века...
Спасайся, спасайся, мой свет!
    Беги в ерунду Льва Камбека,
        Бедный поэт!

1861—1862

В ГОСТЯХ И ДОМА

Размышления по поводу книги: «В дороге и дома» — собрание стихотворений князя Вяземского

Не пугайтесь, читатель. В размышлениях этих не будет ничего отвлеченно-философского, ниже́ нравственно-обличительного. Размышления эти не представят собою не только полной оценки поэтической деятельности князя Вяземского, даже не коснутся вопроса о том — как велик талант маститого поэта, как развивался и в чем выразился этот талант. Нам до этого нет никакого дела. Не об этом, следовательно, и речь наша.

Нас наводит на размышление самое заглавие книги, вполне оправдываемое ее содержанием. Мы садимся в *стихоподатливую* [1] коляску князя и предпринимаем с ним мысленно поэтическое путешествие, без всякой определенной цели, как путешествуют все поэты, как и он путешествует, по его собственному сознанию. [2]

Мы заранее знаем, что будем путешествовать с комфортом, как путешествуют люди хорошего тона. Сперва мы заглянем в Европу, потом в Россию; перед нами промелькнут грозные горы Швейцарии, чистенькие немецкие городки, голубое небо Италии и широкие степи России. Праздно-созерцательное настроение наше будет гармонировать с окружающею нас жизнью и природою. Садитесь с нами, читатель. Повторяем: мы будем путеше-

---

[1] Собственное выражение князя Вяземского («В дороге и дома», стр. 6).

[2] См. стих⟨отворение⟩ «Дорожная дума», стр. 77. Поэт прямо говорит, что, «как праздный зритель внешнего мира, он не различает тьмы от дня».

ствовать как люди хорошего тона, тонко развитые и подготовленные европейским образованием и русским смиренномудрием к сочувственному наслаждению прекрасным божьим миром. Так путешествуют лучшие русские люди — аристократия ума, кротости чувств и талантов. Наш поэт стихами, то благоухающими, то колкими, выразил в своей книге весь нравственный мир именно этих привилегированных людей. Жаль только одно: наш поэт несколько длинен в своем творении. По нашему мнению, весь заграничный отдел книги, составляющий добрую сотню страниц, можно бы поместить на каких-нибудь четырех-пяти страничках, в десяти-двенадцати строфах, вроде строф «Евгения Онегина». И писать-то превосходно выработанным размером «Онегина» легче, и самый строй стихов ближе подходит к содержанию книги.

Попробуем сделать опыт.

Озаглавим нашу поэму и начнем:

В ГОСТЯХ И ДОМА

I

В ГОСТЯХ

Берлин. — Масленица на чужой стороне. — Фрейберг, I. II. — Прага. — Зонненштейн. — Бастей. — Карлсбад. — Очерки Карлсбада, I. II. III. — Памятник Петру 1-му в Карлсбаде. — Русской крылатой дружине. — Вечерняя звезда. — Поздравление. — Киссинген, I. II. — Самовар. — Бедный Ротшильд. [1]

Я был у Гумбольдта в Берлине,
Я у Фарнгагена сидел.
Обоих нет на свете ныне —
Таков живущего удел!
Меня, питомца муз простого,
Они ласкали, как родного,
Зане всем гениям родной,
Кто служит истине святой.
Про молодое поколенье

---

[1] Названия девятнадцати стихотвор⟨ений⟩ из кн⟨иги⟩ «В дороге и дома».

Невольно вспомнишь... Молодежь,
Ей-ей, никак не разберешь...
Какая пылкость и волненье!
А будет прок ли? Мой ответ:
Быть может, да; быть может, нет.

Снежок в Берлине показался...
Не знаю сам, зачем, к чему,
Но я игриво замечтался
Про нашу *матушку-зиму*.
Занявшись *батюшкой-морозом*,
Его сравнил я с паровозом,
Ввернул игривое словцо
Про наше *рьяное винцо:*
Отдал преимущество сивухе
Перед рейнвейном и клико
(Мне все в стихах моих легко)
И заключил в российском духе,
Что немец на морозе *плох*
(Прости меня, немецкий бог!).

. . . .

Вот Фрейберг. Жил здесь Ломоносов;
Но разыскать, где жил рыбак,
Я, после нескольких расспросов,
Не мог решительно никак.
Искал я в книгах всех разрядов,
Нашел, что жил здесь Виноградов,
А Ломоносова и след
Пропал за давностию лет...
Вот он, прогресс наш исполинский!
И наш брат русский так же груб:
Не знает — жив ли Соллогуб,
А говорит, что жив Белинский,
Стремясь вперед, ползет назад...
В Карлсбад направимся, в Карлсбад!

Ах, как мы славно, беззаботно
В Карлсбаде, русские, живем,
Так *прозябательно, животно...*
Жизнь льется тихим ручейком.
Проснулся: мильбрун пей иль шпрудель,
Да и гуляй себе, *как пудель,*
С закатом солнца спать, домой...
С утра опять на *водопой...*
Купаясь в животворной влаге,
Я ощутил такую лень,
Что вдруг стихи отправил в «День».
О чем, бишь?.. кажется, о Праге...
И, чая подкрепленья сил,
В Карлсбаде стал славянофил.

Ехал из Карлсбада по железной дороге и засмотрелся на комету. Мысль увлекает меня в милый Карлсбад. Любуясь, с одной стороны, на милых карлсбадцев, с другой — на комету, я сочинил даже стихотворение.

Двум следующим строчкам, вероятно, позавидует сам Бенедиктов:

Где космато золотится
Девы огненной коса.

Хорошенькая девочка загляделась на комету, и я мысленным оком пытался проникнуть в ребяческие мечты карлсбадянки.

В Карлсбаде есть памятник Петру Великому. Написал стихи в честь памятника. Знаю, что за это достанется мне в Москве от славянофилов, да что ж делать — не мог утерпеть.

А что за женщины в Карлсбаде!
И сколько барышень и дам!
Забыв мильбрун, в их каждом взгляде
Я пил целительный бальзам
И назвал их, всех до единой,
«Крылатой русскою дружиной», —

Затем что русские оне,
Вот что всего отрадней мне!
Мадрид, Афины, Вена, Лондон
Все с ними здесь на русский лад:
Все по-французски говорят —
Такой уж ими русский тон дан.
Карлсбад, пленительный Карлсбад,
Ты русских женщин вертоград!

Отправил к одной русско-карлсбадской даме визитную карточку-портрет при стихах. Стихи велел переписать и отправить для напечатания в Москву, в «Наше время».

Я помню Киссингена тени,
Его ключей целебный дар,
И к стихотворству в Киссингене
Во мне проснулся прежний жар.
Туда приехав, в первый день я
Два написал стихотворенья,
И новый стихотворный пыл
Баварец-мельник мне внушил.
«Ну что такое, — скажут, — мельник?
Чай, аблессимовскому брат,
Как он, колдун, обманщик, сват,
Еще, пожалуй, и бездельник?..»
Баварский мельник?! Nein, mein Gott.[1]
Федот, выходит, да не тот.

Приятно, если мы встречаем
В тиши немецких городков
За православным русским чаем
Беседу наших земляков
О русских щах, о русском чае,
Об ярославском урожае,
О киссингенских бедняках,
Рулетке, сплетнях и балах!

[1] Нет, бог мой *(нем.)*.

Довольно, читатель. Далее продолжать стихами как-то неловко... Далее следуют стихи на смерть банкира Ротшильда, в которых поэт удивляется, что Ротшильд, при всем его богатстве, умер как какой-нибудь поденщик. Далее следуют похвалы Баден-Бадену, юмористическая заметка вообще о немецкой природе, воспевается Рейн, и поэт переселяется в Швейцарию.

В Швейцарии точно тем же порядком воспевается Женевское озеро, Рона, Альпы, Арва (Монблана автор не видал вследствие дурной погоды). Особенного в швейцарских воспоминаниях автора только то, что попавшаяся ему на глаза *рябина* пробуждает в нем воспоминание о зажиточном селе благодетельного помещика и его рябиновке.

В Италии опять, как по гиду, воспеваются попадавшиеся на пути поэту реки, горы, города и моря. Деликатно-развитый автор страдает страданиями итальянского рыбака, плачет, видя порабощение Венеции, точь-в-точь, как плакали гг. Кроль, Арбузов и прочие образованные путешественники, и поет баркаролы венецианской рыбачке:

Ножка, весь златой восток
Я отдам за твой мизинец,
За один твой ноготок, —

восторженно говорит он, обращаясь к ножке молодой плебианки. Читатель видит, что сочувствие к италиянскому народу у нашего туриста полное.

Во Франции автор поет гимн шампанскому и посвящает его Давыдову, потом вспоминает об Арзамасском обществе и празднике 8 января 1851 г. в доме одного из своих петербургских друзей, причем язвительно отзывается о политическом перевороте 2 декабря 1851.

Англию автор не воспевает вовсе, хотя и говорит общие места о буре на море в стихотворении «Брайтон» и хотя рубрика целого ряда стихотворений гласит: «Франция и *Англия*».

На то у автора, верно, были причины.

Читатель теперь несколько усвоил себе впечатления тонко развитых русских туристов. Может быть, он скажет, что в предлагаемом этюде выражаются всё впечатления личные, не имеющие ровно никакого значения для

общества и потому долженствовавшие быть напечатанными со всею типографскою роскошью только для друзей и самых коротких знакомых автора, в самом ограниченном числе экземпляров. Мы на это ничего не ответим, а укажем только на любовь к природе и гуманные отношения привилегированного по уму, талантам и кротости сердца класса наших туристов к венецианским рыбачкам и киссингенским мельникам и затем покажем другую сторону медали.

Следующий этюд будет посвящен путешествию по России и русской жизни.

II

ДОМА

Домашние картинки

НА СПИРИДОНОВКЕ

И. С. Аксаков (*выходя, раздает стоящим на лестнице нищим медные деньги*). На... и тебе... и ты на... Молитесь за здравие раба божьего Иоанна. (*Пройдя несколько далее, останавливается на перекрестке, увидя дядю Власа.*)[1]

А! вот и *он* с открытой головой
И с книгою в руке, протянутой к прохожим...

Дядя Влас (*жалобно*). На построение храма господня, болярин.

И. С. Аксаков. На, молись за здравие раба божьего Иоанна. (*Дает ему медную монету.*)

Дядя Влас. Благодарим, батюшка Иван Сергеич.

И. С. Аксаков. Ты меня знаешь, старик?

Дядя Влас. Кто вашу милость не знает? Вы да Михайло Петрович Погодин наши благодетели. Нищую братию обделяете, велелепию храмов господних споспешествуете. Нынче, поди-ка, люди всё скупые, корыстные, о себе помышляют, о боге никто не помышляет... языч-

[1] См. стих⟨отворение⟩ Некрасова.

ники окаянные, иуды искариотские... Только вы, батюшка, да Михайло Петрович...

И. С. Аксаков благосклонно кивает ему головой и продолжает свою прогулку; дядя Влас отправляется в кабак.

И. С. Аксаков. Добрый старик! Вот где надо изучать народ, а не в книгах. Мудрость глаголет его устами. *(С озлоблением.)* Послушали бы его эти санктпетербуржские самозванцы-народники... Именно: иуды искариотские... Я даже писал об этом. Счастлив тот писатель, чьи убеждения сходятся с чистыми, самобытными воззрениями лучших людей из среды самого народа!

(Задумчиво.)

Я следовать люблю народному примеру
И лепту и мою спешу в тот сбор принесть.
(Вздыхая и возводя глаза к небу.)
Скажу: *и моего тут меду капля есть;*
Скажу: и моего тут будет капля масла.
. . . .

Счастлив поэт, которому удалось в стройных звуках выразить нравственные ощущения, очищающие душу и вводящие ее в общение с Вечною Благостью, зиждущею мир! Как, бишь, дальше?.. Да... да...

Что тут и мой кирпич пойдет в основу зданья,
Где мирная семья *разряженных пейзан...*

Тьфу ты, нечисть проклятая! *(Отплевывается.) Разряженных пейзан!* Точно какой-нибудь, прости господи, леший-свистун обошел меня!..

Где мирная семья *смиренных поселян*
Усердною толпой сберется...

Как-то на душе становится легче, когда сделаешь доброе дело. И как гармонируют стихи князя Вяземского с душевным моим настроением... Недаром объявление об выходе его книжки помещено в том же нумере «Санктпетербуржских ведомостей», в котором напечатано о возвращении мне права быть редактором «Дня»! День трижды замечательный!

Счастливый день, прекрасный день!
И солнце и любовь!

Тьфу ты, погань! (*Отплевывается.*) Какие всё скверные стихи лезут в голову! Господи, помилуй!

Пред господом богом я грешен!
И кто же не грешен пред ним?

(*Медленно удаляется. Музыка играет под сурдинкою.*)

В МЯСНИЦКОЙ ЧАСТИ

Библиотека редактора «Русского вестника». К одному из высоких шкафов приставлена огромная лестница. Михайло Никифорович Катков в утренней жакетке медленно сходит с лестницы и останавливается в глубокой задумчивости. Музыка играет арию из «Сороки-воровки».

М. Н. Катков. Ужасно! Это только со мною может случаться! С тех пор как я издаю «Русский вестник» — три пропажи! И теперь вот четвертая! Из шкатулки моей пропал четвертак, пропал Гнейст, пропал Этвеш! И теперь вдруг пропали мемуары Канлера! Канлера! моего любимого писателя, собеседника! И ведь, наверное, утащил кто-нибудь из писателей. Я знаю их: все они норовят, как бы что-нибудь стянуть, подтибрить, зажилить... Уж только попадись мне. Я ни на кого не посмотрю. Будь хоть самый даровитый мой сотрудник — будь хоть сам Леонтьев. Прямо начну статью стихами поэта-лауреата:

Приятель мой, к тому ж рифмач, стихов тетрадью
Душил меня с утра, как полновесной кладью,
Раз занял сто рублей он на день — и пропал.

Нет! Это не так сильно. Возьму из другой эпиграммы, благо их у князя сорок сороков.

Он за́ словом в карман не ходит — это знаем, —
Но рад за деньгами ходить в чужой карман!

Вот это так. Прихвачу еще из серьезных и тогда

Пойдет на весь свой век отмеченный бедняк
И понесет тавро — *подлец* или *дурак!*

Вот это будет так, вот это будет сильно! Это будет даже сильнее моей июньской заметки.

Входит камердинер.

Камердинер. Павел Якушкин пришел — просит доложить...

М. Н. Что?

Камердинер. Просит доложить...

М. Н. Кто?!

Камердинер. Павел Якушкин. Говорит, что ему надоело обивать пороги, что он устал...

М. Н. Скажи, пусть обратится к дежурному чиновнику, дежурный чиновник доложит младшему секретарю, младший секретарь доложит старшему, старший доложит мне при общем докладе.

Камердинер уходит.[1]

Свободой дорожу, но не свободой вашей!

Лучше этого ничего нельзя придумать. И как это подходит к моему положению. Слышите? Павлу Якушкину надоело обивать пороги? О, свобода! Кумир мой!

Я ей не изменил, и мне не изменила
Она — *и сторожит домашний мой порог!*

Павел Якушкин устал! Слышите? Я виноват, что у него нет кареты?

Есть древняя вражда: к каретам пешехода,
Ленивой нищеты к богатому труду,
К барону Штиглицу того, кто без дохода...

Свистуны, пустоцветы, пустозвоны, ломаки! Понимают они свободу! Лезет прямо ко мне, в мой салон, точно я ему равный...

Свободен тот один, кто усмирил желанья!

Да... как, бишь, дальше...

Нелепым *равенством* он *высших* не унизит!

Вот! Вот что я скажу Павлу Якушкину, если он еще осмелится меня беспокоить. О поэт, поэт! Как ты верно и симпатически передаешь мои мысли и чувства. Мы с тобою родственны духом...

Мы точь-в-точь двойной орешек
Под одною скорлупой.

---

[1] Историческое. См. «Моск⟨овские⟩ вед⟨омости⟩».

НА ПАТРИАРШИХ ПРУДАХ

Спальня М. Н. Лонгинова

М. Н. Лонгинов (*во сне*). Ай! ай! ай! Эраст! Изверг Эраст! (*Просыпается, быстро зажигает свечу и протирает глаза.*) Слава богу! То было сновидение. Мне снилось, что жестокосердый Эраст хотел застрелить меня из пистолета за то, что я вырывал из его объятий *бедную Лизу*, зная заранее печальный исход ее несчастной любви. (*Вздыхает.*) Ах! я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби. Я замечтался, прочитав на ночь «Очерки Москвы» князя Вяземского. Как он верно понял и оценил московскую жизнь. Днем все дышит весельем и жизнью — горят золотые куполы, кресты парят на небеса, как стая серафимов... А вечером... вечером... Боже! что за картина, что за поэзия!

Когда на гладь реки наводит
Свой алый блеск сходящий день,
Там *бедной Лизы* грустно бродит
Москвой оплаканная тень.
Ее почуешь думой нежной
И видишь, как в речной поток
Она, в час грусти безнадежной,
Кидает ландышей пучок.

Ах! И я почуял ее своей нежной думой. Могила ее мила моему сердцу. Там часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Тень бедной Лизы грустно бродит,
Москвой оплаканная тень.

Как это глубоко прочувствовано и как это верно! Действительно, вся Москва так же единодушно оплакивала бедную Лизу, как единодушно восстала против француза. Но еще выше поэт в описании Волги. Лучше понимать русскую природу и сочувственнее к ней относиться невозможно. О Волга! Волга!

...Музы на твоих прохладных берегах
В шумящих тростниках,

В час утренней свободы,
С цевницами в руках,
Водили хороводы
Со стаей нимф младых,
И отзыв гор крутых
И вековые своды
Встревоженных дубрав
Их песнями звучали
И звонкий глас забав
Окрест передавали!

Счастлив отрешившийся от мира поэт, духовное око которого в деревнях Нижегородской губернии видит хороводы молодых нимф и слышит звонкий голос забав. *(Погружается в сладкую задумчивость.)*

Теперь я уж не могу уснуть. Буду продолжать свои библиографические заметки. *(Достает из-под подушки книгу «В дороге и дома», садится, пишет и потом читает написанное.)*

«Стихотворение «Дом Ивана Дмитриева» можно назвать прекрасною поэтическою биографиею поэта-министра.

Он в свете был министр, а у себя поэт;
Он шел прямым путем и вывел честным счетом
Итог своих чинов...
Тип самобытности, он самобытность ту же
Не только допускал, но уважал и вчуже!

«Какой назидательный урок для нынешних министров и поэтов!» *(Задумывается.)*

Не лучше ли вычеркнуть *министров? (Подумавши.)* Да. *(Читает.)* «Какой назидательный урок для нынешних поэтов!»

«Дмитриев был колок. Когда он, бывало, напишет на кого стихи, то, по счастливому выражению поэта и биографа:

Пойдет на весь свой век отмеченный бедняк
И понесет тавро: *подлец* или *дурак,*

но как ни смертельны были его эпиграммы, в них никогда не было площадных ругательств, на которые так

падки нынешние стихотворцы, в среде которых приятное исключение составляет князь Вяземский. Нынешний век, как говорит в тех же стихах сей последний, отстал от своего предшественника в искусстве общежития и мягкости нравов,

Которая была в условленных границах,
Что слог в писателе и миловидность в лицах,
В уживчивости свойств, в терпимости, в любви,
Которую теперь гуманностью зови,
Во всем, чем общество тогда *благоухало*
И, не стыдясь, свой путь цветами усыпало.

Общество тогда, можно сказать, благодушествовало. Стоит припомнить Арзамасское общество. Просмотрим деятельность этого общества с самого его основания». *(Достает из-под кровати огромную связку запыленных бумаг, от просмотра которой читатель «Искры» освобождается.)*

НА ИТАЛЬЯНСКОМ БУЛЬВАРЕ В CAFÉ MONTMORENCY[1]

Граф Соллогуб. Garçon! [2]

Garçon. Monsieur? [3]

Гр. Соллогуб. Une canette, s'il vous plaât. [4]

Garçon. Oui, monsieur. [5] *(Подает пиво.)*

Гр. Соллогуб. Прелесть! Прелесть! Давно уже я не испытывал такого наслаждения. *(Поет.)*

Николай!
Как Олай
Заторчит пред тобой...
Тра-ла-ла-ля-ля-ля
Ля-ля-ля!

. . . .

Николай.

---

[1] Кафе Монморанси *(франц.)*.
[2] Человек! *(франц.)*.
[3] Сударь? *(франц.)*.
[4] Кружку пива, пожалуйста *(франц.)*.
[5] Да, сударь *(франц.)*.

Слушай лай,
Моря вой, будто пса...
Тра-ля-ля, ля-ля-ля!..

. . . .

От души
Почеши
Мокрый ус, то-то страсть!
И погладь и похоль,
Как заморщится голь,
Как запенится пасть.

Прелесть, прелесть! Sublime![1] Непременно переведу это на немецкий язык и пошлю в «Revalische Zeitung».[2] Garçon!

Garçon. Monsieur?

Гр. Соллогуб. «Le nord», s'il vous plaât.

Garçon. Oui, monsieur. *(Подает «Le nord».)*

Гр. Соллогуб *(просматривая газету)*. Странно! До сих пор не поместили моей статьи о стихотворениях князя Вяземского. Что обо мне подумают мои друзья? Скверно! *(Поет.)*

Николай!
Окликай
Старика за меня...
Тра-ля-ля-ля...

Просто вдохновительная вещь, так и подмывает самого сочинять куплеты. Но только кто издавал его стихотворения? Удивительно, как небрежно издано! Забыли поместить его послание ко мне, что было напечатано в «Новоселье» 1834 года. Непростительная небрежность! А стихотворение-то великолепное! И потом ни одной пьесы не поместили из великолепного сборника под названием «К ружью!» *(Поет.)*

А скалы́?
Как скулы
Этой пасти морской!
Штрихберг, Вимс, Тишерт, Фаль!
Дай мне кисть, Рюисдаль!

---

[1] Превосходно! *(франц.)*.
[2] «Ревельская газета» *(нем.)*.

Дайте мне бумаги! Решительно не могу удержаться! *(Пишет и потом поет.)*

О поэт!
Ты атлет,
Брат Гомеру родной!
И в кафе, на софе
Je suis ivre tout à fait, [1]
Наслаждаясь тобой.

Oh, mon cher,
Dans tes vers [2]
Скрыта мудрость веков:
В них Талмуд, Алкоран,
Tu es bon, tu es grand, [3]
Гарибальди стихов!

Ты из скал
Высекал
Каждый стих, каждый штрих:
Штрихберг, Вимс, Тишерт, Фаль —
Вся скалистая шваль —
Отражается в них!

Как Олай,
Извергай
Бурных рифм водопад
И прельстишь весь Париж,
Как прельщал до vertige [4]
Киссинген и Карлсбад!

В ТРОИЦКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Погоревший литератор *(грызет перо)*. Затруднительное, черт возьми, положение! Я не много смыслю в стихах, но ведь эти стихи, полагаю, понятны каждому:

---

[1] Я совершенно пьян *(франц.)*.
[2] О мой дорогой, в твоих стихах *(франц.)*.
[3] Ты прекрасен, ты велик *(франц.)*.
[4] Головокружения *(франц.)*.

Послушать — век наш век свободы,
А в сущность глубже загляни,
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

Ведь это совершенно то же самое, что мы писали про *веселый журнал*, будто лозунг его: «кто не с нами, тот подлец». Хотелось бы очень подкрепить свои мысли стихами поэта. Дальше еще ближе подходит:

У них на все есть лозунг строгой,
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.

Экая досада! И охота же была писать бранные статьи против князя Вяземского. И сколько ведь их валяли! Теперь как-то и неловко брать его за авторитет. (*Перелистывает книгу.*) Да и опять же, тут и на меня помещены эпиграммы. Это вот, например, положительно на меня:

Смешон сей новый Гракх республики журнальной,
Который от чинов не прочь — но прочь они...

Что тут делать? (*Задумывается.*) Ба! Вот прекрасная мысль. Разберу всю книгу, выпишу из нее все подходящие стихи и скажу, что автор этой книги не тот князь Вяземский, юбилей которого праздновали в прошлом году, а совершенно другой князь Вяземский, что это молодой человек лет семнадцати и что, не говоря уже об его громадном таланте, он резко отличается своим серьезным и дельным направлением от всей этой толпы юных свистунов и нигилистов. Потом, года через два, можно будет оговориться, что мы ошиблись и что это все тот же князь Вяземский. Ведь не в первый раз нам от себя отрекаться. (*Садится и пишет.*)

В ГОРОХОВОЙ, НА БАЛЕ
У МАРЦИНКЕВИЧА

Аскоченский (*во фраке, розовом галстуке и светлых панталонах небесного цвета, внимательно смотрит на танцы и говорит со вздохом*). Ах! Прошло мое времечко!

Я, бывало, *куры* строю,
Где курятник нахожу;
А теперь, под сединою,
Курам на смех я гляжу.

Совершенно будто я сочинил, так это тонко и галантерейно. Непременно напишу эти стишки в альбом Лурлее. Нет, нынче уж, кроме князя Вяземского, никто не пишет таких стишков. Посвящу разбору его целый нумер «Домашней беседы» и закончу стихами Грибоедова:

Вы, нынешние, — нутка!

(Заметив пристально-устремленный взгляд г-на Марцинкевича на свои панталоны.) Что он на меня смотрит? Кто это такой? Должно быть, какой-нибудь свистун... Уйти от греха.

В это время в передней слышится шум разных голосов: «Пустите, пустите!» «Нельзя, не приказано». «Я — Камбек, — пустите!..» «Не велено, фрак наденьте». «Я — Камбек, Лев Камбек». «Да куда вы?» «Да вы что?» «Да ведь нельзя же» и пр. Марцинкевич опрометью бежит в переднюю; Аскоченский вздыхает, треплет по подбородку мимо идущую даму и уходит.

Аскоченский *(уходя).*

Перед господом богом я грешен,
И кто же не грешен пред ним!

В КВАРТИРЕ КАМБЕКА

Камбек *(входит, взбешенный, и тотчас же садится писать протест в «Санктпетербургские ведомости». Написав протест, говорит, несколько успокоенный).* Нет, решительно брошу армяк. Надену палевые перчатки, вставлю pince-nez в глаз и сделаюсь фатом. Не стоит, положительно не стоит; только одни неприятности. На одни протесты выходит бумаги больше, чем на весь «Петербургский вестник» с ерундою вместе. Дошло до того, что даже к Марцинкевичу не пускают. Точно будто нельзя канкан в армяке плясать! *(Садится и с досады*

развертывает первую попавшуюся на столе книгу. Читает и хохочет.) Ха, ха, ха! Это что такое? Что это такое? *(Читает.)*

Покажется она —
И расцветают души,
Заговорит она —
И просто вянут уши!

Ха, ха, ха! Это еще что за поэт! *(Перевертывает книгу и читает на обертке.)*

В ДОРОГЕ И ДОМА

Собрание стихотворений князя Вяземского
Москва. 1862.

Ха, ха, ха! Так это князя Вяземского стихотворения? *(Перевертывает несколько страниц и читает.)*

Что ж ты, море, так бушуешь,
Словно ша́баш ведьм ночных,
Про кого ты там колдуешь,
Ночью, в *чане* волн седых?

Чан какой-то нашел в море! Вот так поэзия! *(Перевертывает еще несколько страниц и читает.)*

И в миске суп принес мне грязный поваренок,
Тот суп был *пополам* с водою и с *грехом*,
И пара жирных мух хоть и купалась в нем —
Жиденек был бульон, что подал мне *жиденок*.

Господи, что за остроумие! Посмотрим, что дальше. *(Читает.)*

Дорожная отметка

Дороги такие, — что ехать безбожно;
Трактиры такие, — что все в них *порожно;* (?)
Постели такие, — что спать невозможно;
Обеды такие, — что ешь осторожно,
Иль будет в желудке немного тревожно;
Всё вина такие, — что вздумать, так тошно,
А если отведать, — поступишь оплошно;

Всё виды такие, — что нечего видеть,
Всё люди такие, — что грех их обидеть.

Точка. Все стихотворение тут. *(Бросает на диван книгу.)* И после этого говорят, что я печатал в приложениях *ерунду!* Да мои ерундисты не напишут такого вздора! Мои ерундисты всё люди молодые, несчастные, *униженные и оскорбленные!* Из них, может быть, великие таланты выйдут? *(Быстро шагает по комнате.)* Нет! Решительно, брошу армяк и надену палевые перчатки!

В УБОРНОЙ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

Петр Андреич Каратыгин *(охорашиваясь перед зеркалом в костюме Дон-Кихота).* [1] Так; эспаньолку так, — шлем так. Хорошо. *(Садится и зевает.)* У-у-у-ф! *(Берет со стола репертуарный листок и читает.)* Опять Островский! Два раза в неделю эти пошлые комедии Островского! Поневоле тут вспомнишь князя Вяземского:

Мы сплетней сор выносим из лакейских,
И в закоулках проверяем грязь...

Или как там еще?

Мы Тациты управы благочинья!

На сцене слышны рукоплескания и крики: «Бурдина! Бурдина!»

Вон, опять вызывают Бурдина за то, что сыграл какого-то грязного купца! Совсем падает искусство... Про журналы уж и говорить нечего; действительно, князь Вяземский прав:

С тех пор, как упраздняют будку,
Наш будочник попал в журнал,
Иль журналист наш не на шутку
Присяжным будочником стал.

. . . .

За шум, бывало, так и знают,
Народ на *съезжую* ведут.
Теперь в *журнальную* сажают:
Там и расправа, там и суд.

---

[1] «Дон-Кихот» — водевиль в пяти действиях Петра Каратыгина.

Жаль только, что у князя Вяземского нет необходимой для сатирика краткости. Мысль о нелепом и вредном направлении журналистики он развивает чуть ли не на восьмидесяти страницах в пятидесяти пяти стихотворениях, под особою рубрикою: «Заметка», тогда как тут довольно одного бойкого куплета. Без самолюбия скажу, что назад тому лет пятнадцать я именно в одном куплете выразил весь букет пятидесяти пяти стихотворений князя.

Слышен звонок режиссера.

Кажется, мне выходить?.. Тогда еще не было *обличительной литературы*. Тогда только начиналась *натуральная школа*. Так я и назвал свой водевиль *«Натуральною школою»*. Там у меня был куплет...

Слышен второй звонок.

Я говорю, между прочим, в этом куплете:

Мы, мы — натуры прямые поборники,
Гении задних дворов,
Наши герои — бродяги да дворники,
Чернь петербургских углов!

Здесь мы реформу начнем социальную
Новым ученьем своим, —
В школу гуманно-ультра-натуральную
Ваш пансион обратим.

Ну, ей-богу же, господа, это лучше всех сатирических стихотворений князя Вяземского. *(Уходит.)*

«Искра» совершенно согласна с мнением почетного Петра Андреича.

1862

ШАЛОСТИ МИРМИДОНОВ

Год тому назад, в «Хронике прогресса» за октябрь 1861 года, мы говорили, между прочим, следующее:

«Крепостное владение исчезает окончательно только в наше время; но оно стало слабеть, хиреть, умирать много лет назад. *Куролесовы*[1] давно уже сделались редкостию. Крупные экземпляры в таком роде, похожие скорее на тигров и шакалов, чем на людей, давно уступили место личностям мелким, — быть может, иногда и более вредоносным, но менее сильным... Система открытых нападений, эффектного насилия заменилась у них системой медленного гнета, выжимания, высасывания. Ныне, увы! исчезает, ибо делается невозможною, даже и эта система скромного действования. В основании прежнего крепостного владения не осталось и тени прежней силы; выродившиеся Куролесовы ее заменили — стыдно выговорить — *проделками крючкотворства*, самого отвратительного.

Эх, наша слава пропала! Читая известия о случаях разных недоразумений по крестьянскому делу, в которых владельцы являются иногда со всеми атрибутами ловких подьячих прежних времен, мы с ужасом восклицаем: что будет, что будет с нами и с нашим временем?!»

Затем следовал рассказ о подьяческих проделках с крестьянами помещиков — Мологского уезда И. И. Скарятина и Угличского Д. Л. Остолопова, и об несправедливом доносе последнего на мирового посредника.

---

[1] См. «Семейную хронику» С. Т. Аксакова.

Постепенно мельчая с того времени, порода Куролесовых, кажется, скоро сделается сказочным мифом, вроде *антиспатов*, воспоминание о которых сохранилось только в ученой редакции «Времени». Времена богатырского эпоса исчезают, место каждого Ахилла заменяют множество мирмидонов. Беспристрастный наблюдатель с грустью смотрит на них и недоумевает, как могло так жалко выродиться могучее племя.

Последние кое-как уцелевшие мирмидоны, чувствуя свои последние дни, тесно жмутся друг к другу, составляют лиги, изощряют свое скудное, обнищавшее воображение в придумывании всякого рода интрижек и закорючек, морщат свои узенькие лбы, нахмуривают жиденькие брови и сжимают с тщетным озлоблением свои маленькие, слабосильные кулачки.

Платье Ахилла им не по росту, и когда все Неоптолемы и Одиссеи — эти лучшие люди эпохи — и за ними все не лишенные смысла ахеяне, принимая от Нестора кубок, поминают как Гектора, так и Патрокла и поют:

Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь! —

эти неблагоразумные мирмидоны все еще тянутся кто за шлемом, кто за панцырем сына Пелеева. Про них после Троянской войны была даже сложена следующая песня:

Эх! Надел бы шлем Ахилла,
Медный шлем на медный лоб,
Да тяжел — а тело хило —
Упадешь под ним, как сноп!

Если б панцырь мне Пелида,
Не боялся б ничего,
Да ведь панцырь — вот обида! —
Втрое больше самого.

Щит бы мне, которым копья
Отражал в бою Пелид, —
Так натуришка холопья
Не удержит этот щит.

— Послѣ этой эмансипаціи жить нельзя въ деревнѣ... Выиграю 200 тысячъ въ лотереѣ, сей часъ же покупаю имѣніе въ южныхъ штатахъ!..

— Опоздали-съ.... я самъ объ этомъ думалъ... и тамъ теперь будетъ освобожденіе крестьянъ.....

— Ну, такъ послѣ этого, житья нѣтъ на семъ свѣтѣ!

Взял бы меч его победный
И пошел бы... Да ведь вот,
Меч поднять — так нужно, бедно,
Мирмидонов штук пятьсот.

Тщетны оханья и стоны.
Справедлив и мудр Зевес!
Там бессильны мирмидоны,
Где уж рухнул Ахиллес!

Что Ахиллес рухнул 19 февраля 1861 года — это совершившийся, не требующий доказательств факт. Что большинство просвещенных дворян сочувствует и помогает великой реформе, это мы знаем из официальных известий, печатаемых в газетах, и множества статей землевладельцев по всем частностям многосложного крестьянского вопроса. Но что еще существуют кое в каких закоулках нашего обширного отечества одинокие кучки мирмидонов, изолированные от всего просвещенного мира, — это, полагаем, не нужно и доказывать.

Мирмидоны знают, что сила в соединении, и потому твердо держатся своих муравьиных кучек. Как трудолюбивые муравьи, они ведут свою атаку издалека, и когда почувствуют себя в силе, тогда уже начинают действовать.

Как же вы думаете, однако, они действуют?

Очень просто. Соберется эдак человек 10—12, нападут, примерно, на одного неприготовившегося и потому беззащитного неприязненного для них по своим некуролесовским убеждениям субъекта, да и отдуют его хорошенько, не говоря дурного слова!!!

Мы упоминаем о подобной проделке только потому, что она уже слишком мизерна и именно этою мизерностью как нельзя лучше доказывает, что настоящие Ахиллесы былого времени, Ноздревы и Куролесовы, окончательно исчезли с лица земли русской.

Несколькими человекам нападать на одного! Какое дряхлое, обратившееся в младенчество, ухарство! Это предсмертные судороги умирающего молодечества, — это эмблема для памятника отжившего самодурства!

Нам кажется неосновательным требование корреспондента, чтобы образованное сословие гласным заявлением

отступилось от ответственности за подобных мирмидонов; никакое, самое необразованное, сословие не отвечает за жалкие исключения из своей среды. Иначе пришлось бы всему обществу отвечать, например, за полоумных... Журналистике тоже тут нечего делать: нет предмета для обличения, или предмет так мал, что ускользает от так называемого *клейма общественного мнения*, — явление очевидно психиатрическое, подлежащее ведению судебной медицины. Только одна еще «Искра» может на него отозваться, и то не более как в восьми строках:

На мирмидонов криков бурных
Не может быть,
Нет клейм таких миниатюрных,
Чтоб их клеймить.
Нам неприятно их и трогать,
А весь наш труд:
Смахнуть всю дюжину под ноготь
Да и капут!

⟨1863⟩

ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧИТАТЕЛИ

(Из рассказов о старых людях)

Читатель! То есть не проницательный читатель и — главное — не литературных дел мастер, а простой, обыкновенный читатель, к тебе обращаюсь — поговори с нашими критиками, проницательными, глубокомысленными критиками. Ты — человек среднего круга, среднего образования, с достаточными средствами к жизни, чтоб не воровать, и не настолько богат, чтобы зажиреть в бездействии. Ты ни сыт, ни голоден; у тебя всегда исправен желудок и хорошо работает голова; ты не живешь ни на чей счет, никого не морочишь и никому не завидуешь. Ты уж тем приносишь обществу пользу, что не делаешь обществу вреда. При таких условиях ты много, много читаешь, и читаешь с толком, без задней мысли. Сделай услугу мне — это и для многих других будет услугою — поговори с нашими критиками.

Вот в чем дело.

В 1863 году вышел роман г-на Чернышевского «*Что делать?*». Под заглавием прибавлено: «Из рассказов о новых людях». Разумеется, ты уж прочел этот роман, и я не буду рассказывать тебе его содержание. Ты знаешь, что здесь идет речь о том, как должны бы жить люди, по-человечески, как они уже могут жить, как даже некоторые уже живут, как они сходятся друг с другом, как любят, не надоедая один другому и не насилуя страстей и привязанностей, как трудятся, сохраняя уважение к чужому труду, как из этого общего труда вытекает, как не-

обходимое последствие, общее благоденствие, счастие. Читая этот роман, ты, не без умственного наслаждения, задумывался над некоторыми его страницами и — конец концов — ты прочел роман не без пользы для себя, следовательно, и для других, а это уж много значит. Роман этот, между прочим, напомнил тебе, что надо относиться с любовью и снисходительностью ко всем проявлениям подобной тебе личности: к ее труду, симпатиям и убеждениям. Хорошо, если бы все читатели были такие же, как ты, мой добрый обыкновенный читатель. К несчастию, есть еще читатели злостные, и между таковыми не последнее место занимают литературных дел мастера, литературщики, нечто вроде таможенных при заставах или евнухов в восточных гаремах. Это несчастные, возбуждающие сожаление люди. У них так же, как и у тебя, две руки и две ноги, на лице нос, два глаза, губы и уши; но всеми своими общечеловеческими органами они как-то неестественно пользуются. Легкие у них, например, требуют не кислорода для дыхания, как твои, а вдыхают с наслаждением некий зловонный сернисто-водородный газ, от которого ты бы задохнулся. В их мозгу находятся какие-то особые частицы, соединяясь с которыми самая свежая умственная пища, приходящая извне, претворяется мигом в мерзкую кашу, необходимую для поддержания жизни в их не исследованном еще зоологиею организме. В их глазах отражаются не предметы внешнего мира, а какие-то призрачные представления об этих предметах. Когда они читают, то от дыхания их печатные слова в книге покрываются ржавчиною, самые буквы трясутся и разлагаются на составляющие их частицы; когда пишут, то обыкновенные чернила получают особое свойство никогда не высыхать на бумаге и пачкают каждого, кто только будет иметь неосторожность коснуться до злоуханных отделений искаженного мозга этих несчастных, отделений, сохраняющих свою ядовитость даже в книге или газете, в которую переходят посредством терпеливого, всевыносящего типографского станка. Наборщики в типографии сказывали мне, что от набора сочинений подобных господ руки их покрываются струпьями и коростами, на лице выступает сыпь, — и головокружение с тошнотою, как во время качки на пароходе, заставляет

их прекращать работу. Наборщики-дети, лет десяти или двенадцати, не выдерживают этой болезни и умирают.

Хочешь, читатель, я тебя познакомлю с подобными личностями? В видах ознакомления с природою необходимо изучать все отделы, семейства, роды и виды животного царства, как оно ни бывает подчас омерзительно. Или довольно на первый раз знания, что существуют на черноземе московском и в петербургских болотах подобные семейства двуруких млекопитающихся? Пожалуй, и довольно, если ты уже почувствовал некоторую горечь во рту и стеснение в сердце. Яд человекознания надо давать небольшими приемами и с промежутками. Вот теперь, в промежуток, займемся предметами веселыми. Поди, например, поговори с господином Ростиславом о новом романе г. Чернышевского. Ростислав — это критик особой породы. В разговоре с ним на тебя так и пахнет воспоминаниями детства, когда ты долбил краткого Греча и выводил на бумаге цитаты вроде того, что «счастие катается, как шар, сегодня служит одному, а завтра другому» и пр.

— Позволь, братец, позволь, — отвечаешь ты мне, — об каком это Ростиславе хочешь ты говорить, или хочешь, чтоб я говорил с Ростиславом? Ни с каким Ростиславом я говорить не намерен, потому что я, как ты сам это заметил, простой читатель, с толком и здравым смыслом. Я ведь не стану и не могу читать того, что пишет г-н Ростислав. Я знаю, что он пишет, с детства привык встречать его имя в «Северной пчеле», но что такое он пишет, зачем пишет, почему пишет — я никогда не знал, не знаю и — опять-таки тебе говорю — и знать не намерен. И не стыдно ли тебе занимать мое внимание Ростиславами? Все равно, что ты бы мне стал говорить об Раппапорте. Я знаю, что есть слово Раппапорт, знаю, что, не будь этого слова, не было бы и «Сына отечества», потому что не может же г-н Старчевский, хотя бы и в Японии были у него подписчики, сочинить новое слово, или Раппапорта сделать, но что такое значит это слово — рап-па-порт, — я не знаю и знать не хочу. Имя ли это собственное или нарицательное, местоимение или междометие — я не знаю. Мне известно только, что водовоз каждое утро приносит ко мне в кухню воду, а почтальон оставляет в моей передней «Сына отечества», и я знаю, что так как вода при-

несена, то я буду пить чай, и так как «Сына отечества» принесли, то между множеством слов, неизвестно для чего собранных на одном, вчетверо перегнутом листе скверной бумаги, я неизбежно встречу слово *рап-па-порт*, оттиснутое даже несколько крупнее, чем другие слова, — и с меня этого довольно. Точно так же я разумею и об Ростиславе. Я знаю, что как Раппапорт, так и Ростислав нужны — один для «Сына отечества», другой для «Северной пчелы, — а зачем «Сын отечества» или зачем «Северная пчела», я не знаю. Ведь в «Искре» же было сказано, и совершенно справедливо сказано, что уж так нужно, чтобы была «Северная пчела», и что Греч нарочно для нее даже типографию завел.

Для какого ж черта!
Очень нужно, право,
Знать мне Раппапорта
Или Ростислава.
Я не знаю толку
В разной чертовщине,
Наводнившей «Пчелку»,
Неизбежной в «Сыне».
На Руси изданья
Разного есть сорта, —
Им нужны писанья
Даже Раппапорта,
Даже Ростислава, —
Значит, есть причина...
Ну, и расти слава
И «Пчелы» и «Сына»!

А я уж не буду читать ни «Сына», ни «Пчелку». Прежде еще я просматривал иногда «Пчелку». Теперь не просматриваю потому, что от нее несет какою-то удушливою гарью, нисколько не уступающею изгари Аскоченского. А всему виновата Толкучка, несчастная погоревшая Толкучка.

С дымом пожара
Рынок толкучий
После угара
Бред неминучий,

Дикие слухи,
Праздные толки
Вызвал в старухе
«Северной пчелке».
В год, как нарочно,
Рынок успели
Выстроить прочно, —
Но и доселе
Веет от старой
Тем же пахучим
Дымом пожара
В рынке толкучем.

— Все равно, читатель, раз в году можно заглянуть и в «Пчелку», тем более летом; к тому же нам нужно знать, как отозвались литературщики на роман «Что делать?». Покуда самые решительные отзывы были в «Северной пчеле» (№№ 138 и 142); начнем же с литературщиков «Пчелки». По ниточке, может, и до клубка доберемся.

Итак, читатель, посмотрим, как отнесся критик Ростислав к роману «Что делать?».

— Очень просто, — перебиваешь ты. — Он прочел внимательно весь роман, уловил в нем основную идею и, сообразив, насколько эта идея вытекает из содержания романа, т. е. сверив впечатление, производимое романом, с его очевидною задачею, произнес об нем свой приговор. Так, кажется, должны бы относиться к разбираемым ими романам критики. Так, вероятно, отнесся и г. Ростислав.

— Нет, читатель, ты не знаешь литературщиков! Так отнестись было бы действительно очень просто, а они ничего спроста не делают, всё с ужимкою. Вот какие ужимки делают они вообще и с какими ужимками, в частности, выступает перед тобой г. Ростислав.

Прежде всего основанием своих суждений об каком-либо продукте ума человеческого они ставят рынок, на котором предлагается этот продукт. «Гм! — сказал г. Ростислав, — роман «Что делать?» напечатан в «Современнике» — ладно». Основание суждений тут уж положено; критик уж знает, как отнестись к роману — т. е.

расхвалить или разругать его. (Что ж делать, читатель, когда уж наши литературщики *критиканы* такие!) Затем является вопрос: в какой мере расхвалить или разругать его? Для решения этого вопроса критикан задается двумя новыми вопросами: 1) какого мнения о романе редакция журнала, в котором он напечатан, и 2) кто автор романа? Первый вопрос представляет немалое затруднение критикану: черт его знает, какого мнения редакция об романе; ведь только одни «Московские ведомости» да разве еще автор «Капли» сами хвалят свои сочинения. А между тем узнать нужно, чтобы чувствительнее уязвить редакцию. Критикана осеняет блестящая мысль: нужно узнать, сколько заплачено за роман? — думает он, — и отправляется в книжный магазин, в котором принимается подписка на известный журнал, покупает какую-нибудь брошюрку за 10 коп. и долго, долго остается в магазине, прислушиваясь к разговорам сотрудников журнала или знакомых редактора. Вдруг — о, счастие! — ожидания его увенчались успехом — за роман заплачено столько-то, говорит конторщик одному из сотрудников. «Ладно», — думает критикан, и в голове его уже зреет ядовитая заметка против редакции журнала: «Ишь, мол, за что платят деньги — хорошо!» Теперь следует решить второй вопрос: кто автор романа? Автор обыкновенно или подписывается настоящим именем, или псевдонимами, или вовсе не подписывается.

Какие муки испытывают критиканы для узнания анонимов и псевдонимов, каким добровольным истязаниям подвергают себя — об этом нельзя говорить мимоходом. Это может составить предмет особого пространного сочинения. Берем случай, когда автор подписывается настоящим именем...

— Ну так и довольно, если автор подписывается настоящим именем, — говоришь ты, мой простой читатель, — особенно, если его имя уже известно... Что же нужно еще, чтобы сказать свое мнение о романе?

— О! да не перебивай же меня, мой читатель. Помни, что я тебе представляю характеристику *критикана*, с которым ты, разумеется, не можешь иметь ничего общего. Как что еще нужно критику? Имя для него звук пустой. Ему еще необходимо знать, кто именно носит это имя,

иначе как же он напишет свою глубокомысленную рецензию; ведь ее будут читать не одни простые читатели, а и проницательные — надо же ему отличиться своими сведениями и способностями.

Для этого ему необходимо узнать: отчество, фамилию, возраст, пол, происхождение, звание, приметы и все, что пишется обыкновенно в формулярных списках, указах об отставке, свидетельствах, адресных билетах, паспортах и пр. Все сие ему необходимо знать несравненно подробнее, чем оно обозначается в формулярных списках, указах, паспортах и пр., потому что он не простой полицейский чиновник, а критикан.

Возраст автора ему необходимо знать для того, чтобы обозвать автора мальчишкою, если он не достиг примерно лет эдак до семидесяти.

Пол — для придания своей статье некоторого двусмысленного оттенка, если автор разбираемого сочинения женщина (см. статьи «Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩» 1860 г. об г-же Евг. Тур).

Приметы — преимущественно особые, для игривого сопоставления их с нравственными качествами автора (вспомни сказание о катаракте на глазу г. Кониского).

Фамилию — кроме существенной необходимости поставить ее в заголовке рецензии, с целью более или менее остроумною (вот заглавия для примера: «Чернышевский и его время» — «Наше время» 1861 г. — «Лжемудрость героев г. Чернышевского» — «Сев⟨ерная⟩ пч⟨ела⟩» № 138. — «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» — там же, № 142), еще для того, чтобы поглумиться над нею, если она намекает на еврейское или вообще какое иноземное происхождение автора, или, если она русская, для того, чтобы предать ее анафеме, как этого требовали недавно г-да Петерсон и Аскоченский.

Звание, сословие, чин — чтобы знать, как говорить автору — ты или вы (см. полемику Н. Павлова с И. Егоровым), а также, чтобы произвольно предполагать в нем те или другие тенденции.

Состояние — дабы, если он ничего не имеет, заявить, что он пишет, побуждаемый древнею враждою пешехода

к каретам, а если имеет кусок говядины за столом, что он «сытая верхоглядка».

Место жительства — для наведения необходимых для рецензии справок — в добром ли согласии живет автор с местным квартальным.

Женат автор или холост.

Если женат — то сколько у него детей и все ли на него похожи, также не бывает ли автор у Ефремова, а жена его не слишком ли уж заслушивается Страуса; бьет ли автор жену или сам находится у нее под башмаком (критиканы не предполагают иных супружеских отношений), также — часто ли меняет горничных жена автора и сколько раз в месяц бывает у них стирка белья? (Возьми любой № «Тихого пристанища», читатель, и ты убедишься, что и в эти дела критиканы совали свой нос.)

Если холост — то почему именно холост, не имеет ли каких непозволительных предубеждений против брака, не принадлежит ли к секте мормонов, а если нет, то чем именно удовлетворяет желания своего сердца.

Где учился автор — не в семинарии ли? Тогда рецензия выйдет отличная; *дондеже* и *поелику* будут преследовать автора в каждой строке, и так как автор *кутейник*, то рецензент, не дочитав даже его произведения, смело может отозваться, что это, мол, *кутья* — и ничего больше.

Кроме этого, рецензенту нужно знать: пьет ли водку автор, и если пьет, то какую именно и сколько; где обедает — и если не дома, то у Мильбрет или в Hôtel de Russie,[1] бреет или не бреет бороду, завивается или ходит нечесаным и косматым (кашлатым, как говорит г-н Аскоченский), курит табак или нюхает, и если нюхает, то какой именно табак — бобковый или ляферм, у какого портного одевается, где заказывает сапоги, часто ли ходит в баню и проч.

Собрав необходимые справки, критикан в своем дескриптивно-денонсиативном сочинении только для виду говорит о романе, он даже не прочтет его, а пробежит только несколько глав — зачем читать все, особливо когда написано нечто непонятное критикану, нечто застав-

---

[1] Русской гостинице (*франц.*).

ляющее его тяжело вздохнуть о своем нравственном убожестве: ведь известно, например, что автор из поповичей, что живет он где-нибудь на Петербургской стороне, что обедает у Мильбрет — ну и ладно, чего же с ним церемониться! Критикан прямо пишет, что разбираемый роман есть *безобразнейшее произведение русской литературы,* что роман, не говоря уже об *отвратительной грязи,* в нем заключающейся, поражает *отсутствием всякого такта, приличия, здравого смысла и не только порядочного, но даже поверхностного образования,* и затем обращается к личности автора и начинает ее разработывать.

Таковой приговор изрек над романом Чернышевского некто Ростислав. Слова, поставленные здесь курсивом, — подлинные его слова. Все его сочинение вызвано следующими словами газеты «Народное богатство»:

«Роман «Что делать?», мы по крайней мере надеемся, сделает большой переворот во многих женских умах».

— Как? роман г-на Чернышевского сделает большой переворот в женских умах?! — воскликнул Ростислав. — Да это безобразнейшее произведение, отвратительная грязь, отсутствие смысла и пр., да вы положите руку на сердце, почтенный редактор («Народного богатства»), и скажите по совести: решились ли бы вы посоветовать сестре вашей, или дочери, или даже молодой вашей жене (а старой можно?), если у вас есть молодая жена (г-н Балабин, есть у вас молодая жена?), прочесть роман «Что делать?». Не запинаясь, мы ответим за вас: «Конечно, что нет!»

— Конечно, что да! — ответим мы, тоже не запинаясь, за г-на Балабина, хотя не имеем чести его знать и не знаем также, есть ли у него молодая жена. С нас довольно того, что в его газете напечатано следующее:

«От души желаем *читателям нашим* обратиться к «Современнику» за настоящий год, и если кто не прочел роман г. Чернышевского, *тому предлагаем его прочесть»* («Народное богатство», № 102). А так как, если предположить, что у редактора «Народного богатства» есть молодая жена, то она, вероятно, читает его газету, следовательно, он и ей, в числе прочих своих читателей, *предлагает,* т. е. *советует,* прочитать роман г. Чернышевского. Кажется, ясно.

Иначе надо предположить, что журналисты и литераторы пишут не то, что думают, говорят не то, что делают, прикидываются либералами или фарисейничают... Но ведь это было бы непростительно, ужасно!.. А впрочем, кто их знает, может быть все это так и делается.

Статья г-на Ростислава произвела большой переворот во многих мужских умах. Я знаю одного 90-летнего старичка (тоже какого-то убогого сочинителя), недавно женившегося на тринадцатилетней девочке. Он сначала пустился было развивать ее посредством чтения, но статья Ростислава произвела желаемое действие, и старческая натура взяла свое. Он выхватил роман Чернышевского из рук молодой жены и пропел ей на голос «Хуторка» Кольцова следующий романс:

Молодая жена!
Ты «Что делать?» взяла?
Эта книга полна
Всякой грязи и зла.

Брось зловредный роман:
В нем разврат и порок —
И поедем — канкан
Танцевать в Хуторок.

Поговори, читатель, с нашими критиканами: у них жены ходят еще в коротеньких платьицах и читают «Робинзона Крузо» и «Одиссею» в переводе Жуковского с бумажками, наклеенными переводчиком на некоторые стихи Гомера (!).[1]

Г-н Ростислав говорит между прочим:

«Да простит нас почтеннейший редактор («Нар⟨одного⟩ бог⟨атства⟩»), но мы сомневаемся, что он прочел весь роман»... и пр.

Мы не сомневаемся, а положительно утверждаем, что г. Ростислав сам не прочел весь роман. Прочитав весь роман, он не пускался бы в гадательные предположения о дальнейшей судьбе Веры Павловны после разлуки ее

---

[1] «Одиссея» Гомера, перев⟨од⟩ Жуковского. Для детей покойный поэт предлагал наклеивать бумажки на некоторые стихи.

с мужем («Сев⟨ерная⟩ пч⟨ела⟩», № 138, фельетон, стр. 3, столб. 3) и не стал бы недоумевать, что произошло с мужем после выстрела, раздавшегося на Литейном мосту. Прочитав весь роман, он донес бы своим читателям, что Вера Павловна, поняв значение первой своей привязанности, любила только раз в жизни, только одного человека, но зато любила вполне, т. е. искренно и свободно, и что первый муж ее, Лопухов, после катастрофы и продолжительного путешествия, вернулся жив и здоров на родину.

— Как же это, не дочитав до конца романа, писать на него рецензию? — спрашивает опять обыкновенный читатель.

— Так же. Так всегда делают *проницательные* читатели, т. е. критиканы. И напрасно они стараются в своих статьях доказывать, что г. Чернышевский презрительно относится ко всем читателям вообще. Они сваливают с больной головы на здоровую. Они сами обижены ядовитым сомнением г. Чернышевского в их критической проницательности и силятся уверить каждого, кто возьмет в руки ненавистный для них роман, что и он тоже обижен. Они не рассчитывают на здравый смысл честных людей, читающих книги без задней мысли, не подозревают в них этого здравого смысла или смеются над ним, — делая произвольные выдержки из недочитанного романа и перетолковывая их по-своему; они сами не уважают своих читателей. Мы не о г. Ростиславе говорим, мы говорим о *проницательных* читателях вообще и не раз еще будем говорить о них; а теперь вернемся к благоухающей, великосветской рецензии г-на Ростислава.

Впрочем, что же об ней говорить еще? Мы уже доказали, что г. Ростислав не прочел весь роман и только для виду занялся его разбором. Целью его было сообщить публике следующие четыре известия:

1. Что за роман «Что делать?» редакция «Современника» заплатила г-ну Чернышевскому 4000 рублей.

2. Что г-н Чернышевский живет где-то на Петербургской стороне или в каком-то другом захолустье (мы не совсем хорошо поняли рецензента).

3. Что г-н Чернышевский — *плебей* (стр. 1, столб. 3, 3 строка снизу) и

4. Что г-н Чернышевский первоначально учился в семинарии.

Извещая, что за роман заплачено 4000, г. Ростислав замечает: «Цифра почтенная и делающая честь как щедрости, так и разборчивому такту почтенной редакции». Роман назван безобразнейшим из произведений русской литературы, стало быть, хороша редакция, заплатившая за него столько денег. (А сколько заплатила редакция «Русского вестника» г-ну Писемскому за тысячу скандальных анекдотов под общим названием «Взбаламученное море»? Узнайте, пожалуйста, г-н Ростислав.) О целом можно судить по частям, следовательно, «Современник» безобразнейший из русских журналов — по мнению одного из сотрудников благообразнейшей «Северной пчелы».

Извещая, что г. Чернышевский живет где-то на Петербургской или в каком-то другом захолустье, г. Ростислав удивляется, как это он мог *возвысить свой голос и грубою речью наложить пятно невежества на целое поколение*, живущее не только на Петербургской, Выборгской и в других захолустьях, но и в Большой Морской, и в Пантелеймоновской, и в Гагаринской. (Да ведь не на ваше поколение наложил он своею грубою речью пятно невежества? Об чем же вы-то хлопочете, г-н Ростислав?)

Извещая, что г-н Чернышевский — плебей и учился некогда в семинарии, рецензент этим уж прямо говорит читателю: «Ну так стоит ли разбирать его кутью? Что же может написать хорошего плебей, да еще бывший семинарист? Все, что он ни напишет, будет грязь». Г. Ростислав блистательно развивает и доказывает свою мысль.

Плебей-романист, описывая жизнь Лопуховых, говорит, например, что Вера Павловна брала поутру ванны. Патриций-рецензент замечает: «Уже и это слава богу, потому что *простонародье* и *нигилисты* наши вообще не отличаются чистоплотностью. Это уж прогресс или уступка, сделанная автором». Что вы это говорите, г. Ростислав? Напротив, простой народ чаще ходит в баню, чем образованные люди. Чистоплотность или нечистоплотность зависят от образа жизни. Хорошо заниматься отделкою ногтей тому, кто больше уж ничего не делает, — а работая в поте лица на пашне, мужику нельзя иметь английский

пробор и на диво отточенные ногти. Да и зачем тут прогресс, простонародье (Вера Павловна дочь чиновника), нигилисты (об нигилистах нет ни помину в романе), зачем все это замечание, зачем вся эта галиматья? Плебей-романист рассказывает, что некто назвал на улице Лопухова *скотиною* и *свиньею*, и Лопухов, взяв некоего в охапку, погрозился за это протащить его по канаве, и что сын некоей дамы, не заплатившей Кирсанову заработанных им денег, обошелся с ним как с мазуриком, за что и был как следует наказан Кирсановым. Кажется, чего бы проще? Защищаться всякий имеет право. Патриций-рецензент и тут недоволен: «Самоуправство и насилие, — говорит он, — никак не облагороживаются тем, что они производятся сыном какого-нибудь *дьячка* или *пономаря*, а не матушкиным сынком из породы сиятельных». Да с чьей же тут стороны насилие и самоуправство, г. Ростислав, вы подумайте!

Плебей-романист пишет:

«Теперь о политике толкуют все; тогда интересовались ею очень немногие; в числе немногих Лопухов, Кирсанов, их приятели...» Патриций-рецензент замечает в скобках: «т. е. умники из *простонародья*, а другим сословиям куда, не по силам».

Да что же вы это делаете, г. Ростислав! Зачем вы присочиняете свое к чужому роману? Вы бы так и сказали в начале рецензии, что разбираете роман вашего сочинения, а не Чернышевского. Где же в романе сказано, что все приятели Лопухова вышли из простонародья... Да и какое же отношение имеет все это к разбираемому вами роману? Ваша рецензия...

— Будет! — говоришь ты, обыкновенный читатель. — Какая это рецензия! Никакой тут рецензии нет. Тут говорится о нечистоплотности, о невежестве простонародья, о плате за роман, о происхождении автора, а о самом романе не говорится почти ничего...

— Как ничего не говорится, читатель! Я забыл тебе сказать, что рецензия указывает на корректурные ошибки (Гавье вместо Гарвея) (пожалуйста, г-н корректор, присмотрите, чтоб и у меня не было здесь ошибки), на длинноту периодов, составленных не по Карамзину, приводит множество общих мест о нравственности и добродетели,

рассуждает о политической экономии à la Булгарин, ссылается даже на авторитет Бокля — вот как! В романе г. Чернышевского Лопухова устроила швейную на новых началах правильного распределения и вознаграждения труда при *наилучших гигиенических условиях*. Г. Ростислав с непозволительным цинизмом отзывается об этой *идеальной мастерской*, устроенной для обогащения *гуляющих девушек*, иронически называет ее земным раем; и в доказательство, что подобный земной рай невозможен, говорит следующее:

«Покойный Бокль доказывал, по новейшим статистическим сведениям, что не только различного рода нравственные явления, но и количество совершаемых преступлений в данный период времени подходят под непреложные законы. Бокль приписывает это климатическим условиям, меньшей или большей густоте населения и, наконец, качеству пищи, т. е. таким условиям и причинам, которые не во власти человека отвратить».

Правду сказать, здесь незачем было ссылаться на Бокля, это все известно было чуть ли не во времена царя Гороха, но если г. Ростислав уже сослался, то мы спрашиваем его: какое же отношение имеет все это к швейной Лопуховой? Климатические условия в Петербурге для всех одинаковы и отвратить их действительно не во власти человека; бо́льшая или меньшая густота населения, в смысле населения Петербурга, очевидно здесь тоже не идет к делу. Остается — большая или меньшая густота населения в квартирах, занимаемых швеями, и качество потребляемой ими пищи. Отвратить невыгодные условия в этом смысле чисто уж во власти человека, и Лопухова их отвратила. Она поместила своих швей в светлых и теплых комнатах, не более как по три в комнате, тогда как в других мастерских в комнате помещается рабочих больше, чем может поместиться. Швеи, из своих заработков, имели у Лопуховой здоровый и сытный стол, какого не имеют другие рабочие. Что же тут невозможного, какие тут неотвратимые условия и зачем тут Бокль? Ему решительно нечего делать в «Северной пчеле».

Кроме всего этого, читатель, в рецензии г-на Ростислава есть даже одно действительно серьезное указание на некоторый весьма важный промах г. Чернышевского.

Промах этот кладет невыгодную тень на весь роман и очень дурно рекомендует автора. Видишь, в чем дело. Г-н Чернышевский, *в качестве плебея, не имеет ни малейшего понятия о кутежах так называемой бонтонной молодежи* (!). Разумеется, стыдно г-ну Чернышевскому не иметь таких, можно сказать, элементарных познаний в петербургской жизни, но это бы еще все ничего. Дурно то, что г. Чернышевский берется описывать эти кутежи. Какова дерзость! Он вдруг пишет, что камелия Жюли, уж немолодая француженка, презиравшая кутившую с ней молодежь, в припадке откровенности, за веселым ужином, сказала господину, восхищавшемуся ее бюстом: «Какой черт бюст! У меня не грудь, а доска!», и даже удостоверила его в этом. «Самообличительный этот подвиг совершенно противен здравому смыслу», — замечает г. Ростислав и тоном судьи, компетентного в этом деле, прибавляет:

«Нет женщины, и *тем паче* французской лоретки, которая решилась бы на подобное вовсе ненужное самообличение; иначе корсеты, кринолины, румяна, белила и прочие притирания были бы вовсе не нужны».

Хотя читавшему роман с толком и без задней мысли в этой выходке Жюли вовсе не видно *подвига самообличения*, а видно только презрение немолодой, не особенно красивой и не особенно умной француженки к пустоте людей, которые за ней ухаживают только потому, что она француженка и умеет хорошо одеваться, и из тщеславия будут за ней ухаживать, как бы цинически ни разоблачилась она перед ними и нравственно и физически, — но я все-таки согласен с г. Ростиславом. Он, вероятно, старше меня, потому что имя его я привык с детства встречать в «Северной пчеле», следовательно, ему лучше знать дело об корсетах, кринолинах и пр. Недаром он говорит о французских лоретках так убедительно-докторально: нет, мол, такой француженки, как Жюли, да и баста!

Да! Я совершенно согласен с г. Ростиславом. Г. Чернышевский сделал чудовищный промах, выказал самое мужицкое невежество по части кутежей бонтонной петербургской молодежи, и *тем паче* по части корсетов, кринолин, румян, белил и прочих *притираний*. Промах этот ничем уж нельзя искупить. По этому одному промаху

я, вместе с г-ном Ростиславом, составляю самый строгий приговор о романе «Что делать?».

Нет, положительно, роман
　　«Что делать?» нехорош!
Не знает автор ни цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
　　Алис и Ригольбош.
Нет, положительно, роман
　　«Что делать?» нехорош!

Великосветскости в нем нет
　　Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
　　Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
　　Малейшего следа.

Жена героя — что за стыд? —
　　Живет своим трудом;
Не наряжается в кредит
И с белошвейкой говорит —
　　Как с равным ей лицом.
Жена героя — что за стыд! —
　　Живет своим трудом.

Нет, я не дам жене своей
　　Читать роман такой!
Не надо новых нам людей
И идеальных этих швей
　　В их новой мастерской!
Нет, я не дам жене своей
　　Читать роман такой!

Нет, положительно, роман
　　«Что делать?» нехорош!
В пирушках романист — профан,
И чудеса белил, румян
　　Не ставит он ни в грош.
Нет, положительно, роман
　　«Что делать?» нехорош!

И положительно, я не посоветовал бы своей молодой жене читать этот роман. Но так как я — увы! — холост, то я посоветую г-ну Ростиславу, как своей жене молодой, не читать третью часть «Что делать?» (ибо уже доказано, что он не дочел романа до конца), не читать ни под каким видом, чтобы не соблазниться... желанием написать вторую рецензию горше первой.

1863

«ИСКРА» 1870 ГОДА

«Искра» существует не со вчерашнего дня. Читатель знает ее давно и знает, что было время, когда в жизни ее и деятельности были *хорошие*, памятные всем дни.

Конечно, потом все пошло прахом, но прахом пошло не в одной «Искре», а везде. Полоса такая настала. Когда начиналась «Искра», в русском обществе стояли светлые, прекрасные дни. То была пора самых светлых надежд и упований, пора увлечений, может быть юных, незрелых, но увлечений чистых, бескорыстных, полных самоотвержения, проникнутых одною целию — целию общего добра и счастия, и единодушных. Все лучшее общество жило одними и теми же идеалами, если и неопределенными в подробностях и не всегда ясно сознаваемыми, то несомненно одинаковыми в их общей основе; оно признавало и выражало их, как один человек. Литература несла общее, дорогое всем знамя. Она несла его грозно и честно — и этим создала себе высокое значение и необыкновенную силу в обществе. Мы думаем, что нисколько не преувеличим заслуг литературы того времени, если скажем, что все, что в настоящее время остается лучшего, живого, плодотворного в начинаниях и действиях общества, было насаждено ее трудом, привито ее заботами и стараниями. Но при этом мы могли бы сказать вместе с Гете, что когда теснящиеся в душу образы прошедшего «приносят с собою картины светлых дней, то вместе с ними появляется из него много дорогих теней, — и де-

лается болезненнее старая скорбь, начинает вновь сильнее чувствоваться досада на ход жизни, запутывающий людей в их пути, подобно лабиринту; в памяти оживают имена тех добрых спутников, которые исчезли в прекрасные часы, обманутые счастьем».

А счастье действительно было обманчиво. Давно уже наступила и стоит другая полоса. Определенная действительность сменила прежние неопределенные идеалы. Она внесла рознь и разлад в единодушное до сих пор общество. При виде добычи забыты были возвышенные цели и мечты. Многие увидали, что действительность точно будет создана в их личных интересах; другие нашли, что она очень близко подходит к их интересам и сто́ит только немножко поправить ее, чтобы сделать вполне удобною, третьи... Но, одним словом, многое множество из образованного общества поняло, что им, старшим братьям русского народа, может быть тут очень хорошо. Вопрос для каждого пошел о том, как бы половчее пристроиться к добыче и как бы поделить ее с большею выгодою для себя. В этом состоит существо различных партий или, точнее сказать, клик в современном русском обществе. Литература, в значительной и сильнейшей части своей, сделалась служебным орудием в руках различных претендентов на добычу. То, что не участвует в дележе, что стоит за общий интерес страны, или вовсе не представлено в ней, или представлено очень бледно и слабо. Причина этого последнего обстоятельства заключается в том, что давно уже существует печальное недоразумение между властию, охраняющею общие интересы, и прогрессивною партиею общества. Претенденты на добычу ловко пользуются таким положением дела. Под видом охранения безопасности и спокойствия отечества они пугают всех красными призраками. Все, что бы ни случилось нарушающего общественный порядок и от кого бы это ни происходило, они стараются всячески связать с действиями либеральной прессы и вину всего взвалить на последнюю. Появление либеральной газеты, которая бы пользовалась настолько же свободою мысли, насколько пользуются ею газеты quasi[1] консервативные, а в сущно-

[1] Якобы (*лат.*).

сти более всего подкапывающие общественный порядок, — давно уже сделалось невозможно. Этого мало: даже в наших ежемесячных журналах, слишком мало касающихся политических вопросов, каждая более свободная и правдивая статья подвергается презренному литературному фискальству. Инсинуация, донос сделались в литературе самым обыкновенным, нормальным явлением. Никогда еще наша литература не доходила в своих приемах до такого унижения и распутства.

Все это мы говорим к тому, чтоб читатель, благосклонный к «Искре», памятуя ее хорошее прошедшее, не преувеличивал своих надежд на ее будущее потому только, что «Искра» будет пользоваться теперь свободою слова. Наша свобода есть только свобода от предварительной цензуры, но не действительная свобода мысли: каждое более свободное движение мысли стережется бесчисленною ордою литературных и нелитературных претендентов на дележ, пролазов, холопов, — и тайными нашептываниями кому следует и публично в печатном слове выдается за несомненное появление красного призрака.

В виду такого трудного положения нашей литературы мы не можем обещать благосклонному к нам читателю, что будем в состоянии удовлетворить его, может быть, слишком возбужденным требованиям. Мы можем обещать ему только одно, что мы постараемся идти тем же путем, каким шли в наше лучшее время. Мы будем

1) разоблачать хищников общественного достояния; развратителей общественной мысли,

2) защищать друзей общего интереса, и вообще

3) не робеть.

1869—1870

ПИСЬМА ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ «ИСКРЫ»

I

ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА

Господин издатель!

Известясь от вновь прибывших к нам с вашего света сочинителей, что отныне вы станете выдавать повременное ваше сочинение «Искра», как они объяснили мне, «без предварительной цензуры» и грыдированных веньет, но со внесением знатной суммы 2500 серебряных рублей [1] (на ассигнации-то, поди, до 10 000) залога, как бы в наше время при подрядах на поставку муки или чего подобного, хотя и не уразумел, в чем вы для себя прибыток обретете, ибо оттиснутые листы продавать будете «с указного дозволения», как и мы у переплетчика Веге делывали, — всiо же, государь мой, так как вы сему радуетесь, поздравляю вас. Знатно вам, что ныне вот уже год, как столетие минуло со дня выпуска мною перьвого листа сатирического повременного издания «Трутень», который по чести перьвым в России считать надлежит, а не «Всякую всячину», эту ведунью лягушачья языка, как оттиснул в своем сочинении «И то и сiо» Михаил Чулков, что я издателю оной господину статс-секретарю Козицкому говорил уже на сем свете. «Трутень» мой, как вашея

[1] Знатно, что у вас теперь серебра больше, чем в наше время, когда от денежного оскудения в первый раз ассигнации завели и медную монету с нарочитым усердием бить почали.

«Искры» прародитель, неукоснительно вам советы свои преподает.

Мы в свое время критики друг на друга писывали, тщася уразуметь, в чем сатире состоять надлежало. «Мое мнение весьма с вашим согласно, — писал мне Правдулюбов (зри «Трутень» 1769 г., лист XXV), — что критика на лицо больше подействует, нежели, как бы она писана на общий порок. Меня никто не уверит в том, чтобы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок». От себя к этому присовокуплю, что многие осмеянные по справедливости в нашем веке на лицо, в вашем суть уже общие подлинники лихоимцев, худых сочинителей и невеждов.

Памятуя однако, что и в вашем веке многие, как вы называете ныне, рецензенты превратное о критике понятие имеют, превыше самой правды ставя называемые эстетические умствования (мы ведь об таких и не слыхивали!), что вы, без сомнения, лучше моего знаете и что мне из книги г. Афанасьева «Русские сатирические журналы» ведомо стало, ибо сей сочинитель, многое об нас и о нашем веке дельно и со знанием изобразивший, разбирая оное рассуждение Правдулюбова, говорит уж совсем не дельно, якобы Правдулюбов «слишком уже расширяет значение сатиры» (Афан⟨асьев⟩. «Р⟨усские⟩ сат⟨ирические⟩ журн⟨алы⟩», стр. 46), которое, на мой взгляд, и в вашем веке не так чтоб уж весьма расширилося: памятуя притом, что когда так умствуют изрядные ваши сочинители, то как мыслить должны подвергающиеся таковой критике лихоимцы, мздоимцы, также худые сочинители — такальщики знатных господ и вольнослушатели, не лишним считаю преподать вам советы благоразумия.

А для сего выпишу вам из VIII листа «Трутня», что писал ко мне Чистосердов, когда «Трутень» многие уже потерпел невзгоды, хоть бы, на приклад, за ведомость об одной знатной боярыне, спрятавшей в лавке гостиного двора под асалоп два мотка золотых сеток, как она потом челобитную ей подавшему купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила: «Остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян,

на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; искореняйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных. *Тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли.* Я слыхал следующие рассуждения: в положительном степене или в маленьком человеке воровство есть преступление противу законов; в увеличивающем, т. е. среднем степене или средостепенном человеке, воровство есть порок, а в превосходительном степене или человеке, по вернейшим математическим новым исчислениям, воровство не что иное, как слабость».

Вы вольны, государь мой, вместе с читателями вашими смеяться над моими советами и похваляться вашими новыми порядками, судами, освобождением крестьян и пр. Взяток-де у нас нет, правда у нас водворилась, спать можем спокойно. Спору нет: слава и честь вашему времени за сии два истинно великие и для всех человеков благодетельные события. В ваше время *прогресс*, коего и имени мы не слыхивали. Но ведь и на солнце есть пятна; может, сочинители ваши их не замечают, может, не хотят замечать; нам же, как душам бесплотным, видняе все, что у вас на том свете творится. Ведь и мы полагали в наше время не без основания, что «мысли и умы, долго быв угнетены под тяжестью тайны, вдруг, яко плотина от сильной водополи, прорвались» («Собес⟨едник⟩ люб⟨ителей⟩ р⟨оссийской⟩ слов⟨есности⟩», ч. II, стр. 157); ведь и мы о тогдашних судах говаривали: «Отверзаются врата фемидина храма, вступают в него минервины други, корыстолюбивый и незнающий судья трепещет, а достойный готовится к новому торжеству своих подвигов»; и у нас, даже после закрепления малороссийских крестьян, в 1786 году, то есть за восемьдесят лет до освобождения крестьян нынешним монархом, Капнист возвещал в своей оде на истребление в России звания раба: «Россия! Ты свободна ныне!» Ныне уж у вас дети смеются над нашими одами и эклогами — эй! чтобы и над вами не посмеялись потомки.

Все сие отписал вам к тому, чтоб советы мои принесли вам пользу, ибо люди и в ваш век не суть ангелы, а между сочинителями есть такие, что и чертей хуже. Мы в наше время обзывали в критиках наших друг друга и ослами и дураками, запросто, а ваши так пошли писать инсынуациями... тьфу ты, господи, и не выговоришь! Сколько ни писал на меня критик статс-секретарь Козицкий во своей «Всякой всячине», он моего «Трутня» так не мог повредить, как у вас, слышно, от господина Каткова многие сочинения повреждены. Он же, господин Катков, и у нас от множества прибывающих с вашего света сочинителей не весьма одобряется, хотя слывет за великого ведуна лягушачья языка.

Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде, и чтобы издание ваше не только простым и средостепенным людям, но и знатным господам так нравилось, как мой «Трутень» нравился семерым знатным боярам, которых знал и помянутый Чистосердов. Сии господа читать сатиры были великие охотники и, читая оные, никогда не краснели, для того что никогда не делали того, для чего, читая сатиры, краснеть должно. Не мало вам пользы принесет также, если вы, хоть на двенадцатом году вашего издания, посвятите его какому-либо меценату, что я рассудил за благо сделать при втором тиснении «Трутня» 1769 года, посвятив его генерал-порутчику Льву Александровичу Нарышкину и при таковом же 1770-го, посвятив оный г-ну обер-прокурору Всеволодскому. Сими мероприятиями нарекания и гонения многих невеждов избежать можете. Впрочем, остаюсь ваш охотный доброжелатель.

Н. Новиков.

Там, где я нахожусь.
Января 1-го дня 1870 года.

P. S. Слышал я, что у вас в апреле 1868 года один мой доброжелатель отписал в ведомости, что, мол, стыдно, что сочинители наши не справят хоть пятидесятилетней памяти дня моей (Новикова) смерти, так как, мол, в столетие его рождения (1744 года) об нем мало кто и знал в просвещенном обществе, а многие, даже из знатных обо-

его пола особ, до днесь не ведают. Поблагодарите сего моего доброжелателя за его обо мне память, да за одно уж и просвещенное российское общество, так как, благодаря сей забывчивости, обо мне не было говорено столько дичи, сколько об Ломоносове на столетнем о кончине его торжестве. У меня с Михайлой Васильевичем от сего со смеху три дня бока болели.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА

Многоуважаемый Николай Иванович.

Ответом на ваше любезное письмо может послужить статья, напечатанная в начале этого нумера, который и будет препровожден к вам тем непостижимым для живых людей способом, которым вы доставили мне ваше письмо.[1] Благоволите только сами прислать за ответом, потому что я недоумеваю, как все это произошло, хотя и радуюсь, что это произошло. «Искра» будет постоянно вам посылаться; вы, хоть время от времени, не оставляйте ее вашими статейками, всегда для нее полезными... Не прибавляю никаких любезностей, потому что мертвые, вероятно, разочарованы в людях более, чем живые, и, наслышавшись того, что говорили про них даже у смертного одра, самое искреннее слово правды принимают за лесть. Также прошу вас передать как вашим современникам и приятелям, так вообще великим и замечательным людям, которых так много на том и так мало на этом свете (чуть ли уж не все на тот свет отправились), чтобы и они присылали в «Искру» свои статьи, мемуары, афоризмы и пр., что им угодно, не опасаясь нисколько за свою добрую память в потомстве, потому что ведь положительно никто из живущих не поверит, что они действительно ведут с «Искрой» корреспонденции, хотя большинство, из рода в род по целым тысячелетиям, верит нелепостям еще более очевидным. Вам, впрочем, в вашем страдательном положении, это более, чем мне, известно. Я желал вам только выразить, что с мертвыми несравненно более удобно вести

---

[1] Только не распространяйте этого способа, а то, по новым порядкам, придется платить страховые.

истинно человеческие сношения (конечно, если возможно), чем с живыми, потому что от сих последних, сколько ни хлопотал я, я не мог никогда добиться правды.

Когда вы прочитаете передовую статью, вам станет ясным, каким из ваших советов «Искра» последует; тем не менее она вам за все благодарна. Размышления о современном прогрессе, о старых и новых людях, также «о веке нынешнем и веке минувшем» в след⟨ующих⟩ нумерах раскроют вам дело со всех сторон. Так что здесь я ограничусь кратким ответом, и то только на последний пункт вашего письма.

Во-первых, позвольте усомниться в удостоверении вашем насчет семерых знатных бояр, «читавших «Трутень» и никогда не делавших того, для чего, читая сатиры, краснеть должно». Меня тут интересует вопрос: почему вы знаете, что только семь, и неужели только семь? В наше время несравненно большее количество знатных бояр читают «Московские ведомости» — и тоже не краснеют. Когда я узнаю наверное, какому количеству знатных бояр нравится «Искра», не премину вас уведомить. Это будет зависеть, впрочем, от свойств сатиры «Искры», а свойства сатиры «Искры» будут взаимно зависеть от свойств этих самых знатных бояр.

Очень сожалею, что не считал знатных бояр, которым нравится «Искра», с самого ее основания, а то бы я непременно воспользовался вашим советом касательно посвящения ее какому-либо меценату. Теперь затрудняюсь, кому бы ее посвятить. Пожалуй, к такому сунешься, что только беды наживешь. Позвольте, я посчитаю, как в арифметике говорится — *в уме*. Раз... нет, этому не посвящу... Два... этому и подавно... Три... этот скажет, пожалуй, что «Искра» его компрометирует... Четыре... этот сам компрометирует все, что только к нему подходит... Пять...

Нет, Николай Иваныч, не посвящу никому... потому что другие, прочитав в «Искре» посвящение *Такому-то*, примут самое посвящение прямо за сатиру *на лицо*, а вы мне советовали печатать сатиры на лицо с осторожностью.

Кстати: объясните, как это у вас, бесплотной души, *бока* болят от смеха; вероятно, это не более как искусственный оборот речи, свойственный вам как сатирику по пословице: каков в колыбельке, таков и в могилке. Потому спрашиваю вас об этом, что у нас есть некто Аскоченский, который непременно отметит в вашем письме это место красным карандашом. По своим знакомствам он на том свете страшнее, чем на этом.

Примите и пр.

Издатель.

P. S. Относительно 31-го июля 1868 года спешу вас уведомить, что в этот день тесный кружок людей, помнящих ваши заслуги, почтил вашу память в дружеской беседе об вас, за стаканом вина, без всяких тостов и спичей.

II
ПИСЬМО ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО РАДИКАЛА

Милостивый государь!

Я убежден, что вы струсите на первом же нумере вашего журнала без предварительной цензуры. Знаете ли, чего ждет от «Искры» публика — а? Знаете ли, какие ей нужны статьи — а? Нужны статьи, от которых бы сырбор загорелся. Нужно, чтоб «Искра» обратилась в пламя и охватила всю Русь православную, с ее иноязычными окраинами. Вы боитесь предостережений — да ведь предостережения дают силу журналу. Сделайте так, чтобы вам за первый же нумер было дано предостережение, и тогда успех журнала будет обеспечен. Пусть за второй нумер дадут второе — об «Искре» тогда все кричать будут. Поверьте мне, я ведь сам в некотором роде сочинитель.

Хотите, я вам, не выходя из комнаты, составлю для первого № две корреспонденции — одну из Западного края, другую из остзейских губерний; статьи эти, положим, не принесут никому ни малейшей пользы, в них не будет ничего, кроме общих мест, они не прибавят ни одного факта к тому, что уже всем известно, но они будут забористые, зажигательные, задирательные, — скандал

произойдет великий. Пусть сразу захлопнут журнал, вам-то что; зато все об вас говорить будут. Слава, черт возьми, а! Знаете французскую поговорку: après moi le déluge![1]

Ваш доброжелатель.

P. S. Я бы вообще желал с вами познакомиться и обменяться мыслями. Я к тому же веселый собеседник, знаю несколько европейских языков и все славянские. Со жмудью и латышами объясняюсь так, что они меня за своего брата считают. Какие я знаю анекдоты про польских панов, про ксендзов, про немцев-колбасников, про жидов с пейсами. Главное: у меня душа нараспашку, — я ненавижу абсолютизм, и, скажу вам откровенно — я красный. Жду и от вас полной откровенности.

ОТВЕТ «ИСКРЫ»

Милостивый государь!

Оставайтесь при вашем убеждении, что мы струсим на первом же нумере без предварительной цензуры. Публика ждет от «Искры» сатирического журнала. Статьи, от которых бы сыр-бор загорался, никому не нужны, да и сыр-бор от наших статеек не загорится. «Искра» в пламя обратиться не может и не желает конкурировать с копеечной свечкой перед ликом г. Каткова, от которой, впрочем, ныне уж и Москва что-то не загорается. Предостережений мы не боимся, когда дело идет о проведении в общественное сознание мысли, которую мы считаем полезною, но добровольно накликать на себя предостережения, для ради мнимого успеха, считаем шарлатанством, недостойным честного журналиста. Верим, что вы сочинитель в некотором роде... Корреспонденции нам нужны — не от вас только — и не только из Западного края и остзейских губерний, а также с северной, восточной и южной России, только нам нужны корреспонденции, которые бы приносили обществу пользу, в которых ни под каким видом не заключалось бы общих мест и которые именно вносили бы новые сведения, необходимые для уразумения современного положения того или другого края, пре-

---

[1] После меня хоть потоп! *(франц.).*

имущественно с его темных сторон. Подобные статейки по самому существу своему не могут быть, как вы выражаетесь, забористыми, именно чтобы не производить суетного скандала и не подвергать бесполезному риску журнал, в котором они помещаются. Что же касается до предлагаемой вами славы, то мы предпочитаем короткое знакомство читателей с нашим журналом как в хорошие его дни, так и в дурные, и не позволим себе, ради пустого эффекта, жертвовать интересами подписчиков «Искры». — Знаете, как отвечают по-французски на предложения, подобные вашим: «Parlons bas, parlons bas! Ici près j'ai vu Judas». [1]

Готовая к услугам

«Искра».

P. S. Кажется, мы достаточно познакомились и обменялись мыслями. Затем, ваши анекдоты об немцах-колбасниках, жидах и поляках приберегите для тех газет, которые ими не погнушаются, и так как вы объявили, что вы красный — покраснейте еще, если можете.

III
АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Милостивый государь,
господин редактор!

Один доброжелательный голос хотел давно вам высказать следующее: [2]

. . . . вы начнете выпускать «Искру» без политипажей и без предварительной цензуры, но что выйдет из этого после, знаете ли вы? То,

---

[1] Тише, тише! Поблизости Иуда *(франц.)*.

[2] Письмо это получено нами еще в сентябре прошлого года. *Оно анонимное.* В заголовке его значится: «20 сентября 1869 года, Москва без золотой маковки за снятой главой с Ивана Великого. Приберегите это письмо, когда-нибудь автор напомнит Вам о себе при удобном случае». (Извольте-с, прибережем.) После первых двух строк, приведенных выше, выпускаем ненужное начало письма и переходим прямо к делу. Так же точно и далее выпущенные нами места из письма означены точками.

что журнал ваш не будет охотно читаться публикою, привыкшею видеть его иллюстрированным, печатной же э(е)рунды и без того довольно, и кого вы надеетесь заинтересовать одним текстом своим. Неужто вы думаете, что большинство ваших читателей — *читало*[1] действительно «Искру» когда-нибудь и находило ее занимательной с литературной стороны? Какое заблуждение! *Картинки, карикатуры и подпись* под ними — вот на что бросалась масса публики, развертывая ваш журнал, за столом в трактире, в вагоне железной дороги и дома — после обеда, да перед ночным сном в постеле(и)... Это раз, что, отнявши картинки, нравящие(я)ся детям (читай — русская публика), Вы отними(е)те главнейший интерес у вашего журнала, именно карикатурной части всего более обязанного успехом своим...

Потом, разве можно издавать в России сатирический журнал без предварительной цензуры вообще . . . .[2] Надо признаться, заклятый враг не мог бы придумать более верной меры погубить Вас, какую Вы сами изобрели для себя, выходя из-под предварительной цензуры. Удивительно, как непрактичен литературный круг вообще, да будьте же людьми улицы, площади, людьми толпы, одним словом, а не высиженными яицами на литературной наседке...

Ваш искренний доброжелатель, временно пребывающий в Москве.

ОТВЕТ НА АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Милостивый государь!

Анонимные письма вообще рвутся; иногда, если содержание их особенно важно, их принимают к сведению, иногда они поступают в коллекции курьезов; вообще же их принято считать подозрительными, потому что, согласитесь, люди, являющиеся под масками с заявлениями и сообщениями, иногда очень важными, не могут внушать

---

[1] Слова, отличенные в подлиннике, подчеркнуты.
[2] Выпущено более страницы.

к себе полного доверия, хотя бы на масках их и было написано: искреннее доброжелательство, нелицемерная преданность и т. п.

Я бы не отвечал и на это ваше письмо, хотя бы и мог с некоторою достоверностью обратиться именно в ту сторону, откуда оно исходит, судя по некоторым, не приведенным здесь местам письма и по напоминанию вашему о знакомстве со мной в первые года издания «Искры» (для читателей это не занимательно), если бы та часть письма вашего, которая здесь напечатана, не представляла некоторого интереса для публики, именно для публики «Искры».

Не давая развития своим догадкам, так как я, может быть, ошибаюсь, а потому вообще не позволяя себе сомневаться в искренности вашего доброжелательства, буду вообще отвечать вам только на эту часть вашего письма.

Вы, милостивый государь, принимаете на себя роль депутата со стороны большинства читателей «Искры». Закрыв свое собственное лицо непроницаемою маскою, вы докладываете от лица этого большинства, что оно никогда не читало «Искры» и, *не читая*, находило ее не занимательной с литературной стороны; далее, расширяя ваше представительство, вы утверждаете, что *масса* публики бросалась только на картинки и подписи в «Искре», и, наконец, все-таки не снимая маски, провозглашаете, что я теперь отнял главнейший интерес у журнала и при этом обвиняете в ребячестве всю публику поголовно.

Вы придали такой общий характер вашему заявлению, что я счел обязанностью его напечатать.

Да, милостивый государь, я отнял главнейший интерес у своего журнала для той публики, которая, как вы несколько необдуманно выражаетесь, никогда не читала «Искры» и при этом находила ее с литературной стороны не занимательною, для той публики, которой нужны картинки и подписи под ними, каковы бы ни были и те и другие, и которой совершенно неизвестно, какое значение имеет политическая карикатура в Европе и в каком положении вследствие разных причин находится у нас вообще карикатура как отрасль искусства. Этой публике, разумеется, нечего объяснять, что в России политики Домье

положительно невозможны, юмористы Камы что-то не часто встречаются, а грациозные Гревэны вовсе не существуют, эта часть публики (заметьте: часть) действительно обретается в младенчестве, и если я, может быть, и был для нее, против своей воли, игрушечных дел мастером, то сознательно быть таковым не желаю.

Но есть, милостивый государь, другая публика, которая со времен императрицы Екатерины II читала сатирические журналы, в которых не было никаких картинок, следовательно, ровно сто лет тому назад уже не была ребенком, а теперь, надо думать, порядком-таки возмужала, для которой «Трутни» и «Живописцы» печатались вторыми изданиями, которая в позднейшие царствования, когда не было сатирических журналов, действительно прежде всего бросалась в тогдашних повременных изданиях на статьи сатирического характера, которая, тринадцать лет тому, в громадном количестве подписывалась на «Весельчак», полагая найти в нем потребную времени сатиру, и на следующий же год от него отшатнулась, встретив на страницах его одно балагурство, хотя картинки «Весельчака» выполнялись весьма добросовестно лучшими нашими художниками. Эта публика, отшатнувшаяся от «Весельчака» с его художественными картинками, обратилась к «Искре» и доднесь ее не оставляет своим вниманием; эта публика зачитывалась «Свистком» Добролюбова; эта публика в нынешних толстых журналах прежде всего разрезывает статьи современных сатирических писателей, понимая сатиру в ее серьезном значении, и этой-то публике будет служить «Искра», насколько хватит ее сил и уменья.

Как бы сознавая несостоятельность ваших доводов, вы спрашиваете далее: разве можно издавать в России сатирический журнал без предварительной цензуры? Отчего же нет, милостивый государь? Если можно печатать сатирические очерки, стихотворения и фельетоны в бесцензурных газетах и журналах, я не вижу, почему нельзя издавать журнал, весь составленный из таких очерков, стихотворений и фельетонов. Я вам опять-таки сошлюсь на екатерининский век, когда не существовало предварительной цензуры, и сатирические журналы процветали, а в некоторых даже участвовала сама императ-

рица и лица к ней приближенные. Не допускаю также и мысли, чтобы кто-нибудь задавался мыслью погубить «Искру», тем более что еще очень недавно один из журналистов, не особенно расположенный к ней, издателя ее назвал «добродушнейшим из журналистов». А насчет того, чтобы сделаться людьми улицы, площади — упаси господи, милостивый государь! Что мы станем делать на площади, мы, кабинетные труженики, скромные юмористы скромной русской литературы. Последней вашей укоризны мы даже не понимаем.

Благодарим за ваше доброжелательство.

Издатель.

1869—1870

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящая книга является собранием избранных произведений В. С. Курочкина. В ней три отдела: 1) оригинальные стихотворения, 2) переводы и переделки, 3) статьи и фельетоны, представляющие несомненный интерес, но никогда не перепечатывавшиеся Курочкиным из «Искры» и мало известные даже специалистам — историкам литературы. Разделение стихотворений Курочкина, как и других поэтов некрасовского направления, на лирические и сатирические было бы искусственным и даже неосуществимым, поскольку элементы лирики и сатиры нередко тесно переплетены и неразрывно связаны в них. Следует отметить, что грань между оригинальными и переводными стихотворениями в некоторых случаях не вполне бесспорна; это определяется самим характером переводов Курочкина.

В первом и третьем отделах принято хронологическое расположение материала. Большую часть второго отдела занимают переводы из Беранже. Поскольку данное издание является собранием сочинений Курочкина, а не Беранже, они расположены по датам переводов, а не оригиналов. В таком же порядке печатаются переводы из других поэтов.

Для двухтомного «Собрания стихотворений» (оригинальных и переводных), вышедшего в 1869 г., а также для ряда изданий «Песен Беранже» Курочкин переделывал, совершенствовал многие свои стихотворения. В настоящем издании воспроизводятся последние редакции, за несколькими исключениями, о которых говорится в соответствующих примечаниях.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в издании 1869 г. немало опечаток и других погрешностей. Они исправлены на основании более ранних текстов. В частности, в издании 1869 г., без сомнения по небрежности, в целом ряде стихотворений Курочкина исчез курсив, который в журнальных текстах указывал на цитатность отдельных мест, скрывающийся в них намек, иронию и пр. Вследствие этого для читателя издания 1869 г. многое пропадало. Так, например, в стихотворении «Благоразумная точка зрения» слова «мер и границ» в «Искре» напечатаны курсивом, а в издании 1869 г. — обычным шрифтом. Между тем здесь явный намек на статью Б. Н. Чичерина «Мера и границы». Во всех подобных случаях курсив восстановлен. Устранение погрешностей в примечаниях не оговаривается.

Орфография в основном приведена в соответствие с современными нормами. Сохранены лишь некоторые особенности, передающие произношение поэта (например, эманципация, растрёс) или имеющие стилистическое значение (например, слово «што» в «Принце Лутоне»).

В примечаниях приведены библиографические данные, сведения, касающиеся цензурной истории, разъяснены разнообразные факты общественно-литературной жизни 1850—1870-х годов, о которых говорит Курочкин, и раскрыты содержащиеся в них многочисленные намеки. Из упомянутых Курочкиным имен разъяснены, с одной стороны, наименее известные, а с другой — наиболее существенные для понимания данного произведения. Неточности в стихотворных цитатах отмечены в примечаниях; мелкие, не меняющие смысла неточности в прозаических цитатах не оговариваются.

В примечаниях, как правило, указано лишь место первой публикации произведения. Подпись или ее отсутствие отмечены всюду, кроме тех случаев, когда стихотворение было подписано полным именем Курочкина.

Даты помещены для удобства под стихотворениями и статьями. Когда дату написания установить было невозможно, пришлось руководствоваться датой первой публикации. Даты публикации или год, не позднее которого, по тем или иным свидетельствам, было написано произведение, заключены в угловые скобки.

Принадлежность Курочкину псевдонимов, фигурирующих в примечаниях, определяется большей частью тем обстоятельством, что какие-нибудь стихотворения, первоначально напечатанные под этим псевдонимом, включены им в издание 1869 г. Так же обстоит дело со стихотворениями, печатавшимися без подписи. В других случаях

указан источник или приведены доводы, на основании которых стихотворение или статья, появившиеся под псевдонимами или без подписи, приписаны Курочкину.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ни в мать, ни в отца (стр. 3). Впервые — в «Искре», 1859, № 36, стр. 357.

Рассказ няни (стр. 5). Впервые — в изд. 1869 г., т. 1, стр. 289—291.

«Как в наши лучшие года...» (стр. 7). Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1856, № 12, стр. V—VI. Т. Г. Шевченко назвал стихотворение «прекрасным созданием поэта» и переписал его в дневник (Собр. соч., т. 5, М., 1949, стр. 206—207).

Общий знакомый (стр. 9). Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1856, № 12, стр. VI—VII. В журнальном тексте по цензурным причинам слова «крепостных людя́х» заменены словами «о своих людя́х». В начале стихотворения имеются отзвуки первой страницы «Мертвых душ», где описана наружность Чичикова. *Образ мыслей неподобный Видит в бороде.* В 50-х годах придворным, чиновникам, военным, дворянам, занимавшим выборные должности, было запрещено носить бороду; в обывательских кругах бороду считали признаком некоторого вольномыслия. *На барабане всех бы их остричь.* Стрижка на барабане считалась в те времена в армии позорным наказанием.

«Мчит меня в твои объятья...» (стр. 12) и В разлуке (стр. 13). Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1859, № 12, стр. 20, под заглавием «Отрывки». Написаны не позже 1856 г.

Двуглавый орел (стр. 14). Впервые — в издании А. И. Герцена «Голоса из России», ч. 4, Лондон, 1857, стр. 49—50, без подписи. Авторство Курочкина устанавливается на основании свидетельства современников; см., например, эпиграф к стихотворению Д. Д. Минаева «Общий враг» — «Петерб. газета», 1883, № 172. «Двуглавый орел» пользовался большой популярностью. Даже через полвека после его создания, в 1905 г., его, по свидетельству Е. Ярославского, распевали революционные рабочие Ярославля (сборник «Из истории рабочего движения в Ярославской и Костромской губерниях», Ярославль, 1939, стр. 9). См. также интересный документ о нелегальном концерте в Ярославле, на кото-

ром, в числе других революционных песен, хором исполнялся «Двуглавый орел» (опубликован в статье А. Альтшуллера — сборник «Первая русская революция и театр», М., 1956, стр. 262). *Двуглавый орел* — государственный герб Российской империи. *Зерцало* — эмблема законности, трехгранная призма с указами Петра I по ее сторонам, находившаяся в судебных и других государственных учреждениях дореволюционной России.

18 июля 1857 года (стр. 17). Впервые — в «Русском вестнике», 1858, май, кн. 1, стр. 181—182. Стихотворение является откликом на смерть Беранже. Начиная со второго издания «Песен Беранже» (1858), Курочкин печатал его в качестве программного предисловия к своим переводам. Торжественные похороны Беранже (состоявшиеся не 18, а 17 июля 1857 г.) были организованы правительством Наполеона III с целью предотвратить народные волнения и демонстрации. *Несчастным льстил* — перевод соответствующих слов из стих. «Le vilain» («Простолюдин»). *«Бог добрых»* («Le dieu des bonnes gens») — заглавие другого стихотворения Беранже. *Благословив младенца на соломе* и т. д. — перевод двух строк из стих. «A mes amis devenus ministres» («Моим друзьям, ставшим министрами»). — Шевченко назвал «18 июля 1857 года» «прекрасным, сердечным стихотворением» и переписал в дневник (Собр. соч., т. 5, М., 1949, стр. 217—218).

Счастливец (стр. 19). Впервые — в «Отечественных записках», 1857, № 12, стр. 731—732. В журнальном тексте строка 1 третьей строфы смягчена: «Помощи просят крестьяне».

Первая любовь (стр. 21). Впервые — в «Отечественных записках», 1857, № 12, стр. 734—735.

Напутствие (стр. 23). Впервые — в изд. 1869 г., т. 1, стр. 304—306. Написано по случаю отъезда из Петербурга в мае 1858 г. старшего брата Курочкина, также поэта и переводчика, медика по образованию, получившего место врача в Русском обществе пароходства и торговли.

Старая песня (стр. 25). Впервые — в «Русском вестнике», 1858, июль, кн. 1, стр. 195—196, с посвящением композитору А. С. Даргомыжскому. *Слова, слова, слова* — цитата из «Гамлета» Шекспира.

⟨Н. В. Максимову⟩ (стр. 27). Впервые — в книге: В. Курочкин. Стихотворения, 1949, стр. 210. Написано в альбом десятилетнего брата писателя С. В. Максимова, впоследствии журналиста и беллетриста-этнографа.

«Я не поэт — и, не связанный узами...» (стр. 28). Впервые — в «Искре», 1859, № 2, стр. 23, под заглавием «Моя исповедь», подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. это стихотворение, как программное, открывает отдел оригинальных стихотворений.

Знаки препинания (стр. 30). Впервые — в «Искре», 1859, № 3, стр. 31, подпись: Пр. Знаменский.

Жалоба чиновника (стр. 32). Впервые — в «Искре», 1859, № 7, стр. 72, подпись: Пр. Знаменский.

Только!.. (стр. 33). Впервые — в «Искре», 1859, № 15, стр. 141, с подзаголовком «Весенняя песня».

Бедовый критик (стр. 36). Впервые — в «Искре», 1859, № 42, стр. 418, подпись: Пр. Знаменский. Бедовый критик — К. А. Полевой. В молодости радикальный критик и публицист, он перешел затем в лагерь реакции и стал постоянным сотрудником газеты Булгарина и Греча «Северная пчела». Стихотворение вызвано его клеветнической статьей о Белинском («Сев. пчела», 1859, № 229). Слова «сухой как жердь» взяты из стих. А. Н. Майкова «Над прахом гения свершать святую тризну...», которое является откликом на подобную же статью Полевого о Пушкине («Сев. пчела», 1855, № 255).

Полезное чтение (стр. 37). Впервые — в «Искре», 1859, № 42, стр. 423—424, подпись: Пр. Знаменский. *Аскоченский В. И.* — реакционный публицист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа», где преследовались малейшие проявления освободительных идей, все значительные произведения искусства и достижения науки во имя «православия, самодержавия и народности». Весною 1859 г. газета «С.-Петербургские ведомости» (№ 94) писала о систематической порче статуй в Летнем саду, оценивая ее как вандализм. Аскоченский взял хулиганов под защиту, утверждая, что их поступки вызваны нравственными побуждениями («Домашняя беседа», 1859, № 22, стр. 212).

Опыты гласного самовосхваления (стр. 39). Впервые — в «Искре», 1859, № 45, стр. 445, без заглавия, в фельетоне «Нечто о честности», подпись: Пр. Знаменский. В декабре 1858 г. начальник петербургских женских училищ Н. А. Вышнеградский заявил в печати, что ему предлагают взятки лица, желающие получить место в одном из подведомственных ему училищ, но что он неизменно возвращает все их приношения («С.-Петерб. ведомости», 1858, № 281). Через год вятский прокурор А. И. Сырнев сделал аналогичное заявление («Моск. ведомости», 1859, № 260).

Эти публичные заявления о своей честности были не раз высмеяны «Искрой» и «Современником» как типичные образцы либеральной «гласности». *Язы́ки* — народы. *Выя* — шея.

Воззвание (стр. 40). Впервые — в «Искре», 1859, № 46, стр. 461, в статье «Хроника прогресса»; в изд. 1869 г. (т. 2, стр. 115) появилось с неправильным указанием автора стихов, взятых в качестве эпиграфа; они принадлежат не Хомякову, а И. С. Аксакову (поэма «Бродяга»). Печ. по «Искре». «Воззвание» связано с предыдущим стихотворением. «Пример г-на Сырнева, — читаем в статье, — нашел последователей. Говорят, в «Московских ведомостях» (см. № 274) будет печататься целый ряд всенародных провозглашений личного бескорыстия... «Искра» с своей стороны радушно открывает столбцы свои всем желающим заявить потомству о своей честности. Борис Фаддеев ⟨сатирическая маска, созданная Курочкиным. — *И. Я.*⟩ с этою целью намерен издавать журнал... Вместо объявления и программы он просил нас напечатать следующее» (следует текст «Воззвания»). *«La donna e mobile»* («Сердце красавицы склонно к измене») — ария герцога из оперы Верди «Риголетто».

Турнир в Пассаже (стр. 41). Впервые — в «Искре»: I — 1859, № 49, стр. 497, под заглавием «Неразрешенный спор. Пролог ирои-эпической поэмы „Современные турниры"»; II — 1859, № 50, стр. 521, под заглавием «Размышление по случаю погрома», оба за подписью: Пр. Знаменский. В декабре 1859 г. в зале петербургского Пассажа состоялся диспут о деятельности Русского общества пароходства и торговли. Журналист Н. П. Перозио доказывал, что дела в нем ведутся бесхозяйственно, а Смирнов защищал правление общества. Диспут привлек многочисленную публику, которая шумно реагировала на спор, и окончился скандалом. Так как симпатии большинства были на стороне Перозио, то супер-арбитр диспута финансовый деятель Е. И. Ламанский неожиданно закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения важных общественных вопросов. *Водопроводами изрытым.* В 1859 г. в Петербурге начались работы по устройству водопровода. *Прочь от нас Катон, Сенека, Прочь угрюмый Эпиктет!* — начальные строки «Стансов к Н. М. Карамзину» И. И. Дмитриева. *Катон М.-П.* Младший — древнеримский государственный деятель, республиканец, отличавшийся непримиримостью своих взглядов и мужеством. *Сенека Л.-А.* — древнеримский драматург и философ-стоик, проповедовавший добродетель и воздержание. *Эпиктет* — древнегреческий философ-стоик. *Пирогов Н. И.* — профессор-хирург,

либеральный общественный деятель и педагог. *Громека* — см. стр. 624 и 639. *Нужны помочи, указки.* Насмешка над статьей о диспуте, появившейся в «Северной пчеле» (1859, № 275). Автор этой статьи утверждал, что «мы без указки ничего дельного не создадим... без помочей не сделаем и шагу вперед». *Так уснем, закрывши глазки...* — «перепев» двух строк из «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова.[1] *Безглагольна, недвижима...* Ср. в «Споре» Лермонтова: «Безглагольна, недвижима Мертвая страна». — «Ожидание» — «перепев» «Умирающего Тасса» К. Д. Батюшкова.

Сон на Новый год (стр. 44). Впервые — в «Искре», 1860, № 1, стр. 7—8, подпись: Пр. Знаменский. *Кумберг* — владелец фабрики и магазина ламп, люстр и пр. в Петербурге. *Примиренье интереса С святыми чувствами людей* и ряд других строк новогодней речи Знаменского пародируют какие-то конкретные явления и выражения из публицистики того времени — ср. фельетон Курочкина «Одиннадцать миллионов», стр. 528—529. *На всю Россию прокричим.* Намек на слова героя комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» Надимова; см. также стр. 672. *Паки* — снова, опять. *Сорокин и Тармаламаки* — пародийные прозвища, под которыми фигурировали в «Искре» владелец нескольких десятков домов в Петербурге С. Д. Воронин и откупщик, купец, заводчик Д. Е. Бенардаки.

На погребение бедового критика (стр. 49). Впервые — в «Искре», 1860, № 3, стр. 36, под заглавием «На погребение бедового критика сэра Джона Шампэтра (Вольный перевод)», подпись: Пр. Знаменский. Написано по поводу ухода К. А. Полевого (Шампэтр — франц. champêtre, полевой) из «Северной пчелы», когда ее редактором стал журналист П. С. Усов. Даже весьма умеренный Усов был для Полевого чрезмерно либерален. О К. А. Полевом см. стр. 621. *Да Гейне, поэт из Тамбова.* В предыдущем номере «Искры» был помещен фельетон П. И. Вейнберга по тому же поводу под его обычным псевдонимом «Гейне из Тамбова». — «На погребение бедового критика» — «перепев» стих. И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

Явление гласности (стр. 50). Впервые — в «Искре», 1860, № 13, стр. 144—145, под заглавием «Предостережение (Шутка)», подпись: Пр. Знаменский. В основу стихотворения легли некоторые факты биографии либерального публициста С. С. Громеки.

---

[1] О термине «перепев» см. на стр. XXVIII.

Во второй половине 50-х годов он напечатал несколько наделавших шуму разоблачительных статей о полиции и высказывался за подлинную, ничем не ограниченную гласность. В 1859—1860 гг. Громека принимал участие в делах Русского общества пароходства и торговли и редактировал издававшийся им «Листок». Слова о «здоровой» (т. е. умеренной, не выходящей из границ) гласности и о человеке, «болеющем гласностью», взяты Курочкиным из «Листка Русского общества пароходства и торговли» (1860, № 11, стр. 58; № 12, стр. 60). *Но формулы, как в алгебре, встречаю.* Имеются в виду обличительные статьи, в которых по цензурным причинам или из либеральной «осторожности» место действия, имена и пр. заменялись буквами. *Как Истину когда-то Баратынский.* «Явление гласности» — «перепев» стих. Е. А. Баратынского «Истина». *Мы оба не созрели* — см. примечание к «Турниру в Пассаже», стр. 622.

Человек с душой (стр. 55). Впервые — в «Искре», 1860, № 16, стр. 173, подпись: Пр. Знаменский.

Идеальная ревизия (стр. 57). Впервые — в «Искре», 1860, № 18, стр. 189, подпись: Пр. Знаменский. *Адмиральский час* — шутливое выражение, обозначающее время предобеденной выпивки и закуски.

Весенняя сказка (стр. 59). Впервые — в «Искре», 1860, № 18, стр. 189, подпись: Пр. Знаменский.

Дилетантизм в благотворительности (стр. 61). Впервые — в «Искре», 1860, № 22, стр. 234—235, в фельетоне «Дилетантизм во всех его проявлениях», I, подпись: Любитель. В начале 1860 г. писатель И. В. Селиванов, в то время сотрудник «Современника», предложил московскому Обществу любителей российской словесности, в котором руководящую роль играли в эти годы славянофилы и другие консервативные литераторы, устроить чтение для усиления средств незадолго перед тем основанного в Петербурге Литературного фонда. Считая Литературный фонд одним из центров враждебной ему литературы, общество отклонило это предложение. В связи с этим в славянофильском журнале «Русская беседа» (1860, № 1) была помещена «Отметка о современной благотворительности», пародией на которую и является стихотворение Курочкина. «Книга, сериозные стихи, шутливые куплеты, мимика, не совсем нравственная повесть, не совсем приличная пляска... — все это обращается в пользу бедных», — писала «Русская беседа». Этой якобы греховной благотворительности противопоставлялась «издревле завещанная нам... христианская, знакомая

всему нашему народу». Приведя ряд ханжеских отрывков из «Отметки», Курочкин иронически восклицает: «Успокойтесь... эта милостыня «Христа ради» была у нас всегда в полной силе. Бросить грош нищему гораздо удобнее и выгоднее, чем заплатить пять, десять рублей за кресло на какой-нибудь концерт в пользу бедных, да и грошей что-то человечество очень мало бросает». Было бы неверно сделать на основании этих слов вывод, что Курочкин защищал филантропию, видя в ней средство уничтожения нищеты. Критикой славянофильских мнений поэт показывал, что перенесение вопроса в плоскость религии и личной морали не только не способствует устранению нищеты и социального неравенства, но всячески затушевывает и тем самым поддерживает их. Последние две строки — цитата из «Ильи Муромца» Карамзина. После появления «Дилетантизма в благотворительности» в Главном управлении цензуры возникло целое дело (1860, № 284) по поводу недопустимости эпиграфов и цитат из евангелия в юмористических произведениях. [1]

Дилетантизм в литературе (стр. 63). Впервые — в «Искре», 1860, № 24, стр. 257—258, в фельетоне «Дилетантизм во всех его проявлениях», II, подпись: Любитель. При вступлении писателя И. В. Селиванова в Общество любителей российской словесности председатель общества поэт, публицист, один из вождей и теоретиков славянофильства А. С. Хомяков в приветственной речи охарактеризовал обличение как «священный долг для литературы», но тут же заявил, что оно большей частью превращается в клевету и сплетню. В качестве примера он привел напечатанную в «Современнике» повесть В. Н. Елагина «Откупное дело», в которой разоблачались злоупотребления екатеринославских властей и нравы губернской аристократии. Стихотворение является пародией на эту речь Хомякова, напечатанную в «Русской беседе» (1860, № 1); в нем использован ряд выражений Хомякова: «подоплека народная», «словесный меч правды» и др. *Я сам читал — обед публичный в клубе...* О статье «Литературный обед в Екатеринославе» («Моск. ведомости», 1859, № 138).

Дилетантизм в науке (стр. 67). Впервые — в «Искре», 1860, № 24, стр. 258—259, в том же фельетоне. В марте 1860 г. в Петербургском университете состоялся диспут между историками Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным о происхождении русского

---

[1] Все цензурные документы, на которые имеются ссылки в примечаниях, хранятся в Центр. гос. историч. архиве СССР в Ленинграде.

государства: первый защищал литовскую, а второй норманскую теорию. В начале своей речи Погодин, заигрывая с публикой и как бы полемизируя с Е. И. Ламанским (см. примечание к «Турниру в Пассаже», стр. 622), сказал, что широкий интерес к такому специальному вопросу служит доказательством того, что «мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов для нас важных и нужных» («Современник», 1860, № 3, стр. 284). Через некоторое время, когда выяснилось, что победителем в споре считают Костомарова, Погодин заявил, что его письмо к Костомарову с вызовом на «дуэль» было шуткой. Более сдержанно отозвался теперь Погодин и о публике («Рус. беседа», 1860, № 1, стр. 134, 155). *Тени Шлецера и Круга.* Шлецер А.-Л. — немецкий историк; в 60-е годы XVIII в. работал в России в Академии наук. Круг Ф. И. — археолог, академик. Вызывая Костомарова на диспут, Погодин писал ему: «Секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлецера и Круга» («С.-Петерб. ведомости», 1860, № 60). Байер, Шлецер и Круг были сторонниками норманской теории. *Любитель* — с одной стороны член Общества любителей российской словесности, с другой — дилетант. — Стихотворение является «перепевом» (с ощутительными элементами пародии) песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Н. А. Полевого. Заглавие заимствовано из одноименной работы Герцена. Курочкин хотел сказать им, что Погодин и ему подобные ученые являются лишь «дилетантами в науке», о которых как о чем-то совершенно отжившем еще в 40-е годы писал Герцен.

Ворчун Дорофей (стр. 69). Впервые — в «Искре», 1860, № 33, стр. 346—347, подпись: Пр. Знаменский. Герой этого стихотворения — А. П. Башуцкий, писатель, издатель и журналист 30—40-х годов; в 60-е годы — мракобес, сотрудник «Домашней беседы» Аскоченского, автор ханжеских «душеспасительных» статеек. В конце 40-х годов, будучи правителем дел комитета главного попечительства детских приютов, присвоил деньги и бриллианты, пожертвованные с благотворительной целью.

Друзьям Мартынова (стр. 72). Впервые — в «Искре», 1860, № 34, стр. 357, под заглавием «Друзьям покойного Александра Евстафьевича Мартынова». Стихотворение на смерть замечательного драматического артиста А. Е. Мартынова.

Возрожденный Панглосс (стр. 74). Впервые — в «Искре», 1860, № 45, стр. 495, подпись: Пр. Зн. В 1860 г. вышли отдельным изданием «Очерки из петербургской жизни» Нового поэта (И. И. Панаева), печатавшиеся в течение ряда лет в «Современнике». Либеральные журналы в своих отзывах о книге не ограничи-

лись выпадами против Панаева, но решили воспользоваться случаем для нанесения удара сатире демократического лагеря в целом. Рецензент «Библиотеки для чтения» (1860, № 11) утверждал, что Новый поэт — родоначальник и глава сатириков «Искры» и «Свистка» (сатирического приложения к «Современнику»), обвинял их в пустоте, бесталанности и вместе с тем взял под защиту К. К. Случевского и других представителей «чистой поэзии». «Возрожденный Панглосс» и является ответом на эту рецензию. Заглавие его следующего происхождения. В очерке «Русский джентльмен-оптимист» Панаев высмеял некоего литератора, которому дал имя Панглосса (героя романа Вольтера «Кандид»). Рецензент «Библиотеки для чтения» взял под защиту осмеянного Панаевым героя. Это и натолкнуло Курочкина на мысль отождествить с Панглоссом самого рецензента. «Отечественные записки» откликнулись на книгу Панаева статьей «Литература скандалов» (1860, № 10), которую сопроводили весьма резким по отношению к демократической сатире послесловием. На выпады «Отечественных записок» Курочкин ответил стихотворением «Скандал». Эпиграф к «Возрожденному Панглоссу» — из стих. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу».

«Мы всё смешное косим, косим...» (стр. 75). Впервые — в «Искре» 1860, № 47, стр. 527, в статье «Опыт об „Иллюстрации"», без подписи. Авторство Курочкина устанавливается на основании одного из примечаний к статье: «Лично об нас г-н Зотов может писать, что ему угодно... Г-н Зотов может, как Загорецкий, сказать, что В. Курочкин

Пьет бочками сороковыми!!!» и т. д.

Стихотворение обращено к редактору «Иллюстрации» В. Р. Зотову в связи с антисемитскими выпадами журнала и его высказываниями об эмансипации женщины. В своем стихотворении Курочкин пародийно использовал стих. П. А. Вяземского «Старое поколение».

Дружеский совет (стр. 77). Впервые — в «Искре», 1860, № 48, стр. 551, подпись: Пр. Зн. Обращено к критику газеты «С.-Петербургские ведомости», который, нападая на стих. Курочкина «Возрожденный Панглосс» (см. стр. 74 и 626—627) и упрекая «Искру» в невежестве, сам спутал Рабле с Вольтером («С.-Петерб. ведомости», 1860, № 263, «Лит. летопись»).

1861 год (стр. 78). Впервые — в «Искре», 1861, № 1, стр. 11, без подписи. *Лишась ребра.* По библейской легенде, первая

женщина — Ева была сотворена из ребра Адама. *За тот же чечевичный суп...* В библии рассказывается о том, как Исав, старший сын патриарха Исаака, продал своему брату Иакову за чечевичную похлебку право своего первородства. Слова «чечевичная похлебка» употребляются для обозначения чего-нибудь ничтожного, мелкого, за что отдано что-нибудь ценное и значительное. *Крестьянам грамотность — вредна...* Еще в 1856—1857 гг. В. И. Даль заявил в печати, что грамотность, если ей не сопутствует религиозно-нравственное просвещение, нередко приносит народу только вред. В 1860 г. с таким же утверждением выступил священник И. С. Беллюстин («Журнал Министерства нар. просвещения», 1860, № 10). *Бить или нет?* В годы, предшествовавшие реформе 1861 г., во многих статьях обсуждался вопрос об отмене телесных наказаний крестьян; в некоторых настойчиво высказывалось мнение, что они еще не могут быть полностью отменены.

Морозные стихотворения (стр. 80). Впервые — в «Искре», 1861, № 3, стр. 39, подпись: Пр. Знаменский. Пародия на стих. Я. П. Полонского «Зимний путь». *Сорокин* — см. стр. 623. *Эльдорадо* — счастливая страна сказочных богатств, куда стремятся мечтою. *Ицка* — откупщик И. О. Утин.

Скандал (стр. 82). Впервые — в «Искре», 1861, № 4, стр. 45—46, под заглавием «Литературный скандал (Стансы)», подпись: Пр. Знаменский. О фактах, которыми вызвано стихотворение, см. в примечании к «Возрожденному Панглоссу», стр. 626—627. *«На что, скажите, нет стихов?»* Автором стих. «Солома», которое начинается этой строкой, является не А. Ф. Мерзляков, а П. А. Межаков. *Когда уже австрийский лагерь...* От имени вымышленного австрийского поэта Якова Хама Добролюбов напечатал в сатирическом приложении к «Современнику» — «Свистке» ряд стихотворений, якобы переведенных другим вымышленным поэтом Конрадом Лилиеншвагером. Стихотворения Якова Хама об итальянской национально-освободительной войне 1859 г., воспевающие австрийское владычество в Италии, являются сатирой на шовинистическую, монархическую поэзию. *У нас жуки сшибались лбами... С березой нежничает дуб.* Намек на стих. К. К. Случевского «На кладбище». Однако в этом стихотворении — клен и сосна, а береза и дуб появились в пародии на него Н. Л. Ломана, напечатанной в «Искре» за год до этого (1860, № 8); оттуда они и перешли к Курочкину. *Перейра был воспет стихами.* Перейра И. — французский банкир. Имеется в виду сатира на Краевского (см. о нем на стр. 639) «Чувства русского журналиста с капиталом при взгляде на банкира

Исаака Перейру в собрании Общества железных дорог», напечатанная в «Искре» (1860, № 22). *Розенгейм М. П.* — поэт и журналист, представитель либерального обличительства 50—60-х годов. *Попался, как ворона в суп* — строка из басни Крылова «Ворона и курица». *Как много лиц отозвалось...* У Пушкина: «Москва... как много в этом звуке... Как много в нем отозвалось!» *Хвала, хвала тебе, Скандал!* — «перепев» строки «Итак — хвала тебе, чума!» из «Пира во время чумы» Пушкина. *Аскоченский* — см. стр. 621.

Г-н Аскоченский и г-н Леотар (стр. 85). Впервые — в «Искре», 1861, № 9, стр. 133, подпись: Пр. Знаменский. Об Аскоченском см. на стр. 621. Леотар — эквилибрист и гимнаст. Высмеянный Курочкиным рассказик «За чаем» («Домашняя беседа», 1861, № 8) написан от лица человека, воплощающего собою «нравственное» начало. «Как в танцах, так и в спектаклях и маскарадах, — говорит этот ханжа, — принимают горячее участие только дети и юноши в смысле духовном или вечные недоросли». *Ментор* — герой «Одиссеи» Гомера, воспитатель сына Одиссея Телемака. Имя Ментора часто употреблялось как нарицательное в смысле: наставник, руководитель юношества. *«Иноязычный словарь»* и *«Блестки и изгарь»* — отделы «Домашней беседы». *Она беснуется в Медее... А Майерони-Олоферн.* О двух пьесах — «Медея» Э. Легуве и «Юдифь» П. Джакометти, которые шли во время гастролей итальянской трагической артистки А. Ристори в Петербурге в 1860—1861 гг. Майерони А. — итальянский драматический артист, гастролировавший в Петербурге вместе с Ристори. *Васильев П. В., Щепкин М. С., Садовский П. М.* — знаменитые драматические артисты. *Тамберлик Э.* — итальянский певец. *Розати К.* — итальянская балерина; танцевала в Петербурге в 1860 г. *Кошева А. Д.* — балерина. *Вельо* (Вейо) *Л.-Ф.* — французский клерикальный журналист.

Стансы на будущий юбилей Бавия (стр. 88). Впервые — в «Искре», 1861, № 10, стр. 144—145, под заглавием «Стансы на будущий юбилей пятидесятилетней русско-французской и фельетонной деятельности Тараха Толерансова», подпись: Тарах Толерансов. Стихотворение является откликом на празднование 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского в марте 1861 г. В прошлом прогрессивный поэт и критик, друг Пушкина, он к 40-м годам резко поправел и стал непримиримым врагом демократического литературно-общественного движения. В связи с неумеренными восторгами некоторых его почитателей и их выпадами против передовой литературы юбилей вызвал резкую полемику. «Стансы» направлены как против самого Вяземского, так и против

его апологета писателя В. А. Соллогуба; они пародируют куплеты Соллогуба, спетые на чествовании Вяземского в Академии наук («Сев. пчела», 1861, № 55). *Феб* — Аполлон, бог света, солнца, поэзии, искусств (греч. миф.). *Бавий М.* — древнеримский поэт; имя его стало символом бездарного поэта, исполненного всяческих претензий.

«Розги — ветви с древа знания!..» (стр. 90). Впервые — в «Искре», 1861, № 21, стр. 309, в статье «Хроника прогресса», без подписи. На авторство Курочкина указал И. Ф. Масанов («Русские сатиро-юмористические журналы», вып. 1, Владимир, 1911, стр. 24—25). Написано по поводу нравов, царивших в нижегородской семинарии. «Перепев» «Песни Еремушке» Некрасова.

«Видеть, как зло торжествует державно...» (стр. 92). Впервые — в «Иллюстрации», 1861, № 185, стр. 154, подпись: Илья Дубровин.

Годовщина общего собрания акционеров Главного общества российских железных дорог (стр. 94). Впервые — в «Искре», 1861, № 34, стр. 477—478, подпись: Пр. Знаменский. Главное общество российских железных дорог было основано в 1857 г. при ближайшем участии иностранных банкиров. Ему была предоставлена концессия на постройку четырех железнодорожных линий, но работа по их сооружению шла очень медленно. Все высшие должности занимали французские инженеры и техники, они получали большое жалованье и жили в роскоши. С 1859 г. группа акционеров начала активную борьбу с советом общества. Участниками этой борьбы были владелец пивоваренного завода А. И. Крон, либеральный публицист Н. Н. Воскобойников и директор акционерного общества «Кавказ и Меркурий» А. В. Стасов. Последние два напечатали ряд статей, в которых отмечали многочисленные непорядки и злоупотребления. Но совет продолжал игнорировать законные требования акционеров. Общее собрание акционеров, происходившее 2 июня 1861 г., было довольно бурным, но, как и за год до этого, окончилось победой совета. Денежные счета за 1859 г., отвергнутые все до одного ревизионной комиссией, были утверждены большинством голосов. Скоро после этого общество было, однако, реорганизовано. *«Question d'argent»* — комедия А. Дюма-сына. *Уже Перозио вступил...* Н. П. Перозио сначала примыкал к группе акционеров, боровшихся с советом, а в 1861 г. в ряде статей пытался опорочить работу ревизионной комиссии. *Поморные лиры* — см. стр. 637. *Колиньон Ш.-Э.* — французский инженер; в конце 50-х — начале 60-х годов директор Глав-

ного общества российских железных дорог. — «Годовщина...» — «перепев» «Бородинской годовщины» Пушкина.

Эпитафия Бавию (стр. 98). Впервые — в «Искре», 1861, № 40, стр. 579, с подзаголовком «Из Anthologie drôlatique», подпись: Пр. Зн. Эпиграмма на П. А. Вяземского; «перепев» четверостишия Пушкина «К портрету Вяземского». См. также примечание к «Стансам...», стр. 629. *Спесь боярскую с холопскими стихами.* Эти слова близки к характеристике Вяземского в письме Белинского к Гоголю: «князь в аристократии и холоп в литературе».

Слово примирения (стр. 99). Впервые — в «Искре», 1861, № 42, стр. 607—608, подпись: Пр. Знаменский. Две части стихотворения — своего рода «чем ты был и чем стал» «Русского вестника»; первая говорит о конце 50-х годов, когда журнал Каткова был органом умеренного либерализма, вторая — об его переходе на откровенно реакционные позиции; при этом оба периода высмеяны в равной степени. «Слово примирения» — заглавие стихотворения Вяземского, иронически переосмысленное Курочкиным. *«День»* — славянофильская газета. *В те дни, когда Старчевский стал...* О журнале «Сын отечества», выходившем с 1856 г. под редакцией А. В. Старчевского и пользовавшемся успехом в обывательской среде. *Сенковский О. И.* — журналист, критик, беллетрист, востоковед, с 1834 г. редактор журнала «Библиотека для чтения»; образованный и умный, но совершенно беспринципный человек, боровшийся с передовыми течениями русской литературы; в последние годы своей жизни Сенковский печатал в «Сыне отечества» фельетоны под заглавием «Листок барона Брамбеуса». *Упал «Чиновник» и «Тамарин».* «Чиновник» — комедия В. А. Соллогуба; см. о ней на стр. 672. «Тамарин» — роман М. В. Авдеева. Курочкин имеет в виду едкую статью Н. Ф. Павлова о «Чиновнике» («Рус. вестник», 1856, июнь, кн., 1, июль, кн. 1) и уничтожающую рецензию Чернышевского на книгу Авдеева «Роман и повести» («Современник», 1854, № 2). *Булгарин Ф. В.* — реакционный продажный журналист и беллетрист, агент III Отделения, редактор газеты «Северная пчела». Карлово — имение Булгарина. *И как Москва в свои концы...* Пародия на первые строки стих. Ф. Н. Глинки «Москва». *Павлов, «Наше время»* — см. стр. 642—643. *Павлова К. К.* — поэтесса и переводчица. *Журналистики Юпитер* — Катков. *Медуза* (греч. миф.) — чудовище, превращавшее одним своим видом всякое живое существо в камень. *Противу Зотова протест...* О протесте против антисемитских статей журнала «Иллюстрация», выходившего под редакцией В. Р. Зотова. Протест, подписанный писателями, литераторами

и учеными различных направлений, в том числе Чернышевским, Тургеневым, Шевченко, был напечатан в двух номерах «Русского вестника» (1858, ноябрь, кн. 1 и 2). Один Добролюбов скептически отнесся к протесту. Он писал в «Свистке» от имени провинциала Свиристелева: «Зачем это, думал я, русские ученые и литераторы ополчились в крестовый поход для доказательства того, что клевета гнусна?.. Неужели они полагают, что это все еще предмет неизвестный или спорный для русского общества?» («Современник», 1859, № 2, «Свисток», стр. 201 и 210). *«Журнал для девиц»* — «Лучи. Журнал для девиц, издаваемый Александрой Ишимовой». Подписей Ишимовой и Г. К. Блока, будущего редактора юмористического журнала «Гудок», который начал выходить в 1859 г., под протестом нет. *Краевский* — см. стр. 639. *Какая смесь одежд и лиц!* — строка из «Братьев-разбойников» Пушкина. — «Элегия» является разоблачением нового политического курса «Русского вестника», в частности — «Элегической заметки», направленной против передовой журналистики и революционной мысли 60-х годов, и стих. П. А. Вяземского «Заметка», полного классовой ненависти к тем общественным силам, которые неизбежно должны были свергнуть власть дворянской аристократии («Рус. вестник», 1861, № 8). К ним восходит целый ряд выражений «Элегии» («бессовестное слово», «гниль и фальшь кружков», «прогрессисты без голов», «вражда того, кто без дохода» и пр.). Первые пять строк «Элегии» взяты из стих. Вяземского «Старое поколение», но расположены в ином порядке. *Хотя б пожар случился в доме...* Здесь высмеиваются те места «Элегической заметки», где ее автор ополчается против утилитаризма в науке, видя главный смысл научной деятельности в совершенствовании сознания и придавая улучшению условий жизни второстепенное значение. *Плясать пустился трепака.* Курочкин применил к самому «Русскому вестнику» слова «Элегической заметки»: «Нет у нас таких совестливых людей, за которых можно было бы поручиться, что они вдруг, к изумлению окружающих, не пустятся в трепака».

Старичок в отставке (стр. 103). Впервые — в «Искре», 1861, № 44, стр. 643, с подзаголовком «Элегия». *Что «благо всякое даяние».* Здесь иронически использованы слова из послания апостола Иакова о том, что «всякое даяние благо, всяк дар совершен» нисходят свыше, от бога.

«Долго нас помещики душили...» (стр. 105). Впервые — в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», ч. 1, Лондон, 1861, стр. 426—427, под заглавием «Современное стихотворение», без подписи. Печ. по «Колоколу» Герцена, 1866, л. 212,

стр. 1739, в статье «Дело И. Андрущенко». Стихотворение стало революционной песней и было очень популярно в 60-е годы, хотя печаталось лишь в нелегальных и заграничных революционных изданиях. Оно приписывалось Курочкину; см. биографию М. П. Розенгейма — «Рус. старина», 1887, № 9, стр. 631. Однако бесспорных данных, подтверждающих авторство Курочкина, у нас нет. *Шемякин суд* — то есть несправедливый суд (от заглавия старинной русской повести о судье Шемяке). *Бутарь* — будочник, постовой полицейский.

«Над цензурою, друзья...» (стр. 107). Впервые — в «Каторге и ссылке», 1927, № 5, стр. 32. Рефрен стихотворения является переводом рефрена песни Беранже «La censure». *Не пропустит Головнин...* В декабре 1861 г. А. В. Головнин сменил Е. В. Путятина на посту министра народного просвещения, которому была подчинена цензура. *Искандер* — псевдоним Герцена.

Семейная встреча 1862 года (стр. 109). Впервые — в «Искре», 1862, № 1, стр. 13, под заглавием «Семейная встреча 1862 года в области литературного вымысла», подпись: Пр. Знаменский. *Российского весь блеск тысячелетья.* Празднование тысячелетия России в 1862 г. превратилось в официальное торжество, к которому демократические круги русского общества отнеслись весьма насмешливо. *Их никаким составом химик Жданов...* Речь идет о так называемой «ждановской жидкости» (средство от зловония). *И, наконец, — детей в воскресных школах...* Воскресные школы начали возникать в столицах и провинциальных городах в 1859 г. В них принимали близкое участие представители радикальной интеллигенции, особенно передовая молодежь. Вскоре за воскресными школами был установлен строгий надзор, а летом 1862 г. они были закрыты правительством. Разумеется, Чичиковы 60-х годов принимали в них участие лишь на словах. *И Фамусов, как прежде, все подпишет...* Здесь использована строка из «Горя от ума»: «Подписано, так с плеч долой!»

Легенды о кукельване (стр. 112). Впервые — в «Искре», 1862, № 1, стр. 15—16, под заглавием «Мистерия о пиве и рыболовной ягоде», без подписи; первое стихотворение озаглавлено «Легенда о кукельване». В 1861 г. А. И. Крон и другие петербургские пивовары были изобличены в том, что подмешивали в пиво кукельван. *Аллах ли там среди пустыни* — начало стих. Лермонтова «Вид гор из степей Козлова» (вольный перевод одноименного сонета А. Мицкевича); в следующих строках также есть заимствования из этого стихотворения. *Камбек* — см. стр. 635. *Своей Лурлеи*

меж скалами — см. стр. 677. *Одни жуки сшибались лбами*... Насмешка над стих. К. К. Случевского «На кладбище» и «Ходит ветер избочась...» *То говорит, что будто едет...* — намек на стих. Я. П. Полонского «Зимний путь». *Певец любви, певец богов...* — две строки из «Цыган» Пушкина. *Прочь буйна чернь, непросвещенна* — начало стих. Державина «Об удовольствии» (вольный перевод оды Горация). *Га!* Восклицание падающей в обморок жены больного — насмешка над драматургом Н. В. Кукольником, представителем реакционного романтизма 30—40-х годов; героиня его пьесы «Торквато Тассо» Лукреция умирает со словами: «Ах! сердце, сердце... Га! разорвалось!» — Первая «легенда» является «перепевом» «Анчара» Пушкина, третья — «Ветки Палестины» Лермонтова.

Казацкие стихотворения (стр. 116). Впервые — в «Искре», 1862, № 3, стр. 42, подпись: Тарах Толерансов. *Чичерин Б. Н.* — юрист, историк и публицист умеренно-либерального направления, профессор Московского университета. Цикл «Казацких стихотворений» вызван рядом выступлений Чичерина в периодической печати в конце 1861 и начале 1862 г. Первым из них была вступительная лекция по государственному праву, появившаяся в «Московских ведомостях» (1861, № 238). В начале 1862 г. он поместил несколько статей о современном положении России и о русском дворянстве в газете «Наше время». Все они проникнуты охранительными тенденциями, ненавистью к революционному движению и революционной мысли (которую Чичерин назвал «умственным и литературным казачеством»), стремлением доказать необходимость сохранения сословных привилегий русского дворянства. В своих статьях Чичерин полемизировал с «Русским вестником» и «Днем». Курочкин принял кличку казака — сторонника казацкой вольницы, но сразу же переосмыслил ее и вернул Чичерину с отличительным признаком казака — усмирителя нагайкой (см. следующее стихотворение). *Отуманилась «Основа»*... О полемике между журналами «Сион» и «Основа» по поводу антисемитских высказываний последней. В этой полемике приняли участие и другие газеты и журналы. *Пустоголовые фаланги пустоцветов... Всеобщей формулой.* Здесь имеется в виду полемическая статья «Русского вестника» — «Элегическая заметка»; см. о ней на стр. 632. *Юбилеями не взысканных поэтов.* Намек на юбилей Вяземского; см. о нем на стр. 629—630. *Булгарин* — см. стр. 631. — «Казацкие стихотворения» — «перепевы» баллады Жуковского

«Ахилл» и стих. Пушкина «В крови горит огонь желанья...», «Если жизнь тебя обманет...», «Молитва» и «На перевод Илиады».

«Юмористическим чутьем...» (стр. 118). Впервые — в «Искре», 1862, № 4, стр. 63, в фельетоне «Казаки в Москве!!!», подпись: Тр. Тл. Эпиграмма на Чичерина — см. предыдущее примечание. *Хоть видим в выпушках, петличках*. Ср. «Горе от ума», слова Скалозуба: «А форменные есть отлички: В мундирах выпушки, погончики, петлички».

«Кто больше всех благонамерен?..» (стр. 119). Впервые — в «Искре», 1862, № 4, стр. 64, в том же фельетоне. См. выше примечание к «Казацким стихотворениям». *Аскоченский, Павлов* — см. стр. 621 и 642—643.

Благоразумная точка зрения (стр. 120). Впервые — в «Искре», 1862, № 6, стр. 77—78, подпись: Пр. Знаменский. *«Наше время», Павлов* — см. стр. 642—643. *Погодин М. П.* — реакционный историк и публицист; в 1841—1856 гг. редактор-издатель журнала «Москвитянин»; академик. *Чичерин* — см. стр. 634. *И Ципринусов, пишущих в нем*. О статье цензора О. А. Пржецлавского «Студии о гласности», напечатанной в «Сыне отечества» (1861, № 50) под псевдонимом «Ципринус». *Льва Камбека с его ерундой*. Камбек Л. Л. — журналист, редактор-издатель еженедельника «Петербургский вестник» (1861—1862), неустанный обличитель мелких нелепостей общественной жизни. С конца 1861 г. он начал выпускать литературное приложение к «Петербургскому вестнику», в котором обещал печатать за плату все, что ему ни пришлют. Приложение наполнялось бездарными и безграмотными писаниями графоманов. Под ними часто фигурировали подписи: Ерунда, Ерундист и т. п. Это и дало повод прозвать «Ерундою» все приложение. В мае 1862 г. «Петербургский вестник» прекратился. *С точки зренья Никиты Безрылова...* В декабре 1861 г. в «Библиотеке для чтения» был помещен под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов» фельетон А. Ф. Писемского, в котором он в издевательском тоне писал о воскресных школах, женской эмансипации и т. п. Фельетон вызвал негодование «Искры», которая сравнила Писемского с мракобесом Аскоченским (1862, № 5, стр. 71). Редакция «Современника» заявила о своей солидарности с ней в оценке фельетона Писемского («Искра», 1862, № 7, стр. 104). *С точки зрения Бланка, Самарина...* Здесь имеются в виду напечатанные в конце 1861 г. в славянофильском «Дне» статьи крепостника П. Б. Бланка «Крестьянские выборы» (1861, № 4) и консервативного публициста Д. Ф. Самарина «Уставная грамота»

(1861, № 7). Бланк заявил в своей статье, что крестьяне нередко поступают как стадо, но их, мол, нельзя в этом обвинять, потому что «чем менее толпа людей просвещена, тем более подходит она к инстинктивному стремлению животных». О статье Самарина см. статью Чернышевского «Г. магистр Н. де-Безобразов — псевдоним» («Современник», 1862, № 1). Чернышевский высмеял Самарина, показав, что его взгляды по крестьянскому вопросу мало чем отличаются от взглядов публициста крепостнического лагеря Н. А. Безобразова, автора ряда брошюр, в которых он критиковал правительство справа. *На сиамцев взглянув в «Иллюстрации».* О ряде рисунков и заметок в № 181 и 182 журнала «Иллюстрация» за 1861 г., выходившего под редакцией В. Р. Зотова. *«Основа»* — «южно-русский литературно-ученый вестник»; издавался в Петербурге в 1861—1862 гг.; см. также стр. 634. *С точки зрения Зотова младшего...* — см. стр. 631—632 и 627. *С точки зренья ученых врачей.* В начале 60-х годов усиленно обсуждался вопрос о предоставлении женщинам возможности получить высшее образование и связанные с ним права и преимущества. Неоднократно писали, в частности, о высшем медицинском образовании женщин; при этом многие представители медицинского мира резко высказывались против женщин-врачей, видя в них своих конкурентов. *И с Юркевичем в розге внушительный...* Юркевич П. Д. — философ-идеалист, профессор Киевской духовной академии, а затем Московского университета; неоднократно выступал со статьями и лекциями против материализма. Речь идет о «Заметке» Юркевича, вышедшей в Киеве отдельной брошюрой, а затем перепечатанной в «Домашней беседе» Аскоченского. Юркевич утверждал, что розги пока еще являются «неизбежным злом», что жизнь «нуждается в основах и мотивах более энергических, нежели отвлеченные понятия науки» и только «страх божий» может избавить детей от необходимости применять к ним телесные наказания. *С точки зрения Миллер-Красовского...* — см. стр. 670—671. *С соблюдением мер и границ...* «Мера и границы» — заглавие статьи Чичерина. Против нее и ряда других статей направлены «Казацкие стихотворения» Курочкина; см. примечания к ним на стр. 634.

Юмористам «Отечественных записок» (стр. 123). Впервые — в «Искре», 1862, № 10, стр. 139, в фельетоне «Юмористические опыты А. А. Краевского», без заглавия и без подписи. В начале 1862 г. в либеральном журнале «Отечественные записки» появился юмористический отдел. Стихи и фельетоны этого отдела, беззубые и беспомощные в художественном отношении, были на-

правлены преимущественно против революционной демократии. *Поморными* (от слова «помора» — умора, смех до упаду, а также повальная болезнь, эпидемия) прозвали искровцев их враги. Они же пренебрежительно окрестили всю демократическую журналистику *свистунами* (от заглавия сатирического приложения к «Современнику» — «Свисток»). «Современник», «Искра» и «Русское слово» подхватили эти клички и нередко демонстративно пользовались ими в борьбе со своими противниками.

Цепочка и грязная шея (стр. 124). Впервые — в «Искре», 1862, № 11, стр. 149—154, подпись: Пр. Знаменский; с рядом исправлений напечатано в изд. 1869 г., т. 1, стр. 393—408; здесь сцены озаглавлены: «Два скандала (Сцена из комедии «Горе от ума», разыгранная в 1862 г.)», сняты примечания, и имя Чернышевского — разумеется, по цензурным причинам — ни разу не упомянуто. Печ. по «Искре». Выступление Чернышевского с воспоминаниями о незадолго до этого умершем Добролюбове послужило поводом для возобновления его травли реакционной и либеральной печатью. Кроме Чернышевского, в вечере принимали участие В. Курочкин, Некрасов, Достоевский, А. Г. Рубинштейн, историк П. В. Павлов и др. Павлов за свою речь о тысячелетии России, в которой подчеркивал пагубность крепостного права и необходимость сближения «образованных достаточных классов» с «низшими разрядами общества», был арестован и выслан в Ветлугу. *Один кричал: безумцы!* Курочкин имел в виду самого себя, свое стихотворение (перевод из Беранже) «Безумцы», которое он читал на вечере. *Другой расписывал какой-то мертвый дом.* О Достоевском, читавшем отрывки из «Записок из мертвого дома». *Гиероглифическая газетка* — «Русский мир», выходивший под редакцией А. С. Гиероглифова. *Сквозь горнило вдохновения* и т. д. — из объявления об издании «Северной пчелы» в 1860 г. В конце 1859 г. газета перешла от Н. И. Греча к П. С. Усову. В объявлении Усов заявил о новом направлении газеты. Она действительно стала несколько приличней по тону, подчас заигрывала с либералами, но скоро вернулась на путь воинствующей реакции. *Петр Нескажусь* — псевдоним писателя и журналиста буржуазно-либерального лагеря П. Д. Боборыкина. *Милонов М. В.* — поэт начала XIX в. *Моветон* (франц. mauvais ton) — здесь невоспитанные люди с плохими (с точки зрения аристократического общества) манерами. *Тесак ему и ранец!* — то есть разжаловать в солдаты. *Краевский* — см. стр. 639. *«Московский зритель»* — журнал, выходивший в 1806 г. под редакцией эпигона Карамзина П. И. Шаликова. —

Публичные лекции в здании Городской думы, о которых идет речь во второй сцене, возникли в начале 1862 г., когда Петербургский университет в связи с студенческими волнениями был закрыт. Вслед за высылкой Павлова лекции были демонстративно прекращены. См. также вступ. статью, стр. XXV.

Конский дифирамб (стр. 134). Впервые — в «Искре», 1862, № 17, стр. 245—246, без заглавия, в фельетоне «Табунное ржание (Изъявление лошадиной признательности г-ну Скарятину)», подпись: Тарах Толерансов. В. Д. Скарятин — реакционный публицист 60-х годов, редактор газеты «Весть»; до 1863 г., в пору своего относительного либерализма, сотрудничал в «Отечественных записках», «С.-Петербургских ведомостях» и «Современной летописи» (приложение к «Русскому вестнику»). Стихотворение вызвано статьей Скарятина «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» («Современная летопись», 1862, № 17). «Является какой-нибудь Базаров и проповедует, что источники всех добродетелей обретаются в желудке, — заявлял он, — и все мы ошеломлены, слушаем разиня рот и удивляемся глубине и новости мысли. Наконец огорашивают Базарова, и что же?.. Два месяца тому назад базаровские фразы слышались везде и произносились с апломбом; теперь их не слышим... Почему крестьянин не подписывает уставную грамоту и не идет на оброк? Почему он верит прохожему богомольцу, который уверяет, что у помещиков землю возьмут даром? Почему, наконец, когда пройдет срок полюбовной сделки, придут чиновники, напишут грамоты, введут их, и тот же крестьянин подчинится тому, чего прежде сам не захотел устроить? Не печально ли это?» Иначе говоря, почему крестьяне добровольно не санкционируют своего ограбления, если их все равно заставят это сделать? Первые два стиха — пародийное использование религиозного гимна «Коль славен наш господь в Сионе...» (слова Хераскова). *Подобно господину Бланку...* — см. стр. 635—636. *Разоблачил Ледрю-Роллена.* Ледрю-Роллен А.-О. — французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ; в 1849 году бежал в Англию и оставался в эмиграции до низложения Наполеона III. Речь идет о статье Скарятина «Несколько слов о современном положении Франции» («С.-Петерб. ведомости», 1862, № 81); см. также следующее примечание. *И Чернышевского убил.* О злобном фельетоне Скарятина «Образцы самоновейшего красноречия» («С.-Петерб. ведомости», 1862, № 58) — по поводу выступления Чернышевского с воспоминаниями о Добролюбове 2 марта 1862 г.

Молитвой нашей бог смягчился (стр. 136). Впервые — в «Искре», 1862, № 20, стр. 289, в цикле «Галерея отцов и детей», подпись: Пр. Знаменский; в изд. 1869 г. (т. 2, стр. 184—186) напечатано без упоминания имени Чернышевского. Печ. по «Искре». Все писавшие об «Отцах и детях» в «Отечественных записках» Краевского видели большую заслугу Тургенева в развенчании нигилизма. Правительство, заявлял автор одной из статей, гораздо лучше нигилистов понимает стоящие перед страной задачи: борясь с прежним «экономическим и гражданским устройством», оно, в отличие от нигилистов, не ограничивается одной разрушительной работой («Современная хроника России» — 1862, № 4, стр. 49—50). В обстановке ограбления крестьянства, узаконенного актом 19 февраля 1861 г., подобные заявления обозначали неприкрытый переход и без того весьма умеренных либералов в число верных слуг самодержавия. *Громека С. С.* — либеральный публицист конца 50-х — начала 60-х годов; сначала печатался в «Русском вестнике», «С.-Петербургских ведомостях», затем один из ближайших сотрудников «Отечественных записок» Краевского, где вел внутреннее обозрение — «Современная хроника России»; до своей публицистической деятельности — жандармский офицер, с середины 60-х годов — седлецкий губернатор. *Краевский А. А.* — журналист-предприниматель капиталистического типа, умеренный либерал, редактор-издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1867) и газеты «Голос» (1863—1884). *Кречинский* — герой пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». *«Время»* — журнал, издававшийся в 1861—1863 гг. под редакцией Ф. М. и М. М. Достоевских, орган так называемого почвенничества (вариант славянофильства). *«Жители планет»* — статья Н. Н. Страхова («Время», 1861, № 1). *Ериком*, то есть «ь», была подписана статья либерального журналиста А. В. Эвальда «Учиться или не учиться?» («С.-Петерб. ведомости», 1862, № 92), направленная против студенческого движения. *Вы, Синеус и Прогрессистов...* Под этими псевдонимами (второй бесспорно, а первый тоже, повидимому, принадлежит А. В. Эвальду) напечатано несколько фельетонов в «Отечественных записках» в начале 1862 г.; см. также примечание к «Юмористам „Отечественных записок“», стр. 636. *Заочный* — псевдоним реакционного публициста, члена Совета министра внутренних дел В. К. Ржевского. *Чичерин* — см. стр. 634. *Которым сокрушил Скарятин.* О Скарятине см. на стр. 638. В своих корреспонденциях из Парижа и в других статьях, главным образом в статье «Несколько слов о современном положении Франции»

(«С.-Петерб. ведомости», 1862, № 81), Скарятин резко отзывался как о революционном прошлом Франции, так и о революционных силах тех лет. Всю вину за социальные противоречия и произвол, царивший во Франции при Наполеоне III, Скарятин возлагал не на истинных виновников, а на «беспрерывные революции». *В стихах Воейкова для вас.* О «Доме сумасшедших». — Заглавие заимствовано из одноименного стихотворения Жуковского.

Нигилист-старичок (стр. 140). Впервые — в «Искре», 1862, № 20, стр. 289, в том же цикле. Эпиграф — из передовой статьи Н. Ф. Павлова («Наше время», 1862, № 107) о студенческом движении и статье Чернышевского «Научились ли?» Статья Павлова (см. о нем на стр. 642—643) была написана по предложению министра внутренних дел П. А. Валуева (А. И. Герцен, Полное собр. соч., т. 15, Пб., 1920, стр. 60). Это — почти неприкрытый донос. Павлов говорит, что «подземная работа» не перестает волновать студенчество; Чернышевского он называет «камергером при дворе молодого поколения» и недвусмысленно намекает на его связь со студенческим движением. Ответом на эту статью и является «Нигилист-старичок», в котором Курочкин использовал факты биографии Павлова. *Просто — прынцип такой.* В «Отцах и детях» Тургенева Павел Петрович Кирсанов произносит — «принси́п», а Аркадий — «пры́нцип». *Жарче летнего дня* — строка из «Цыган» Пушкина.

Письмо об России Фукидзи Жен-Ицнро... (стр. 142). Впервые — в «Искре», 1862, № 31, стр. 411—412, без подписи. Стихотворение является откликом на пребывание в Петербурге летом 1862 г. японского посольства. *Как сказал в Пассаже баниос Ламанский* — см. примечание к «Турниру в Пассаже», стр. 622. *Арсеньев И. А.* — реакционный публицист, был близок к III Отделению; одно время заведовал иностранным отделом органа министерства внутренних дел — газеты «Северная почта». *Катков* — см. стр. 642. *Дзины* (точнее цзины) — книги конфуцианского канона, проникнувшие из Китая в Японию и получившие там очень широкое распространение. *Сочинение о том же предмете Башуцкого* — «Панорама С.-Петербурга» (1834). *«Домашняя беседа»* — см. стр. 621. *«Ерунда»* — см. стр. 635. *Павлова, Чичерина и др. специалистов.* Имеются в виду статьи о русском дворянстве Чичерина, напечатанные в «Нашем времени» Павлова в начале 1862 г. (см. примечание к «Казацким стихотворениям», стр. 634), а также статьи с претензиями на аристократизм самого Н. Ф. Павлова. *От норманнов или от литвы.* Намек на диспут М. П. Пого-

дина и Н. И. Костомарова в марте 1860 г. о происхождении Руси. *Некоторый ученый Духинский полагает...* Реакционный польский историк и публицист Ф. Духинский развивал нелепую теорию, что русские не являются славянами. *И перед новою столицей...* — неточная цитата из «Медного всадника» Пушкина. *Кушелев-Безбородко* — см. стр. 671. *Излер И. И.* — владелец кафешантана «Минеральные воды» в Петербурге. — «Письмо об России» носит на себе следы несомненного влияния «Дружеской переписки Москвы с Петербургом» Некрасова и Добролюбова, о которой Курочкин упоминает в примечаниях.

Московский фигляр (стр. 148). Впервые — в «Искре», 1862, № 32, стр. 422, подпись: Пр. Знаменский.

Перлы, тщательно выбранные из стихотворного перевода г. Берга... (стр. 151). Впервые — в «Искре», 1862, № 40, стр. 536, без подписи. На авторство Курочкина указал И. Ф. Масанов («Русские сатиро-юмористические журналы», вып. 1, стр. 40).

Гласность 1859 года и гласность 1862 года (стр. 153). Впервые — в «Искре», 1862, № 42, стр. 563, под заглавием «Гласность 1859 года и гласность „С.-Петербургских ведомостей“ 1862 года», без подписи. В 1859 г. писатель П. И. Якушкин, изучавший крестьянский быт и собиравший песни, предания и пр. в Псковской губернии, был три раза подряд арестован как подозрительный субъект. Он рассказал об этом в статье «Проницательность и усердие губернской полиции» («Рус. беседа», 1859, № 5), на которую ответил псковский полицмейстер Гемпель («С.-Петерб. ведомости», 1859, № 259). Вокруг этого дела завязалась оживленная полемика, в которой активное участие принял «Русский вестник» Каткова. Для характеристики положения гласности после крестьянской реформы взята статья Доминика Тарновского, служившего у арендатора домов кн. Вяземского на Сенной площади. Однажды к Тарновскому явился полицмейстер, пожелавший осмотреть дом. «Пришлось осматривать между прочим одно только что открытое, с разрешения начальства, заведение, которое управляющий соседним домом, вследствие своих соображений и по причине неприятного запаха дыма, выходящего из трубы заведения, просил закрыть». Возражая против этого, Тарновский сказал полицмейстеру, что «запах и дым из трубы заведения идет вверх, а не вниз, и что потому и то и другое не может иметь на соседний двор слишком вредного влияния». Доводы Тарновского не подействовали, и он был арестован. В статье не указано, где случился описанный факт

(«В одной из наших столиц...»), а фамилия полицмейстера обозначена буквой N. Статьями Якушкина и Тарновского Курочкин характеризует объективное положение гласности в 1859 и 1862 гг., а эпиграфами — отношение к ней прессы, в частности «Русского вестника». Первый эпиграф не является точной цитатой, но передает основную мысль сопроводительной заметки к перепечатанной из «Русской беседы» статье Якушкина (1859, сент., кн. 1). Второй взят из стих. Вяземского «С тех пор как упраздняют будку...» (сб. «В дороге и дома», СПб., 1862, стр. 330). Курочкин хотел охарактеризовать им взгляды на «обличительную литературу» и гласность умеренно-либеральной в конце 50-х годов журналистики после реформы 1861 г., в частности резкую эволюцию Каткова и «Русского вестника». *Малютка, шлем нося, просил* — первая строка стих. А. Ф. Мерзлякова «Велизарий». Судьба Велизария, который «водил царей земных в цепях», а теперь просит на хлеб, как бы отождествляется с судьбой гласности в России. *Уж перешли в века два «Века»* — то есть журнал «Век», сначала выходивший под редакцией П. И. Вейнберга, а затем издававшийся литературной артелью, в которую входил и Курочкин, под редакцией Г. З. Елисеева; прекратился в апреле 1862 г. *«Светоч»-метеор.* Журнал «Светоч» прекратился в июле 1862 г. *Ерунда Льва Камбека* — см. стр. 635.

Лорд и маркиз, или жертва казенных объявлений (стр. 155). Впервые — в «Искре», 1862, № 44, стр. 590—595, без подписи; в изд. 1869 г. (т. 2, стр. 25—41) указано, что материалом для «трагической сцены» послужила полемика между «Современной летописью» (приложение к «Русскому вестнику») и «Нашим временем», но имена Каткова и Павлова нигде не упомянуты — всюду говорится просто «лорд» и «маркиз». Печ. по «Искре». Катков М. Н. — в молодости член кружка Белинского и сотрудник «Отечественных записок»; с 1856 г. — редактор-издатель журнала «Русский вестник», который в первые годы своего существования был органом умеренно-либерального направления; в начале 60-х годов Катков становится апологетом самодержавия и крупнейшим публицистом дворянской реакции; с этого времени вел ожесточенную борьбу с революционным движением и революционной мыслью; с 1863 г., кроме «Русского вестника», редактировал также газету «Московские ведомости», где преимущественно и сосредоточил свою публицистическую деятельность. Павлов Н. Ф. — беллетрист, поэт, литературный критик и публицист; сначала принадлежал к либеральному лагерю, в 30-х годах прославился несколькими антикре-

постническими повестями, вызвавшими негодование Николая I; в 50-х годах поместил ряд острых статей в тогда еще либеральном «Русском вестнике»; в 1860—1863 гг. — редактор-издатель субсидировавшейся правительством реакционной газеты «Наше время». Клички «лорд» и «маркиз» имеют в виду былое англоманство Каткова и претензии на аристократизм Павлова. До мая 1862 г. печатать частные объявления могли только «С.-Петербургские», «Московские» и «Полицейские ведомости». Катков поднял вопрос о распространении этого права на все периодические издания и добился его. Когда же в конце 1862 г. «Московские ведомости» перешли в его руки, то аналогичного вопроса о казенных объявлениях он уже не возбуждал. Наоборот, в объявлении о подписке на «Московские ведомости» говорилось о «весьма важном преимуществе» газеты, «которое не может быть у нее отнято», то есть об исключительном праве печатать казенные объявления. На этой почве и возникла полемика между Катковым и Павловым. *«Tartuffe»* («Тартюф») — известная комедия Мольера. *«Les effrontés»* («Обнаглевшие») — пьеса французского драматурга Э. Ожье, в которой обличалась продажная пресса. *В статьях, что пишет он и господин Чичерин.* О Чичерине и его статьях 1862 г. см. примечание к «Казацким стихотворениям», стр. 634. *Прудон П.-Ж.* — французский мелкобуржуазный социалист, анархист. *Принадлежит не мне, а университету.* «Московские ведомости» являлись собственностью Московского университета и были сданы Каткову в аренду.

Приглашение к танцам (стр. 168). Впервые — в «Искре», 1862, № 47, стр. 654, подпись: П. З. В начале 60-х годов в Петербурге расплодилось много танцклассов, в которых танцевали преимущественно канкан; танцклассы являлись, кроме того, домами свиданий. *Ефремов* — содержатель одного из танцклассов. *Вы песни пели до сих пор...* В этих строках использована концовка басни Крылова «Стрекоза и муравей». — Заглавие взято из широко известного произведения немецкого композитора К.-М. Вебера «Aufforderung zum Tanz».

«Ты помнишь ли, читатель благосклонный...» (стр. 170). Впервые — в «Искре», 1862, № 50, стр. 698—699, в статье «Литературные размышления в начале второго тысячелетия России», без подписи. В стихотворении высмеян либеральный период журнала Каткова «Русский вестник», скоро круто повернувшего вправо, и вообще либеральные увлечения второй половины 50-х годов. *Зарин Е. Ф.* — критик, публицист и переводчик, сотрудник «Библиотеки для чтения», а затем «Отечественных записок»

Краевского, непримиримый враг революционной мысли и литературы. *Охочекомонный* — псевдоним умеренно-либерального публициста 60-х годов Д. Ф. Щеглова, сотрудника тех же журналов. *Когда тебя не оскорблял Безрылов* — см. стр. 635. *«Парусом», разорванным судьбой.* Славянофильская газета «Парус» (1859), после выхода двух номеров, была запрещена цензурой. *Усвоенное после его смерти М. Н. Катковым.* Московский юродивый И. Я. Корейша, которого посещали и представители высшего света, на вопрос одной дамы, «женится ли такой-то», ответил: «Без працы не бенды кололацы» (И. Прыжов, Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860, стр. 49). Катков не постеснялся использовать это «изречение» в борьбе с «Современником»; см. «Русский вестник», 1861, янв., стр. 893—894. *Поморным сочинителям* — см. стр. 637. *Как он ходил на Зотова войной...* — см. стр. 631—632. *Как им в Москве основан был Нью-Лондон...* Намек на англоманство Каткова в годы его либерализма. *Как он был горд своим Байбородой.* В 1857—1858 гг. в «Русском вестнике» было помещено несколько «Изобличительных писем» Байбороды (под этим псевдонимом писали Катков, П. М. Леонтьев и Ф. М. Дмитриев), направленных против славянофильской «Русской беседы», в частности против ее сотрудника, профессора римского права Н. И. Крылова, который был уличен в ряде ошибок. *Полемикой с Евгениею Тур.* О полемике по поводу статьи Е. Тур «Госпожа Свечина» («Рус. вестник», 1860, апр., кн. 1), после которой она прекратила сотрудничество в «Русском вестнике». *Николай Филиппыч* — Павлов (см. о нем на стр. 642—643). *Соллогуб был жертвой дружбы той.* Имеется в виду резкая статья Павлова о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» («Рус. вестник», 1856, июнь, кн. 1; июль, кн. 1). *Как Дюма был Павловым сконфужен.* О фельетоне Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Рус. вестник», 1858, авг., кн. 2), в котором он писал о бессодержательности произведений Дюма-отца. *Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже* — см. примечания к «Турниру в Пассаже» и «Дилетантизму в науке», стр. 622 и 625—626. *Тогда еще Скарятин не решил...* — см. стр. 638. — Размер стихотворения, строение строфы и первые слова каждой строфы заимствованы из «Рефутации Беранжера» Пушкина, впервые опубликованной за год до этого.

Тик-так! Тик-так! (стр. 172). Впервые — в «Искре», 1863, № 8, стр. 109—110, подпись: Пр. Знаменский. Прочитанное 10 апреля 1863 г. на вечере, организованном Литературным фондом, стихотворение, по свидетельству современника, «возбудило не-

истовые рукоплескания. Курочкина вызывали несколько раз и заставили повторить его» (рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив Лит. фонда, т. 12, л. 194). *Чертог твой вижу изукрашен* — пародийное использование начала так называемого эксапостилария страстной седмицы: «Чертог твой вижду, спасе мой, украшенный» и т. д. *Ланкло Н.* — французская куртизанка XVII в., в салоне которой бывали многие знаменитости ее времени. *«Глагол времен, металла звон»* — первая строка оды Державина на смерть кн. Мещерского.

Рапсодии о нигилизме (стр. 175). Впервые — в «Искре», 1863, № 11, стр. 153—156, без подписи. «Отцы и дети» Тургенева послужили одним из поводов для настоящего крестового похода консервативной и либеральной журналистики против «нигилизма». Отдельных участников борьбы с «нигилизмом» — Каткова (см. стр. 642), Юркевича (см. стр. 636), Лонгинова (см. стр. 682), Краевского (см. стр. 639), Громеку (см. стр. 639) — Курочкин сравнивает с героями первого крестового похода. *Бульон* — один из предводителей первого крестового похода, герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский. Назвав Юркевича «горячим Бульоном», Курочкин использовал ходовой историко-литературный анекдот, согласно которому в переводе «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, сделанном С. Е. Раичем, есть строка: «Вскипел Бульон, потек во храм». В действительности в нем такой строки нет. *Галахов А. Д.* — историк русской литературы, автор учебников и широко известной в свое время хрестоматии. *Фет... взялся за плуг селянина.* В 1860 г. Фет приобрел имение в Орловской губернии и занялся сельским хозяйством. *Толстой принял из рук Клио свиток...* Клио — муза истории. Речь идет о романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» напечатанном в 1862 г. *Страхов... играет, как мячиком, глобусом Урании.* Страхов Н. Н. — философ-идеалист, критик и публицист, враг революционных и материалистических идей 60-х годов. Урания — муза астрономии. Курочкин имеет в виду статью Страхова «Жители планет» («Время», 1861, № 1). *Крестовский шалит со снисходительною Эрато.* Крестовский В. В. — поэт и беллетрист, автор авантюрно-уголовного романа «Петербургские трущобы»; в середине 60-х годов перешел в лагерь реакции. Эрато — муза любовной и эротической поэзии. Повидимому, речь идет о поэме Крестовского «Фрина» («Рус. слово», 1862, № 2). *Щербина вымаливает у Полигимнии...* Щербина Н. Ф. — поэт школы «искусства для искусства». Полигимния — муза гимнов. План «читальника» — хрестоматии для «народного чтения» — был изложен Щер-

биной в статье «Опыт о книге для народа» в 1861 г. («Отеч. записки», 1861, № 2). Вышла эта весьма благонамеренная книга под заглавием «Пчела» лишь в 1865 г. *Каллиопа* — муза эпической поэзии. *Геннади Г. Н.* — библиограф. *Бартенев П. И.* — издатель исторических и литературных памятников, с 1863 г. — редактор-издатель журнала «Русский архив». *«Благонамеренный»* — журнал, издававшийся баснописцем А. Е. Измайловым в 1818—1826 гг. После 1826 г. не выходил. *Араго Ж.* — французский писатель и путешественник. *Куролесов* и *Багровы* — герои произведений С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». *Расплюев* — герой пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». *И Авдеевых твореньями.* Курочкин, повидимому, имеет в виду не только произведения М. В. Авдеева — беллетриста либерального лагеря, пользовавшегося известной популярностью в 50—60-е годы, но и многочисленные книги его матери К. А. Авдеевой по кулинарному искусству и домашнему хозяйству. *Рузанов* — владелец парфюмерного магазина в Петербурге. *Петухам-де унизительно.* Петр Петрович Петух — герой «Мертвых душ» Гоголя. *Так на улице Рогатице.* Имеется в виду былина о Василии Буслаеве.

Платоническое ку-ку-ре-ку (стр. 180). Впервые — в «Искре», 1863, № 14, стр. 197—201, без подписи. Шур-Юр — философ-идеалист П. Д. Юркевич. В начале 1863 г. Юркевич прочел в Москве цикл публичных лекций, в которых пытался опровергнуть материалистическую философию. Один из его слушателей послал ему анонимное письмо, в котором предупреждал: «Если в следующих лекциях вы не оставите цинизма, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свистки» («Очерки», 1863, № 98). Об этом письме и идет речь в примечании Курочкина на стр. 184. *Поморные* — см. стр. 637. *Четырехлетних девочек.* В «Очерках» было отмечено, что около трети посетителей лекций Юркевича составляли «дамы и девицы, начиная с 13-летнего возраста... мода привлекла их в аудиторию». *Неродившиеся дети, известные читателям «Искры».* О цикле статей Н. С. Курочкина «Житейские выводы и измышления», который был посвящен «неродившимся детям». *Его божественную «Федру».* Профессор Шур-Юр называет один из диалогов древнегреческого философа Платона именем трагедии французского драматурга, одного из крупнейших представителей французского классицизма Ж. Расина. *Галюше и Роде.* Фокусник Л. Галюше, «профессор магии и физики», гастролировал в 1863 г. в Петербурге. А. Роде в 1858 г. в петербургском театре-цирке демонстрировал при помощи волшеб-

ного фонаря «Оптические изображения из истории образования земной коры», появления на земле растений, животных, человека и пр. *Аристотель* — древнегреческий философ. *Барков И. С.* — переводчик и поэт XVIII в., автор порнографических стихотворений. *Бюхнер Ф.-Л.* — немецкий физиолог и философ, представитель вульгарного материализма; пользовался большой популярностью в России в 60-е годы. *Редактор одной из почтенных московских газет* — редактор «Дня» славянофил И. С. Аксаков.

Природа, вино и любовь (стр. 186). Впервые — в журнале «Современность» (Женева), 1868, № 2, стр. 30—32, под явно не принадлежащим Курочкину заглавием «О ценсуре» и по неисправному списку, без подписи. В том же году исправный текст стихотворения появился в «Отечественных записках» Некрасова, 1868, № 8, стр. 321—323. Стихотворение написано не позже 1863 г.; в этом году оно предназначалось для «Искры», но было запрещено за «насмешки над действиями цензуры» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 16 окт. 1863 г.). Подзаголовок «Из былых времен» появился для отвода глаз цензора: подобные операции над литературными произведениями проделывались, мол, только в прошлом.

В Летнем саду (стр. 190). Впервые — в «Искре», 1864, № 28, стр. 383, под заглавием «Дети в Летнем саду», подпись: Пр. Знаменский. *Вдруг подарила «Друг детей»...* Под этим заглавием начиная с XVIII в. вышел целый ряд книг для детей, преимущественно нравоучительного характера.

Предвещания на 1865 год (стр. 192). Впервые — в «Искре», 1864, № 50, стр. 650, под заглавием «Предвещания на Новый год», подпись: Пр. Знаменский. Касаясь клички «стрижи», которую дал редакции и сотрудникам его журнала «Эпоха» Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский писал, что стрижи — очень хорошие птички, они предвещают ясную погоду: «Предвещать ясную погоду — очень лестно, особенно теперь, в наше время» («Чтобы кончить» — «Эпоха», 1864, № 9, стр. 4—5). Курочкин высмеивает в стихотворении необоснованный оптимизм «Эпохи» в годы реакции. Цитата из стихотворения Фета неточная. *Сен-Леон Ш.-В.* — французский балетмейстер, много лет работавший в Петербурге, автор многочисленных балетов. *Хоть сам из книжек захватил.* По-видимому, речь идет о влиянии на роман В. В. Крестовского «Петербургские трущобы», печатавшийся в «Отечественных записках» Краевского, романа французского писателя Э. Сю «Парижские тайны». *Гишпанский алгвазил.* Испанским алгвазилом (полицейский,

жандарм) Курочкин называет Крестовского в связи с циклом его стихотворений «Испанские мотивы». *«Петербургский листок»* — полубульварная газета, в которой много места уделялось всякого рода городским происшествиям; издавалась с 1864 г. *Для школ народных по-латыни...* Насмешка над сторонниками реакционной классической системы образования. *Ерыжным веяньем объят.* «Ерыжных дел мастерами» (то есть людьми, ведущими беспутную жизнь тунеядцев) называл критик А. А. Григорьев деятелей демократического лагеря («Якорь», 1864, № 1, стр. 12). Курочкин переадресовал эти слова единомышленнику Григорьева — Аверкиеву. *Аверкиев Д. В.* — драматург, беллетрист и критик консервативного лагеря. В 1864 г. в «Эпохе» была напечатана первая пьеса Аверкиева «Мамаево побоище», а также его статья о Шекспире. *На карте сыщется Тамбов.* Указывая на бедность сведений о провинции и на необходимость ее участия в общей жизни России, славянофил И. С. Аксаков писал: «Читатель! не известно ли вам что-нибудь про Тамбовскую губернию?.. Да уж существует ли, полно, Тамбовская губерния?» и т. д. («День», 1863, № 47). Ср. также начало «Тамбовской казначейши» Лермонтова: «Тамбов на карте генеральной Кружком означен не всегда». *Аксаков обоймет евреев.* Статьи Аксакова по еврейскому вопросу собраны в III томе Собрания его сочинений. В частности Курочкин мог иметь в виду передовую статью в № 32 «Дня» за 1864 г. *Свой четвертак найдет Катков.* Статья Каткова «Одного поля ягоды» («Рус. вестник», 1861, № 5) кончается словами: «Между Хлестаковыми есть еще порода таких, которые зовут себя демоническими натурами. Таких молодцов нельзя не побаиваться. Зарезать они не зарежут, но не кладите вашего четвертака плохо».

Дама приятная во всех отношениях (стр. 195). Впервые — в «Искре», 1865, № 1, стр. 2—3, подпись: Пр. Знаменский. Заглавие взято из «Мертвых душ». *Как будто стрижи в нем звенят.* Намек на стих. Фета «Жди ясного на завтра дня». И здесь и дальше Фет фигурирует в этом стихотворении как представитель «чистой поэзии». *Одинцова* — героиня романа Тургенева «Отцы и дети». *Дальних степей.* Намек на политическую ссылку. *«Весть»* — реакционная газета, выходившая в 1863—1870 гг.; орган крепостнических слоев крупного поместного дворянства. *«Петербургский листок»* — см. примечание к предыдущему стихотворению. *«Московские ведомости»* — одна из старейших русских газет; в 50-е годы и в начале 60-х — либерального направления; с 1863 г. перешла в руки Каткова и превратилась в орган дворянской реакции.

На масленице (стр. 200). Впервые — в «Искре», 1865, № 6, стр. 82, подпись: Пр. Знаменский. *Омар* — мусульманский халиф, с именем которого связывается сожжение богатейшей Александрийской библиотеки. *Ювенал Д.-Ю.* — древнеримский поэт-сатирик. Имя его стало нарицательным для обозначения сатирического поэта.

Примерный фат (стр. 202). Впервые — в «Искре», 1865, № 6, стр. 82, подпись: Пр. Знаменский. *Катков, Камбек* — см. стр. 642 и 635. *Лагероньер Л.-Э.* — французский публицист; в 50—60-е годы сторонник режима Наполеона III.

Завещание (стр. 204). Впервые — в «Искре», 1865, № 31, стр. 418, подпись: Пр. Знаменский.

К ямбам Барбье в переводе «Отечественных записок» (стр. 206). Впервые — в «Искре», 1865, № 41, стр. 548, 550, подпись: Пр. Зн. Пародия на переводы К. И. Бабикова из Барбье, напечатанные в «Отечественных записках» Краевского, 1865, окт., кн. 2. *Соловьев* — см. стр. 653. *Избавлен публицист от честности...* Насмешка над статьей газеты Краевского «Голос» — «Заметка не для читателей „Голоса“, а для редактора и сотрудников „С.-Петербургских ведомостей“» (1865, № 175). *Ваш «Лев» — прекрасный лев* — «перепев» слов Молчалина из «Горя от ума»: «Ваш шпиц — прелестный шпиц». *Редактор! Издавай свой голос!..* — то есть газету «Голос». *Как древле Бокль и Милль...* Бокль Г.-Т. — английский историк и социолог, по своим политическим взглядам — либерал, автор «Истории цивилизации в Англии», пользовавшейся большой популярностью в России в 60-е годы. Милль Д.-С. — английский философ-позитивист, экономист-эклектик и либеральный публицист; в 1860—1861 гг. в «Современнике были напечатаны его «Основания политической экономии» в переводе и с примечаниями Чернышевского. Курочкин имеет в виду ряд высказываний «Отечественных записок» о Бокле и Милле, в первую очередь предисловие к переводу статьи Бокля о Милле (1865, № 1), содержащее грубые нападки на «Современник» и Чернышевского.

Затишье (стр. 208). Впервые — в изд. 1869 г., т. 2, стр. 210—211. *Надели фуражки с кокардами* — то есть поступили на государственную службу.

Чистосердечное признание одного из многих (стр. 210). Впервые — в «Искре», 1866, № 1, стр. 3—5, под заглавием «Прошлогодние обеды (Чистосердечное признание одного из многих)», подпись: Пр. Знаменский. *Прошло сто лет, как умер*

Ломоносов... Столетие со дня смерти Ломоносова было отпраздновано в казенно-патриотическом духе. Речь идет о торжественном обеде в зале петербургского Дворянского собрания. *Принадлежа и сам к числу «хозяев»...* О съезде «сельских хозяев» в Петербурге, где идеологи наиболее реакционных слоев поместного дворянства — Скарятин, Н. А. Безобразов и др. — выступали с панегириками крепостному праву и ратовали за обезземеление крестьянства. *Обедал я в честь женского труда.* Мысль об организации Общества женского труда возникла еще в 1863 г., а утверждено оно было лишь в 1865 г. В обществе сразу началась борьба за руководство между представителями аристократии и радикальной интеллигенции, и оно скоро прекратило свое существование. «*Русалка*» — опера А. С. Даргомыжского. «*Рогнеда*» — опера А. Н. Серова.

Великие истины (стр. 213). Впервые — в «Искре», 1866, № 6, стр. 84, подпись: Пр. Знаменский. Курочкин использовал общий замысел и конструкцию стихотворения А. Шарлеманя «Les grandes verités» (1796). Переводом является лишь последняя строфа. Стихотворение Шарлеманя вошло в сборник произведений французских песенников «La goguette ancienne et moderne», Париж, 1851. В одном из цензурных отзывов «Великие истины» включены в число предосудительных произведений как «сатира на отсутствие у нас свободы печати» (Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 19 окт. 1866 г.). *Кач* — владелец универсального магазина в Петербурге, прославившийся своими рекламами. *И необъятного не может...* Перифраза одного из афоризмов Козьмы Пруткова. *Точек компрометирующих нет.* Точками заменялись слова и места, не пропущенные цензурой.

⟨М. Н. Муравьеву⟩ (стр. 215). Впервые — в журнале «Былое», 1925, № 3, стр. 92. М. Н. Муравьев, получивший кличку «Вешателя», — один из столпов крепостнического лагеря, откровенный противник крестьянской реформы. В 1863 г. был назначен генерал-губернатором северо-западных губерний (отсюда упоминание о Вильно) и жестоко подавил польское восстание. В 1866 г., после покушения Каракозова, — председатель следственной комиссии. По его приказу были произведены многочисленные аресты. Был арестован и Курочкин. Эпиграммы написаны во время заключения в Петропавловской крепости (апрель — июнь 1866 г.). *Комиссаров О. И.* — петербургский шапочный мастер, который, по версии, пущенной правительственными кругами, спас Александра II от выстрела Каракозова, за что получил потомственное дворянство.

Веселые разговоры (стр. 216). Впервые — в «Искре», 1866, № 38, стр. 493—494, без подписи. *От Рауля.* Петербургский винный погреб. *В Английском* — то есть в аристократическом Английском клубе. *Одинцов* — владелец мануфактурного магазина в Петербурге.

Causerie (стр. 218). Впервые — в «Искре», 1866, № 39, стр. 503, подпись: В. Сугубов. Стихотворение вызвано появлением нового журнала «Женский вестник». В нем печатались бывшие сотрудники закрытых правительством «Современника» и «Русского слова», но вместе с тем давали себя знать чуждые демократическому лагерю идейные тенденции. В частности, они проявились и в заглавии фельетона — «Causerie». В «Искре» стихотворение сопровождалось письмом его вымышленного автора В. Сугубова — под этим псевдонимом, явно намекающим на писателя В. А. Соллогуба, оно было напечатано. Сугубов заявляет, что русская литература его «бесит давно, еще со времен Белинского». «Женский вестник», особенно фельетон «Causerie», очень обрадовал его. «Ведь это опять возвращаются к нам времена оживленной светской болтовни, всегда полной ума и приличия. Ведь одно это слово ⟨causerie⟩ показывает, как тонко понимает редактор назначение журналиста, обязанного поучать, забавляя, и просвещать, развлекая». *«Пчелка»* — реакционная газета «Северная пчела»; издавалась до 1864 г. *Павлов* — см. стр. 642—643. *Ее Булгарин к нам занес...* О сборнике Булгарина «Комары» (1842), в предисловии к которому он отрицал всякую связь с А. Карром — французским критиком, писателем и журналистом, редактором сатирического журнала «Les guêpes» («Осы»), пользовавшегося популярностью в России в 40-е годы. Булгарин (см. о нем на стр. 631) писал, что «личная сатира с наименованием лица» и «политический памфлет» Карра для него совершенно неприемлемы. *Евгения Тур* — псевдоним писательницы Е. В. Салиас де Турнемир. В середине 60-х годов, живя в Париже, Тур систематически печатала в газете «Голос» «Парижское обозрение», в котором нашли свое выражение ее антидемократические взгляды и аристократические замашки; к этому времени ее былые оппозиционные настроения окончательно выветрились. *«Хорош Российский Геликон!»* (то есть поэзия, литература) — из «Евгения Онегина» Пушкина. *Я тоже с Пушкиным был друг...* Намек на воспоминания Соллогуба, напечатанные незадолго до этого («Рус. архив», 1865, № 5—6). *Prince Pierre* — П. А. Вяземский; см. о нем на стр. 629. *Фейдо Э., Феваль П.* — французские беллетристы, авторы бульварных романов. *«Грейт-Истерн»* — корабль, о котором упоминается

в «Causerie». *«Трущобы»* — «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского. *«Миантономо»* — монитор, на котором прибыла американская делегация, чтобы передать Александру II поздравление конгресса по поводу его «чудесного избавления» от выстрела Каракозова. *И доктор Хан, и доктор Бок.* Хан — см. ниже примечание к «Сказке о враче»... Бок К.-Э. — немецкий анатом, автор учебников и популярных сочинений по медицине. В первом номере «Женского вестника» были помещены рецензии на книги Хана и Бока. *Jean qui pleure et Jean qui rit* — символы двух взглядов на мир, из которых первый все рисует в темном, а второй — в розовом свете.

Свисток и стакан (стр. 221). Впервые — в изд. 1869 г., т. 2, стр. 212—214.

Сказка о враче и золотой рыбке... (стр. 223). Впервые — в «Искре», 1867, № 41, стр. 493—495, без подписи. Герой этого стихотворения — доктор медицины Э. А. Хан, издававший, начиная с 1857 г., целый ряд журналов: «Библиотека медицинских наук», «Популярная медицина», «Самообразование». В 1867 г. под его редакцией стал выходить журнал «Всемирный труд». Появлением этого «всероссийского журнала, всемирного», весьма консервативного по своему направлению, и вызвано стихотворение Курочкина. *Подражание Пушкину и Сан-Леону.* В сезон 1867—1868 гг. на петербургской сцене шел балет Ш. Сен-Леона «Золотая рыбка» по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина. *«Северная пчела»* — реакционная газета, выходившая в 1825—1864 гг.; самое распространенное издание николаевского царствования, игравшее роль правительственного органа и связанное с III Отделением; основана Ф. В. Булгариным; с 1831 до 1857 г. он редактировал ее совместно с Н. И. Гречем, затем газету недолго редактировал один Греч, а с 1860 г. она перешла к П. С. Усову. *Краевский* — см. стр. 639. *Очкин А. Н.* — журналист, переводчик и цензор; в 1836—1862 гг. — редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» (с 1852 г. фактическим редактором был Краевский). *Фурман П. Р.* — писатель и журналист, в начале 50-х годов — фактический редактор журнала «Сын отечества». *Как газета Старчевского древле.* Старчевский А. В. — журналист, в 1848—1856 гг. фактический редактор «Библиотеки для чтения» Сенковского, редактор-издатель журнала (1856—1861), а затем газеты (1862—1871) «Сын отечества». *И не в разум макали.* В 1865 г. московское дворянство преподнесло Каткову подарок — чернильницу и золотое перо «с известною древнею надписью: макающему перо в разум» («Весть», 1865, № 32). *Геру А.* и *Мазад Ш.* — французские жур-

налисты, первый — либерального, а второй — реакционного направления. *Отметчики* — газетные репортеры. *На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву...* — пародия на стих. славянофила А. С. Хомякова «Беззвездная полночь дышала прохладой...»

Нового счастья читателю и новых богатств! (стр. 229). Впервые — в «Искре», 1868, № 1, стр. 1, подпись: Литературный старовер. Отклик на программу журнала «Современное обозрение»; см. также вступит. статью, стр. XIX. *Пятикопеечник* — «Пятикопеечник. Карманный календарь, на 1868 год, самых необходимых справок», изд. «Первой гласной кассы ссуд», СПб., 1867. Купец В. Ю. Карпович, учредитель «гласной кассы», выдававшей ссуды под залог вещей, всячески рекламировал в этой книжонке свою кассу, говорил о своем желании помочь небогатым людям и пр. *Как Полонский, я «блохой укушен».* Слова «блохою жизни был укушен» сказаны Я. П. Полонским о герое его поэмы «Свежее предание» Камкове. *Наше время* — см. стр. 643. *«Новое время»* — газета, издававшаяся в 1868—1917 гг. В 1868—1871 гг. выходила под редакцией А. К. Киркора и была реакционно-помещичьим органом. *Соловьев Н. И.* — литературный критик антидемократического лагеря.

Погребальные дроги (стр. 231). Впервые — в «Искре», 1868, № 13, стр. 153. *Гуффе А.* — французский поэт-песенник.

На могиле Д. И. Писарева (стр. 233). Впервые — в «Неделе», 1868, № 45, стб. 1539—1540.

Раздумье (стр. 234). Впервые — в изд. 1869 г., т. 2, стр. 91.

Надолго ли? (стр. 235). Впервые — в «Искре», 1870, № 1, стб. 3—5. См. примечание к статье «„Искра“ 1870 года», стр. 688.

Канканы российской прессы (стр. 237). Впервые — в «Искре», 1870, № 5, стб. 171—174, без подписи. На авторство Курочкина указал И. Ф. Масанов («Русские сатиро-юмористические журналы», вып. 1, стр. 112). I. От г. Краевского г. Каткову. О Краевском и Каткове см. на стр. 642 и 639. В начале 1870 г. «Московские ведомости» Каткова получили предостережение за то, что в слишком пессимистических, с точки зрения министерства внутренних дел, красках изобразили итоги истекшего года. Катков немедленно согласился с указаниями министерства, и это вызвало чувство брезгливости во всей не только радикальной, но и либеральной прессе. В качестве защитника Каткова от ее нападок выступил только «Голос» Краевского. В статье, которую цитирует Курочкин, «Голос» открыто заявил о себе как о сподвижнике

«Московских ведомостей». Первая строка — из послания Пушкина к Н. И. Гнедичу. *Переименовал себя из реалистов в классики.* До этого «Голос» был противником классической системы образования. *Проснешься ль ты когда, осмеянный Катков?* — «перепев» строки из «Поэта» Лермонтова. *Как чаша для пиров, как фимиам* — оттуда же. *Хоть... не враждебен и Бисмáрку.* Катков был в то время резким противником германофильской политики русского правительства, Краевский же разделял правительственную точку зрения. II. Происхождение мудрости В. И. Аскоченского. Об Аскоченском см. на стр. 621. Стих. Курочкина «Надолго ли?» (стр. 235) и передовая статья № 1 «Искры» за 1870 г. (стр. 599) вызвали злопыхательскую заметку «Домашней беседы» (1870, № 4), вернее, не заметку, а донос. Что это за «пора самых светлых надежд», о которой пишет «Искра»? — спрашивает Аскоченский и отвечает: «Искра» сожалеет о «Колоколе» Герцена, статьях Чернышевского, студенческих демонстрациях, петербургских пожарах 1862 г. и т. д. Аскоченский говорит, что всегда «следил за мазуриками свободной мысли», и высказывает уверенность, что «Искра» загорелась ненадолго. *В «изгарной» статейке своей* — от названия отдела «Домашней беседы». «Блестки и изгарь». *На Измайловском.* У Измайловского моста помещалась редакция «Домашней беседы».

В наше время... (стр. 240). Впервые — в «Искре», 1870, № 9, стб. 321—322.

La paix à tout prix!.. (стр. 243). Впервые — в «Искре», 1870, № 28, стб. 929—932. Это и два следующих стихотворения являются откликами на франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

Стихийная сила (стр. 245). Впервые — в «Искре», 1870, № 44, стб. 1379—1380.

За которую из двух (стр. 248). Впервые — в «Искре», 1871, № 1, стб. 3—4. «Это стихотворение, — писал председатель С.-Петербургского цензурного комитета, — вопреки сделанному от лица правительства приглашению, выражает решительное сочувствие одной из борющихся сторон и именно к Франции и, что еще хуже, оправдывает это сочувствие развитием на ее почве принципов равенства и природных прав человека» (Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1869, № 56, л. 30). *В Германии «единой».* «Искра» неоднократно выступала против немецкого милитаризма и объединения Германии вокруг юнкерской Пруссии. *Предательство осаде подает.* «Правительство национальной обороны» во главе с генералом Трошю очень быстро превратилось, по выражению К. Маркса, в

«правительство национальной измены». В народе, особенно в вооруженном народе, оно видело более опасного врага, чем в Бисмарке.

Во всех ты, душенька, нарядах хороша! (стр. 250). Впервые — в «Искре», 1871, № 5, стб. 136—138, подпись: Пр. Знаменский. *Во всех ты, душенька, нарядах хороша* — строка из поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька». *Выпушки, погончики, петлички* — из «Горя от ума» (слова Скалозуба). *Другой, хожалый древних лет...* В первых четырех строках этой строфы использовано стих. П. А. Вяземского «С тех пор как упраздняют будку...» (1862), направленное против передовой журналистики, но ему придан совершенно противоположный смысл. Хожалый — служитель при полиции для разных поручений, полицейский, городовой. *Греко-латинская лапша* — классическая система образования, которая была средством отвлечь молодое поколение от революционного движения и материалистических идей. *«Бич божий»* — прозвище Атиллы. *Предупредительные вожжи...* О предварительной цензуре и заменивших ее карательных методах воздействия на печать.

Реальные сонеты (стр. 253). Впервые — в «Искре»: I, II — 1873, № 19, стр. 1; III — 1873, № 30, стр. 7, с подзаголовком «Реальный сонет», в статье «Весенние заметки „Искры"», без подписи; IV — 1873, № 35, стр. 2. Подзаголовок к «Притче о Снегурочке» — «Реальный сонет», а также четвертый (а не третий) номер над «На зеркало неча пенять» свидетельствуют о том, что автором «Притчи», напечатанной без подписи, также является Курочкин. Как видно из статьи, в которую включена «Притча», Снегурочка являлась для него символом всего талантливого и передового в русской литературе, подвергавшегося непрерывной травле со стороны реакционеров. Строки 2 и 11 «Притчи о Снегурочке» взяты из поэмы Некрасова «Мороз Красный Нос». *Как «Гражданин» к реформам, ставит точку.* В начале 1872 г. реакционный публицист, редактор «Гражданина» кн. Мещерский заявил в одной из своих статей, что к основным реформам 60-х годов «надо поставить точку» («Гражданин», 1872, № 2, стр. 42). *Антисфен* — древнегреческий философ.

⟨П. А. Ефремову⟩ (стр. 256). Впервые — в книге: В. С. Курочкин. Собрание стихотворений. М. — Л., 1934, стр. 387. П. А. Ефремов — историк литературы и библиограф, сотрудник «Искры». Надпись на VI издании «Песен Беранже» в переводе Курочкина. *Аще и не нравен слог... чтите убо без гнева* — из четверостишия А. Д. Кантемира «Сатирик к читателям». Аще — если. Не нравен — не по душе, не нравится. Убо — посему.

Новый Пантелей-целитель (стр. 257). Впервые — в «Биржевых ведомостях», 1875, № 4, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Погодин. От имени юного поэта Погодина написана большая часть стихотворений, включенных в фельетонные обозрения «За неделю». «Новый Пантелей-целитель» — ответ на программный фельетон газеты «С.-Петербургские ведомости» (которая в 1875 г. превратилась из умеренно-либерального органа в реакционный) «Послание к россиянам», напечатанный в № 2 за 1875 г. Фельетон появился за подписью «Государь Пантелей», и в нем были широко использованы цитаты из антиреволюционной сатиры А. К. Толстого «Пантелей-целитель»; написан он псевдонародным языком. «Государь Пантелей» — псевдоним писателя Е. А. Салиаса де Турнемира, который был в это время редактором «С.-Петербургских ведомостей». *Али речь ты повел с «пугачевцами»?* «Пугачевцы» — роман Салиаса, появившийся в 1874 г. *Григорьев П. И.* — актер и водевилист.

Поэту-адвокату (стр. 259). Впервые — в «Биржевых ведомостях», 1875, № 149, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Пагодин. Сатира на юриста, либерального публициста и критика К. К. Арсеньева (см. его книгу «Заметки о русской адвокатуре», СПб., 1875, стр. 167). «Перепев» стих. Пушкина «Поэту». Обличение адвокатов за то, что они зачастую исключительно из корыстных побуждений берут на себя защиту богатых преступников, характерно для всей радикальной литературы и публицистики 70-х годов.

⟨М. Н. Каткову⟩ (стр. 260). Впервые — в «Биржевых ведомостях», 1875, № 80, в фельетоне «За неделю», подпись: К. В., от имени Всеволода Пагодина (в этом фельетоне Курочкин иронически пишет, что поэт просит не смешивать его с реакционным историком М. П. Погодиным и отныне писать его фамилию через *а*). Эпиграмма вызвана злобной статьей «Московских ведомостей» Каткова о московском Центральном книжном магазине, которым руководили люди прогрессивных взглядов. «Перепев» последнего четверостишия стих. Лермонтова «Не верь себе».

«Как не вскрикнуть тут с поэтом...» (стр. 262). Впервые — в «Биржевых ведомостях», 1875, № 197, в фельетоне «За неделю», подпись: К. В. По поводу процесса смотрителя училища при Троице-Сергиевой лавре иеромонаха Гавриила, засекшего до смерти десятилетнего ученика. Суд все же оправдал его.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

Старый капрал (стр. 265). Перевод стих. «Le vieux caporal». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1857, № 11, стр. 1—2. Первые четыре строки третьей строфы печатаются по двум автографам, хранящимся в рукоп. отд. Пушкинского дома, и автографу 1856 г., находящемуся в рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В таком виде эти строки не были пропущены цензурой (см. Журнал заседания С.-Петерб. ценз. комитета от 18 окт. 1857 г.), и Курочкин заменил их следующим четверостишием:

Братцы! Солдатские годы,
Служба — в руках у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.

В журнале и во всех изданиях «Песен Беранже» до 1866 г. первая строка второй строфы тоже печаталась в смягченном виде: «Да, оскорбил офицера». По свидетельству П. В. Быкова, первоначальные редакции ряда переводов из Беранже (в том числе «Старого капрала» и «Весны и осени»), относятся еще к годам учения Курочкина в кадетском корпусе. По совету друзей они были переработаны в 1855 г. В 1855 г. перевод «Старого капрала» был предложен редакции «Отечественных записок», но не был принят («Новое слово», 1914, № 7, стр. 18). Герой стихотворения — старый наполеоновский солдат; действие происходит после восстановления королевской власти во Франции. *Император* — Наполеон I.

Весна и осень (стр. 268). Перевод стих. «Le printemps et l'automne». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1855, № 12, стр. 180—181.

Падающие звезды (стр. 270). Перевод стих. «Les étoiles qui filent». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1855, № 12, стр. 181—182. Первоначальная редакция последней строфы не была разрешена цензором — см. письмо Курочкина к А. В. Старчевскому от 28 ноября 1855 г. (рукоп. отд. Пушкинского дома). По-видимому, она была ближе к оригиналу: «C'est celle d'un puissant monarque» («Это звезда могущественного монарха») и т. д.

Старушка (стр. 272). Перевод стих. «La bonne vieille». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1856, № 1, стр. 294.

Как яблочко, румян (стр. 274). Перевод стих. «Le petit homme gris». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1856, № 3, стр. 100—102. В рукоп. отд. Пушкинского дома находится список стихотворения под заглавием «Весельчак», восходящий, по всей вероятности, к какому-то неизвестному нам автографу Курочкина. Печ. с исправлением по этому списку, где первые шесть строк последней строфы гораздо ближе к оригиналу. В такой редакции они, конечно, не могли быть напечатаны по цензурным причинам. В печатном тексте перевода им соответствуют следующие строки:

Приходит смертный час:
Больной лежит в постели;
Сомкнуть не может глаз —
Виденья одолели:
Бесовский хор визжит,
Зияет ад кромешный...

Знатный приятель (стр. 276). Перевод стих. «Le sénateur». Впервые — в «Русском вестнике», 1856, авг., кн. 2, стр. 784—786, под заглавием «Добрый знакомый». В январе 1856 г. Курочкин передал свои переводы «Знатный приятель» и «Как яблочко, румян» А. В. Старчевскому (см. письмо к нему Курочкина от 12 февр. 1856 г. — рукоп. отд. Пушкинского дома), но первый из них по неизвестным причинам ни в «Библиотеке для чтения», ни в «Сыне отечества» не появился. Возможно, что «Знатный приятель» был запрещен цензурой и потому, отдав после этого стихотворение в «Русский вестник», Курочкин снабдил его более безобидным заглавием.

Слепая мать (стр. 279). Перевод стих. «La mère aveugle». Впервые — в «Сыне отечества», 1856, № 4, стр. 64.

Третий муж (стр. 281). Перевод стих. «Le troisième mari». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1856, № 6, стр. 132—134.

Умеренность (стр. 284). Перевод стих. «Les petits coups». Впервые — в «Сыне отечества», 1856, № 9, стр. 169.

Тоска по родине (стр. 286). Перевод стих. «La nostalgie ou la maladie du pays». Впервые — в «Библиотеке для чтения», 1856, № 8, стр. 227—228.

Тринадцать за столом (стр. 288). Перевод стих. «Treize à table». Впервые — в «Русском вестнике», 1856, сент., кн. 1, стр. 124.

Птичка (стр. 290). Перевод стих. «Si j'étais petit oiseau». Впервые — в «Сыне отечества», 1856, № 30, стр. 69. *Филомела* (греч. миф.) — здесь соловей.

Слепой нищий (стр. 292). Перевод стих. «L'aveugle de Bagnolet». Впервые — в «Сыне отечества», 1857, № 1, стр. 10.

Лучший жребий (стр. 295). Перевод стих. «Beaucoup d'amour». Впервые — в «Сыне отечества», 1857, № 19, стр. 443. Перевод сделан не позже 1856 г. До 1866 г. по цензурным причинам первые три строки третьей строфы печатались так:

Будь мне назначен Провиденьем
Великий жребий бытия —
И в блеске будет украшеньем...

Добрая фея (стр. 297). Перевод стих. «La petite fée». Впервые — в I изд. «Песен Беранже» (1858), стр. 67—69. Перевод сделан не позже 1856 г. В рукоп. отд. Пушкинского дома хранится корректура, перечеркнутая красными чернилами. Повидимому, перевод предназначался для «Сына отечества» или «Библиотеки для чтения», но был запрещен цензурой. *Зерцало* — см. стр. 620.

Кукольная комедия (стр. 299). Перевод стих. «Les nègres et les marionnettes». Впервые — в I изд. «Песен Беранже», стр. 114—116. Перевод сделан не позже 1856 г. Из «Собрания стихотворений» Курочкина, вышедшего в 1866 г. без предварительной цензуры, «Кукольная комедия» была вырезана как «вредное» произведение (см. Журнал заседаний С.-Петерб. ценз. комитета от 19 окт. и 30 ноября 1866 г. и 25 янв. 1867 г.). *Будочник* — постовой полицейский, городовой.

Вино и кокетка (стр. 301). Перевод стих. «Le vin et la coquette». Впервые — в «Моде», 1857, № 1, стр. 9.

Портной и волшебница (стр. 303). Перевод стих. «Le tailleur et la fée». Впервые — в «Отечественных записках», 1857, № 1, стр. 147—148. *Орфей* (греч. миф.) — поэт и музыкант, покорявший своей игрой на лире не только людей и животных, но и неодушевленную природу. Имя Орфея употреблялось для обозначения вдохновенного певца, поэта вообще. *Над ним удар проносится громовый*. В детстве Беранже чуть не был убит молнией.

Мое призвание (стр. 305). Перевод стих. «Ma vocation». Впервые — в «Сыне отечества», 1857, № 27, стр. 633.

Бедный чудак (стр. 307). Перевод стих. «Roger Bontemps». Впервые — в «Русском вестнике», 1857, июль, кн. 1, стр. 175—176.

Старый бродяга (стр. 309). Перевод стих. «Le vieux vagabond». Впервые — в «Сыне отечества», 1857, № 29, стр. 689, под заглавием «Старый нищий».

«Нет, ты не Лизета» (стр. 311). Перевод стих. «Ce n'est plus Lisette». Впервые — в «Русском вестнике», 1857, июль, кн. 2, стр. 318—320.

Старинный обычай (стр. 314). Перевод стих. «Trinquons». Впервые — в «Сыне отечества», 1857, № 50, стр. 1225, с посвящением С. В. Максимову.

Лиза (стр. 316). Перевод стих. «Rosette». Впервые — в «Русском вестнике», 1857, дек., кн. 1, стр. 643—644.

Песнь труда (стр. 318). Перевод стих. «Les gueux». Впервые — в I изд. «Песен Беранже» (1858), стр. 19—22. *В бочке, с всемирным владыкой...* — см. примечание к «Новому Диогену», стр. 664. *Бог легкокрылый* — бог любви Эрот (греч. миф.) или Амур (рим. миф.).

Бабушка (стр. 321). Перевод стих. «Ma grand'mère. Впервые — в I изд. «Песен Беранже», стр. 23—26.

Гроза (стр. 324). Перевод стих. «L'orage». Впервые — в I изд. «Песен Беранже», стр. 45—48.

Разбитая скрипка (стр. 327). Перевод стих. «Le violon brisé». Впервые — в I изд. «Песен Беранже», стр. 49—52. Печ. с исправлениями по экземпляру VI изд. (1874), подаренному Курочкиным П. А. Ефремову (Центр. гос. лит. архив), стр. 163. Стихотворение направлено против союзных войск, находившихся во Франции после победы над Наполеоном I.

Плачущий муж (стр. 329). Перевод стих. «De profundis à l'usage de deux ou trois maris». Впервые — в I изд. «Песен Беранже», стр. 57—60. Очевидно, перевод предназначался для «Библиотеки для чтения» или «Сына отечества», но был запрещен цензурой: в рукоп. отд. Пушкинского дома хранится автограф первоначального текста, перечеркнутый красными чернилами.

Навуходоносор (стр. 331). Перевод стих. «Nabuchodonosor». Впервые — в издании А. И. Герцена «Полярная звезда на 1861», кн. 6, Лондон, стр. 209—211, без подписи. Перевод сделан между 1855 (год смерти Николая I) и 1858 гг. Он не мог быть напечатан в России и распространялся в списках. Так, 3 апреля 1858 г. Шевченко переписал перевод «Навуходоносора» в дневник, назвав его «прекрасным и метким стихотворением» (Собр. соч., т. 5, М., 1949, стр. 257—258). По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор II сошел с ума, вообразив себя быком,

и несколько лет жил среди животных. См. также вступит. статью, стр. XXIII. В четвертой строфе, особенно в строке «След царской думы необъятной», весьма вероятны намеки на стих. А. Н. Майкова «Коляска», в котором дан идеализированный портрет Николая I. *Да и в Египте, государь...* Имеется в виду культ священного быка Аписа в древнем Египте.

Урок (стр. 334). Перевод стих. «Leçon de lecture». Впервые — в «Отечественных записках», 1858, № 4, стр. 279—281. Перевод сделан не раньше конца 1857 г. *Канари* (Канарис) *К.* — греческий политический деятель, активный участник борьбы против турецкого владычества в 20-е годы XIX в.; прославился отважными нападениями на турецкий флот; впоследствии несколько раз занимал пост морского министра и главы правительства. *Иже, наш* — старинные названия букв «и» и «н».

Моя веселость (стр. 337). Перевод стих. «Ma gaité». Впервые — в «Отечественных записках», 1858, № 4, стр. 281 — 284, под заглавием «Веселость». Перевод сделан не раньше 1856 г. Строку «Я просветлел бы — и угас!» ср. со строкою Тютчева из стих. «Как над горячею золой...» (1830): «Я просиял бы — и погас!»

Прощание (стр. 340). Перевод стих. «La prédiction». Впервые — в «Отечественных записках», 1858, № 4, стр. 284—286, без заглавия. Перевод сделан не раньше конца 1857 г. В VI изд. «Песен Беранже» (1874), в примечании к строке «Уходи к своим лизетам» Курочкин писал: «Имя Лизета так часто употребляется в песнях Беранже, что в Париже многие указывали на ту или другую женщину, называя ее Лизетою Беранже. Между тем Лизета не что иное, как фикция, имя, вымышленное поэтом для придания его политическим и всякого рода песням того особого характера, без которого, как говорит сам поэт, песни его «не пошли бы так далеко, не спустились бы так близко к народу и даже не поднялись бы так высоко». Вино и Лизета не что иное, как рамка обширной реальной картины нравов, идей и понятий, прославившей имя Беранже во всем цивилизованном мире». *Сивилла* (греч. миф.) — пророчица.

Розан (стр. 343). Перевод стих. «Le rosier». Впервые — в «Иллюстрации», 1858, № 21, стр. 335. Перевод сделан не раньше конца 1857 г.

Сверчок (стр. 345). Перевод стих. «Le grillon». Впервые — в «Русском вестнике», 1858, май, кн. 1, стр. 182—184.

Нет больше песен (стр. 347). Перевод стих. «Plus de vers». Впервые — во II изд. «Песен Беранже» (1858), стр. 141—142. Перевод сделан не раньше конца 1857 г.

Прости! (стр. 348). Перевод стих. «Adieu». Впервые — в III изд. «Песен Беранже» (1859), стр. 185—186.

Маркиз де Караба (стр. 349). Перевод стих. «Le marquis de Carabas». Впервые — в «Искре», 1859, № 4, стр. 33. В «Искре» строка восьмая второй строфы изменена по цензурным причинам; в ней нет упоминания о короле: «И хоть кто смирится». Автограф дожурнального текста (рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина) датирован 1858 г. Стихотворение Беранже написано в 1816 г., после реставрации, когда дворянская знать стала возвращаться из эмиграции и требовать восстановления всех своих привилегий и возвращения конфискованного во время революции имущества. *Маркиз де Караба* — герой французской народной сказки «Кот в сапогах», высокомерный и хвастливый аристократ. *Слух пустил, что мельник...* В сказке маркиз де Караба действительно сын мельника. *Пипин Короткий* — франкский король, первый король из династии Каролингов.

Слава богу — я жив и здоров (стр. 352). Перевод стих. «Le mort vivant». Впервые — в «Искре», 1859, № 11, стр. 106—107.

Дурное вино (стр. 354). Перевод стих. «Le mauvais vin ou le *car*». Впервые — в «Искре», 1859, № 24, стр. 229.

Время (стр. 356). Перевод стих. «Le temps». Впервые — в «Искре», 1860, № 47, стр. 523. *Сатурн* (рим. миф.) — бог времени.

Господин Искариотов (стр. 358). Перевод стих. «Monsieur Judas». Впервые — в «Искре», 1861, № 38, стр. 539—540, под заглавием «Сплетник». Вплоть до 1874 г. «Господин Искариотов» печатался под этим невинным заглавием, между тем как речь идет, конечно, о шпионе, тайном агенте правительства. Перевод пользовался в 60-х годах огромной популярностью. «На этом же вечере, — рассказывает Л. Ф. Пантелеев о вечере 2 марта 1862 г. (см. о нем на стр. 637), — В. Курочкин читал «Господин Искариотов, патриот из патриотов»; казалось, что потолок обрушится от рукоплесканий и криков, всякий раз сопровождавших слова: „Тише, тише, господа: господин Искариотов, патриот из патриотов, приближается сюда"» («Из воспоминаний прошлого», М. — Л., 1934, стр. 161).

Безумцы (стр. 361). Перевод стих. «Les foux». Впервые — в «Веке», 1862, № 1—6, стр. 5—6, без 3—4 строк шестой строфы.

Из изд. 1866 г., вышедшего без предварительной цензуры, «Безумцы» были вырезаны как «вредное» произведение (см. Журнал заседаний С.-Петерб. ценз. комитета от 19 окт. и 30 ноября 1866 г. и 25 янв. 1867 г.). В VI изд. «Песен Беранже» (1874) «Безумцы» появились, как и в «Веке», без указанных выше двух строк. Они вписаны Курочкиным в экземпляр этого издания, подаренный П. А. Ефремову (Центр. гос. лит. архив). В агентурном донесении о литературно-музыкальном вечере 2 марта 1862 г. говорится: «Курочкин во второй раз читал свое стихотворение из Беранже «Безумец», где он, между прочим, дозволяет себе говорить: „Безумец открыл новый свет, безумец дал нам новый завет, а этот безумец был бог“» («Красный архив», 1931, № 2, стр. 174). Из этих слов можно заключить, что Курочкин прочитал и те строки, которые были запрещены цензурой. *Фурье Ш., Сен-Симон А.-К., Анфантен Б.-П.* — виднейшие представители утопического социализма во Франции. *Фаланга* — в утопической системе Фурье основная ячейка, община от 1600 до 1800 человек. *Нам безумец открыл Новый свет* — о Колумбе. *Нам безумец дал Новый завет* — об Иисусе Христе, который, по представлениям некоторых утопистов первой половины XIX в., был предшественником социализма.

Птицы (стр. 363). Перевод стих. «Les oiseaux». Впервые — в «Веке», 1862, № 9—10, стр. 69. Беранже написал это стихотворение на прощание своему другу поэту Арно, изгнанному из Франции в 1816 г. Курочкин же, по свидетельству современников, переводя «Птиц», имел в виду Герцена и Огарева (см., например, А. Пятковский. Две встречи с А. И. Герценом — «Наблюдатель», 1900, № 2, стр. 289—290).

Сон бедняка (стр. 365). Перевод стих. «Jacques». Впервые — в «Искре», 1862, № 38, стр. 500.

Новый фрак (стр. 367). Перевод стих. «L'habit de cour ou visite à une altesse». Впервые — в «Искре», 1863, № 30, стр. 401—402.

Волшебная лютня (стр. 370). Перевод стих. «Le jongleur». Впервые — в «Искре», 1863, № 33, стр. 443.

Царь Додон (стр. 372). Перевод стих. «Le roi d'Yvetot». Впервые — в «Искре», 1869, № 2, стр. 18—19. Перевод сделан не позже 1863 г. В 1863 г. он был запрещен цензурой — см. автограф примечания к «Царю Додону» (собрание рукописей С.-Петерб. ценз. комитета, № 8). В примечании, рукописный текст которого отличается большей остротой по сравнению с напечатанным впоследствии в «Искре» и в VI изд. «Песен Беранже», Курочкин следующим образом разъяснял смысл песни Беранже: «Песня эта написана

Беранже, когда слава Наполеона I как полководца-завоевателя достигла крайних пределов. В веселых простонародно-шутливых строфах этой песни Беранже очень смело для того времени противопоставлял славе, основанной на кровавых завоеваниях, иную славу, покоящуюся на основаниях более прочных: на счастии и любви народа... В нынешнем году этой песне минуло пятьдесят лет. Трон Наполеона I занимает Наполеон III, но в патриотическом лиризме современной французской поэзии и публицистики уже не слышно укоряющего голоса сатиры».

Новый Диоген (стр. 374). Перевод стих. «Le nouveau Diogène». Впервые — в «Искре», 1864, № 8, стр. 132—133. В стихотворении нашли отражение разные предания о древнегреческом философе Диогене. Согласно этим преданиям, стремясь свести свои потребности к минимуму, он жил в бочке; когда Диоген встретился с Александром Македонским и тот спросил его, нет ли у него каких-нибудь желаний, Диоген будто бы ответил на это: «Да, есть — не заслоняй мне солнца»; однажды Диогена увидели на улицах Афин днем с зажженным фонарем, на недоуменные вопросы Диоген ответил: «Я ищу человека».

Нищая (стр. 377). Перевод стих. «La pauvre femme». Впервые — в «Искре», 1865, № 33, стр. 446.

Девичьи мечты (стр. 379). Перевод стих. «Rêve de nos jeunes filles». Впервые — в «Искре», 1866, № 25, стр. 311. *Петрарка Ф.* — итальянский поэт, мыслитель и ученый XIV в., автор сборника «Канцониере»; в стихотворениях этого сборника Петрарка рассказывает о своей любви к женщине, скрытой им под именем Лауры.

Феникс (стр. 382). Перевод стих. «Le phenix». Впервые — в «Отечественных записках», 1869, № 9, стр. 90—91.

Тиран Сиракузский (стр. 384). Перевод стих. «Denys, maître d'école». Впервые — в «Отечественных записках», 1869, № 9, стр. 91—92. *Дионисий II* — тиран (правитель) Сиракуз. *Тимолеон* — коринфский полководец и государственный деятель.

Идея (стр. 386). Перевод стих. «Une idée». Впервые — в «Искре», 1870, № 13, стб. 461. Как и «Барабаны», стихотворение не попало в VI изд. «Песен Беранже» (1874) по цензурным причинам — см. заметку П. А. Ефремова на экземпляре изд. 1869 г., подаренном ему Курочкиным, т. 1, стр. VIII (Гос. лит. музей в Москве).

Будущность Франции (стр. 388). Перевод стих. «Les infinement petits ou la gérontocratie». Впервые — в «Отечественных

записках», 1871, № 7, стр. 105—106. Стихотворение Беранже написано в годы Реставрации. Курочкин ввел в перевод строку «Париж войсками осажден», которая напоминала читателям о недавних событиях франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Барабаны (стр. 390). Перевод стих. «Les tambours». Впервые — в «Отечественных записках», 1871, № 8, стр. 397—399. Подзаголовок, указывающий на исторический момент, к которому относится стихотворение, принадлежит Курочкину. См. также стр. 664, примечание к «Идее».

Действие вина (стр. 393). Перевод стих. «Ma guérison». Впервые — в «Отечественных записках», 1871, № 8, стр. 399—401. Стихотворение Беранже написано в тюрьме в 1821 г.

Старость (стр. 396). Перевод стих. «La vieillesse». Впервые — в «Отечественных записках», 1871, № 8, стр. 401—402.

Королевская фаворитка (стр. 398). Перевод стих. «La maîtresse du roi». Впервые — в «Искре», 1872, № 11, стб. 161—162

Ж.-Б. ГРЕССЕ

Попугай (стр. 401). Перевод поэмы «Ver-vert». Впервые — в «Отечественных записках», 1875, № 2, стр. 515—536. Печ. с исправлениями по автографу (рукоп. отд. Пушкинского дома). Поэма переведена летом 1874 г. Грессе — французский поэт и драматург XVIII в. *По бозе* — о боге, ради бога. *Вотще* — напрасно. *Зане, понеже* — так как, потому что. *Но истинно глаголю вам* — цитата из евангелия (слова Иисуса Христа, неоднократно повторяющиеся в нем), иронически использованная Курочкиным. *Семо и овамо* — здесь и там. *И се — не бе Дружка* — и вот уж нет Дружка. *Кармелиты* — монашеский орден, основанный якобы пророком Ильей. *Сивилла* (греч. миф.) — пророчица. *Авгурша.* Авгур — в древнем Риме жрец, делавший предсказания по крику и полету птиц. *Мегера* (греч. миф.) — одна из Эриний (фурий), богинь мщения. В переносном смысле — злая, сварливая женщина. *Погибшего, но милого злодея* — «перепев» строки из «Пира во время чумы» Пушкина: «Погибшего — но милого созданья». *Атропо* (греч. миф.) — одна из трех парок, богинь судьбы, обрезающая нить жизни человека. *Богини сын* — Эрот, бог любви (греч. миф.). *Метампсихоза* — религиозно-мистическое учение, согласно которому человеческая душа, после смерти тела, возрождается в другом человеке или в животном, растении.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Американский принц и африканская принцесса (стр. 424). Перевод анонимной пародийной пьески XVIII в. «Plan d'un opéra en trois actes». Впервые — в «Биржевых ведомостях», 1875, № 142, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под переводом: Всеволод Пагодин. *Обаче* — однако, впрочем. *Паллада* — Афина, богиня мудрости и войны (греч. миф.). *Глаголет сице* — говорит так.

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

Смерть волка (стр. 427). Перевод поэмы «La mort du loup». Впервые — в «Современнике», 1864, № 6, стр. 407—410. Виньи — французский поэт, романист и драматург романтической школы. *Волчицы, славной в Риме...* Имеется в виду культ Капитолийской волчицы в древнем Риме; по преданию, она вскормила Ромула и Рема, легендарных основателей Рима.

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Декабрьская ночь (стр. 430). Перевод поэмы «La nuit de décembre». Впервые — в «Современнике», 1858, № 10, стр. 442—446. Печ. с исправлениями по экземпляру изд. 1869 г. (т. 1, стр. 27), подаренному Курочкиным П. А. Ефремову (Гос. лит. музей в Москве). Мюссе — французский писатель романтической школы, поэт, прозаик, драматург.

Ива (стр. 436). Перевод стих. «Lucie». Впервые — в «Веке», 1861, № 2, стр. 58—59. *Дездемона* — героиня трагедии Шекспира «Отелло».

ОГЮСТ БАРБЬЕ

Всемирная слава (стр. 439). Перевод стих. «La reine du monde». Впервые — в «Искре», 1865, № 48, стр. 642. Барбье — французский поэт, выступивший после революции 1830 г., воспевший борьбу народа и заклеймивший предательство буржуазии.

В маскараде (стр. 442). Перевод сценки «Au bal de l'opéra». Впервые — в «Искре», 1866, № 44, стр. 573. *Киприда* — Афродита, богиня любви и красоты (греч. миф.).

ГЮСТАВ НАДО

Вежливый вор (стр. 445). Перевод стих. «L'aimable voleur». Впервые — в «Искре», 1865, № 22, стр. 306, подпись: Z. Надо —

французский поэт-песенник. В 1859 г., помещая в «Искре» переводы из Надо Л. А. Мея, Курочкин сопроводил их редакционным примечанием. «Очень неглубокое содержание в очень игривой форме, — писал он, — особенность всех песен Надо. Переводчиком выбраны те из них, в которых, при оригинальности формы, заключена и мысль не менее оригинальная, так как русский язык не признает стихотворных игрушек, только ласкающих ухо. Большая часть остальных песен Надо или уже чересчур легки и грациозны по форме в ущерб содержанию, или... отличаются совершенно местным характером» (1859, № 38, стр. 373). *Картуш* — глава бандитской шайки, терроризировавшей Париж в начале XVIII в. Его имя стало нарицательным для обозначения вора и бандита. *А ведь сей металлический звон...* Имеется в виду начало оды Державина на смерть кн. Мещерского.

ВИКТОР ГЮГО

Седан (стр. 448). Перевод цикла «Sedan» из книги «L'année terrible» («Грозный год»). Впервые — в «Отечественных записках», 1872, № 7, стр. 246—250, с следующим примечанием: «Предположив перевести несколько стихотворений и отрывков из новой книги Гюго, я остановил свой выбор на таких, в которых наиболее рельефно выражается, в связи с общим миросозерцанием Гюго, его взгляд на современные события и его глубоко оригинальная манера изложения. Я желал познакомить русскую публику именно с этим взглядом и этим, так сказать, поэтическим слогом Гюго, в неразрывном сочетании идеи и формы, не касаясь стихотворений чисто политических и вполне местных, принимающих иногда даже характер полемики. Такими же соображениями руководствовался я, выпуская в переводимых мною пьесах целые страницы, почти неодолимая трудность перевода которых русскими стихами, при нынешнем состоянии нашей версификации, едва ли бы вознаграждалась той долей их бесспорного значения, которую они могут представлять для русских читателей. Александрийский стих, хотя, по моему мнению, не особенно близкий духу русского языка, представлялся мне существенным и необходимым условием формы при передаче «Грозного года». Затем распространяться о значении самой книги и ее автора считаю излишним, это было бы все равно, что доказывать важность событий, составляющих ее содержание». Курочкин предполагал напечатать в «Отечественных записках» еще несколько переводов из «L'année terrible», но предостережение, объявленное журналу, помешало этому. Н. С. Курочкин, заменявший Салтыкова и Некра-

сова в их отсутствие, писал последнему 1 августа 1872 г., что он «отказался из опасения новой беды от помещения продолжения „Грозного года"» («Архив села Карабихи», М., 1916, стр. 117). *Седан* — французская крепость. Здесь в сентябре 1870 г. Наполеон III вместе с восьмидесятишеститысячной армией сдался в плен прусским войскам. *Тулон — убийцам вауряд.* В Тулоне находилась каторжная тюрьма. *Брюмер* — то есть государственный переворот, совершенный Наполеоном I в ноябре 1799 г. (18 брюмера VIII года по республиканскому календарю), в результате которого он стал первым консулом и неограниченным повелителем Франции. *Святая Елена* — остров св. Елены, куда был сослан Наполеон I после «Ста дней» (1815) и где он умер. *Ватерлоо* — селение под Брюсселем; в сражении при Ватерлоо в июне 1815 г. армия Наполеона I была совершенно разбита англо-прусскими войсками. *Днем второго декабря.* 2 декабря 1851 г. племянник Наполеона I Луи-Наполеон, избранный в 1848 г. президентом Франции, совершил государственный переворот, продлив свои полномочия на 10 лет, а через год, 2 декабря 1852 г., провозгласил себя императором под именем Наполеона III. *Шасспо и Дрейз на них выдерживали пробы.* Ружьями системы Шасспо были вооружены во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. французские войска, а ружьями системы Дрейзе — немецкие.

М. МОНЬЕ

Принц Лутоня (стр. 453). Переделка комедии «Le roi Baboleín». Впервые — в «Слове», 1880, № 12, стр. 19—56. Монье — французский писатель, историк и историк литературы, автор сатирических пьес. По свидетельству одного из сотрудников «Искры», Курочкин «за два или три года до смерти... затеял целый ряд юмористических пьес на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы, с неподдельным простонародным юмором и веселостью хорошего тона. Он успел написать несколько таких маленьких пьес с большим талантом... Пьески мне читал сам покойный Василий Степанович» (В. В. Чуйко, Современная русская поэзия в ее представителях, СПб., 1885, стр. 182). Одной из них и был «Принц Лутоня». Остальные до сих пор не обнаружены; весьма вероятно, впрочем, что к их числу принадлежит также «Американский принц и африканская принцесса» (стр. 424). «Принц Лутоня» написан Курочкиным не раньше 1872 г. Понимая неизбежность цензурных затрудне-

ний, он заявил в предисловии, что «Le roi Baboleín», «как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье». Курочкин очень любил свою пьесу, но попытки напечатать ее были безуспешны. «Принц Лутоня» был опубликован уже после смерти поэта его братом, при этом по цензурным причинам ему пришлось кое-что изменить, в частности смягчить конец. *Шербюлье В.* — французский писатель и публицист. *Вертеп* — деревянный ящик, служивший в старину для кукольных представлений. *«В чародействе красных вымыслов»* — стих из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец». *Подчасок* — помощник полицейского, стоящего на посту. *Давид* — полулегендарный древнееврейский царь. *Минерва* (рим. миф.) — богиня мудрости. *Жрец я Озириса, Сераписа...* Здесь и на следующих страницах (в репликах Старца и Поэта) перечисляется ряд древнеегипетских богов и священных животных. *Обаче* — однако. *Не к судье Шемяке* — см. стр. 633. *Соломон* — древнееврейский царь, которому предание приписывало исключительную мудрость. *За то, что пел коляски.* Намек на стих. А. Н. Майкова «Коляска», в котором он прославлял Николая I. *Аршинник* — купец. *Вертоград* — сад, виноградник. *Как у Гете, знаете? — dahin!* О «Миньоне» Гете. *А к прогрессу точку...* Намек на кн. В. П. Мещерского, см. стр. 655. *Keньги* — теплая зимняя обувь. *Есть такая басенка Крылова* — «Кот и повар». *Он мудрец египетский — Астронин,* то есть А. Стронин, социолог-идеалист, выпустивший в 1872 г. книгу «Политика как наука». Речь Философа, все изрекаемые им «истины» и вся его фразеология являются пародией на эту книгу. Постоянная смена революционных и реакционных периодов должна, утверждал Стронин, исчезнуть вместе с развитием социальной науки. Последняя выработает якобы такие принципы, которые сделают невозможным какой бы то ни было антагонизм между людьми. При помощи странных и нелепых вычислений он пришел к выводу, что Россия раньше других государств вступит на этот путь и никаких революционных переворотов в русской жизни не предвидится. *Снял покров с Изиды.* Древнеегипетской богине Изиде приписывались глубокие знания и мудрость. На храме Изиды в Саисе было написано: «Я то, что было, есть и будет; никто из смертных не приподымал моего покрывала». *Что с улыбкой правду говорил.* Ср. с «Памятником» Державина: «Истину царям с улыбкой говорить». *Маммон* — утроба, желудок. *Живот* — жизнь.

Г.-Э. ЛЕССИНГ

Овца (стр. 500). Перевод басни «Zeus und das Schaff». Впервые — в «Семье и школе», 1874, № 11, кн. 1, стр. 413—414. Лессинг — немецкий драматург, критик, теоретик искусства и публицист, глава немецкого Просвещения XVIII века. Басня Лессинга, заимствованная у Эзопа, написана в прозе.

Ф. ШИЛЛЕР

Начало нового века (стр. 502). Перевод стих. «Der Antritt des neuen Jahrhunderts». Впервые — в кн. «Лирические стихотворения Шиллера в переводе русских поэтов, изд. под ред. Н. В. Гербеля», т. 1, СПб., 1857, стр. 50—51. *Бог Нил, старый Рейн и океан суровый.* Имеются в виду войны революционной Франции и, позже, Наполеона против коалиции государств во главе с Англией. Эти войны происходили в разных местах, в том числе в Египте, в германских государствах, на море. *Два народа* — Франция и Англия. *Как Бренн в былые годы.* По преданию, предводитель одного из гальских племен Бренн, вторгшийся в IV в. до н. э. в римские владения и осадивший Рим, потребовал выкуп в 1000 фунтов золота. Когда римляне стали жаловаться, что галлы при взвешивании золота употребляют слишком тяжелые гири, Бренн с вошедшим впоследствии в поговорку возгласом «Горе побежденным!» (Vae victis) бросил свой меч на чашу весов. *Амфитрита* (греч. миф.) — богиня моря.

РОБЕРТ БЕРНС

Песня бедняка (стр. 504). Впервые — в «Русском вестнике», 1857, июль, кн. 2, стр. 320. Это не перевод какого-нибудь одного произведения Бернса, а стихотворение, сотканное из мотивов разных его вещей.

СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Педагогическое нововведение (стр. 507). Впервые — в «Искре», 1859, № 25, стр. 237—242, подпись: Борис Фаддеев. Стихотворение, с рядом исправлений, вошло в изд. 1869 г. В своей книге «Основные вопросы воспитания» (1859) реакционный педагог, впоследствии цензор Н. А. Миллер-Красовский ратовал за воспитание в строго религиозном духе и беспрекословное повинове-

ние детей. «Быль» о «благоразумном, беспристрастном наставнике», которую Курочкин высмеял в фельетоне, приведена Миллером-Красовским в подтверждение того, что лучший способ сломить «молодую грешную волю» — «сильное моментное потрясение», каким и является «скорая осторожная пощечина». Книга Миллера-Красовского вызвала резкие отзывы в печати — не только в «Современнике» (1859, № 6), где появилась рецензия Добролюбова, но и в «С.-Петербургских ведомостях» (1859, № 110), «Русском слове» (1859, № 6), «Библиотеке для чтения» (1859, № 9). Всюду была перепечатана или пересказана «быль» о «благоразумном» наставнике. В более поздней рецензии на ту же книгу, напечатанной в «Журнале для воспитания» (1859, № 9; Полное собр. соч., т. 3, М., 1936, стр. 522), Добролюбов упоминает о стихотворении Курочкина. Упоминает о нем также и цитирует последние строки автор рецензии в «Библиотеке для чтения». *«Хроника прогресса»* — отдел «Искры» или, вернее, цикл передовых статей, начатый в № 5 за 1859 г. Слово «прогресс» и в заглавии цикла и в тексте статей употреблено иронически, так как речь идет в них о враждебных прогрессу явлениях общественной жизни и литературы. В цикле «Хроника прогресса» помещен и фельетон Курочкина «Педагогическое нововведение». *Кушелев-Безбородко Г. А.* — меценат, издатель, беллетрист; в 1859—1862 гг. — издатель журнала «Русское слово». *«Северная пчела»* — см. стр. 652. В «Северной пчеле» (1859, № 142) был помещен ответ Миллера-Красовского на рецензию «С.-Петербургских ведомостей». *Балашевич А. Ф.* — редактор-издатель журнальчика «Орел», выходившего в 1859 г.; в «Орле» находим ряд нападок на «Искру. *Как смотрели на драматические опыты барона Розена.* Розен Е. Ф. — поэт, драматург и критик; политический и литературный реакционер. Здесь имеется в виду статья «Цифра 7, или счастливая суббота» («Искра», 1859, № 5), в которой высмеян Розен. *Федоров Б. М.* — мелкий литератор реакционного лагеря, автор доноса на «Отечественные записки» и Белинского; насмешливо упомянут здесь как автор многочисленных назидательных произведений для детей, в которых прославлялись послушание, угодливость и пр. Псевдоним «Борис Фаддеев» является контаминацией имен Бориса Федорова и Фаддея Булгарина. *Через ф(ферт)* — то есть через «ф», а не фиту; ферт — старинное название буквы *ф*.

Эмансипированная чиновница (стр. 513). Впервые — в «Искре», 1859, № 39, стр. 388—391, без подписи. Авторство Курочкина определяется тем, что стихотворение «Древо»

вошло в изд. 1869 г. «Эмансипированная чиновница» — пародия на комедию В. А. Соллогуба «Une preuve d'amitié» («Доказательство дружбы»), изданную и поставленную в Париже в 1859 г. В своем фельетоне Курочкин тесно связал ее с более ранней пьесой Соллогуба «Чиновник» (1856), которая является вторым объектом пародии. Об этом говорят эпиграф, начало фельетона, цитаты из «Чиновника» и пр. Сестру Надимова Курочкин превратил в главную героиню «Доказательства дружбы», между тем как у Соллогуба это — молодая вдова графиня Серней. Комедия «Чиновник», наиболее заметное произведение либерально-обличительной драматургии 50-х годов, была проникнута весьма благонамеренными тенденциями. Ее герой, ходульный идеальный чиновник Надимов, видит главное и едва ли не единственное зло русской жизни во взяточничестве и произносит на эту тему громкие и пошлые речи. При этом его стремления вызваны желанием не изменить, а, напротив, укрепить устои существующего социально-политического строя. Громкие фразы Надимова пришлись по душе части русского либерального общества, и пьеса, поставленная на сцене Александринского театра, пользовалась успехом. Напротив, «пустейший из пустозвонов» Надимов был зло высмеян Добролюбовым в рецензии на «Губернские очерки» Щедрина («Современник», 1857, № 12; Полное собр. соч., т. 1, 1934, стр. 183) и самим Щедриным в очерке «Озорники» («Рус. вестник», 1857, янв., кн. 1; Полное собр. соч., т. 2, Л., 1933, стр. 267—268). «Публика приходила в неистовый восторг и рукоплескала г. Надимову, — язвительно писал Добролюбов, — как будто бы он в самом деле принялся вырывать зло с корнями». Таково же было отношение к «Чиновнику» «Искры». Существенным моментом пародии Курочкина является то, что ее главная героиня — сестра Надимова не только по крови; в речах Оленьки вариируются фразы ее брата («Крикнула на всю Австрию», «Нужно крикнуть на весь Париж»). Сближая Оленьку с братом, Курочкин как бы мимоходом пишет: «Кому подарить счастие? Не материальное, разумеется, потому что материальное она могла возвратить работавшим на нее крестьянам большого села Надимовки». Де Кебриана и других бездельников — героев «Доказательства дружбы» Курочкин также называет Надимовыми, и это достаточно ясно показывает его отношение к образу идеального чиновника. *Картель* — письменный вызов на дуэль. *Жанен Ж.* — французский буржуазный писатель, фельетонист, театральный и литературный критик. *Комми* — приказчик, продавец в магазине. *Что ж делать? Гордый наш язык..* — «перепев» двух строк из «Евгения Онегина». «*Древо*».

Первая половина — перевод приведенного выше начала стихотворения Соллогуба; вторая — пародия на него; элементы пародии имеются, впрочем, и в первой половине. *В парике маркиза славянин...* Намек на французоманию Соллогуба. *Тарантас* — заглавие его наиболее известного и значительного произведения, написанного в 40-х годах. *Борис Фаддеев (тот самый, который навязал нам...* — см. «Педагогическое нововведение» и примечание к нему, стр. 507—508 и 671. *В наше время, когда* или в настоящее время, когда... — слова, очень часто встречавшиеся в либерально-обличительных статьях второй половины 50-х годов. Добролюбов превратил их в пародийную формулу, высмеивающую либеральные надежды и либеральное пустословие. Вслед за ним неоднократно употреблялась в демократической журналистике 60-х годов.

Теория полемики (стр. 520). Впервые — в «Искре», 1859, № 44, стр. 437—442. Тема фельетона — боязнь гласности — многократно фигурировала на страницах «Искры», в том числе в стихотворениях Курочкина — см., например, «Явление гласности» и примечание к нему (стр. 50 и 623—624). *Дымман Е. А.* — генерал, сотрудник «Ведомостей С.-Петербургской полиции», автор книги «Наука жизни, или как молодому человеку жить на свете» (1859), которую и имеет в виду Курочкин. Слова «практический мудрец» связаны со статьей Добролюбова («Современник», 1859, № 6). Добролюбов называет Дыммана пропагандистом «молчалинской теории умеренности и аккуратности». И действительно, книга Дыммана полна анекдотическими поучениями о том, как, не стесняясь средствами, добиться житейского благополучия. Но Добролюбов не имел возможности указать, что Дымман был, кроме того, монархистом, писал о необходимости любить больше всего на свете «законных наших государей» и пр. Курочкин имеет в виду главку «Прошу не затрудняться». «При встрече как в важных, так и в самых малейших делах, преграды и неудобоисполнения немедленно произношу я громогласно: «NN (мое имя и отчество), прошу не затрудняться!» и с этими словами бросаюсь на затруднения, как говорят французы, обеими ногами» (стр. 212). *Будочник* — см. стр. 659. *Ответ на статью г-на Павла Якушкина* — см. стр. 641. *Опрометчиво приняли за вымышленный рассказ.* Курочкин говорит об остроумной статье «Фантазия в искусстве», напечатанной в «Искре» за месяц до этого (1859, № 40). Статья появилась без подписи и приписывается обычно Г. З. Елисееву. Но возможно, что эта ссылка на нее указывает на авторство Курочкина. *Статьи,*

направленные против действий этого Общества — см. примечание к «Годовщине общего собрания акционеров...», стр. 630.

Осьмнадцать миллионов (стр. 528). Впервые — в «Искре», 1860, № 3, стр. 26—28, подпись: Пр. Знаменский. *Н. Перозио, лев нынешнего сезона...* В 1859 г. Перозио напечатал несколько статей о деятельности акционерных обществ, а незадолго до появления фельетона был участником диспута о деятельности Русского общества пароходства и торговли; об этом диспуте см. «Турнир в «Пассаже» и примечание к нему, стр. 41 и 622. В фельетоне речь идет о статье Перозио «Акционерам русских компаний» в новогоднем номере «С.-Петербургских ведомостей». *Иский* — ищущий.

Критик, романтик и лирик (стр. 532). Впервые — в «Искре», 1860, № 8, стр. 86—91, подпись: Пр. Знаменский. В первой половине 1860 г. стихотворения К. К. Случевского, до этого мало кому известного поэта, были напечатаны в нескольких номерах «Современника» (куда попали через Тургенева) и «Отечественных записок». Эти стихотворения, свидетельствовавшие о поэтическом даровании их автора, вместе с тем характеризовали его как безусловного приверженца «чистой поэзии». Естественно, что они не могли не вызвать противодействия у сторонников реалистического, социально направленного искусства. Оно еще более усилилось в связи с восторженной статьей консервативного критика А. А. Григорьева, который поставил Случевского выше всех современных русских поэтов («Сын отечества», 1860, № 6). В «Искре» и «Современнике», благодаря которому стихи Случевского стали широко известны читающей публике, появился целый ряд насмешливых откликов. В пародиях Н. Л. Ломана (под псевдонимом: Гнут) и Добролюбова были зло высмеяны основные черты его поэзии, неприемлемые для демократического лагеря. Фельетон Курочкина и первая пародия Ломана на Случевского (на его стихотворение «На кладбище»), появившаяся в том же номере «Искры», были напечатаны непосредственно после статьи Григорьева. Курсив в цитатах из статьи Григорьева и в стихотворении Случевского принадлежит Курочкину. «Сын отечества» — см. стр. 631. *«Москвитянин»* — реакционный журнал, выходивший под редакцией М. П. Погодина в 1841—1856 гг. Григорьев активно сотрудничал в нем с 1851 г. *Тарас Скотинин* — герой комедии Фонвизина «Недоросль». *Прямо на петергофскую* — то есть в больницу для душевнобольных. *Замечательных статей Костомарова, Тургенева, Щедрина...* В № 1 «Современника» за 1860 г. были напечатаны

статья Н. И. Костомарова «Начало Руси», направленная против норманской теории происхождения русского государства, речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», сатира Салтыкова-Щедрина «Скрежет зубовный». О «Гамлете и Дон-Кихоте» Григорьев сказал несколько слов в конце своей статьи, высоко оценив это произведение Тургенева. *Минаев Д. Д.* — сатирический поэт, переводчик, фельетонист; один из наиболее активных сотрудников «Искры» с весны 1860 г. до ее прекращения; в 60-е годы печатался также в «Русском слове», «Современнике» и других журналах. *Крестовский* — см. стр. 645. *Зернинское.* Упомянув имя историка А. П. Зернина, Курочкин, повидимому, имел в виду то обстоятельство, что его работы не отличались самостоятельностью и нередко состояли преимущественно из цитат. Так, по поводу его статьи «О самозванцах», появившейся в 1858 г. в «Библиотеке для чтения», Чернышевский писал, что в ней «круглым счетом оказывается на 64 страницы 9 страниц, принадлежащих автору» («Полное собр. соч.», т. 5, М., 1950, стр. 792). *Пилянкевич Т.* — автор стихотворений, напечатанных в 1858 г. в журнале «Атеней»; был высмеян Добролюбовым в статье «Атенейные стихотворения», опубликованной в «Искре» (1859, № 6). *Татаринов П.* — лубочный писатель. *Ананьевский.* Кого имеет в виду Курочкин — установить не удалось. Возможно, что это опечатка и речь идет о маньяке и графомане А. Е. Анаевском, издавшем в 40—60-е годы ряд анекдотически нелепых книжонок. *Аксеновский Д.* — придворный мастер водоочистительных машин, поэт-самоучка, автор многочисленных стихотворений ко дню рождения, крещения и т. д. особ царствующего дома. *Овчинников А.* — переводчик 2-й части «Фауста» Гете, вышедшей в 1851 г. и вызвавшей насмешливые отзывы. *Упоительное курево* — слова из «Мертвых душ». Характеризуя в начале VII главы два типа писателей, Гоголь говорит об одном из них: «Он окурил упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни». Ему Гоголь противопоставляет тяжелую долю писателя, который дерзнул «вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами... всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь».

Газета «День» и Иван Яковлевич Корейша (стр. 541). Впервые — в «Искре», 1861, № 45, стр. 653—658, подпись: Пр. Знаменский. Разумеется, Курочкин не отождествлял славянофила И. С. Аксакова с мракобесом Аскоченским. Однако приверженность обоих к православию, их великодержавный шовинизм и ненависть к революционному движению («увлечениям»), материализму и пр. давали основание для их сближения, особенно

в связи с приветствием Аскоченского по адресу «Дня». Стихотворение вошло в изд. 1869 г. *«Приветствовал назад тому две недели появление... „Дня"».* О статье в № 42 «Домашней беседы» («Блестки и изгарь»). *«Не Гарибальди какого-нибудь или Рикасоли».* Аскоченский враждебно относился ко всем проявлениям национально-освободительного движения, и потому итальянский политический деятель, умеренный либерал Б. Риказоли был для него так же неприемлем, как и Гарибальди. *Между отрицанием юбилеев* — см. передовую статью № 3 «Дня». *И юбилейными липами.* Намек на стих. Тютчева «Князю П. А. Вяземскому»: «И так над вами юбилейно Петровы липы зашумят» (№ 2). *Между нападками на г. Чичерина и разными красноречивыми фразами противу всякого рода увлечений.* Говоря о нападках на Чичерина, Курочкин имеет в виду передовую статью № 5 «Дня», где Аксаков, не называя Чичерина, полемизирует с его вступительной лекцией по государственному праву в Московском университете («Моск. ведомости», 1861, № 238). Противоречие Курочкин видит в том, что Аксаков относится к «увлечениям», то есть к передовым идеям и передовому общественному движению, так же неприязненно, как и Чичерин, и им, казалось бы, не о чем спорить. *Русским безобразием.* О передовой статье № 4 «Дня». Говоря о «безобразии» русской жизни, Аксаков усматривает в нем «подвиг самобытного народного духа», «протест живой и живучей, непокорившейся силы народной». В уста «святой Руси» Аксаков вкладывает обычные славянофильские причитания: «Оттого я так безобразна, — отвечает святая Русь, — что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи во немецкий тесный... кафтан!» *Ювенал* — см. стр. 649. *Читатель... не догадается, что принадлежит здесь г-ну Аскоченскому и что г-ну Аксакову.* Аксакову принадлежит первый и четвертый отрывки (из передовых статей №№ 2 и 3 «Дня»), Аскоченскому — второй (из статьи «Чего главнее всего недостает нашим университетам» в № 45 «Домашней беседы») и третий (из статьи о «Дне» в № 46). *Статью Киреевского «Индифферентизм».* Киреевский И. В. — публицист, философ-мистик, один из основоположников славянофильства. В этой статье (с подзаголовком «Из письма покойного И. В. Киреевского к N») говорится о преимуществах православия перед католицизмом и протестантством. *Стуколкины Л. П.* и *Т. А.* — артисты петербургской балетной труппы. *Погодин* — см. стр. 635. *Ламанский В. И.* — филолог и историк-славист; публицист, близкий по своим взглядам к славянофилам. *Бертрам* — повидимому Бертран, персонаж французской

мелодрамы «L'auberge des Adrets» («Постоялый двор в Адре»), коварный злодей, сообщник бандита Робера Макера. *Парни Э.-Д.* — французский поэт конца XVIII — начала XIX вв., автор сборника элегий «Эротические стихотворения» и других произведений так называемой «легкой поэзии», антирелигиозной поэмы «Война старых и новых богов» и пр. *Зад* — маркиз де Сад, французский порнографический писатель конца XVIII в.; свойственное ему соединение жестокости и разврата получило название садизма. *Фоблаз* — герой скабрезного романа французского писателя Ж.-Б. Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера Фоблаза» (1787). *Полногрудая Лурлея* — из стих. Аскоченского «Лурлеин утес» (подражание «Лорелее» Гейне). В 1846 г. Аскоченский издал в Киеве сборник стихотворений. Обнаружив эту книжку, а в ней, наряду с религиозными, и любовные мотивы, искровцы неоднократно использовали их в своих сатирах и карикатурах на Аскоченского. *Асмодей* — библейский злой дух, сластолюбивый демон; ср. ниже заглавие романа Аскоченского. *Гименей* (греч. и рим. миф.) — бог брака, покровитель супружеской любви. *Лета* (греч. миф.) — «река забвения» по пути в царство мертвых. По представлениям древних греков, тени умерших, испив воды из Леты, забывали свою земную жизнь. *Изгарь* — «Блестки и изгарь», отдел «Домашней беседы». *«Пчела»* — газета «Северная пчела». *«Инвалид»* — газета «Русский инвалид». *Краевский, Старчевский* — см. стр. 639 и 652. *Гудеть сбирается «Гудок».* В 1862 г. выходил близкий к идейному направлению «Искры» сатирический журнал «Гудок». *«Свисток»* — сатирическое приложение к «Современнику». *И робко смотрит на восток.* Дальше (вплоть до клятвы Аскоченского) речь идет о московских журналах и газетах; выше перечислены петербургские. *«Вестник английский»* — «Русский вестник»; намек на англофильство Каткова в годы его либерализма. *То «Наше время»* — см. стр. 643. *«Маяк»* — ультрареакционный журнал, издававшийся в 1840—1845 гг., предшественник «Домашней беседы» Аскоченского. *Газеткою убогой* — то есть «Домашней беседой». *Сердитым Дорофеем* — см. «Ворчун Дорофей» и примечание к нему, стр. 69 и 626. *Камбека ерундой* — см. стр. 635. *Статьей Дубровского про Ганку.* «Воспоминание о В. В. Ганке» П. П. Дубровского — «Отечественные записки», 1861, № 2. *Благодеяньями Н. Б.* В разгар студенческих волнений осенью 1861 г. в «Русском инвалиде» (№ 227) появилось письмо в редакцию за подписью магистра законоведения Петербургского университета Н. Б. ⟨Н. А. Безобразова⟩ (публициста крепостнического лагеря), в котором он сообщал о готовности жертво-

вать до 250 р. в год в уплату за обучение пяти студентов, известных своим «хорошим поведением и благонадежностью в науках». *Бланк* — см. стр. 635—636. *Кочка Сохрана* — псевдоним Аскоченского, под которым он выпустил свой роман «Асмодей нашего времени» (1858). *Пастрана* — женщина с бородой и усами, которую демонстрировали в Петербурге и Москве в конце 50-х годов. *Шампи В.* — великан, которого показывали в Петербурге в 1860 г. — «Печальный рыцарь тьмы кромешной...» — «перепев» «Демона» Лермонтова.

Русский разговор петербургских дам (стр. 548). Впервые — в «Искре», 1861, № 45, стр. 661—662, подпись: Тарах Толерансов. Фельетон высмеивает стремление консервативных кругов изгнать из русского языка заимствованные слова, даже прочно утвердившиеся в нем. Борьба с иностранными словами издавна была связана с неприятием того прогрессивного, что шло в Россию из Европы. *Ристори* — см. стр. 629. *«День»* — славянофильская газета. *Лицедейка* — артистка. *Владимирова Е. В.* — в 50—60-е годы артистка Александринского театра. *Личнúк* — артист. *Бурдин* — см. стр. 683. *Потайник* — аноним; в фельетоне употреблено в значении: псевдоним. *Ладóшники, хлопуши* — те, кто аплодируют. *Полетник* — альманах. *Краестишие* — акростих, стихотворение, в котором начальные буквы стихов составляют какое-нибудь имя, слово. *Белявый* — блондин. *Двуглазка* — бинокль. *Нáручень* — браслет. *Щекобрады, бокоуши, бурды* — бакенбарды. *Дурацкое городище* и *Глупов* — из цикла Щедрина «Сатиры в прозе». Впоследствии Глупов явился местом действия «Истории одного города». *Книжница* — библиотека. *Родопомощница* — акушерка. *Бабич* — бабник, волокита. *Зéльница, снадобница* — аптека. *Общество на делянках* — акционерное общество. *Сластничка, лакомка* — бонбоньерка, изящная коробочка для конфет. *Меженица* — антракт. *Плетеница* — аксельбант. *Весопляс* — акробат. *Леотар* — гимнаст и эквилибрист, выступавший в петербургском цирке. *Письмосклад* — архив. *Самодвига, живуля* — автомат. — Все разъясненные выше слова взяты из упомянутого в конце фельетона «Толкового словаря» В. И. Даля. При всех несомненных заслугах Даля перед русской культурой ему были свойственны указанные выше консервативные тенденции. Прекрасно знавший живую русскую речь и собравший многие ее богатства, Даль создал, однако, не словарь русского литературного языка, а, по словам В. И. Ленина, «областнический словарь» (письмо к А. В. Луначарскому от 18 янв. 1920 г. — Сочинения, т. 35, стр. 369). Нередко Даль и сам придумывал слова.

П о л е м и ч е с к и е п р и е м ы и н р а в с т в е н н ы е п р и н ц и п ы г - н а О х о ч е к о м о н н о г о (стр. 551). Впервые — в «Искре», 1862, № 5, стр. 74—75, подпись: Тр. Тл. В конце 1861 г. в связи с студенческими волнениями и закрытием Петербургского университета в разных периодических изданиях было напечатано много статей о преобразовании университетов. Большая часть этих статей (в том числе статьи профессоров Петербургского университета историков Н. И. Костомарова и М. М. Стасюлевича и историка литературы М. И. Сухомлинова, а также статья Н. П. Барсова, впоследствии профессора Варшавского университета, историка) появилась в газете «С.-Петербургские ведомости». На эти статьи и ополчился публицист «Библиотеки для чтения» Охочекомонный (Д. Ф. Щеглов). Курсив в цитатах из его статьи и в стихотворениях В. Осипова принадлежит Курочкину. *Фельетон Никиты Безрылова* — см. стр. 635. *Армстронгова пушка* — то есть пушка, изобретенная англичанином А.-У. Армстронгом. *Публичное чтение «Египетских ночей»...* В фельетоне, напечатанном в журнале «Век» (1861, № 8), П. И. Вейнберг высмеял некую Толмачеву, выступившую на литературно-музыкальном вечере в Перми с чтением импровизации из «Египетских ночей» Пушкина («Чертог сиял...»). Публичное чтение «Египетских ночей» женщиной было оценено им как совершенно недопустимый поступок. Горячий сторонник женской эмансипации писатель и революционер М. Л. Михайлов напечатал статью-письмо в редакцию «С.-Петербургских ведомостей», в котором резко осудил Вейнберга; вслед за ним в той же газете появился целый ряд аналогичных писем (1861, №№ 51, 59, 62). *«Nos intimes»* — комедия В. Сарду, шедшая в сезон 1861—1862 гг. во Французском театре в Петербурге. *Ступайте с Аскоченским в Летний сад* — см. примечание к «Полезному чтению», стр. 621. *Шаликов П. И.* — писатель и журналист, эпигон Карамзина. *Бедный поэт!* — «перепев» рефрена стих. Жуковского «Певец» («Бедный певец!»). *Беги в ерунду Льва Камбека* — см. стр. 635.

В г о с т я х и д о м а (стр. 557). Впервые — в «Искре», 1862, № 39, стр. 509—514, и № 40, стр. 522—528, без подписи. Авторство Курочкина устанавливается на том основании, что центральная часть первого фельетона и стих. «О поэт...» из второго (под заглавием «Граф князю») включены в изд. 1869 г. О Вяземском см. на стр. 629. *Нижé* — даже. *Поэт прямо говорит...* Дальше следует неточная цитата из стих. «Еще дорожная отметка». I. В г о с т я х. *Я был у Гумбольдта в Берлине...* Гумбольдт А. — немецкий ученый и путешественник. Фарнгаген фон Энзе К.-А. — немецкий писатель и критик.

О Гумбольдте и Фарнгагене и встречах с ними Вяземский говорит в стих. «Берлин». *Зане* — потому что. *Снежок в Берлине показался...* В этом отрывке пародируется стих. «Масленица на чужой стороне». Из него взяты слова, набранные курсивом. *Нашел, что жил здесь Виноградов...* О товарище Ломоносова Д. И. Виноградове, посланном вместе с ним за границу учиться; впоследствии основатель фарфорового производства в России. Вяземский ездил в Фрейберг, надеясь обнаружить там какие-нибудь следы пребывания Ломоносова. Роясь в архиве горного училища, он натолкнулся на имя Виноградова, но ни одного упоминания о Ломоносове не нашел (см. стих. «Фрейберг» и примечание к нему Вяземского — сб. «В дороге и дома», стр. 111—114 и 362). *Не знает, жив ли Соллогуб...* За полтора года до этого В. А. Соллогуб выступил в роли апологета Вяземского; см. примечание к «Стансам...», стр. 629—630. Резко враждебное отношение Вяземского к Белинскому проявилось в ряде стихотворений, вошедших в сборник «В дороге и дома», в том числе в стих. «Фрейберг». При этом Вяземский ополчался не только против самого Белинского, но еще в большей степени против продолжателей его дела — революционных демократов 60-х годов. В стих. «Когда Карамзина не стало...» (стр. 321) есть, например, такие строки: «Белинский умер; жив Белинский! Его непресекаем род» и т. д. *Ах, как мы славно, беззаботно...* Этот отрывок является пародией на «Очерки Карлсбада», II. Из него взяты набранные курсивом слова. *Кажется, о Праге.* Стих. «Прага» напечатано не в славянофильской газете «День», а в славянофильском журнале «Русская беседа» (1858, № 3). *Я сочинил даже стихотворение...* Речь идет о стих. «Очерки Карлсбада», III. *Бенедиктов В. Г.* — поэт, один из главных представителей вульгарного романтизма 30—40-х годов; стихи его отличались внешним блеском, риторикой, изысканными образами и сравнениями. В 50-е годы отдал дань либеральному обличительству. *Портрет при стихах.* Имеется в виду стих. «При посылке двух моих портретов». В газете «Наше время» (см. о ней на стр. 643), где появились другие стихотворения Вяземского, напечатано не было. Впервые опубликовано в сб. «В дороге и дома». *Я помню Киссингена тени...* Пародия на стих. «Киссинген», I. Набранные курсивом строки — начало этого стихотворения. Большая его часть посвящена баварцу-мельнику, о котором между прочим говорится: «...почтенный старец, Не то что наш — колдун и сват». Это намек на комическую оперу А. О. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». *Приятно, если мы встречаем...* Насмешка над стих. Вяземского «Самовар». *Попавшаяся ему на глаза р я б и н а...* О стих. «Рябина».

Гид — здесь путеводитель. *Кроль Н. И.* — поэт; в 50-х годах стоял на позициях «искусства для искусства», затем сотрудник «Искры» и других изданий демократического лагеря. *Арбузов Н. А.* — поэт 50—60-х годов. *Давыдов Д. В.* — поэт, один из руководителей партизанского движения во время Отечественной войны 1812 г. «Собутыльники», «обширны чаши», «пунш жестокий», «громогласные шампанского оттычки» и пр. занимают в его поэзии немалое место. *Арзамасское общество* или Арзамас — литературное общество (1815—1818), в котором принимали участие Жуковский, Батюшков, Пушкин и др.; возникло в противовес другому литературному обществу «Беседа любителей российского слова», стоявшему на реакционных политических и литературных позициях. *Праздник 8 января 1851 г.* — пятидесятилетие государственной деятельности Д. Н. Блудова. В молодости член Арзамаса, он был затем делопроизводителем следственной комиссии по делу декабристов, управляющим министерством внутренних дел, юстиции и пр.; с 1855 г. — президент Академии наук, с 1862 г. — председатель Государственного совета и комитета министров. *Переворот 2 декабря 1851* — см. стр. 668.
II. Дома. На Спиридоновке. На Спиридоновке в Москве помещалась редакция славянофильской газеты «День»; редактировал «День» поэт и публицист славянофильского лагеря И. С. Аксаков. В уста Аксакова (как далее и других) Курочкин вкладывает отрывки из близких ему по содержанию стихотворений Вяземского; курсив принадлежит Курочкину. *А! вот и он с открытой головой* и т. д. — из стих. Вяземского «На церковное строение». Первая строка несколько изменена. Не Вяземскому, а Курочкину принадлежат, разумеется, слова «разряженных крестьян», выражающие отношение Курочкина к изображению народа в антидемократической литературе. *С.-Петербуржские.* В «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» и в «Отечественных записках» в первые годы их существования А. А. Краевский ввел некоторые орфографические новшества, в частности вместо обычного написания «петербургский» было принято «петербуржский». В свое время об этом много говорили и писали. Фактическим редактором газеты «С.-Петербургские ведомости», о которой упоминает Аксаков, был в 1852—1862 гг. тот же Краевский. *О возвращении мне права быть редактором «Дня».* Летом 1862 г. Аксаков был лишен этого права, и газета три месяца не выходила. Осенью она возобновилась, однако редактирование «Дня» было разрешено Аксакову лишь с 1863 г., о чем сообщалось в объявлениях о подписке. *Счастливый день, прекрасный день!..* — неточная цитата из «Романса» А. А. Дельвига. *Пред гос-*

подом богом я грешен! — из стих. Вяземского «Утешение». В Мясницкой части. Курсив в стихах принадлежит Курочкину. О Каткове см. на стр. 642. *Пропал четвертак* — см. стр. 648. *Пропал Гнейст, пропал Этвеш!* Гнейст Р.-Г. — немецкий государствовед, политический деятель и публицист умеренно-либерального направления. В своих книгах идеализировал политический строй Англии, и Катков увлекался им в годы своего либерализма. Впоследствии Гнейст примкнул к Бисмарку. Этвеш И. — венгерский политический деятель и публицист либерального направления, беллетрист. В 1860 г. книги Гнейста и Этвеша были унесены кем-то из редакции «Русского вестника», о чем Катков считал нужным довести до всеобщего сведения в полемической статье «Объяснение» («Рус. вестник», 1860, май, кн. 2, стр. 167). «Искра» не раз высмеивала это «Объяснение». *Мемуары Канлера.* Речь идет о книге «Mémoires de Canler, ancien chef du service de sureté» (Мемуары Канлера, бывшего начальника тайной полиции), вышедшей в 1862 г. *Леонтьев П. М.* — профессор римской литературы Московского университета, реакционный публицист, единомышленник Каткова и его ближайший помощник по редактированию «Русского вестника» и «Московских ведомостей». *Приятель мой, к тому ж рифмач, стихов тетрадью...* и ряд других стихотворных цитат, включенных в этот отрывок, — из цикла Вяземского «Заметки», значительная часть которого направлена против демократической литературы и журналистики. *Прихвачу еще из серьезных...* Дальше следуют две строки из стих. «Дом Ивана Ивановича Дмитриева». *Даже сильнее моей июньской заметки.* Речь идет о «Заметке для издателя „Колокола“», направленной против Герцена, исключительно резкой и наглой по своему тону. Всякого рода возражения на «Заметку» были запрещены цензурой (см. П. Усов. Мои воспоминания — «Историч. вестник», 1883, № 4, стр. 66). *Якушкин П. И.* — писатель и фольклорист демократического лагеря. *Я ей не изменил.* У Вяземского: не изменял. *Мы точь-в-точь двойной орешек...* — цитата из «Подражания арабскому» Пушкина. На Патриарших прудах. Курсив в стихах (кроме слов «бедной Лизы») принадлежит Курочкину. *Лонгинов М. Н.* — библиограф и историк литературы; в молодости был либерально настроен и близок к кругу «Современника», к 60-м годам резко поправел и стал писать в «Русском вестнике» Каткова; в 1871—1875 гг. — начальник Главного управления по делам печати; один из главных виновников гибели «Искры». Лонгинов подготовил к печати и снабдил примечаниями сборник Вяземского «В дороге и дома». *Эраст* — герой повести Карамзина «Бедная Лиза». *Музы на*

твоих прохладных берегах... — из «Вечера на Волге» Вяземского. На Итальянском бульваре... *Николай, как Олай...* — из стих. Вяземского «Поручение в Ревель (Н. Н. Карамзину)». Несколько дальше — пародия на это стихотворение — «О поэт! Ты атлет...» *«Nord»* («Север») — газета, издававшаяся на французском языке в Брюсселе на средства русского правительства, официозный орган. *«Новоселье»* — альманах. *«К ружью»* — сборник шовинистических стихотворений Вяземского, вышедший во время Крымской войны, в 1854 г. *Рюисдаль Я.* — голландский живописец-пейзажист XVII в. В Троицком переулке. Стихотворные цитаты — из «Заметок» Вяземского. Курсив принадлежит Курочкину. *Погоревший литератор* — возможно, имеется в виду Н. С. Лесков и его статьи о петербургских пожарах 1862 г. в «Северной пчеле». (О пожарах 1862 г. см. примечание к следующей статье.) Если это так, то слова о бранных статьях против Вяземского нужно понимать следующим образом. В 1861 г., когда праздновался его юбилей, «Северная пчела», наряду с восторженными статьями Греча, Соллогуба, Погодина, напечатала очень резкую анонимную статью (в № 75), о которой сочувственно отозвалась «Искра» (1861, № 20, «Еще кой-что по поводу юбилея князя Вяземского»). *Сей новый Гракх...* — Братья Гракхи — политические деятели древнего Рима, представители демократии, блестящие ораторы. В Гороховой, на бале у Марцинкевича. *Марцинкевич* — содержатель танцкласса в Петербурге. *Аскоченский* — см. стр. 621. *Я, бывало, куры строю...* — из стих. Вяземского «Дружеская беседа». Курсив принадлежит Курочкину. *В альбом Лурлее* — см. примечание к статье «Газета „День“...», стр. 677. В квартире Камбека. О Камбеке см. на стр. 635. *Покажется она...* — из «Заметок» Вяземского. *Что ж ты, море, так бушуешь...* — из стих. «Ночь в Ревеле». *И в миске суп принес мне грязный поваренок...* — из стих. «Еще дорожная отметка». У Вяземского во второй строке, как и в следующем стихотворении, без курсива. В уборной Александринского театра. Стихотворные цитаты, кроме последней, — из «Заметок» Вяземского. *Каратыгин П. А.* — артист Александринского театра (комик) и водевилист, враг «натуральной школы» и вообще реалистического искусства 40—60-х годов, автор водевиля «Натуральная школа» (1847). *Бурдин Ф. А.* — артист Александринского театра, приятель А. Н. Островского. *Будочник* — см. стр. 659.

Шалости мирмидонов (стр. 577). Впервые — в «Искре», 1863, № 2, стр. 17—20, без подписи. Авторство Курочкина уста-

навливается на том основании, что стихотворение «Эх! Надел бы шлем Ахилла...» под заглавием «Мирмидоны — Куролесовы» включено в изд. 1869 г. Курочкин говорит о полном вырождении крепостничества и тщетных попытках крепостников вернуть прошлое. Слова о «великой реформе» написаны для цензуры и являются «защитным цветом» в борьбе с крепостниками. Курочкин отнюдь не был склонен считать, что крестьянская реформа 1861 г. устроила судьбу крестьян и окончательно ликвидировала крепостничество (см., например, примечание к «Письму об России», стр. 145). *Мирмидоны* — мирмидоняне, древнегреческое племя; в «Илиаде» Гомера они отважно воюют под начальством Ахиллеса (сына Пелея — Пелида) с троянцами. Противопоставление Ахилла мирмидонам находим в стих. Беранже «Мирмидоны, или похороны Ахилла», откуда Курочкин — переосмыслив, применив к иным социальным явлениям — и заимствовал его. *Куролесов* — герой «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, помещик — самодур и деспот. *Эх, наша слава пропала!* — строка из «Старого капрала» Беранже в переводе Курочкина. *Антиспаты.* В журнале «Время» (1862, № 4) были напечатаны лекции покойного Т. Н. Грановского; в одной из них, по недосмотру редакции, вместо «оптиматов» (в древнем Риме — аристократия, знать) несколько раз фигурировало таинственное слово «антиспаты». *И когда все Неоптолемы и Одиссеи...* Здесь пересказана и процитирована баллада В. А. Жуковского «Торжество победителей» (перевод из Шиллера), в которой действуют герои «Илиады» Гомера.

Проницательные читатели (стр. 582). Впервые — в «Искре», 1863, № 32, стр. 421—429, подпись: Пр. Знаменский. Роман «Что делать?», написанный Чернышевским во время заключения в Петропавловской крепости, был опубликован в № 3—5 «Современника» за 1863 г. Скоро после этого в «Северной пчеле» (см. о ней на стр. 652) под псевдонимом «Ростислав» появилась клеветническая статья музыкального критика и беллетриста, впоследствии члена Главного управления по делам печати — Ф. М. Толстого. «Проницательные читатели» и являются отповедью Ф. Толстому за эту статью, а местами пародией на нее. Заглавие статьи Курочкина заимствовано из романа Чернышевского. Как известно, Чернышевский насмешливо обращается к «проницательным читателям», употребляя эти слова в ироническом смысле. Подзаголовок «Из рассказов о старых людях», относящийся к людям типа Ф. Толстого, соответствует подзаголовку к «Что делать?» — «Из рассказов о новых людях». *Долбил краткого Греча* —

то есть «Краткую русскую грамматику» Н. И. Греча, впервые вышедшую в 1828 г. и затем много раз переиздававшуюся. *Не будь этого слова, не было бы и «Сына отечества».* Музыкальный критик М. Я. Раппапорт был постоянным сотрудником «Сына отечества». *Ведь в «Искре» же было сказано...* Имеется в виду статья «Наши газеты» (1863, № 17, стр. 241—242). *Изгарь Аскоченского.* Каламбур: «Блестки и изгарь» — название отдела «Домашней беседы». *А всему виновата толкучка...* Речь идет о петербургских пожарах в мае 1862 г., когда дотла сгорел Апраксин и значительно пострадал Щукин рынок. Пожары были широко использованы правительственными кругами для борьбы с «крамолой». «Северная пчела» хотя прямо не называла революционеров и студентов поджигателями, но и не отрицала их причастности к этому делу. Повторяя нелепые слухи, ходившие по городу, она тем самым способствовала их распространению. В напряженной атмосфере тех дней (совсем незадолго до пожаров появилась прокламация «Молодая Россия», очень напугавшая не только правительственные сферы, но и либеральные круги русского общества) статьи «Северной пчелы» воспринимались как инсинуации, как косвенное указание на вину революционеров и студенческой молодежи. *«С дымом пожара»* («Z dymem pozarów») — начало польской революционной песни (слова Корнеля Уейского). *Самые решительные отзывы были в «Северной пчеле».* Курочкин имеет в виду статью Ф. Толстого и статью Н. С. Лескова «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“», напечатанную в № 142 «Северной пчелы» под псевдонимом «Н. Горохов». Последняя по своему тону решительно отличается от статьи Ф. Толстого. Лесков заявляет, что роман Чернышевского — «явление очень смелое, очень крупное и в известном отношении очень полезное». Вместе с тем он утверждает, что у Чернышевского нет никакого литературного таланта. Опровергая реакционные толки о Чернышевском как о каком-то «всепоглощающем чудовище... вроде Марата», как о чуть ли не «петербургском поджигателе», Лесков пишет, что Чернышевский — «нигилист-постепеновец», что его новые люди «не несут ни огня, ни меча», что идеалы Чернышевского могут быть осуществлены «во всяком благоустроенном обществе» и пр. Иначе говоря, сочувственно отзываясь о Чернышевском, Лесков выхолащивает революционную сущность его идей. Этим и вызваны резкие слова Курочкина о Лескове. Однако статья Курочкина в целом направлена против Ф. Толстого. *Автор «Капли»* — то есть автор поэмы «Таинственная капля» Ф. Н. Глинка, в прошлом — декабрист, один из вождей Союза

благоденствия, а затем мистик и реакционер. Поэма впервые издана в Берлине в 1861 г. Курочкин, вероятно, имеет в виду предисловие и примечания Глинки. *См. статьи «Р⟨усского⟩ в⟨естника⟩» 1860 г. об г-же Евг. Тур.* Речь идет о полемике Каткова с Тур по поводу ее статьи «Госпожа Свечина», в частности об его статье «По поводу письма г-жи Евгении Тур» («Рус. вестник», 1860, апр., кн. 2). *Вспомни сказание о катаракте на глазу г. Конисского.* Конисский А. Я. — в начале 60-х годов канцелярский чиновник Полтавского губернского правления; в 1862 г. выслан в Вологодскую губернию; впоследствии украинский буржуазный писатель и публицист, автор биографии Шевченко. В № 184 «Московских ведомостей» за 1860 г. появилась корреспонденция Конисского о большом пожаре в Полтаве. Он сообщал, что городская пожарная команда прибыла очень поздно. Через месяц в № 212 той же газеты сообщалось, что корреспонденция вызвала в Полтаве целую бурю. В редакцию поступил протест двенадцати именитых лиц, взявших под защиту пожарную команду. Они писали, что у Конисского на одном глазу катаракта, а потому он лишен возможности «видеть предметы в настоящем их виде». *«Чернышевский и его время»* — злобная статья Н. Ф. Павлова («Наше время», 1861, № 28). *Как этого требовали недавно г-да Петерсон и Аскоченский.* В разгар польского восстания в апрельском номере журнала Достоевского «Время» была напечатана за подписью «Русский» вполне благонамеренная, но написанная в спокойном тоне статья Н. Н. Страхова о польском вопросе — «Роковой вопрос». Сразу же после выхода журнала в № 109 «Московских ведомостей» Каткова появилась доносительская статейка некоего Б. Петерсона. Он утверждал, между прочим, что имя автора «Рокового вопроса», если б оно было известно, «произносилось бы с презрением каждым истинно русским». Статейка Петерсона вызвала закрытие «Времени». По поводу правительственного извещения о прекращении журнала «Домашняя беседа» Аскоченского поместила аналогичную статейку «Невероятное событие» (1863, № 24). *См. полемику Н. Павлова с И. Егоровым.* Имеется в виду передовая статья № 128 газеты Павлова (см. о нем на стр. 642) «Наше время» за 1862 г. Она направлена против статьи крестьянина И. И. Иванова об уставных грамотах «Речи из среды крестьянства», напечатанной в журнале «Мировой посредник» (1862, № 9). Иванов (Курочкин по ошибке называет его Егоровым) утверждал, что при наделе в три десятины коломенские крестьяне не смогут выплатить подушные подати и что надел необходимо значительно увеличить. Павлов ответил Иванову

в крайне грубом тоне и предлагал крестьянам сократить свои потребности. *Древнею враждою пешехода к каретам.* Намек на стих. П. А. Вяземского «Свободой дорожу, но не свободой вашей...» (из цикла «Заметки»), направленное против революционных и демократических идей. В нем между прочим читаем: «Есть древняя вражда: к каретам пешехода, Ленивой нищеты к богатому труду». *Штиглиц А. Л.* — банкир, миллионер, в 1860—1866 гг. управляющий Государственным банком. *У Ефремова* — то есть в танцклассе Ефремова. *Не слишком ли уж заслушивается Страуса* — то есть австрийского композитора и дирижера И. Штрауса, в течение многих лет дирижировавшего оркестром в Павловске. По свидетельству современников, успех Штрауса у петербургских дам объяснялся не только его музыкальной одаренностью, но и красивой наружностью. *«Тихое пристанище»* — повидимому, журнал «Якорь». *Дондеже* — доколе. *Поелику* — поскольку. *Кутейник* — презрительное прозвище человека, происходящего из духовного сословия. *Денонсиативное сочинение* — донос. *Следующими словами газеты «Народное богатство».* «Народное богатство» — прогрессивная газета, выходившая в 1862—1864 гг. под редакцией И. Балабина. Здесь и дальше Курочкин цитирует передовую статью № 102 за 1863 г. — «О женском труде». Сочувственные слова о Чернышевском находим и в фельетоне «Вскользь и налету» в том же номере. *Танцевать в Хуторок.* «Хуторок» — петербургский загородный ресторанчик. *Для детей покойный поэт предлагал наклеивать бумажки на некоторые стихи.* В пятом (последнем прижизненном) издании своих сочинений Жуковский напечатал в приложении «поправки», которые необходимо сделать для «молодых читателей». «Здесь означено, к какой песни и к каким стихам принадлежит каждая поправка, — писал он, — стоит только вырезать поправленные стихи и заклеить ими те, которые следует уничтожить в тексте» (Стихотворения, т. 8, СПб., 1849). *Что г-н Чернышевский живет где-то на Петербургской стороне...* В статье Ф. Толстого об этом ничего не говорится. Возможно, что Курочкин намекает на Петропавловскую крепость. *«Взбаламученное море»* — «антинигилистический» роман А. Ф. Писемского, напечатанный в «Русском вестнике» в 1863 г. *Гарвей В.* — английский врач, открывший в начале XVII в. кровообращение. *Булгарин, Бокль* — см. стр. 631 и 649.

«Искра» 1870 года (стр. 599). Впервые — в «Искре», 1870, № 1, стб. 1—4, без подписи. Согласно закону о печати 1865 г. столичные периодические издания освобождались от предварительной цензуры; это не касалось, однако, иллюстрированных изданий,

в том числе сатирических журналов с карикатурами. Опыт редактирования «Искры» в 1868 и начале 1869 г. и сравнение с положением других периодических изданий окончательно убедили Курочкина, что нужно во что бы то ни стало добиваться освобождения журнала от предварительной цензуры, поскольку оно все же несколько расширяло возможности журнала и облегчало борьбу с цензурным ведомством. Хлопоча об этом еще осенью 1865 г., он стремился сохранить хотя бы в замаскированном виде, в виде приложений к «Искре», столь существенный для нее отдел карикатур. Теперь Курочкин пришел к мысли совсем пожертвовать ими, только бы сбросить с плеч каждодневную цензурную опеку. После длительных и настойчивых хлопот ему удалось добиться этого. Передовая статья «„Искра“ 1870 года» и стих. «Надолго ли?» напечатаны в первом номере «Искры», вышедшем без предварительной цензуры. В них — особенно отчетливо в статье — Курочкин недвусмысленно заявил, что «Искра» осталась верна революционным взглядам, но принуждена говорить о них вполголоса. Слова Гете, которые цитирует Курочкин, — из «Посвящения» к «Фаусту».

Письма доброжелателей «Искры» (стр. 602). Впервые — в «Искре», 1870, № 1, стб. 5—16. Авторство Курочкина определяется подписью «Издатель» под ответами на письма; до июля 1870 г. в конце номеров «Искры» значилось: «За редактора издатель В. Курочкин». I. Письмо с того света. *Без предварительной цензуры...* См. предыдущее примечание. *Новиков Н. И.* — передовой общественный деятель, писатель и журналист второй половины XVIII в.; издатель сатирических журналов «Трутень», «Живописец» и др.; в 1792 г. по приказу Екатерины II был арестован и просидел в Шлиссельбургской крепости до конца ее царствования. *Со внесением знатной суммы... залога.* Согласно закону о печати 1865 г. периодические издания, освобожденные от предварительной цензуры, вносили денежный залог. *Ведунью лягушачья языка.* В № 78 «Всякой всячины» была напечатана статья о «разговорах» лягушек в саду и об одной «большой надутой лягушке», которая, из гордости и равнодушия к общей пользе, молчала, «когда другие изо всей мочи кричали». Ответом на эту статью было письмо за подписью «Д. П.» в № 28 журнала М. Д. Чулкова «И то и се». По предположению П. Н. Беркова («История русской журналистики XVIII века», М. — Л., 1952, стр. 231) статья «Всякой всячины» была направлена против А. П. Сумарокова. *Издателю оной...* Долго считалось, что редактором «Всякой всячины» был один из секретарей Екатерины II

литератор Г. В. Козицкий, но на самом деле журнал выходил под негласным руководством самой императрицы. *В чем сатире состоять надлежало.* См. вступит. статью, стр. XL—XLI. *Правдулюбов* — псевдоним Новикова. *Гарпагон* — герой комедии Мольера «Скупой». *Что мне из книги г. Афанасьева... ведомо стало.* Афанасьев А. Н. — фольклорист и историк литературы. Его книга «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов» вышла в 1859 г. и послужила поводом для известной статьи Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины». Являясь одним из первых исследований о сатирических журналах XVIII в., до сих пор не потерявшим известного значения, книга Афанасьева отразила вместе с тем либеральные тенденции ее автора. Так, Афанасьев на первой же странице восторженно отзывается о «блистательном царствовании» Екатерины II, которое оказало «благотворное влияние на развитие отечественной литературы и журналистики». Это убеждение Афанасьева не раз сказывается при характеристике сатирических журналов. *Такальщики знатных господ* — льстецы, поддакивающие знатным людям. *За ведомость об одной знатной боярыне.* Имеется в виду заметка «Из гостиного двора» в № 4 «Трутня». *Асалоп* — салоп. *Ведь и мы полагали в наше время...* Дальше следует не совсем точная цитата из «Былей и небылиц» Екатерины II, печатавшихся в издававшемся при ее ближайшем участии журнале «Собеседник любителей российского слова». *Ведь и мы о тогдашних судах говаривали.* Дальше следует цитата из издания Василия Новикова «Театр судоведения или чтение для судей», т. 4, 1791. И эта и предыдущая цитаты приведены в статье Добролюбова. *Капнист В. В.* — драматург и поэт, автор комедии «Ябеда». *Катков* — см. стр. 642. *Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде и т. д.* — несколько измененная цитата из письма Чистосердова в № 8 «Трутня». *Там, где я нахожусь* — цитата из того же письма. *Один мой доброжелатель отписал в ведомости...* Речь идет о статье «Напоминание о Н. И. Новикове», появившейся в № 116 газеты «Голос» за 1868 г. *На столетнем о кончине его торжестве.* См. стр. 650. *Статья, напечатанная в начале этого нумера* — «„Искра" 1870 года» (см. стр. 599). *Век нынешний и век минувший* — цитата из «Горя от ума», слова Чацкого. II. Письмо подозрительного радикала. *Вы боитесь предостережений.* Согласно закону о печати 1865 г., периодические издания, освобожденные от предварительной цензуры, были подчинены судебной и административной ответственности; за «предосудительное» направление министерство внутренних дел объявляло им предостережения; после третьего предостережения

издание временно приостанавливалось или совсем прекращалось. *Après moi le deluge!* (После меня хоть потоп!). Слова «Après nous le deluge! (После нас хоть потоп!) приписывались французскому королю Людовику XV. *Parlons bas...* — цитата из стих. Беранже «Monsieur Judas»; см. на стр. 360 перевод Курочкина «Господин Искариотов». III. Анонимное письмо. *Домье О.*, *Кам* (псевдоним А. де Ноэ), *Гревен А.* — французские художники-карикатуристы. *«Весельчак»* — легковесный юмористический журнал, издававшийся в 1858—1859 гг. *«Свисток»* — сатирическое приложение к «Современнику». *Мы, кабинетные труженики...* Разумеется, это сказано иронически.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. С. КУРОЧКИНА[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, а вторая (курсивом) страницу примечания.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, а вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Василий Степанович
КУРОЧКИН

*Стихотворения. Статьи.
Фельетоны*

*Редактор Н. А. Золина
Художник Т. М. Правосудович
Художественный редактор
А. М. Гайденков
Технический редактор
Л. П. Крючкина
Корректоры В. Н. Вишнякова
и М. А. Рубинович*

Сдано в набор 13/VII 1956 г.
Подписано к печати 1/II 1957 г.
Бумага 84×108 1/32—23,62 печ. л. =
= 38,77 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
31,21 + 1 вкл. = 31,26 л.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 1439.
Цена 9 р. 85 к.

Гослитиздат.
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
„Печатный Двор" им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.